

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
Швеция

ЮХАН

ТЕОРИН

Мертвая

зыбь

*«Книга с большой буквы».
«Барометр»*

РИПОЛ КЛАССИК

Юхан Теорин
Мертвая зыбь

Johan Theorin
Skumtimmen

© Johan Theorin, 2007

© Перевод. Штерн С. В., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

*Герлофссонам – моим родственникам с
Эланда*

Эланд, сентябрь 1972 года

Вот и стена. Даже и не стена, а невысокая, чуть больше метра, изгородь, сложенная из поросших зеленовато-белесым лишайником камней. Но для мальчика это самая настоящая стена – чтобы за нее заглянуть, надо приподняться на цыпочки, а еще лучше – подпрыгнуть. Сейчас-то там, за стеной, густой молочный туман, ничего не видно, и можно подумать, что стена – край света. Ничего подобного. Он уже знает, что на самом деле все наоборот: за стеной мир только начинается. Большой мир за бабушкиным садом. Все лето мальчик строил планы – как бы заглянуть в этот мир. Узнать, наконец, какой он.

Дважды пытался перелезть через стену, но руки соскальзывали с камней, и он падал в мокрую траву.

Главное – не сдаваться.

И на этот раз он добился своего. Поставил ногу в еще вчера высмотренную щель, подтянулся и сел на холодные камни.

Наконец-то! Ему скоро исполнится шесть лет, а он еще ни разу не был за стеной.

А теперь сидит на ней, как король на троне.

Мир за стеной почти неразличим и от того кажется еще больше. Утром светило солнце, а после обеда на остров опустился густой туман. Пожухлая трава у стены, чуть подальше – расплывчатые ломаные контуры кустов можжевельника, несколько замшелых, почти ушедших в землю камней, – вот и все, что он видит. Похоже на бабушкин сад, но не совсем. Здесь, за стеной, все куда более дикое, волнующее и манящее.

Он лег животом на стену, осторожно поставил правую ногу на большой камень и спустился на землю. Никогда раньше он не бывал здесь без взрослых. Мама уехала по делам, дед пошел на берег. Мальчик дождался, пока уснет бабушка, надел сандалии и выскользнул из дома.

Полная свобода – можно делать все что хочешь. И, главное, никто не знает, где он. Настоящее приключение.

Мальчик нерешительно отнял руку от стены и сделал несколько шагов по редкой, уже мертвой траве. Дома, в саду, тоже лежала пелена тумана, но там все знакомо и не страшно, а здесь эти кусты... они похожи на нелепо изогнутые человеческие фигуры. Надо победить страх и подойти поближе.

Земля под ногами мягкая и податливая, и эта странная тишина...

Мальчик подпрыгнул и приземлился – почти беззвучно. Туман поглощал звуки, как вата. Он приподнял ногу – примятая трава тут же распрямилась. Ему понравилось прыгать – прыг-скок, прыг-скок. Беззвучно и красиво. Он допрыгал до ближайшего можжевельного куста, остановился, глубоко вдохнул пропитанный знобкой влагой воздух и огляделся. Стена еле различима в тумане, а их темно-красный дом вообще не виден. Вот это да!

Пора возвращаться. Назад по лужайке, перелезть через стену – и дома. Часов у него нет, а если бы и были... он еще не понимал значения и смысла времени. Но небо начало темнеть, к тому же становилось холодно. Дело к ночи, как говорит дедушка.

Еще немного вперед. Он же знает, где дом – у него за спиной. Его сейчас не видно, но он там. И бабушка наверняка еще не проснулась. Плотная пелена тумана прямо перед ним, в нескольких шагах – кажется, ее можно потрогать. Но каждый раз, как он делает шаг вперед, происходит маленькое чудо – туман, словно заигрывая с ним, отодвигается немного, не дается в руки. Как привидение, которое он недавно видел в мультфильме. Один раз ему все же удастся ухватить пригоршню тумана – ничего особенного. Холодный и липкий.

Мальчик остановился и затаил дыхание.

Тишина. Тени кустов застыли в той же позе, что и несколько минут назад, но мальчику кажется, что он не один.

Какой-то звук?

Мальчик быстро обернулся и взгляделся – теперь и стену не видно. Только трава под ногами и размытые контуры можжевельных кустов. Кусты не шевелятся, он знает, что кусты не живые... нет, наверное, все же живые, но по-другому, не такие живые, как он сам... но очень уж большие и страшные. Темные неподвижные фигуры... Ему показалось, что кусты его окружают. Отвернешься – делают шаг вперед, а стоит ему посмотреть, опять замирают.

Чуть поодаль торчат и другие кусты, он раньше их не видел. И больше ничего. Кусты и туман.

Мальчик уже не знал, куда идти. Ему стало очень страшно, и он побежал. Где же стена? Стены нет. Только рыжая остролистая трава и страшные кусты. Теперь он вообще ничего не видит – глаза застилают слезы.

Он резко остановился – у одного из кустов два ствола. Как это? Такого он никогда не видел. Куст зашевелился, и только теперь мальчик понял: это не куст. Это человек.

Он словно возник из тумана и остановился в десяти шагах от мальчика.

Огромный, в черной куртке. Расставил ноги в тяжелых сапогах и смотрит. Черная шапочка надвинута на лоб. Незнакомый дядька. Старый. Но не такой старый, как дедушка.

Мальчик замер. С незнакомыми надо держать ухо востро, говорит мама. Но теперь он не один. Не так страшно. А в случае чего можно повернуться и убежать.

– Привет, – тихо сказал незнакомец. Он тяжело дышит – наверное, быстро бежал. Или надышался тумана. В тумане трудно дышать.

Мальчик не ответил.

Незнакомец быстро огляделся, потом снова посмотрел на мальчика и спросил:

– Ты сам сюда пришел?

Мальчик молча кивнул.

– Заблудился?

– Да-а...

– Ничего страшного... Здесь, в альваре, я найду все что хочешь. С закрытыми глазами. – Он шагнул к мальчику. – Как тебя зовут?

– Йенс.

– А дальше?

– Йенс Давидссон.

– Вот и хорошо... а меня зовут Нильс.

– А дальше? – тоже спросил мальчик. На всякий случай.

Незнакомец коротко рассмеялся:

– Меня зовут Нильс Кант.

Йенс перестал оглядываться. Трава, камни, кусты – больше ничего интересного в тумане нет. И чужой дяденька, Нильс Кант. Улыбается, словно бы они уже подружились.

Туман, кажется, сгустился еще больше. Ни звука. Даже пения птиц не слышно.

– Не бойся, – сказал Нильс Кант и протянул ему руку.

Теперь они стоят совсем рядом.

Таких больших рук, как у Нильса Канта, Йенс никогда не видел. Чересчур уж большие руки, но бежать уже поздно.

1

Поздно вечером в октябре позвонил отец, впервые чуть ли не за год, и Юлии тут же представились белые кости, выброшенные волнами на каменистый берег.

Кости, белые, отшлифованные водой до перламутрового блеска, они фосфоресцируют на сером ракушечнике у самой линии прибоя.

Кости...

Эти кости сняты ей уже больше двадцати лет.

* * *

В это же утро она долго разговаривала со страховой кассой. Разговор получился неприятным. А каким еще он мог получиться? Этой осенью, да и вообще в этом году ей не удавалось ровным счетом ничего.

Как всегда, тянула до последнего. Не хотела слышать эти притворные соболезнования и фальшивые вздохи, но откладывать больше нельзя. Механический женский голос потребовал набрать персональный номер. Боясь ошибиться, она медленно нажала нужные десять цифр и очутилась в лабиринте каких-то неведомых коммутаторов, перебрасывающих разговор из одного пустого места в другое. Она долго ждала, смотрела в кухонное окно и прислушивалась к шуму в трубке, напоминающему журчанье далекого ручья. А если прижать трубку поплотнее, слышно эхо голосов неведомых д́ухов... глухие шепоты, потом отчаянные, тоскливые, словно умоляющие вскрики. Призрачный мир бесконечных телефонных сетей... но голоса-то ей знакомы. Эти же голоса она различает и в шуме кухонного вентилятора, когда выходит в кухню покурить. Гулкие пустоты вентиляционных шахт искажают звук, слов ей никогда различить не удастся. Впрочем, один раз все же услышала женский голос. «Да, теперь и в самом деле пора» – вот что было сказано. Громко и отчетливо. Но и все. Один раз, и никогда больше.

Ее запрос по-прежнему блуждал где-то в виртуальных катакомбах телефонной сети. За окном холодно, дует сильный ветер. Желтые березовые листья отрываются от мокрой мостовой и порхают, как бабочки в воздухе. Обочины у тротуаров забиты бурой кашей – это тоже листья, но их перемололи шины, им уже никогда не оторваться от земли.

А вдруг из-за угла сейчас покажется знакомое лицо? Вот же он! Йенс... как он одет! Темный пиджак, галстук... настоящий юрист! Аккуратная

стрижка, портфель в руке. Гордо посаженная голова, спортивный шаг. Сейчас он, конечно, заметит ее в окне, помашет рукой и улыбнется...

Шум в трубке внезапно прекратился, и после короткой паузы она услышала напряженный женский голос:

– Страховая касса, Инга.

Последнее время ее дело вела Магдалена. Или Мадлен? Какая разница, все равно Юлия никогда ее не видела.

Она глубоко вдохнула.

– Это Юлия Давидссон, не могли бы вы...

– Персональный номер.

– Я только что...

– У меня он не появился. Не могли бы вы еще раз...

Юлия назвала цифры, и все затихло. Даже обычного телефонного шороха не слышно. Может, она им так надоела, что ее отключили нарочно?

– Юлия Давидссон? – спросила чиновница, будто не слышала, что Юлия назвала свое имя в самом начале разговора. – Чем я могу быть вам полезна?

– Мне бы хотелось продлить...

– Что продлить?

– Больничный лист.

– А где вы работаете?

– В Восточной больнице, ортопедическое отделение. Медсестра.

Медсестра? В последние годы она работала так мало, что вряд ли кто в отделении помнил о ее существовании. И сама она вовсе не скучала по больным – это бесконечное нытье по поводу своих ничтожных болячек... знали бы они, что такое настоящее несчастье.

– У вас есть врачебное заключение?

– Да.

– Когда вы были у врача? Сегодня?

– Нет... в среду. У психиатра.

– А почему сразу не позвонили?

– Я очень плохо себя чувствовала после посещения, – сказала Юлия.

И до посещения тоже. То же давящее чувство томительной, неизбывной тоски.

– Вам следовало позвонить в тот же день...

Глубокий вздох.

– Ну, хорошо, – сказала чиновница, – на этот раз я сделаю для вас исключение.

– Спасибо... вы очень добры.

– Одну минутку...

Юлия посмотрела в окно. На улице никого. Нет... из-за угла вывернул мужчина. У нее сразу мучительно засосало под ложечкой, словно кто-то ткнул ей в живот ледяным пальцем. Нет. Это не Йенс. Слишком стар, лет, наверное, пятьдесят... лысый, в испачканном краской рабочем комбинезоне.

– Алло?

Маляр остановился у дома напротив, набрал код на домофоне и исчез в подъезде.

– Алло? Юлия?

Боже, это опять она.

– Да-да... я слушаю.

– Я отметила в вашем файле, что вы уже послали нам заключение врача. Вы ведь пошлете?

– Хорошо... Я... – Юлия замолчала, не зная, что сказать, и опять посмотрела в окно. – Мне кажется... – Она изо всех сил сжала телефонную трубку. – Мне кажется... завтра похолодает.

– Вот как, – сказала чиновница, нисколько, по-видимому, не удивившись. – Может быть. У вас ведь тот же номер счета, что и раньше?

Юлия не ответила. Ей хотелось прервать этот тягостный разговор, сказать что-то обычное, повседневное.

– Иногда я разговариваю с сыном, – сообщила она как можно более нейтрально.

Несколько секунд растерянного молчания.

– Это хорошо, – сказала чиновница, – но я, как мы уже говорили, отметила в вашем файле...

Юлия судорожно положила трубку и так и осталась в кухне. Смотрела в окно, и ей казалось, что беспризорные листья на тротуаре складываются в какой-то рисунок. Послание, которое ей не под силу расшифровать, сколько ни смотри. Опять холодный мертвый палец уперся в живот... Вот сейчас Йенс должен вернуться из школы.

Из какой школы! Что я, с ума сошла? С работы. Школу он давным-давно закончил.

Кем же ты стал в конце концов, Йенс? Пожарным? Адвокатом? Учителем?

Ближе к вечеру она сидела перед телевизором в своей однокомнатной квартире и смотрела научно-популярную программу о гадюках, а потом переключила на кулинарное шоу. Мужчина и женщина жарили мясо, а

потом начали это жареное мясо есть, поливали соусом и обменивались многозначительными взглядами. Гастрономическое порно.

Пошла в кухню проверить, не запылились ли винные бокалы в шкафу. Что ж, если посмотреть на свет, пылинки видны. Тщательно перетерла бокалы, один за другим. Двадцать четыре бокала. Она пользовалась ими по очереди. Каждый вечер два бокала красного вина. Иногда три.

Начинало темнеть. Юлия надела единственную оставшуюся чистую блузку и прилегла в постель рядом с телевизором. Внезапно зазвонил телефон. Она вздрогнула, но трубку не взяла. Вот еще! С чего этот дурацкий аппарат вообразил, что имеет над ней какую-то власть! Она вовсе не обязана брать трубку.

Звонки прекратились, но через минуту начались снова. Ну нет, решила она, меня нет дома. Вышла по важному делу.

Удобно: можно смотреть в окно, не вставая с постели, хотя видна только крыша дома напротив, еще не зажженные уличные фонари и голые верхушки деревьев. Небо с каждой минутой становилось все темнее и темнее.

Телефон зазвонил в третий раз.

Сумерки. Вот как это называется. Час сумерек.

Не буду вставать.

Телефон после нескольких звонков замолчал, но вскоре зазвонил опять. Фонарь за окном мигнул пару раз и начал медленно разгораться.

Все равно, день выдался неплохой.

Нет. Неплохих дней не бывает. Те, которые быстро проходят, лучше других, вот и все.

Одиночество.

Ребенок мог бы помочь. Микаэль хотел ребенка, сестричку или братика Йенса, но она сказала – нет. Не хватало решимости. И он со временем сдался.

Чаще всего ей оставляли сообщения на автоответчике, но не на этот раз. Совсем уже к вечеру она взяла трубку. Звездочка, сто тридцать три, квадрат. Новых сообщений нет. Тот же космический шум, похожий на журчанье далекого ручья.

Повертела трубку в руках, положила на место и открыла шкафчик над холодильником. Там стояла сегодняшняя бутылка – как всегда, красное вино.

Не надо притворяться, не перед кем. Это вторая бутылка. В обед она допила вчерашнюю.

Вытащила пробку – та, как и полагается, издала глухой булькающий

звук. Плопп. Выпила единым духом бокал и сразу налила второй.

По телу разлилось приятное тепло. А что там на улице? Уже совсем темно, жалкие островки бледного света от фонарей. А кто прячется в темноте? Не разглядеть. Наверняка кто-то прячется.

Юлия отвернулась от окна и выпила второй бокал. Сразу стало легче. Наконец-то улеглось напряжение после разговора со страховой кассой. Все хорошо, деньги ей переведут. Она заслужила и третий бокал. Его можно выпить постепенно, глотками. Перед телевизором. Или послушать музыку. Сати, к примеру. А потом выпить снотворное и уснуть, не дожидаясь полуночи.

И как раз в эту секунду опять зазвонил телефон.

После пятого сигнала она поднялась со стула, а после седьмого уже стояла в кухне. Восьмой, девятый... она сняла трубку и прошептала:

– Юлия Давидссон.

Журчание прервалось, и она услышала тихий и ясный мужской голос:

– Юлия?

Она сразу поняла, кто это:

– Герлоф?

Когда она в последний раз называла его папой?

– Да... это я.

Он замолчал. Юлия прижала трубку к уху.

– Мне кажется... я думаю, мне удалось кое-что узнать. Как все произошло...

– Что? – Юлия уставилась на пустую стену. – Что произошло?

– Ну, все это... с Йенсом.

– И что? – Она не отрывала взгляд от обоев. – Он мертв?

Она представила себя с номерком в руке. Ходишь и ждешь, пока вызовут. Вызвали – подходи к окну и получай решение. Опять подумала про белые косточки на берегу в Стенвике... но Йенс же так боялся воды.

– Юлия, ты же знаешь... скорее всего, да, но...

– Ты его нашел? – прервала она.

– Нет, но...

– И почему ты звонишь?

– Нет... я его не нашел. Но у меня есть...

– Тогда не звони! – взвизгнула она, зажмурилась и бросила трубку.

Номерок в руке, место в очереди. Только день неправильный. Ей не хотелось бы, чтобы Йенс вернулся именно сегодня.

Она бессильно опустила на стул и открыла глаза. Все та же тьма за окном, тусклый свет фонарей. Посмотрела на телефон. Поднялась и встала

рядом. Ждала звонка, но телефон молчал.

Только для тебя, Йенс.

Посмотрела на приклеенную много лет назад записку над хлебницей и набрала номер.

Отец ответил сразу.

– Герлоф Давидссон.

– Это я.

– Да-да... Юлия...

Он молчал. Юлия набрала полные легкие воздуха.

– Мне не следовало бросать трубку...

– Да...

– Это не поможет...

– Все бывает.

– Как у вас там погода на Эланде?

– Холодно и пасмурно, – сказал Герлоф. – Я сегодня даже не выходил из дома.

Он опять замолчал. Юлия перевела дыхание.

– Почему ты звонил? Что-то случилось?

Он ответил не сразу.

– Да... кое-что случилось... Но я ничего точно не знаю, – поспешно добавил он. – Не больше, чем раньше. Но кое-что случилось.

И я ничего не знаю, подумала Юлия. Прости нас, Йенс.

– А я-то думала... что-то новое.

– Я все время об этом думаю. Нам надо кое-что сделать.

– Сделать? Зачем?

– Чтобы идти дальше... Можешь приехать? – быстро добавил отец.

– Приехать, чтобы идти... очень заманчиво. Когда?

– Как только сможешь. Ты можешь понадобится.

– Я же не могу просто так сорваться и ехать. – Она постаралась, чтобы этот аргумент прозвучал достаточно веско.

А собственно, почему бы и нет? Она надолго на больничном.

– Скажи хотя бы, в чем дело.

Отец долго молчал.

– Ты помнишь... ты можешь вспомнить, как он был одет в *тот день*?

В тот день...

– Да...

Она сама одевала Йенса утром *того дня*. Только потом сообразила, что одела его по-летнему, хотя на дворе была уже осень.

– Короткие штанишки, желтые... и красный хлопковый свитерок, –

сказала она. – С Фантомом. Он ему достался от двоюродного брата, знаешь, такие картинки, которые можно переводить утюгом на ткань...

– А обувь?

– Сандалии... Коричневые кожаные сандалии на черных резиновых подошвах. Ремешок на правом оторвался, у большого пальца, на левом тоже еле держался... у него всегда так к концу лета. Я пришила – не покупать же новые, за зиму вырастет...

– Белыми нитками?

– Да, – быстро ответила Юлия и тут же задумалась. – Да... мне кажется, нитки были белые. А что?

– Старый сандалик лежит у меня на столе. Правый. Ремешок пришит белыми нитками... По размеру как раз на пятилетку. Говорю с тобой и смотрю на него.

У Юлии закружилась голова. Она прислонилась к разделочному столу, чтобы не упасть.

Герлоф продолжал что-то говорить. Но она положила трубку на рычаг и вдавила ее что было сил.

Номерок в очереди... скоро выкликнут ее имя.

* * *

Минут через десять она подняла трубку и вновь набрала номер Герлофа. Он ответил после первого же сигнала, словно дожидался ее звонка.

– Где ты его нашел? Где? Герлоф?

– Это все не так просто... Ты же знаешь... я теперь не так легок на подъем, Юлия. И с каждым днем все хуже и хуже. Потому-то я и прошу тебя приехать.

– Не знаю... – Юлия закрыла глаза, прислушиваясь к таинственному телефонному молчанию. – Не знаю, смогу ли я...

Она увидела себя. Вот она идет по каменистому берегу, осторожно поднимает маленькие белые косточки и прижимает к груди...

– Может быть, может быть, может быть...

– Что ты помнишь?

– Помню?

– Что ты помнишь из... того дня? Что-то... что-то особенное? Прошу тебя, подумай.

– Помню, что Йенс пропал. Он...

– Я говорю сейчас не о Йенсе. Что еще ты помнишь?

– Я тебя не понимаю.

– Помнишь туман? В тот день в Стенвике был туман.

Юлия помолчала.

– Туман... Да... туман.

– Подумай о тумане. Попытайся вспомнить туман.

Вспомнить туман... и вспоминать не надо. Туман – неременная составная часть всех ее воспоминаний об Эланде. Но не такой густой, как в тот день...

Конечно, она помнила *тот* туман. Густые туманы на севере острова – редкость, разве что иногда, осенью, натягивает с пролива. Холодные, липкие морские туманы.

Но что случилось в тумане в тот день?

Что случилось, Йенс?

Эланд, июль 1936 года

Человек, принесший впоследствии столько горя на Эланд, в середине тридцатых годов был десятилетним мальчиком, и звали его Нильс Кант. Загорелый, в коротких штанишках, сидел он на круглой скале и размышлял, что все вокруг – и большой дом на обрыве, и лодочный сарай, и каменистый берег, и огромное море, – все это его.

Это все мое.

Что правда, то правда – родне Нильса и в самом деле принадлежат бесчисленные земельные наделы на севере Эланда. Семья Кантов владела этими землями столетия, и, когда отец Нильса умер три года назад, мальчик понял, что должен управляться со всем этим огромным наследством сам.

Не то чтобы Нильс тосковал по отцу. Высокий, молчаливый и строгий, тот мало обращал внимания на детей, а иногда и поколачивал Нильса. Теперь в вилле над обрывом его ждала только мать, Вера. Так даже лучше.

Никто больше ему не нужен. Друзья? Он знал, конечно, что в прибрежных селах полно детей. Ребята постарше, в его возрасте, уже работают в каменоломне... но этот кусок берега – его, и только его. И никто не вправе претендовать на его собственность – ни рабочие на мельнице, там, наверху, ни рыбаки в своих похожих на сараи хижинах.

Он уже хотел соскользнуть с камня и искупаться.

– Нильс!

Нильс, не поворачивая головы, услышал, как осыпается гравий с откоса. Быстрые шаги.

– Смотри, Нильс! Мама и мне дала ириски! Целая куча!

Младший брат, Аксель, на три года младше Нильса. В руке – серый холщовый узелок.

– Посмотри!

Он развязал узелок и восторженно поглядел на Нильса.

Там был маленький перочинный ножик и ириски, светло-коричневые блестящие ириски.

Восемь штук. А он, Нильс, получил только пять. И давно их съел. Нильс разозлился, даже сердце забилося.

Аксель взял ириску, рассмотрел ее внимательно, положил в рот и уставился на поблескивающую под солнцем воду. Он жевал так тщательно и медленно, словно не только ириска, а все вокруг – и солнце, и берег, и

море, – все принадлежало ему.

Нильс отвернулся.

– Пошел купаться. – Он повернулся к Акселю спиной, снял шорты и вошел в маслянисто-прозрачную воду, осторожно балансируя на скользких зеленых камнях. Длинные космы водорослей приятно щекотали между пальцами.

Вода у берега теплая, прогретая солнцем. Этим летом Нильс научился плавать под водой. Надо набрать побольше воздуха, нырнуть и доплыть до каменистого дна, а потом – на поверхность. Солнце, когда вынырнешь, кажется еще ярче.

Аксель подошел поближе к воде.

Нильс скользит, плещется, переворачивается, опускает рот в воду и пускает пузыри. Вот – отплыл немного, там уже, наверное, и дна-то нет.

Чуть поодаль на дне лежит большой валун. До поверхности он не доходит, совсем немного, несколько сантиметров, но его видно – похож на дремлющего морского зверя. Нильс забрался на него, побалансировал руками и плюхнулся в воду. Нет, конечно, дна там нет. Вон как он колотит руками и ногами.

– Ты еще не научился плавать?

Он прекрасно знает, что нет. Аксель еще не научился плавать. Поэтому Аксель не отвечает, ему стыдно, он мрачно смотрит на брата из-под челки. Снимает шортики и кладет их на камень рядом с узелком с ирисками.

Нильс кружит вокруг подводного камня, сначала на животе, потом на спине – ничего нет проще, если умеешь. Опять выбирается на камень.

– Я тебе помогу! – кричит он Акселю.

Почему бы не поиграть в старшего брата и не научить Аксея плавать? Но это займет уйму времени...

– Давай сюда! – Нильс призывно помахал рукой.

Аксель осторожно входит в воду, нащупывает дно и балансирует руками, словно идет по канату над пропастью. Нильс молча смотрит на брата.

Четыре шага – и вода уже Акселю выше колен. Он останавливается и неуверенно смотрит на Нильса.

– Решишься?

Шутка. Почему не пошутить с братишкой...

Аксель мотает головой. Нильс спрыгивает с камня и плывет к берегу.

– Ничего страшного, – кричит он, сплевывая воду, – тут неглубоко, можешь идти по дну.

Он подплывает совсем близко. Аксель тянется к нему, но Нильс

уворачивается, и Аксель против воли делает шаг в глубину.

– Отлично! Смотри, вода тебе до пояса. Еще один шаг...

Нильс падает спиной в воду – смотри, какая мягкая вода, как она меня держит.

– Все умеют плавать, Аксель. Меня, например, никто не учил. Сам поплыл.

Он, медленно отталкиваясь ногами, плывет к камню. Аксель осторожно идет за ним, нащупывает ногами дно. Он уже зашел по грудь.

Нильс взбирается на камень.

– Еще три шага!

Не совсем, конечно, три – семь или восемь. Аксель делает шаг, другой третий... уже подбородок в воде, ему приходится вытягивать шею, чтобы не наглотаться соленой воды. До камня еще метра три.

– Дыши!

Аксель судорожно набирает воздух в легкие. Нильс сидит на камне и протягивает ему руку.

И его младший брат, сжав зубы, бросается вперед. Этого не следовало делать – он лихорадочно вдохнул, захлебнулся и отчаянно замахал руками, глядя на брата. До камня и в самом деле совсем чуть-чуть. Нильс смотрит несколько секунд на брата, спускается с камня и подтаскивает малыша к себе. Аксель, кашляя и плюясь, встает на камень. И тут Нильс произносит слова, которые все время крутились у него в голове:

– Запомни – берег мой! – бросается в воду, проплывает несколько метров под водой и в несколько взмахов преодолевает расстояние до берега.

Шутка удалась, можно насладиться ее плодами. Он прыгает на одной ножке, чтобы вытрясти воду из ушей и идет к уступу, где Аксель оставил свой узелок.

Шортики лежат рядом. Нильс поднял их, представил, что по шву ползет вошь, и с отвращением отшвырнул на камни.

Открыл узелок. Ириски сияют масляным шоколадным блеском. Достал одну, медленно отправил в рот и тут же услышал яростный вопль Акселя – без этого удовольствие было бы неполным. Не обращая внимания на протесты брата, он медленно прожевал ириску, взял еще одну и услышал плеск воды. Аксель спрыгнул с подводного камня.

Нильс уже обсох. Помочь ему, что ли? Нечего. Пусть учится. Он берет третью ириску.

Аксель отчаянно пытается вновь забраться на камень, но руки его скользят, и он раз за разом срывается в воду.

Нильс медленно жует ириску. На камень можно забраться только с разгона, а разве Аксель может разогнаться в воде? Конечно, не может. Куда ему...

Аксель прекращает попытки взобраться на камень и поворачивает к берегу. Отчаянно колотит руками по воде, но не продвигается ни на сантиметр. Он смотрит на Нильса расширенными от страха глазами и что-то кричит, Нильс не слышит, что именно, и отворачивается.

Вода смыкается у Акселя над головой.

Только теперь Нильс встает.

На секунду показывается голова Акселя, даже не голова, а мокрые волосы, и он опять уходит под воду. Несколько пузырьков воздуха – и все.

Теперь Нильс торопится. Он прыгает в воду и быстро плывет к камню. Но Аксель не появляется.

Нильс ныряет, но он еще не умеет открывать глаза под водой и изо всех сил шарит руками в холодной, тяжелой воде.

Акселя нет.

Он выныривает на солнце, откашливается и забирается на камень.

Кругом него только вода. Солнечные зайчики пляшут на легких волнах, а что творится под водой – не видно.

Аксель не появляется.

Нильс ждет и ждет, но ничего не происходит. Ему становится холодно стоять по щиколотку в воде, он плывет назад к берегу и долго стоит на солнце. Ждет – может, послышится знакомое плескание, но все тихо.

Все тихо. Даже трудно понять, как может быть так тихо. В узелке лежат четыре ириски. Он смотрит на них... все же начнут спрашивать – и мать, и другие. Нильс вспоминает бесконечный день, когда хоронили отца в марнесской церкви. Все были в черном и пели псалмы о смерти.

Он всхлипывает. Вот так, пожалуй, лучше всего. Он пойдет к матери, всхлипнет и скажет: Аксель остался на берегу. Он хотел остаться, мамочка, а я устал и замерз. А когда все начнут искать Акселя, он может вспомнить траурную музыку с отцовских похорон и всплакнуть вместе с матерью.

Надо идти домой – теперь он точно знает, что рассказать, а о чем умолчать.

Но сначала Нильс доедает оставшиеся четыре ириски.

2

Герлоф Давидссон сидел в своей комнате в доме престарелых в

Марнесе и наблюдал в окно, как заходит солнце. Колокольчик в столовой уже прозвонил в первый раз. Пора вставать и идти ужинать.

Если бы он жил у себя дома, в своем родном рыбацком поселке Стенвике, он бы обязательно дождался, когда солнце скроется за морским горизонтом. Но Марнес на восточном побережье острова, поэтому солнце исчезает на полпути, за березовой рощей у церкви. Сейчас, в октябре, березы стоят голые и словно протягивают руки к оранжево-красному диску солнца.

Час сумерек. Час жутких историй.

В Стенвике, когда Герлоф был еще маленьким, закат был сигналом к концу работы – и на полях, и в рыбацких хижинах. Все шли по домам, но лампы не зажигали – сэкономили керосин. Сидели в полутьме, вспоминали ушедший день, рассказывали детям страшные сказки.

Герлоф всегда считал – чем страшнее история, тем лучше. Рассказы о привидениях, дурных приметах, троллях, о необъяснимых смертях и исчезнувших в альваре людях. Как штормовое море выбрасывает на берег корабли и разбивает их о скалы.

Колокольчик зазвонил второй раз. Второй звонок. Как в театре.

Если попал в шторм с сильным навальным ветром – жди: рано или поздно киль начнет задевать камни на дне. Сначала проскребет слегка, потом сильнее, потом уже явственно чувствуются удары, трещит дерево обшивки. И это начало конца. Редко кому хватает умения, ловкости, а главное, удачи – заякорить лайбу^[1] и медленно, против ветра выбраться на глубокую воду. Море неумолимо – оно выбрасывает судно на прибрежные скалы. Экипаж чаще всего покидает его. Люди прыгают в холодные волны, пытаются вплавь выбраться на берег. Многие погибают, а те, кому удалось спастись, смотрят, дрожа от холода, как волны крошат их корабль.

Баржа, севшая на мель, похожа на брошенный в море деревянный гроб...

Последний, третий звонок. Герлоф встал, опершись на край стола, и поморщился. Ревматоидный артрит. Синдром Шёгрена, как они его называют. Посмотрел на кресло-каталку у ножного конца кровати. Нет уж. Никогда он не пользовался этой штукой в помещении, да и сейчас не будет. Взял палку, крепко сжал, чтобы отвлечься от боли в суставах, и двинулся в прихожую. Там на плечиках аккуратно висела его уличная одежда. На полу, бочок к бочку, башмаки. Он вышел в коридор и огляделся.

Отовсюду слышались шаркающие шаги – жильцы шли ужинать. Кто с

палкой, кто с ролятором. Обитатели марнесского дома престарелых. Некоторые оживленно переговаривались, другие шли, не поднимая головы.

Эти старики... Сколько знаний... сколько жизненного опыта, подумал Герлоф. Неужели все это никому не нужно?

– Добро пожаловать к столу! – Буэль, старшая сестра отделения, одаривала каждого привычно-ласковой улыбкой.

Старики тихо, не говоря ни слова, рассаживались на свои привычные места.

Так много знаний и умений... За одним столом с Герлофом сидят сапожник, церковный сторож и крестьянин. Время идет, сапоги теперь шьют машины, урожай тоже убирают машины. Их опыт и знания теперь не востребованы. А он сам? Он и сейчас может завязать штыковой узел с закрытыми глазами за три секунды... а кому это нужно?

– Слышал, Герлоф? Ночью будут заморозки, – неожиданно обратилась к нему Майя Ньюман. Он моргнул от неожиданности.

– Похоже на то. Ветер северный.

Майя сидела рядом с ним. Маленькая, худенькая... личико, как печеное яблоко, но всегда в хорошем настроении, куда бодрее и живее, чем остальные. Герлоф улыбнулся, она улыбнулась в ответ. Майя была одной из немногих, кому удавалось произнести его имя правильно. *Йерлофф*... именно *Йерлофф*, и никак иначе.

Майя тоже родом из Стенвика, но она еще в пятидесятые годы вышла замуж за фермера и жила к северу от Марнеса, а сам Герлоф, когда стал капитаном лайбы, переехал в Боргхольм, так что не виделись они больше сорока лет.

Отломив кусочек хрустящего хлебца, он начал медленно жевать, мысленно поблагодарив Бога – спасибо, Боже, что сохранил мне зубы. Волос нет, зрение тоже подгуляло, суставы хоть на помойку выкидывай, ничего не хочется... но зубы, слава Богу, свои.

Из кухни пахло капустой. Сегодня в меню капустный суп. Герлоф терпеливо ждал, пока сервировочная тележка доедет до их стола.

После ужина почти все пойдут смотреть телевизор.

Новые времена. Остовы разбившихся в незапамятные времена кораблей с берегов убрали, страшных историй в сумеречные часы никто не рассказывает. Зачем? Есть же телевизор...

Ужин закончился, и Герлоф вернулся в свою комнату.

Прислонил палку к книжной полке и вновь сел за письменный стол. За окном уже совсем темно. Если встать и наклониться над столом к окну,

можно различить поля к северу от Марнеса, а дальше – берег моря. Балтийского моря, где он провел почти всю жизнь. Но такие гимнастические упражнения уже были ему не под силу, поэтому приходится удовлетвориться созерцанием березовой рощи, той самой, где недавно садилось солнце.

Дом престарелых теперь назывался по другому, так решили власти. Но, сменив название, дом престарелых так и остался домом престарелых. Назови как угодно, хоть «домом мудрости»... какая разница? Дом, где одинокие старики и старухи ожидают смерти.

Рядом со стопкой газет лежит черная тетрадь. Сидеть и глазеть в окно над письменным столом ему надоело в первую же неделю пребывания в Марнесе, поэтому он пошел в село и купил в крошечном супермаркете толстую тетрадь в ледериновом переплете. И начал писать.

Записывал пришедшие в голову мысли, писал, что надо сделать, и вычеркивал по мере выполнения. Впрочем, на первой странице было крупно написано: «Побрейся!», и эту запись он не вычеркивал, поскольку бриться следовало каждый день.

А на самом верху первой страницы было написано вот что:

Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собой лучше завоевателя города^[2].

Это мысль поистине заслуживала размышлений. Герлоф начал читать Библию еще в детстве, и привычка эта сохранилась на всю жизнь.

В самом конце три пункта еще не вычеркнуты.

Заплатить по счетам за месяц.

Во вторник вечером придет Юлия.

Поговорить с Эрнстом.

Ну ладно... Счета за телефон, газеты, взнос за пребывание в доме и уход за могилой его жены Эллы могут потерпеть до следующей недели.

Юлия наконец пообещала приехать. Пусть хоть ненадолго задержится на Эланде. Это страшно – после стольких лет она по-прежнему вне себя от горя. Можно попытаться хоть как-то отвлечь ее от мыслей о пропавшем сыне.

Последняя запись тоже имела отношение к Юлии.

Эрнст, каменотес из Стенвика, один из немногих, кто не покинул родной поселок... Их осталось трое: Эрнст, Герлоф и его приятель Йон. Они говорили по телефону почти каждую неделю, а иногда собирались посумерничать, вспоминали разные истории. Герлофу это очень нравилось,

хотя большинство рассказов он уже слышал несчитанное количество раз.

Но как-то вечером, несколько месяцев назад, Эрнст зашел его навестить. На этот раз история была совершенно новой: он рассказал, как и кто убил его, Герлофа, внука Йенса.

– Я, знаешь, немало думал, как и что... – сказал тогда Эрнст.

– Вот как, – тихо поощрил его Герлоф, не вставая из-за стола.

– Что-то мне не верится, что твой внук ни с того ни с сего пошел к морю и утонул. Думаю, просто решил побродить в тумане. И там встретил убийцу.

– Убийцу?

Эрнст молчал, разминая руками колено.

– Какого убийцу? Кто бы это мог быть?

– Нильс Кант. Думаю, он встретил Нильса Канта в тумане.

Герлоф уставился на Эрнста с удивлением, но тот был совершенно серьезен.

– Думаю, так оно и было. Думаю, Нильс Кант шел домой с моря, не знаю уж, что он там делал, и опять...

Вот и все, что в тот раз сказал Эрнст. Он думает то, он думает это... Одна из очередных историй – из тех, что рассказывают друг другу в сумерках, – но Герлофу она почему-то запала в голову. Он надеялся, что в ближайшее время Эрнст зайдет и объяснит, до чего он докопался.

Герлоф рассеянно листал свои записи. Мысли попадались куда реже, чем деловые заметки, а листов осталось совсем мало.

Он захлопнул тетрадь. Сидел у стола и смотрел на покачивающиеся вершины берез на фоне темного неба, немного напоминающие паруса в ветреный день. Мимо медленно плывет эландский берег, всего-то темная полоска на горизонте, а если проложить курс поближе, можно различить и спускающиеся к воде тропинки, и деревья, и рыбацкие хижины... он попытался вызвать в памяти эту картину, но тут зазвонил телефон.

Герлоф даже вздрогнул – настолько резким показался звонок в вечерней тишине. Он не торопился брать трубку: всегда пытался по звонку угадать, кто звонит. Часто угадывал, но на этот раз уверенности не было.

Он взял трубку после третьего сигнала.

– Давидссон.

Молчание.

Но кто-то там есть, линия открыта. В телефонном кабеле тихо шуршат электроны, или что там у них шуршит в эти новые времена. Тот, на том конце провода, наверняка тоже слышит это шуршание, но молчит.

И Герлофу кажется – он знает, кто звонит.

– Это Герлоф, – опять представляется он. – Я его получил. Если ты насчет сандалика...

Шуршание электронов. Или это чье-то дыхание?

– Несколько дней назад получил по почте.

Молчание.

– Думаю, это ты мне его послал. Зачем?

Молчание, молчание...

– Где ты его нашел?

Герлоф поплотнее прижал трубку к уху, и вдруг ему показалось, что все вокруг исчезло – и он оказался в бескрайнем космосе, полном загадочными шорохами. Или ночью в открытом море.

Через полминуты на том конце кто-то тихо прокашлялся и повесил трубку.

3

Старшая сестра Юлии Лена Лундквист покрутила в руке связку ключей, оглянулась на сестру, окинула ее взглядом и снова уставилась на машину. Их общую машину.

Маленький красный «форд-фиеста». Не новый, но лак прекрасно сохранился, а летней резине нет и года. Машина стояла у въезда на красную кирпичную виллу в Торсланде. Дом принадлежал Лене и ее мужу, Рихарду. Большой участок. Моря из окон не видно, но близость его несомненна: в воздухе пахнет солью. Из дома донесся громкий смех. Значит, дети дома.

– Собственно, я... не знаю... когда ты в последний раз сидела за рулем?

Лена скрестила руки на груди. Она по-прежнему крутила ключи указательным пальцем.

– Прошлым летом, – робко сказала Юлия и тут же разозлилась на себя. Какое ей дело! – Не забывай, что это и моя машина... наполовину.

С моря подул холодный влажный ветер. На Юлии была только тонкая кофточка, но Лена не пригласила ее зайти. Да она бы и не пошла.

Судя по всему, Рихард был дома, а у нее не было никакого желания видеть ни его, ни их детей-подростков.

Муж Лены был каким-то промежуточным шефом на «Вольво», и у него, естественно, была служебная машина. Лена тоже хорошо устроена – директор средней школы в Хисинге. Словом, жизнь удалась.

– К тому же тебе эта машина не нужна. – Юлия постаралась, чтобы голос звучал твердо и уверенно. – Она просто стояла у тебя, пока... пока у меня не было желания садиться за руль.

Лена опять посмотрела на машину.

– Да-да... но Рихард два раза в месяц по субботам привозит свою дочь, а она хочет...

– За бензин я заплачу.

Она вовсе не боится старшей сестры. Никогда не боялась. Почему она должна ее бояться? А сейчас решила поехать на Эланд. Решила – и поедет.

– Конечно, заплатишь... разве в этом дело? Но что-то здесь... к тому же страховка оформлена так, что... в общем, Рихард говорит, что...

– Я еду на Эланд. Туда и обратно, в Гётеборг.

Лена оглянулась на дом. Почти во всех окнах за шторами горел свет.

– Герлоф настаивает, чтобы я приехала, – упрямо продолжила Юлия. –

Я с ним вчера разговаривала.

– Но почему ему пришло это в голову именно сейчас? – с нажимом спросила Лена и продолжила, не дожидаясь ответа: – И где ты там будешь жить? Ты же не можешь жить с ним в этом... заведении. У них, насколько мне известно, комнат для гостей не предусмотрено. А дом в Стенвике заколочен. Ты же знаешь... и вода отключена, и свет...

– Придумаю что-нибудь.

Странно – она и в самом деле об этом не подумала. Где она будет жить? Неважно. На месте решит.

– Значит, я беру машину.

Юлия почувствовала, что сестра готова уступить. Надо все решить до того, как появится Рихард и начнет выкладывать новые аргументы.

– Ну хорошо. – Лена пошла к машине. – Я только возьму кое-что...

Она открыла дверь, достала какие-то бумаги, темные очки и наполовину съеденную плитку шоколада «Марабу». Вернулась к Юлии, небрежно подняла руку, и ключи соскользнули в подставленную Юлией ладонь.

– Подожди-ка... возьми еще и вот это. – Она протянула Юлии черный мобильный телефон. – Мне только что выдали новый на работе.

Компактный. Может быть, не самый компактный, но все же.

– Я не умею им пользоваться, – сказала Юлия.

– Ничего нет проще. Вот тебе пин-код. – Она написала на бумажке четыре цифры и протянула Юлии. – Здесь и пин-код, и твой номер. Только запомни: когда звонишь, надо набирать номер полностью, с кодом города. Набрала номер – нажми вот на эту зеленую кнопочку. На счету осталось немного, а дальше будешь платить сама.

– Спасибо. – Юлия повертела телефон в руке.

– И езжай осторожно, – добавила Лена. – Папе привет.

Юлия кивнула и пошла к машине. Села, понюхала воздух – пахнет сестринными духами.

Уже смеркалось. Она ехала по Хисинге, на двадцать километров в час ниже ограничения, и думала о сестре. Почему они с Леной не могут смотреть друг другу в глаза дольше, чем несколько секунд? Раньше-то были очень дружны. Юлия, собственно, и переехала в Гётеборг, чтобы быть поближе к сестре, но теперь... Все изменилось с того памятного дня несколько лет назад. Лена пригласила сестру на ужин. В конце Рихард встал и заявил:

– Не понимаю, почему мы должны все время пережевывать эту грустную историю двадцатилетней давности? Нет, не обижайся, я просто

спрашиваю... мы и в самом деле должны?

Он был зол. Слегка пьян, голос хриплый... да никто ничего и не пережевывал – Юлия просто упомянула имя Йенса мимоходом, пыталась объяснить, почему у нее все время плохое настроение.

И вот тут Лена сказала фразу, из-за которой Юлия два года спустя отказалась ехать с ней на Эланд, чтобы помочь отцу перебраться в дом престарелых в Марнесе.

– Он не вернется, – сказал сестра. – Всем известно, что Йенс погиб. Даже ты это понимаешь, не так ли?

Не надо было, конечно, устраивать истерику в гостях, но не смогла удержаться... Юлия поморщилась от неприятного воспоминания.

Она поставила машину у дома и пошла упаковать вещи. Уложила одежду в расчете на десять дней отсутствия, туалетные принадлежности, несколько книг, пару бутылок красного вина и баночки с лекарствами. Съела бутерброд. Запила водой вместо вина и решила лечь пораньше.

Но сон не шел. Полежала немного, несколько раз перевернула подушку. Не помогло. Пошла в ванную и выпила снотворное. До утра пройдет.

Маленький башмачок. Детский сандалик.

Закрывает глаза и ясно увидела: она, совсем еще молодая мама, надевает на ножки Йенса эти самые сандалики. Грудь словно придавила невидимая тяжесть, ее даже зазнобило.

Сандалик... Единственный след. Двадцать лет поисков, сотни бессонных ночей.

Медленно, но верно начало действовать снотворное.

Хватит тьмы, успела она подумать, засыпая. Боже, помоги нам его найти.

Ночь показалась Юлии бесконечной. Быстро позавтракала, вымыла посуду, заперла квартиру и пошла к машине. Включила дворники – лобовое стекло за ночь густо облепили мокрые листья. Только начинало светать. Наконец-то после... Юлия и сама не помнит, после скольких лет она впервые покидает свою квартиру, свой город... Плотное утреннее движение, первые робкие лучи рассветного солнца. Последний светофор перед трассой услужливо переключился на зеленый, и она выехала за город.

Первые несколько километров ехала с открытым окном, чтобы избавиться от назойливого аромата сестриных духов.

Я еду, Йенс. Я еду к тебе, и никто меня не остановит.

Врачи повторяли в один голос: не следует разговаривать с мальчиком,

даже про себя. Это выводит вас из равновесия, мешает правильной оценке ситуации, нарушает концентрацию... мешает, нарушает, выводит, подрывает... и все равно, не было ни единого дня, чтобы она с ним не разговаривала.

За Бурсом автобан кончился, дорога стала намного уже, появилось встречное движение. Густой смоландский ельник подступал чуть не к дорожному полотну. В нем прятались остатки ночи. Можно было бы свернуть на какой-то из уходящих в лес проселков, поехать в неизвестном направлении... но съезды эти выглядели чересчур уж мрачными и негостеприимными. Юлия пересекала королевство с запада на восток и пыталась вызвать в себе чувство радости: в первый раз за столько лет сама, без сопровождающих решила покинуть дом.

Но радости не было.

Свернула на заправку, залила полный бак и поела. Качество жаркого явно не соответствовало цене.

Немного севернее Кальмара с материка на Эланд ведет мост... его открыли как раз в тот год, в ту осень, когда...

Не думать об этом. Не думать, пока не доберусь до места. Не думать, не думать, не думать.

Мост, высокий и красивый, прочно стоял на бетонных опорах. Порывы ветра, которые чуть не сдували машину с дороги, ему, похоже, были ни о чем. Широкий и прямой, он только в одном месте выгибался дугой, образуя... птичку, вспомнила она название. Да, так и называется: «птичка» – приподнятая часть моста для прохода судов. С этой высокой точки открывается головокружительный вид на плоский каменистый остров – огромный, вытянутый с юга на север.

Отсюда виден и альвар – поросшая травой и кустарником каменистая степь, покрывающая почти весь Эланд. А в небе плывут низкие темные облака, похожие на бесшумные воздушные корабли.

Наблюдать за птицами – любимое развлечение не только туристов, но и местных жителей, но Юлия не любила альвар. Он слишком велик. Если огромное небо вдруг вздумает свалиться на остров, защиты искать негде.

За мостом она свернула на север, в Боргхольм – прямая, как стрела, прибрежная дорога, несколько десятков километров. Машин навстречу почти не попадалось – туристский сезон закончился.

Юлия смотрела прямо перед собой, стараясь не глядеть ни на пустынный альвар – он внушал ей страх, ни на море слева – оно напоминало о сандалике с пришитым ремешком.

И что? Скорее всего, ничего он не означает, этот сандалик. Вообще не

имеет никакого отношения к Йенсу.

Дорога до Боргхольма заняла почти полчаса. Ей попался единственный перекресток со светофором, и Юлии вдруг захотелось свернуть направо, заехать в маленький прибрежный городок.

Она остановилась у кондитерской в самом начале Стургатан. Заезжать в гавань не хотелось. Рядом с главной площадью, наискосок от церкви, она когда-то жила с родителями. Пока у Герлофа была своя парусная лайба, удобнее было жить поближе к гавани. Дом ее детства. Почему-то казалось, что, если заехать на площадь, она встретит себя саму, свое привидение, девочку лет восьми или девяти... и у этой девочки, у этого маленького привидения вся жизнь впереди. Ей не хотелось видеть улыбающихся молодых людей с широким шагом – каждый из них мог оказаться Йенсом. Таких напоминаний хватало и в Гётеборге.

Юлия толкнула дверь в кондитерскую. Звякнул колокольчик.

Девушка за прилавком со скучающим видом приняла заказ: две коричные булочки и два сливочных пирожных с клубникой в желе. Себе и Герлофу.

На месте этой девушки могла бы быть она сама... но нет, вряд ли. Уже в восемнадцать Юлия покинула остров, успела пожить и в Кальмаре, и в Гётеборге. Там ей исполнилось двадцать два, там она встретила Микаеля и уже через несколько недель обнаружила, что беременна. Неугомонная была девушка... и куда только подевалась эта ее неугомонность? Ничего не осталось, даже после развода.

– Не так уж много народа, – сказала она, пока девушка доставала пирожные с застекленного прилавка. – Я хочу сказать, сейчас, осенью.

– Да, – ответила девушка без улыбки.

– Тебе здесь нравится?

Девушка тряхнула головой.

– Иногда... только делать нечего. Боргхольм живет только летом.

– Кто так считает?

– Все так считают. Стокгольмцы, по крайней мере.

Она завязала пакет с пирожными и протянула Юлии.

– Больше ничего не надо? Сорок восемь крон, спасибо.

Юлия покачала головой – нет, все в порядке. Это вам спасибо.

Ах, как много могла бы она рассказать этой девушке! И она когда-то работала в Боргхольме, в кафе в гавани. И она тоже была тогда почти подростком, и ей тоже было скучно, и она тоже с нетерпением ждала, когда же начнется настоящая жизнь. Ей вдруг захотелось рассказать этой девчушке про Йенса, про свою боль, про свою надежду, про маленький

сандалик...

Но она промолчала. В кондитерской было совершенно тихо, если не считать шипения вентилятора над головой.

– А вы туристка?

– Да... впрочем, нет. Не совсем. Я еду в Стенвик на несколько дней. У моего родственника там домик.

– Там сейчас как в Лапландии, – усмехнулась девица, протягивая Юлии сдачу. – Почти все дома стоят пустые. Можно делать все что угодно – все равно никто не увидит.

* * *

Юлия вышла из кондитерской и посмотрела на часы. Половина четвертого. Боргхольм и впрямь напоминал город-призрак. Не больше десятка прохожих, сонно ползущие немногочисленные машины – вот и все. Силуэт руин старинного замка с пустыми окнами-глазницами на горе.

Налетел порыв холодного ветра. Юлия поежилась и пошла к машине. Тишина такая, что ей стало не по себе.

На афишной тумбе ветер трепал обрывки поблекших афиш: новый американский триллер в кино, рок-концерт в развалинах замка, добро пожаловать на всевозможные вечерние курсы.

Она вдруг подумала, что никогда не бывала на Эланде в это время года – не считая детства, конечно. Не сезон. Эланд словно сбавил обороты. И Боргхольм тоже... Город на холостом ходу.

Она пошла к машине.

Я еду, Йенс.

Сразу на выезде из города снова начался альвар. Дорога повернула от моря и пошла вглубь острова, так же прямо. Когда-то, в незапамятные времена, жители острова пытались возделывать скудную почву, выкапывали из земли поросшие лишайником камни и клали стены, камень на камень, тщательно подбирая один к другому, как в пазле, без капли цемента, не перекладывать же с места на место... Они же служили и загородкой для скота. Бесконечные низкие стены виднелись тут и там, они покрывали весь альвар гигантским каменным узором. Интересно, как это выглядит с воздуха...

Юлия почувствовала нечто вроде приступа агорафобии – боязни открытых пространств. Ей очень хотелось выпить вина, по мере приближения к Стенвику все сильнее и сильнее. Она давала себе слово отделаться от этой привычки чуть не каждый день. К тому же за рулем – никогда и ни при каких обстоятельствах, но в этой пустыне... она

представила себе две бутылки в чемодане. Остановиться где-нибудь, запереться и выпить обе.

Дорога совершенно пуста. Ей повстречался только один автобус и какой-то отвратительно быстроходный трактор. Вдоль обочины мелькали желтые указатели с названиями деревень. Юлия помнила их с детства, могла бы пробубнить наизусть, как детскую считалку. Впрочем, кроме названий, она ничего про эти деревни не знала – каждый год ездили мимо, но никогда не заезжали. Для родителей существовали только Стенвик и летний дом, который они построили там в конце сороковых, задолго то того, как начал нарастать поток туристов. Осень, зиму и весну они всегда проводили в Боргхольме, но летом – Стенвик и только Стенвик.

Вдруг она решила – прежде чем ехать к Герлофу в Марнес, загляну в Стенвик. Кроме страшной памяти о том дне, с деревней было связано много хорошего – длинные, теплые, полные несбывшихся надежд солнечные дни...

Указатель она увидела издалека. «СТЕНВИК 1 км». Другой указатель, поменьше, с надписью «КЕМПИНГ», был крест-накрест залеплен черным скотчем. Юлия притормозила и свернула на проселок. Подальше от альвара, поближе к проливу.

Через пятьсот метров появились первые дома – все заколочены, окна закрыты белыми рулонными шторами. Киоск... здесь летом собирались жители поболтать о том о сем, обсудить деревенские новости. Никаких реклам, никаких вымпелов – витрина наглухо закрыта деревянным щитом. Рядом с киоском – указатель на кемпинг. Главное развлечение – поле для минигольфа, покрытое зеленым брезентом. Вспомнила: кемпингом управляет старый друг Герлофа.

Проселок шел почти до пролива, затем свернул на скалу над пляжем. Здесь тоже стояли заколоченные дома. Юлия притормозила немного и посмотрела на воду. Спокойные волны медленно накатывались на берег и с шипением отползали назад, оставляя за собой укатанную полосу мелкого ракушечника.

А вот и старая знакомая – ветряная мельница. Ей давным-давно никто не пользовался, она стояла на своих деревянных опорах на скале и медленно разрушалась. Когда-то была выкрашена в красный цвет, но сейчас не заметно и следов краски, а от ажурных лопастей остался только жалкий крест из потрескавшихся балок.

Вот она, в сотне метров от мельницы – отцовская рыбацкая хижина, он называл ее рыбарней. Юлия даже не сразу узнала ее. Был сарай как сарай, а теперь... Красные свежыкрашенные стены, белые рамы, просмоленная

крыша. Ремонт сделан совсем недавно. Интересно, кто этим занимался. Лена? Рихард?

В памяти сохранилась картина: Герлоф сидит на табуретке у крыльца, разбирает и штопает сети, а она, Лена и все их двоюродные братья и сестры бегают внизу по пляжу, с наслаждением вдыхая острый запах смолы и водорослей.

В *тот день*... как раз в тот день Герлоф разбирал какую-то особую сеть, специально для камбалы. С тех пор Юлия не любила рыбную ловлю.

А сейчас здесь никого. Сухая трава колеблется под ветром. Зеленая плоскодонка рядом с хижинкой – старая лодка Герлофа, рассохшаяся настолько, что через доски обшивки можно видеть небо.

Она выключила мотор, но так и осталась сидеть в машине. Идти некуда – дом закрыт на здоровенный деревянный засов с висячим замком. Окна, как и у всех, зашторены рулонными гардинами.

Пустой поселок больше всего напоминал театральные декорации. Спектакль закончился. Публика разошлась. Мрачный спектакль, подумала Юлия. Для меня-то уж точно мрачный. Мрачнее некуда.

Осталось только взглянуть на дачу Герлофа. Летний дом Герлоф построил своими руками – земля издавна была во владении его родни.

Она завела машину, доехала до развилки и свернула направо. Здесь росли низкие деревья, в какой-то степени защищавшие дома от зимних ветров. Интересно, она раньше никогда не замечала: деревья, все до одного, под постоянным напором ветра наклонились от моря.

Направо огромный полуразвалившийся дом. Желтая краска на фасаде облупилась, черепица потрескалась, поросла мхом. Юлия уже не помнила, чей это дом, помнила только, что когда-то он был богатым и ухоженным.

Направо шла узкая, заросшая желтой травой тропинка. Она узнала это место. Надела пальто и вышла из машины. Прохладный, свежий воздух. Кислорода наверняка вдвое больше, чем в Гётеборге. А то и втрое.

Снаружи было не так тихо, как в машине: шорох ветра в деревьях, тихое уханье прибоя с пролива. Но и всё – ни голосов, ни пения птиц, ни шипения шин проезжающих автомобилей. Ничего.

Девушка в кондитерской права: как в Лапландии.

До дачи было совсем близко. Со скрипом отворилась железная калитка в низкой каменной стене. Знакомый сад.

Я уже здесь, Йенс.

Выкрашенный красно-коричневой фалунской краской дом с белыми балками фундамента выглядел не таким заброшенным, как остальные дома в Стенвике. Но, конечно, если бы Герлоф здесь жил, он бы ни за что не

допустил, чтобы трава настолько заглушила тропинку. И опавшие листья сгреб бы, и сухую хвою. Отец – большой аккуратист; работает молча, методично и никогда не бросает дело на полпути.

Они вообще были работягами – и Герлоф, и особенно мать. Элла всю жизнь прожила домохозяйкой – иногда казалось, что она случайно забежала в этот мир из девятнадцатого века, из нищей эпохи, когда в жизни не было места ни смеху, ни развлечениям, когда бумажные полотенца сушили и пользовались ими повторно. Маленькая, тихая, упорная... ее королевством была кухня. С дочерьми она была довольно сурова. В лучшем случае потреплет по щеке, но чтобы обнять, поцеловать – такого заведено не было... а Герлоф почти все время проводил в море.

В саду все словно замерло. Юлия вспомнила – посередине газона когда-то стояла водяная колонка. Зеленая, метровой высоты, с большим краном и по-гречески фасонно изогнутой рукояткой. Куда она подевалась? Остался только выщербленный бетонный фундамент.

С восточной стороны сад огорожен невысокой каменной стеной, а за стеной, насколько глаз хватает – альвар. Если бы не редкие невысокие деревья, отсюда можно было бы увидеть шпиль часовни марнесской церкви. Да и сейчас его можно увидеть, если найти точку.

Юлию передернуло, она отвернулась и пошла к дому. Обошла шпалеры с буйно разросшимся диким виноградом и поднялась по каменным ступенькам – в детстве они казались огромными, как в египетском храме. Ступени вели к маленькой веранде с резной деревянной дверью.

Юлия потрогала ручку. Дверь заперта.

Вот оно, подумала она. Это и начало, и конец моего путешествия. Запертая дверь.

Странно, что отцовский дом все еще стоит на месте. После исчезновения Йенса... столько событий в мире! Образовывались новые государства, другие исчезали с карты, как будто их и не было. В Стенвике теперь почти никто не живет – разве что летом. А домик все стоит – такой же, каким был в *тот день*.

Она присела на ступеньку и с шумом выдохнула воздух.

Я устала, Йенс.

Она посмотрела на собранную когда-то Герлофом коллекцию камней. Можно, конечно, назвать это и коллекцией – камни лежали в куче, впрочем, куча имела форму пирамиды. На самой вершине лежал корявый, ноздреватый черный осколок – Герлоф утверждал, что это метеорит: прилетел с неба, со свистом и воем, и упал прямо в каменоломню. Было это, когда там работали и отец Герлофа, и дед... в восемнадцатом,

наверное, веке. До сих пор в каменоломне виден небольшой кратер. Посланец иных миров испещрен непочтительными нашлепками птичьего помета.

Йенс наверняка прошел мимо этого камня. Надел сандалики. Вышел из дому, где спала бабушка, и спустился по ступенькам в сад. Вот и все, что им известно. Что было дальше, не знает никто.

Вечером она вернулась с материка, предвкушая, как Йенс сломя голову бросится ей навстречу... а вышло, что ее встретили двое полицейских, рыдающая мать и мрачный, сосредоточенный отец.

Юлии страшно захотелось достать из багажника бутылку вина – сидеть здесь на ступеньках и пить, пока тьма не упадет на землю... но она преодолела этот импульс.

Декорации. И здесь декорации. Представление закончилось много лет назад, а декорации остались. Ее охватило парализующее чувство одиночества.

Она так бы и сидела неподвижно на каменных ступенях, если бы новый звук не вывел ее из забытья.

Автомобиль. Даже по звуку мотора можно было понять, что это какая-то очень старая, изношенная машина. Надтреснутое урчание все приближалось и приближалось. Она прислушалась. Машина остановилась где-то совсем рядом.

Юлия встала со ступенек. За забором стоял старенький пузатый «вольво-PV», модель сороковых или пятидесятых годов.

Скрипнула калитка. Она автоматически одернула пальто и пригладила волосы.

Шаги были короткими, но тяжелыми.

Как и старик, шедший ей навстречу. Он остановился в паре метров и грустно посмотрел на Юлию. Чем-то он напоминал отца, чем именно, она не смогла бы определить... может быть, кепка, или мешковатые брюки, или белый, ручной вязки свитер. Старый морской волк, шкипер... во всяком случае, чем-то он сразу внушил ей доверие. Впрочем, старик меньше ростом, а палка свидетельствует, что он давно уже не ходит под парусом. Руки покрыты старыми и свежими ссадинами.

Юлия была уверена, что когда-то встречала этого старика, но когда и при каких обстоятельствах, вспомнить так и не удалось. К тому же тогда он и не был таким уж стариком. Один из постоянных обитателей Стенвика. Сколько их осталось?

– Здравствуйте. – Она натянуто улыбнулась. – Добрый день.

– Добрый, – кивнул он. – Уже вечер.

Он снял кепку. Аккуратно зачесанные редкие седые волосы почти не прикрывают лысину.

– Вот... заехала.

– Да-да... как не заехать. Заехать – оно надо, – сказал он на таком сочном эландском диалекте, что Юлия невольно улыбнулась.

– Здесь красиво... Меня зовут Юлия, – добавила она после недолгого молчания и мотнула головой в сторону дома. – Дочь Герлофа Давидссона. Я из Гётеборга.

Он кивнул – а кто бы сомневался.

– Ну-ну... Эрнст Адольфссон. – Он повел рукой в неопределенном направлении. – Герлофа-то я знаю как облупленного... мы и сейчас иногда с ним языками чешем.

Теперь Юлия вспомнила. Эрнст Адольфссон, каменотес. Еще когда она была маленькой, на Эрнста смотрели, как на музейный экспонат.

– А каменоломня все еще на ходу?

Эрнст опустил глаза и поиграл желваками.

– На каком там ходу... Люди иногда приезжают набрать старых обломков... мусор. А добычи-то настоящей давно нет.

– Но вы-то работаете?

– Я делаю всякие штуки из камня. Искусство, одним словом. На продажу. Можешь прийти посмотреть. Нынче-то у меня посетитель, а завтра – милости прошу.

– Может, и зайду.

Денег на поделки из камня у нее все равно нет, но посмотреть-то можно?

Эрнст кивнул и повернулся, чтобы уходить. Юлия даже не сразу сообразила, что он посчитал разговор законченным. Но у нее-то были вопросы.

– Эрнст, – тихо сказала она, – вы ведь жили в Стенвике двадцать лет назад?

Он остановился и оглянулся.

– И двадцать, и пятьдесят.

– Я просто подумала...

Она замолчала. Ничего она не думала. Она хотела задать вопрос, но точно не знала какой.

– Мой ребенок тогда исчез, – выдавила она и почувствовала, что чуть ли не стесняется своей беды. – Мой сын, Йенс... вы ведь помните?

– Еще бы. – Эрнст коротко, по-деловому кивнул. Юлии понравилось, что он не старается изобразить сочувствие. – Мы этим занимаемся. Я и

Герлоф. Работаем.

– Но...

– Увидишь отца, скажи ему одну штуку...

– Какую штуку?

– Скажи: самое главное – большой палец. Вся рука – ладно, а вот большой палец не того...

Юлия уставилась на старика, пытаясь хоть что-то сообразить.

– Решим. Решим это дело... старая история, еще с войны... Но мы решим.

Повернулся и пошел. Враскачку, коротким, тяжелым шагом.

– С войны? – пролепетала Юлия ему вслед. – С какой еще войны?

Но Эрнст Адольфссон не удостоил ее ответом.

Эланд, июнь 1940 года

Телегу разгрузили на берегу до последнего камня, и тут же конная пара потащила ее наверх, в каменоломню, чтобы вновь загрузить вырубленным и уже обработанным известняком. Нудный, тяжелый труд, и уже полгода они делали все вручную: оба грузовика реквизировали для нужд армии.

Шла мировая война, а на Эланде продолжалась каждодневная работа, как и десять, и сто лет назад. Камень надо добывать, грузить на баржи и вывозить.

– Давай! – крикнул бригадир докеров Ласс-Ян Августссон.

Он командует погрузкой с борта большой лайбы «Ветер», дирижирует сухими, потрескавшимися от работы с грубым камнем ладонями. Докеры переводят дыхание в ожидании нового груза.

«Ветер» стоит на якоре в ста метрах от берега – на случай внезапного шторма. Пирса в Стенвике нет, а подводные камни только и ждут, чтобы расколошматить в щепки деревянную посудину.

Каменные блоки подвозят к барже два маленьких, водоизмещением в тонну, гребных яла.

У рулевого весла – семнадцатилетний моряк Юхан Альмквист, работающий в каменоломне уже больше двух лет. С левого борта – новичок, Нильс Кант, крупный и крепкий, несмотря на свои пятнадцать, парень.

После того как Нильс провалил выпускной экзамен в средней школе, мать послала его работать в принадлежащую их семье каменоломню – пусть понюхает настоящую жизнь. Вера определила его в гребцы. Но Нильс, конечно, знал, что рано или поздно управление каменоломней перейдет от дяди к нему, и он-то наверняка оставит глубокий след в горе. Перекопает весь Стенвик.

Иногда Нильсу снится, что он тонет... но вообще-то он почти и не думает про своего утонувшего брата Акселя. Никакое это не убийство – пусть деревенские сплетники болтают, что хотят. Несчастный случай. Тело Акселя так и не нашли. Пролив прячет свои жертвы. Несчастный случай, один из многих.

Единственное, что напоминает об Акселе – фотография в рамке на секретере. Они с матерью очень сблизилась после гибели младшего брата. Вера часто повторяет: Нильс – все, что у меня осталось. И Нильс ее понимает. Он и в самом деле осознает свою значительность.

Гребные ялы стоят у временных деревянных мостков, выдающихся в море метров на десять. Доставленные на телегах камни сложены кучей на берегу. В погрузке принимают участие чуть не все жители Стенвика – подростки, женщины, старики. Несколько мужчин, которых по каким-то причинам не взяли в армию. И девочки... Нильс то и дело поглядывает на Майю Ньюман в платье в красную шотландскую клетку. Он уверен – Майя знает, что он на нее поглядывает.

Мировая война нависла над Эландом, как грозовая туча. Уже несколько месяцев, как Норвегия и Дания оккупированы немцами – на удивление легко. Радио то и дело передает экстренные сообщения. Неужели Швеция и в самом деле вооружается на случай возможного нападения? В проливе видели чужой военный корабль; ходят слухи, что немцы уже на юге острова.

Если это и в самом деле так, люди знают, что помощи им ждать неоткуда. Не было случая в истории, чтобы королевство вовремя пришло на помощь острову. Не было такого случая.

Поговаривают, что военные, дабы воспрепятствовать вторжению немцев, собираются затопить северную часть Эланда. И это сейчас, когда земля в альваре только-только успела немного просохнуть! Звучит, как дурацкая шутка.

Иногда, как правило ранним утром, над проливом слышится отдаленный рев моторов. Все бросают работу и тревожно вглядываются в рассветное небо. Все, кроме Нильса: а вдруг и правда начнется бомбежка? Как это будет? Вой падающих бомб, море огня и дыма, плач, истерические выкрики, хаос...

Но самолеты не появляются, и все понемногу возвращаются к работе.

Нильс терпеть не может грести. Таскать тяжелые камни немногим лучше, но здесь-то... как только берешься за весло, начинает болеть голова, к тому же он все время на виду. Ласс-Ян, надвинув на глаза фуражку, наблюдает чуть не за каждым гребком и непрерывно что-то орет.

– Поднатужься, Кант! – вопит он, когда последний камень погружен в ял.

– Осторожно, Кант, ветер навальный! – Не успел Нильс взяться за весло после разгрузки. – Мостки обрушишь!

Нильс зло косится на десятника: это ведь *моя* каменоломня! Ну ладно, не *моя* пока, дядьки и матери. Что ж он орет на меня, будто я раб на галере. С первого дня! Будто не понимает, что это все – *мое*.

– Грузи!

Утром, пока еще не началась погрузка, люди веселы и бодры,

настроение чуть не праздничное, обсуждают вчерашние новости, но камни с их бессловесной тяжестью и острыми краями быстро заставляют умолкнуть. Спины согнуты, зубы сжаты, одежда в серой известняковой пудре.

Нильсу тишина не мешает, он все равно ни с кем не разговаривает, разве что когда без слов вообще не обойтись. Но на Майю Ньюман он все же поглядывает.

– Стоп! – кричит Ласс-Ян. Первый ял загружен так, что вода перехлестывает через борт.

Два грузчика садятся прямо на камни. С ними девятилетний черпальщик. Мальчонка, боязливо поглядывая на Нильса, тут же начинает отчерпывать воду.

Нильс упирается ногами в шпангоут и налегает на весло. Ял медленно двигается к лайбе – второй к этому времени уже разгружен.

Нагнулся, занес весло назад, гребок... вперед, назад, гребок... он уже натер мозоли, мышцы спины и рук болят все сильнее. Хоть бы немецкие бомбардировщики прилетели, что ли...

Грузчики пытаются удержать ял, но он настолько тяжел, что с натужным скрипом бьет в корпус баржи. Балансируя между камней, мужчины перебегают на нос и начинают один за другим подавать камни через релинг.

– Поживей, парни! – Ласс-Ян, расставив ноги, стоит на палубе. Грязная сорочка расстегнута, нешуточное загорелое брюхо торчит наружу.

Камни скользят по широкой, тщательно оструганной и ошкуренной доске в трюм.

Гребцы должны вместе со всеми перетаскивать известняк на баржу. Нильс выбирает камни полегче, но, как ни старается, один из них падает назад в ял, прямо на его левую ступню. Он вскрикивает от жгучей боли, в ярости поднимает чертов камень, бросает его в воду и садится на банку – плевать я на вас хотел! Затем осторожно развязывает шнурок на ботинке – вполне может быть перелом.

Последние блоки перекачывают на лайбу и уходят в трюм – окончательная сортировка происходит уже там, и нужны все люди – работы много. Рулевой Юхан Альмквист забирается на борт. В яле остаются только Нильс и мальчишка-черпальщик.

– Кант! – Ласс-Ян нависает над релингом. – Тебе что, отдельное приглашение посылать? Давай врубайся.

– Я повредил ногу. – Нильсу самому странно, насколько спокойно и весомо ему удастся произнести эти слова. В голове гудит целая эскадрилья

бомбардировщиков. Он кладет руку на весло. – Боюсь, пальцы сломаны.

– Ну-ка, встань!

Нильс поднимается. Нога уже вроде и не болит.

– Помогай грузить, Кант.

Нильс качает головой, берется за весло и вынимает его из уключины.

– Пальчик сломал... – нараспев произносит один из грузчиков, широкоплечий коротыш, имя его Нильс забыл. Он наклоняется над релингом. – Беги домой, к мамочке. Допрыгаешь на одной ножке?

– Ладно, не лезь. Я сам им займусь, – поворачивается к коротышу Ласс-Ян.

А вот этого ему делать не следовало: он не видел, как Нильс рванулся к нему.

Удар лопастью весла приходится Ласс-Яну в затылок, колени его подгибаются.

– Я твой хозяин! – рычит Нильс.

На этот раз удар приходится по спине. Десятник падает в воду, как мешок с мукой.

– Сволочь! – слышит Нильс чей-то голос, но ему все равно. Он убьет этого гада!

Следующий удар веслом приходится на протянутую из воды руку Ласс-Яна. Сухой треск ломающихся пальцев, и голова десятника исчезает под водой.

Нильс опять поднимает весло, но тут на его руку обрушивается удар, и весло сразу выпадает.

Он поднимает голову. Грузчик, тот самый, который советовал ему бежать к мамочке, смотрит на него с испугом, но глаз не отводит. В руках у него багор. Нильс перехватывает весло левой рукой и отталкивает ял от баржи.

Он гребет левой рукой, правая, похоже, сломана. Боль просто невыносимая. Мальчишка-черпальщик сидит на носу, словно парализованный.

Грузчик прыгает в воду и через несколько секунд появляется с безжизненным телом Ласс-Яна. Десятника вытаскивают на борт, делают, как умеют, искусственное дыхание. Наконец, после судорожного приступа кашля он открывает глаза. Ему повезло: плавать он не умеет. Почти никто в поселке не умеет плавать: Нильс – один из немногих.

Он смотрит на горизонт. В облаках появились прогалы и тут же наполнились ярким опаловым сиянием, море засверкало холодной рябью, как небрежно расправленная серебряная фольга.

Рука пройдет. Главное – он показал всем, кто хозяин в Стенвике.

Ял царапает прибрежные камни, Нильс с веслом в руке выпрыгивает в воду. На мостках собрались люди – мужчины, женщины, дети. Они молча, с испугом смотрят на него. Майя Ньюман вот-вот заплачет.

– Пошли-ка вы все... – рычит Нильс, швыряет весло на камни и бежит к матери, в их большую желтую усадьбу.

Мать не знает того, что знает сам Нильс. Никто этого не знает. Он предназначен для больших дел, куда больших, чем весь Стенвик, вместе взятый, может быть, даже больших, чем сама война.

Когда-нибудь о нем заговорит весь Эланд. Он это ясно чувствует.

4

В марнесском доме престарелых сидел в своей комнате Герлоф Давидссон и дожидался дочери.

Перед ним лежал свежий номер «Эландс Постен». В Кастлесе, на южной оконечности острова, исчез дементный старик восьмидесяти одного года. Ушел со своего хутора и бесследно исчез. Теперь полиция и добровольцы прочесывают альвар. Ночь выдалась холодной, и надежды почти нет.

Восемьдесят один год. Дементный старик. Герлоф всего на год моложе, ему скоро исполнится восемьдесят. Это еще не возраст... но старики ладно, это еще можно понять, а вот когда исчезают дети... Он сложил газету и посмотрел на часы. Четверть четвертого.

– Я очень рад, что ты приехала. – Герлоф вслушался, как это звучит, прокашлялся и продолжил: – Ты такая же красивая, как и была, Юлия... Я, может, не всегда был тебе хорошим отцом. Вы с Леной все время были с мамой, а я-то все в море и в море. Такая уж у меня работа была. Моряк – он и есть моряк. Семья на втором месте. Но теперь-то я тут и никуда уже не уеду...

Герлоф замолчал и заглянул в свою черную тетрадь, где записал сочиненное им обращение к дочери. Как только Юлия сообщила время приезда, он начал репетировать приветственную речь. Герлоф поморщился – слова так и звучали, словно он их репетировал. Отрепетированные слова. Отец не может так говорить с дочерью. Все должно быть по-другому. Обычное дело – отец и взрослая дочь.

– Рад, что приехала, – повторил он. Так лучше. Короче. Рад, мол, и все тут. – Ты такая же красивая...

Или очаровательная? Очаровательная... Милая, лучше сказать «милая».

Это слово подойдет лучше.

В четыре часа, за час до ужина, в дверь постучали.

– Да?

В дверь заглянула Буэль, старшая сестра.

– На месте, – кивнула Буэль кому-то в коридоре и тут же обратилась к Герлофу, погромче: – У вас посетитель, Герлоф.

– Спасибо.

Буэль улыбнулась и отступила в сторону.

Герлоф набрал воздуха и начал по-написанному, забыв, что хотел сократить вступление:

– Я очень рад, что ты приехала, ты такая же... – и осекся.

На пороге стояла немолодая женщина в мятом пальто. Она почти сразу отвела взгляд и обхватила обеими руками наплечную сумку, словно ища защиты.

Юлия выглядела намного старше, чем он представлял. Сильно похудела. На лбу морщины, усталые глаза, страдальческое выражение лица.

Постаревшая дочь. А сам он?

– Привет, Герлоф... – Она помолчала немного. – Как видишь, я приехала.

Герлоф кивнул. Отметил про себя, что она не решается назвать его папой, даже с глазу на глаз. Словно он ее дальний родственник.

– Доехала нормально?

– Да.

Она расстегнула пальто, повесила на крючок в прихожей и поставила сумку на пол. Герлофу показалось, что все это Юлия проделала через силу, что каждое движение ей в тягость. Он хотел спросить, не больна ли она, но удержался.

– Вот оно как... – Он помолчал. – Не вчера это было...

– Четыре года... даже больше.

– Перезванивались, по крайней мере.

– Да... я хотела помочь с переездом, но что-то... – Юлия замолчала.

– Обошлось, – кивнул Герлоф. – Помощников хватало.

– Это хорошо...

Она огляделась и села на край аккуратно застеленной постели.

Герлоф вдруг вспомнил заготовленную речь.

– И раз уж ты здесь, мы с тобой должны кое-что...

– Где она у тебя? – прервала его Юлия.

– Кто?

– Не кто, а что. Сандалия. Ты же понимаешь.

– А, сандалия... Сандалия в столе. – Герлоф внимательно посмотрел на дочь. – Но в первую очередь...

– Покажи! Я тебя очень прошу!

– Ты разочаруешься. Ну что... башмак – он и есть башмак...

– Я хочу его видеть, Герлоф.

Юлия резко встала. До сих пор на лице ее не промелькнуло даже тени улыбки, а в глазах застыло такое отчаяние, что он засомневался – стоило ли звонить ей? Но что сделано – то сделано, повернуть время не в его силах.

И все же Герлоф попытался затянуть разговор.

– Ты одна приехала?

– А с кем я могла приехать? Кто бы это мог быть?

– Не знаю... отец Йенса. Матс... ведь его звали Матс?

– Микаэль... Нет, он живет в Мальмё. Мы давно не поддерживаем отношений.

– Вот оно как...

В комнате опять воцарилось тягостное молчание, и тут Герлоф вспомнил еще одну деталь.

– Ты подумала, о чем я тебя просил по телефону?

– А о чем ты меня просил?

– Ты подумала, какой густой туман был в тот день?

– Да... подумала. А при чем тут туман?

– Я думаю... думаю, все могло бы быть по-другому, если бы не туман.

И вообще – как часто бывают туманы на Эланде?

– Не часто.

– Вот именно. Не часто. Два-три раза в год от силы. И многие знали, что будет туман. Об этом было в прогнозе.

– Откуда тебе это известно?

– Я звонил метеорологам. У них хранятся все прогнозы.

– И ты считаешь, что туман так важен?

– Да... кто-то воспользовался туманом. Кто-то, кто не хотел бы, чтобы его видели в этих местах.

– В этот день?

– Вообще.

– Значит, кто-то воспользовался туманом... чтобы похитить Йенса?

– Не знаю... вряд ли у него была такая цель. Кто мог знать, что Йенс именно в этот день решит прогуляться? Никто. Йенс, думаю, и сам-то не знал... случай подвернулся, вот и все. – Герлоф заметил, что губы у Юлии

сжимаются все плотнее. Так было всегда, когда речь заходила об исчезновении Йенса. – Но туман-то точно... люди знали, что днем упадет туман.

Юлия словно и не слушала. Она, не отрываясь, смотрела на письменный стол.

– Вот об этом и стоит подумать. – Герлоф внимательно посмотрел на Юлию. – Кому был выгоден туман в тот день? Кому...

– Могу я посмотреть? – прервала его Юлия.

Он пожал плечами, выдвинул ящик стола и достал завернутый в гляцевую бумагу предмет. Совсем крошечный, весит, наверное, несколько десятков грамм, не больше, успела подумать Юлия.

5

Герлоф возился со свертком, а она смотрела на его руки. Руки старика – морщинистые, в пигментных пятнах, мертвенно-голубые прожилки сосудов. Пальцы дрожат... он неуклюже разворачивал бумагу, и этот шелест казался ей грохотом.

– Тебе помочь?

– Нет... все нормально.

Ну что он так долго возится? А может, нарочно медлит?.. Наконец Герлоф отодвинул бумагу.

Сандалик лежал в прозрачном полиэтиленовом пакетике. Она не могла отвести от него глаз.

Не плакать, подумала она. Только не плакать. Всего-навсего сандалик. Но все равно, глаза зашипало, и она сморгнула слезу. Черная каучуковая подошва, коричневые кожаные ремешки, пересохшие и потрескавшиеся. За столько лет...

Сандалик, маленький стертый сандалик...

– Не знаю, его ли это башмак. Насколько я помню, похож, но ведь может быть...

– Это его сандалик. Йенса, – глухо вымолвила Юлия.

– Нельзя быть чересчур уверенным. Чрезмерная уверенность – это плохо.

Юлия не ответила. О какой «чрезмерной» уверенности он говорит? Она знала точно. Вытерла слезы и осторожно подняла пакетик.

– Я положил его в пакет сразу, как прислали... Могут быть отпечатки пальцев и все такое.

– Да, я понимаю...

Это же так просто... Ты – мама. Ты надеваешь сандалики на своего маленького сына – поднимаешь с пола в прихожей, они же почти ничего не весят... садишься на корточки, а он держится за твою блузку и молчит... или лопочет что-то, а ты слушаешь вполуха, потому что надо заплатить по счетам, купить продукты, и муж неизвестно где...

– Я учила Йенса надевать сандалики самостоятельно. Это заняло все лето... – Она через силу улыбнулась, в первый раз за все время. – Все лето! Но к осени он уже справлялся сам... Потому-то и удрал в тот день. Сам надел сандалии. Зачем я его научила? Если бы он не умел...

– Не думай об этом. Ты сама знаешь, что это не так.

– Ты не понял... Я научила его надевать сандалии, чтобы самой это не

делать. Время сэкономила...

– Ты не должна себе винить.

– Спасибо за совет... Вообще-то я занимаюсь этим уже двадцать лет.

Наступила гнетущая тишина. Юлия вдруг поняла, что белые детские косточки на каменистом берегу в Стенвике ушли в прошлое. Теперь она видела перед собой Йенса, своего сыночка, как тот, высунув язык от усердия, застегивает непослушными пальцами ускользающие ремешки.

– Кто нашел сандалик?

– Не знаю... Прислали по почте.

– От кого?

– Отправитель не указан. Пришел коричневый конверт, а что там на штемпеле, я так толком и не разобрал. Но, похоже, отправлен отсюда. С Эланда.

– И никакого письма?

– Ничего.

– И ты даже не предполагаешь, кто его послал?

– Нет, – сказал Герлоф, не глядя Юлии в глаза. Уставился на стол и замолчал. Догадывается, решила Юлия, но говорить не хочет.

Она вздохнула.

– Но есть и еще дела. – Герлоф почувствовал, что надо прервать молчание. «Есть еще дела». На большее его не хватило.

– Какие дела?

– Ну...

Герлоф растерянно поморгал и уставился на дочь. Забыл он, что ли, зачем ее вызвал? У Юлии тоже словно отшибло память. Она вдруг сообразила, что даже не поинтересовалась, как живетя отцу, не посмотрела его комнату. Сандалик занимал все ее мысли. Только подержать в руке.

Она огляделась. Про себя отметила, где расположены кнопки вызова персонала, – как медсестра. А как дочь... как дочь она обнаружила, что отец перевез с дачи все памятные предметы. Три лакированные дощечки с названиями его парусных лайб... «Летящая по волнам», «Ветер» и «Нор»^[3]. Дощечки были аккуратно прибиты над черно-белыми фотографиями судов. Капитанский сертификат в рамке под стеклом, украшенный несколькими печатями, в том числе сургучной. На книжной полке – судовые журналы в кожаных переплетах, а рядом – две крошечные модели парусников, каждая в своей бутылке.

Прямо как в музее мореходства, подумала Юлия. Ни пылинки, все блестит. Она вдруг поняла, что завидует отцу, – он может жить здесь со

своими воспоминаниями и не входить в контакт с внешним миром, где надо все время к чему-то стремиться, доказывать, что ты молод, умен и полон энергии. Он не должен ничего и никому доказывать.

На ночном столике – Библия в черном переплете и несколько баночек с лекарствами. Юлия покосилась на письменный стол.

– Ты даже не спросил, как я себя чувствую, Герлоф, – тихо сказала она.

Герлоф наклонил голову.

– А ты даже не назвала меня папой.

Молчание.

– И как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– По-прежнему работаешь в больнице?

– Да... – Она решила не говорить, что давно уже на больничном. Зачем ему это знать? – По дороге заехала в Стенвик, посмотрела на твой летний дом.

– Молодец. И как там?

– Как обычно. Заколотен.

– Стекла целы?

– Целы, целы. Там был один старик... Вернее, его там не было.

Пришел, когда увидел, что я приехала.

– Наверное, Йон. Или Эрнст.

– Он представился как Эрнст Адольфссон. Вы же старые знакомые.

Герлоф кивнул:

– Скульптор. Старый каменотес. Вообще-то он из Смоланда, но...

– ...но даже несмотря на то, что из Смоланда, хороший парень, – насмешливо подсказала Юлия. – Ты это хотел сказать?

– Он в Стенвике с незапамятных времен.

– Да... я вспомнила его. Знаешь, он бормотал что-то невнятное, про какую-то историю еще с времен войны... Какую войну он имел в виду? Вторую мировую?

– Он присматривает за домом. Живет-то недалеко. Рядом с каменоломней. Сейчас камень не добывают, бедняга подбирает из того, что осталось. Раньше там пятьдесят человек работало, а теперь один Эрнст... Он мне немного помогает прояснить всю эту историю.

– Эту историю? Ты хочешь сказать... то, что случилось с Йенсом?

– Ну да. Мы немало про это говорили... Ты надолго?

– Да... – Юлия не была готова к этому вопросу. – Не знаю.

– На пару недель можешь задержаться? Хорошо бы...

– Это очень долго, – сказала Юлия. – Мне надо домой.

– Надо? – Герлоф словно бы удивился и покосился на сандалию.

Юлия проследила его взгляд.

– На какое-то время останусь, – быстро сказала она. – Если нужна помощь...

– Помощь с чем?

– Помощь с тем... не знаю. С тем, что мы должны сделать. Чтобы жить дальше, – повторила она отцовскую фразу из телефонного разговора.

– Вот и хорошо.

– И что же мы должны сделать?

– Поговорим с людьми. Послушаем, что говорят. Раньше всегда так делали...

– Ты хочешь сказать... с людьми? Со многими людьми? Их было много?

Герлоф посмотрел на сандалию.

– Ты не так поняла... я хочу поговорить с теми, кто здесь живет. На Эланде. Кто-то обязательно что-то знает.

Прямого ответа от него не добьешься... В Юлии зашевелилось раздражение. Охотнее всего повернулась бы и ушла, но раз уж она здесь... К тому же у нее с собой пирожные.

Я останусь, Йенс. Ради тебя я останусь на несколько дней.

– А кофе здесь есть?

– Обычно есть.

– Тогда давай попьем кофе с пирожными... А где мне остановиться? У тебя есть предложения? – спросила она, чувствуя себя до отвращения предусмотрительной. Точно, как ее старшая сестра.

Герлоф повернулся к столу, выдвинул маленький ящик и нашарил связку ключей.

– Вот... сегодня можешь переночевать в моей рыбацкой хижине... Там есть свет.

– Но я же не могу... – Юлия пристально посмотрела на Герлофа. Смотри-ка, заранее все спланировал. – Там же сплошные сети... и всякие снасти! Поплавки, грузила... банки со смолой. Попадусь на какой-нибудь крючок и останусь там навсегда.

– Ничего такого там давно нет. Я уже сколько лет не рыбащу... Никто в Стенвике не рыбачит.

– Я помню, сколько там было всякого барахла... Не войти, – сказала Юлия. – Помню, как...

– Там все прибрано. Твоя сестра позаботилась.

– Значит, я ночую в Стенвике? Одна?

– Это только кажется, что в поселке никого нет. Люди там есть... есть, есть там люди.

Через полчаса Юлия стояла на берегу в Стенвике и молча наблюдала, как сгущаются сумерки. Облака не рассеялись, по небу то и дело пробегали таинственные темные тени. Безумно хотелось выпить стакан вина... или два. Или принять таблетку.

Это все из-за волн. Сейчас море успокоилось, волны с еле слышным шорохом шевелили мелкие камушки на берегу. А скоро настанет время осенних штормов, и они, вышиной с человека, с глухим грохотом покатаются на берег, принося с собой все что угодно – обломки затонувших кораблей, дохлую рыбу, человеческие кости.

Юлии вовсе не хотелось искать что-то в камнях. После того дня она ни разу не купалась в море.

Она резко отвернулась от моря и посмотрела на отцовскую рыбацкую хижину на обрыве. Домик казался маленьким и одиноким.

Так близко к тебе, Йенс.

Зачем она взяла у отца ключи и согласилась переночевать в этом сарае?.. Впрочем, какая разница. Одна ночь. Темноты она никогда не боялась, а к одиночеству давно привыкла. Одна ночь. Или две. А потом домой.

Юлия поставила дорожную сумку на ступеньки и отперла висячий замок на белой двери. Порыв ветра с пролива буквально втокнул ее в темные сени.

Дверь за ней захлопнулась, и сразу исчезли все звуки – шипение волн, шелест последних сухих листьев. В хижине стояла мертвая тишина.

Она нашла выключатель.

Герлоф не соврал. Здесь все по-другому, совсем не так, как ей помнилось с детства. Хижина изменилась не только снаружи, но и внутри.

Тогда это был просто-напросто сарай для рыболовных принадлежностей – пропахшие рыбой сети, подсачки, вентеря, сломанные поплавки и пожелтевшие газеты. Сестра все перестроила. Деревянные панели, лакированный дощатый пол. Холодильник, электрообогреватель, небольшая настольная электроплита у окна с видом на берег. Под окном напротив, выходящим в сторону острова, на столике – бронзовый корабельный компас с деталями из полированной латуни. Еще одно напоминание о годах, проведенных Герлофом в море.

Легкий запах корабельной смолы. Юлия подняла рулонную гардину, открыла маленькое окно и с наслаждением вдохнула свежий морской

воздух. Что ж, вполне можно жить. Никаких особых неудобств, не считая одиночества.

Наверное, ближайший сосед – Эрнст Адольфссон с каменоломни. Юлии почему-то захотелось, чтобы он вот сейчас, в эту самую минуту выехал на проселок на своем древнем «вольво-RV». Даже посмотрела в окно над компасом. Дорога пуста. Только рыжая трава слегка колыхается под ветром. Даже неприменные чайки куда-то исчезли.

Две узкие постели. Она положила чемодан на одну из них и начала распаковывать вещи. Одежда, несессер, запасные туфли... а на самом дне – пачка романтических покетов из «розовой» серии. Юлия читала их, только когда ее никто не видит. Перебрала книги и положила на стол рядом с кроватью.

На стене около двери висело небольшое зеркало в полированной деревянной раме. Юлия подошла поближе. Морщины, потухший взгляд... но ей показалось, что серый оттенок кожи, к которому она уже привыкла в Гётеборге, исчез. Щеки порозовели – наверное, от морского воздуха.

И чем заняться теперь? В киоске рядом с домом престарелых она купила пару безвкусных сосисок, так что есть не хотелось.

Почитать? Нет...

Выпить вина? Еще рано.

Погулять, вспомнить...

Юлия вновь спустилась на берег и пошла вдоль линии прибоя. Идти с каждым шагом становилось все легче, словно к ней вернулось чувство равновесия. Вернулось из детства, когда она, как коза, скакала по прибрежным камням и даже не думала, что можно упасть или хотя бы поскользнуться.

Наискось от хижины она наткнулась на Серый Глаз. Он все еще был на месте, хотя ей показалось, что расстояние до линии прибоя стало меньше – вода и лед медленно и неотвратно волокли его в море. Серый Глаз – продолговатый, метровой высоты валун, похожий на лошадиную спину, – когда-то был ее камнем, ее, и ничьим больше. Она и сейчас не удержалась – ласково похлопала его по шероховатому боку. За эти годы он стал меньше, врос в землю. А может, ей просто показалось.

И мельница не такая большая, как помнилось. Собственно, это самое высокое сооружение в Стенвике: старинный ветряк, поставленный на обрыве, в двухстах метрах от рыбацкой хижины Герлофа.

Юлия подошла, хотела подобраться поближе, но откос слишком крут – отсюда не заберешься.

Еще дальше на юг, там, где залив глубже всего врезался в сушу, стояло еще несколько заброшенных рыбацких хижин. Она остановилась и посмотрела на море. Отсюда виден Смоланд – серая ровная полоска на горизонте. И пустынное, словно доисторическое море... Ни корабля, ни парусника, ни даже лодки. Пусто. Жизнь на планете еще не зародилась.

Юлия медленно обвела взглядом окружающий ландшафт. Медлен но и внимательно, словно пейзаж заключал в себе загадку, и эту загадку можно решить, если найти недостающие части уравнения.

Если и в самом деле случилось то, чего опасались все, если Йенсу удалось добраться до воды, то именно здесь, где-то совсем поблизости, шел он... один, *один*... маленький мальчик в густом тумане. Можно было бы и сейчас поискать его следы, хотя их искали тысячу раз. Искали все – она сама, соседи, полиция... весь Стенвик.

Еще несколько сотен метров, и она дошла до каменоломни. Собственно, это уже не каменоломня – скорее, призрак каменоломни. Добыча знаменитого эландского известняка давно прекратилась. Деревянный щит в чешуе облупившейся краски с названием предприятия все еще стоял у дороги. Дорога уходила в альвар и сразу исчезала за высокой стеной обрыва. Юлия подошла поближе к скале, под прямым углом уходящей в море.

Выработка сравнительно неглубокая, четыре или пять метров, но площадь огромная, в несколько футбольных полей. Жители острова добывали здесь камень с незапамятных времен, а потом – всё. Как обрезало. В детском сознании Юлии это запечатлелось именно так – одномоментное событие. Закончили работу, пошли по домам и больше не вернулись. Внизу так и лежали готовые к отправке, но невостребованные каменные блоки.

По другую сторону каменоломни она заметила несколько странных фигур; до них было довольно далеко, к тому же с каждой минутой становилось темнее, так что деталей различить никак не удавалось. Юлия не сразу сообразила: это же каменные скульптуры! Те самые «штуки, искусство, одним словом», о которых говорил Эрнст Адольфссон. Ряд скульптур разного вида и размера. А прямо на краю каменоломни стоял камень высотой в человеческий рост с устремленным в небо заостренным концом. Может быть, модель марнесской часовни.

За каменными статуями дом, темно-красный параллелепипед, вписанный в плоский пейзаж альвара с низкими деревьями и кустами можжевельника. Рядом – пухлый силуэт древнего «вольво». Во всех окнах горит свет.

Надо рассмотреть как следует эти скульптуры, когда будет светло. Завтра с утра.

Отсюда видно было и Голубую Русалку, маленький серо-голубой холмик на горизонте. Этот крошечный островок называли еще Ведьмин остров – там, по островной легенде, ведьмы собирались в Вальпургиеву ночь пировать и совокупляться с сатаной. Никто там не жил, но туристов легенда привлекала, и на островок устраивали дневные экскурсии на баркасе. Юлия тоже там была, еще девочкой, – в весенний солнечный день они поехали всей семьей: Герлоф, Элла, Лена и она. На берегу лежало множество красивых, обточенных водой камней, но Герлоф предупредил, чтобы девочки не брали их с собой – это приносит несчастье.

Мне-то это не грозит, подумала она, у меня и так вся жизнь – сплошное несчастье.

Повернулась и пошла назад.

Через двадцать минут Юлия сидела в хижине, слушала собачьи завывания опять усиливающегося ветра и – на удивление – не чувствовала усталости. В девять часов открыла один из захваченных с собой любовных романов под названием «Тайны старинной усадьбы», но дело шло туго. Захлопнула книгу и долго смотрела на компас, ни о чем не думая.

В Гётеборге она сейчас сидела бы в кухне с бокалом красного вина и смотрела на уличные фонари.

А в Стенвике совершенно темно.

Она вышла пописать, поскользнулась на камне во дворе и чуть не упала. Моря уже не видно, доносятся только вздохи прибоя и строптивное ворчание уносимого водой галечника. Ветер и в самом деле усилился – по черному небу неслись еще более черные тучи. Наверное, так выглядят злые духи.

Юлия присела на корточки. Ветер приятно охлаждал голые ягодицы. Она вспомнила историю с привидением, объявившимся в начале века на берегу.

Эту историю рассказывала им как-то в сумерках бабушка Сара, мать Герлофа. В один прекрасный день ее муж с братьями спустились к воде, чтобы вытащить на берег свои рыбацкие баркасы, – надвигался шторм.

И вот они стояли у вспененной воды и тянули свои тяжелые баркасы, как вдруг из темноты появился мужчина в клеенчатом комбинезоне и начал тянуть одну из лодок назад, в море. Мой отец, а ваш прадедушка – на него: что ты, мол, делаешь, а тот как закричит на ломаном шведском, кричит и кричит, понять невозможно. Отец только одно слово и

разобрал:

– Эсель! Эсель!

Юлия покосилась на тропинку, быстро натянула трусы и джинсы и поспешила в хижину, в тепло. Заперла на всякий случай за собой дверь и тут же вспомнила, что надо дойти до дачи... до летнего дома и принести ведро воды. В хижине воды не было.

А через пару дней после сильного шторма пришла новость: на скалы у северной оконечности Эланда налетел корабль, волны разбили его вдребезги. Корабль эстонский, с острова Эсель. Было это четыре дня назад. Никто из экипажа не спасся, так что тот мужчина в комбинезоне, которого они повстречали на берегу, к тому времени был уже мертв. Утонул.

Бабушка серьезно покивала головой.

Береговое привидение.

Юлия поверила в эту историю. Она верила во все, что рассказывали долгими сумеречными часами ее бабушки и дедушки. Где-то наверняка бродит этот утонувший эстонский моряк, одинокий и несчастный.

Не буду выходить из дома. Обойдусь без воды, зубы можно почистить завтра.

На окне стояли толстые красные стеариновые свечи. Перед тем как лечь, Юлия нашла зажигалку, зажгла одну из них и долго смотрела на колеблющийся язычок пламени.

Эта свеча за Йенса. И за его мать. За меня.

В неверном свете свечи она приняла важное решение: сегодня никакого вина. И никаких снотворных. Она должна бороться со своим горем. Оно везде, не только в Стенвике. Стоит ей встретить юношу на улице, она чувствует укол тоски.

Взгляд ее упал на маленькую записную книжку на постели. Лена же дала ей мобильный телефон, вспомнила она. Юлия полистала книжку, нашла нужный номер и набрала.

Телефон работал. Два сигнала, третий. Четвертый...

– Алло!

Сонный мужской голос.

Она посмотрела на часы – половина одиннадцатого, будний день, так

что позвонила она поздновато. Но что сделано, то сделано.

– Микаэль?

– Да.

– Это Юлия.

– Юлия? Привет, Юлия.

Странно, удивления в голосе нет. Только усталость. Она попыталась представить, как сейчас выглядит Микаэль, и не представила.

– Я на Эланде. В Стенвике.

– Вот как? А я в Копенгагене, как обычно. Уже спал.

– Я знаю, что поздно. Извини. Хотела только рассказать, что появился новый след.

– След?

– Я насчет Йенса. Нашего сына.

Он помолчал.

– След, значит...

– Так что я приехала сюда. Думала, тебя тоже надо поставить в известность. Не то чтобы что-то очень уж важное, но все же, может быть...

– Как ты себя чувствуешь, Юлия?

– Хорошо... я дам тебе знать, если что-то важное...

– Конечно. Смотри-ка, у тебя сохранился мой номер. Но лучше звонить пораньше.

– Договорились, – быстро сказала она.

– Пока.

Микаэль положил трубку. Юлия некоторое время, ни о чем не думая, смотрела на молчащий телефон. Вот так. Телефон работает. Проверка прошла успешно, только абонент выбран неправильно. Надо было позвонить кому-то еще.

Микаэль очень быстро преодолел шок после пропажи Йенса. Он, как и многие, был уверен, что мальчик пошел к воде и утонул. Иногда она ненавидела его за эту убежденность, а иногда судорожно завидовала.

Прошло несколько минут. Юлия погасила свечу, выключила свет и легла в постель – не раздеваясь, в джинсах и свитере. И чуть ли не в ту же минуту тучи, весь вечер кочевавшие в небе, разразились, наконец, проливным дождем.

Дождь начался сразу, без подготовки. Дробный стук струй по железной крыше... Юлия лежала в темноте и прислушивалась к журчанию ручейков, где-то совсем рядом. Страху не было – отцовская хижина пережила за свой век столько штормов и столько ветров, что и на этот раз ей ничего не

грозит. Она закрыла глаза и тут же уснула.

И не услышала, как дождь через полчаса прекратился так же внезапно, как и начался.

Не услышала шагов в каменоломне.

Она не слышала ничего.

Она спала.

Эланд, май 1943 года

Раньше у Нильса были только берег и Стенвик, а теперь он полноправный хозяин альвара, со всех сторон подступающего к поселку. Когда матери не нужна помощь в доме или саду, он бродит по окрестностям – широким шагом, с рюкзаком за спиной и дробовиком в руке.

Зайцы обычно до последнего прячутся в кустах, и только когда уж совершенно уверены, что обнаружены, срываются с места и удирают огромными, а для их размера просто гигантскими прыжками. Тут уж вопрос, насколько быстро успеешь прижать к плечу приклад. Поэтому Нильс всегда настороже. Он на охоте.

Дом и альвар. Это его мир. После инцидента с Ласс-Яном несколько лет назад мать запретила ему появляться в каменоломне. Никто не хотел иметь с ним дела. Собственно, Нильс и сам туда не рвался. Прощения он не попросил. Единственное, что его раздражало, – мать выплатила Ласс-Яну жалованье за несколько недель, пока заживали сломанные пальцы.

Черт бы его подрал. Сам во всем виноват.

У Нильса тоже осталась память об этой драке: два сломанных пальца на левой руке. Он отказался идти к врачу, поэтому кости срослись плохо, пальцы почти не сгибались. Большое дело – он же не левша, и с ружьем управляется прекрасно.

Люди в поселке его избегают, но и это его мало трогает. Несколько раз он встречал Майю Ньюман на улице, она поглядывала на него, но, как и остальные, не здоровалась и не заговаривала. Глаза у нее, конечно, красивые – большие, голубые... подумаешь. Обойдемся и без нее.

Мать подарила ему двустволку «хускварна», и этого общества ему вполне достаточно. Всех подстреленных зайцев он отдавал ей, так что незачем покупать мясо задорого у жадных односельчан.

На горизонте маячит силуэт марнесской церкви, но Нильсу никакие ориентиры не нужны. В лабиринте длинных каменных изгородей, среди валунов, кустов и бесконечных степных просторов он чувствует себя как дома.

Справа, чуть впереди, – небольшой, сложенный из камней курган. Это память – когда-то, за много веков до рождения Нильса, в незапамятные, в общем, времена, какой-то сумасшедший пастух убил здесь то ли пастора, то ли епископа. Люди до сих пор кладут камешки на могилу, курган растет со временем... Нильс камней не кладет, но курган ему нравится – здесь

очень удобно присесть и поесть.

Самое время посмотреть, что там у него в рюкзаке. Он идет к кургану, откидывает в сторону несколько камней и садится поудобнее с рюкзаком на коленях.

Два бутерброда с сыром, два – с колбасой. Запотевшая бутылочка молока. Это дала ему мать. И коньяк в плоской жестяной фляжке – это он уж сам позаботился, отлил из бутылки, которую мать припрятала в дальнем углу нижнего ящика буфета.

Нильс отвинтил крышку, сделал большой глоток коньяка, закрыл глаза и с наслаждением прислушался к горячей волне, пошедшей от глотки по всему телу. Открыл пакет с бутербродами.

Он ест и пьет, не открывая глаз. И думает неизвестно о чем.

Почему не известно? Очень даже известно. Например, об охоте. Пока не удалось подстрелить ни одного зайца, но весь день впереди.

О войне. Война по-прежнему заполняет все выпуски новостей. Не успеешь включить радио – война, война, война...

На Швецию пока никто не напал, хотя летом сорок первого три немецких морских охотника подорвались на минах к югу от Эланда. Больше ста гитлеровских солдат утонули или погибли в разлившемся горящем мазуте. А на следующее лето почти все жители острова были убеждены, что теперь-то войны не миновать – немецкий бомбардировщик по какой-то причине сбросил свой груз в лесу неподалеку от руин боргхольмского замка. Оказалось, по ошибке.

Взрывы были слышны даже в Стенвике. Нильс тогда проснулся от дальнего глухого грохота и долго, не мигая, с бьющимся сердцем всматривался в темноту за окном. Он мог бы поклясться, что слышит рев моторов улетающих «мессершмиттов». Хорошо бы они сбросили свои бомбы здесь, в Стенвике.

Но оккупация Швеция так и не состоялась, а теперь Гитлер уже опоздал. Нильс читал в «Эландс Постен», что после лютой зимы и кровопролитных боев целая армия немцев сдалась в плен под Сталинградом. Гитлер, похоже, обычный неудачник.

Ржание за спиной. Конь. Он вздрогнул, открыл глаза и повернулся. Даже не один, а четыре – два гнедых, два белых, молодые, с блестящей шерстью. Они широкой дугой обогнули курган, копыта почти бесшумно опускались в траву, поднимая невесомые облачка пыли.

Кони. В альваре они собираются табунками и скачут, куда хотят. Нильс выискивал зайцев и даже не обратил внимания, что повсюду лежат яблоки конского помета.

Эти, похоже, трусили куда-то в определенном направлении, ровно и целеустремленно, но, когда Нильс, свистнув, засунул руку в рюкзак, вожак замедлил бег и повернул к нему голову.

За ним, как по команде, остановились все и стали смотреть на Нильса. Один пригнул голову, будто хотел понюхать, чем пахнет трава в альваре, но сам весело косился на Нильса – рассчитывал, наверное, на кое-что получше.

Нильс зашелестел пустыми пакетами в рюкзаке, а правую руку спокойно положил на камни кургана.

Кони остановились в нерешительности, заскребли копытами землю. Нильс продолжал теревить пакеты. И вожак, гнедой жеребец, решился и сделал шаг по направлению к Нильсу. Остальные с раздувающимися ноздрями последовали за ним.

В пяти метрах вожак остановился.

– Иди, тут пожрать дают, – напряженно улыбается Нильс.

Зайца так не подманишь. Только лошадь.

Вожак мотает головой, фыркает и делает шаг вперед. И тут Нильс быстро поднимает руку с кургана и хватает первый попавшийся камень.

Прямое попадание! Камень угодил вожаку почти между глаз, чуть ниже, и он вздрагивает, как от удара током. Конь быстро поворачивается, натывается на стоящего сзади и шарахается в панике.

Нильс швыряет второй камень, плоский и острый, как лезвие доисторического топора.

Камень попадает коню в бок. Отчаянное ржание. Остальные осознают опасность, разворачиваются и с места берут в галоп. Топот копыт, прямо как в вестерне.

Третий камень мимо, а с четвертым он опоздал – кони уже далеко.

Но Нильс успевает заметить струйку крови на боку у вожака. Рана, судя по всему, глубокая, быстро не заживет. Нильсу интересно найти тот камень, посмотреть, есть ли на нем кровь.

Топот постепенно замер, и опять все тихо в альваре. Нильс присаживается на курганчик и слегка улыбается – вспоминает, какой идиотский вид был у вожака, когда он угодил ему камнем в морду.

Хвостатая нечисть.

Он показал им, кто истинный хозяин в альваре. Продолжая улыбаться, Нильс шарит на дне рюкзака – не положила ли мать ириски, которые он так любит?

Жизнь, и без того не особенно шумная в марнесском доме престарелых, к вечеру окончательно замерла. Герлоф сидел у стола перед раскрытой тетрадью и вертел в руке шариковую ручку.

Ему ничего не составляло уговорить себя, что не так уж он стар, как ему кажется, что сил еще много, что вот передохнет пару минут, встанет. Переменется на пружинистых ногах и двинется в путь.

В путь. Туда, на берег в Стенвике. Столкнуть плоскодонку и грести к кораблю, стоящему на рейде. Сняться с якоря, поднять паруса и плыть. Туда, в большой мир.

Герлофа всегда волновала мысль, что он, эландский каботажный шкипер, может плыть, куда ему вздумается. Немного удачи, много умения, надежная оснастка и хороший запас провианта – иди куда хочешь, в любую гавань, а потом возвращайся домой. Вот это и называется свободой.

И тут прозвонил колокольчик на ужин – и он словно очнулся. Очнулся в своем дряхлом, бессильном теле. Негнущиеся суставы, а руки... с такими руками взяться за фал – куда там!

Быстро они пролетели, годы на море. И было-то их не так уж много. В конце двадцатых годов он плывал первым помощником с отцом на его галеасе «Ингрид Мария». Лет через пять отец окончательно сошел на берег, стал судовым маклером, а Герлоф унаследовал корабль, переоборудовал и поменял название на «Ветер». На континент и обратно. Пиломатериалы и дрова из Смоланда на Эланд. Камень – с Эланда в Смоланд. Так он стал капитаном большой лайбы в двадцать два года.

Во время Второй мировой войны работал лоцманом. Дважды ему приходилось видеть, как самонадеянные капитаны, уверенные, что знают лучший и более безопасный фарватер, отказывались следовать за лоцманом-ведущим. Оба раза все кончилось одинаково – направились на минные поля и ушли на дно вместе с экипажем.

В те годы все моряки жили в постоянном страхе. Мины были везде. В кошмарном сне, который иногда повторялся и сейчас, многие годы спустя, Герлоф видел одну и ту же картину: он стоит у релинга над спокойным, прозрачным морем. Заходит солнце, более мирного и красивого пейзажа и вообразить нельзя – красота неопишная, воплощение радости и покоя. И вдруг он видит прямо у борта большую черную мину. Мина старая, ржавая, покрыта водорослями, но рожки детонаторов на месте. Через несколько секунд они прикоснутся к корпусу, и раздастся взрыв. Ветра почти нет, лайбу не остановить, не повернуть, она в полной тишине медленно, очень

медленно скользит навстречу неминуемой гибели... и в этот момент он просыпается. Всегда. Как тогда, так и теперь.

После войны он купил свою вторую лайбу, «Летящую по волнам». Эта была побольше и понадежнее, и он начал регулярные рейсы между двумя «хольмами» – из Боргхольма в Стокгольм и обратно, через канал в Сёдертелье. Туда возили красный известняк, спрос на эландский камень благодаря послевоенному строительному буму возрос многократно. На обратном пути лайбу грузили горючим, штучными товарами, известью. Он знал все суда, встречавшиеся ему в гаванях, знал их капитанов, так что, если что случалось, всегда можно было рассчитывать на помощь товарищей.

И конкуренции-то тогда не было, а если и была, ее никто не замечал – все старались помогать друг другу. Герлоф прекрасно помнит декабрьскую ночь пятьдесят первого, когда на «Летящей» начался пожар. Лайба стояла на якоре в Энгшё. Загорелось льняное масло в трюме – Герлоф и его первый помощник Йон Хагман еле успели выбраться на палубу, прежде чем вспыхнул весь корабль. Плавать никто из них не умел, но рядом стояла на якоре лайба из Оскархамна, и она приняла их на борт. А «Летящая»... с «Летящей» ничего не оставалось делать, как обрубить якоря и пустить дрейфовать факелом в ночи.

Для Герлофа это зрелище полыхающего во мраке корабля так и осталось символом эландского судоходства... хотя в те дни он так не думал. Надо было бы, конечно, тогда и завязать – морская коллегия никакой его вины в произошедшем не нашла, но он из чистого упрямства потратил страховые деньги на покупку моторной баржи и продолжал еще девять лет. «Нор». Его последняя баржа, самая красивая из всех, с великолепно выгнутой кормой и уютно тарахтящим керосиновым двигателем. Тух-тух-тух... Ему и сейчас, когда он засыпал, чудилось иногда его симпатичное ворчание. Но смазывать эту древнюю пыхтелку надо было каждый час.

В шестидесятом он принял окончательное решение – продал «Нор» и пошел работать в коммунальную контору в Боргхольме – началась иная, сидячая жизнь с письменным столом вместо капитанского мостика. Главное ее преимущество – он мог каждый вечер возвращаться домой, к Элле. Детские годы дочерей прошли мимо, а теперь он был с ними, видел, как они растут, превращаются в девушек. И когда младшая дочь, Юлия, забеременела в конце шестидесятых и родила, Герлофу было совершенно все равно, замужем она или нет. Он обожал малыша. Внука.

Йенс Герлоф Давидссон.

И наступил этот проклятый день.

Осень. Юлия готовилась к выпускному экзамену на курсах медсестер и могла почти все время проводить с сыном. Отец Йенса, Микаэль, был где-то на континенте. Юлия оставила сына на Герлофа и Эллу и уехала в Кальмар – зачем, он не помнил, может, просто захотела прокатиться по новому мосту. После утреннего кофе Герлоф отправился в рыбацкую хижину – собирался завтра на зорьке поставить сети на камбалу, и надо было их разобрать. Йенс остался с бабушкой.

Сидя на пороге хижины, Герлоф видел, как с пролива поднимается туман. Со времен своего морячества он ни разу не видел такого густого тумана. Остров погрузился в молочный кисель, ему даже стало зябко, точно он стоял на палубе. За несколько минут мир стал неразличимым, ничего не было видно, кроме колеблющегося жемчужного марева.

Надо было бы пойти домой, к Элле и Йенсу. Но он остался на часок – не любил бросать работу на полпути.

Вот так оно и было. Но, поскольку он никуда не уходил из хижины, а со слухом у него тогда все было в порядке, он был уверен: в тот день Йенс не спускался к воде. Никто ему не верил, кроме разве что Юлии. Но он знал точно: Йенс к воде не спускался. Тогда бы Герлоф его услышал. Туман, конечно, приглушает звуки, но он бы услышал. Нет, Йенс не утонул, что бы там ни говорила полиция. И тельце его не утянуло на дно Кальмарского пролива.

Йенс пошел не к воде. Он пошел куда-то еще.

Герлоф подвинул к себе свою толстую тетрадь и написал следующее:

Альвар – как море.

Да. В альваре, как в море, может произойти все что угодно. И никто не заметит, и никто никогда не узнает.

Он отложил ручку и закрыл книжку. Выдвинул ящик стола и посмотрел на пакет с сандаликом. Рядом лежала тонкая книга, она вышла всего несколько месяцев назад.

Воспоминания. Шестьдесят страниц воспоминаний под названием «Грузовое пароходство Мальма – 40 лет». Под названием – изображение корабля.

Эту книгу дал ему Эрнст, когда навещал его в последний раз пару недель назад.

– Может, найдешь чего, – сказал Эрнст. – Восемнадцатая страница.

И рассказал, что его удивило.

Он взял книгу и открыл. Внизу под текстом маленькая картинка, которую он уже много раз рассматривал.

Картинка старая. Изображен каменный пирс в маленькой гавани. На пирсе лежат штабеля длинных досок. Наискось видна корма небольшого грузового парусника, почти такого же, на каких ходил Герлоф. А рядом со штабелем досок – группа мужчин в фуражках и темной рабочей одежде.

Они смотрят прямо в объектив.

Герлоф глядит на них, а они глядят на него.

В дверь постучали.

– Вечерний кофе, Герлоф, – услышал он голос Буэль.

– Сейчас иду. – Он отодвинулся на стуле и с трудом, опираясь на столешницу, встал.

От этих парней трудно отвести глаза.

Никто из них не улыбается, и Герлоф не улыбается в ответ. После последнего разговора с Эрнстом он почти убежден, что один из этих парней причастен к исчезновению его внука Йенса.

Он только не знает, кто именно.

Герлоф со вздохом закрыл книгу и сунул назад в ящик. Взял палку и со вздохом пошел пить кофе.

Рассвет на Эланде начинается с ослепительно яркой полосы на горизонте, но в этот октябрьский день Юлии не пришлось его увидеть. Она просто-напросто проспала.

Все три окна в хижине были закрыты рулонными гардинами, когда-то темно-красными, но выцветшими под солнцем до бледно-розового цвета. И ровно в половине девятого соскочила защелка на окне рядом с кроватью – гардина взлетела вверх с грохотом, напоминающим удар грома.

Но Юлию разбудил не грохот. Она открыла глаза, потому что в лицо ей ударило яркое осеннее солнце. Она поморгала и подняла голову с теплой подушки. Увидела колышущуюся под ветром по-осеннему желтую траву и вспомнила, где она. Ветер, прозрачный воздух.

Стенвик.

Она опять поморгала, и голова ее вновь упала в теплые объятия подушки. Ей всегда было трудно вставать, с детства. А теперь тоже трудно, но по другой причине: вот уже двадцать лет ничто так ее не привлекало, как забвение сна. Депрессия загоняла ее в сон, она спала намного больше, чем полагалось бы в ее возрасте. А особенно трудно было вставать по утрам. Тем более если для этого не было никакой разумной причины.

А здесь, в Стенвике, дело осложнялось еще и тем, что не было теплой ванной, куда можно было бы добрести с полузакрытыми глазами и встать под душ. А что было здесь? Каменистый берег и ледяная вода в проливе.

Юлия смутно припомнила плотный шум ночного дождя, но сейчас слышались только накатывающие прибой. Ритмичные вздохи волн вдруг пробудили в ней желание быстро встать, раздеться, сбежать на берег и окунуться в ледяную воду, но странная прихоть тут же показалась полной нелепицей.

Она повалилась еще немного и заставила себя встать.

Воздух был холодный и влажный, по-прежнему дул ветер, но когда она натянула джинсы и свитер и вышла наружу, то удивилась – Стенвик вовсе не выглядел таким выморочным и заброшенным, как вчера.

Ночной ливень словно смыл всю серость запустения – эландское побережье сияло во всей своей красе. Чистая, строгая красота. Огромная чаша неглубокого залива, давшего поселку имя^[4], искрилась в лучах утреннего осеннего солнца. На берег, в паре сотен метров от хижины, села чайка и, встряхиваясь, поправила неловко сложенное крыло. Остальные парили в воздухе, ядовито хохоча над неуклюжей подружкой.

Если вспомнить... нет, все не так уж красиво, как выглядит. В самом солнечном свете заключен горький упрек – где ты было, солнце, в тот проклятый день? Но она постаралась заглушить память, попытаться сохранить это впервые за много-много лет появившееся чувство утренней свежести. Ей не хотелось думать про вынесенные на берег косточки. Ей не хотелось разговаривать с призраком Йенса.

Юлия вздрогнула – утреннюю тишину нарушил веселый лай. Она посмотрела на прибрежную дорогу – там шла седая женщина в красной куртке с маленькой бело-рыжей собачкой. Поводок здесь, конечно, никто не требовал – собачка носилась взад и вперед, вынюхивая что-то между камней. Женщина свернула с берега и направилась к одному из домов на той стороне залива.

Оказывается, кроме Эрнста, здесь есть и другие люди.

Сонливость постепенно прошла, она почувствовала прилив энергии. Схватила большой пластмассовый бидон и побежала к даче Герлофа набрать воды из колонки. Сейчас, освещенный солнцем, дом выглядел по-настоящему уютно, даже заросший бурьяном сад не портил его, наоборот – придавал странное, эгегическое очарование. Жаль, Герлоф не дал ей ключи – можно было бы зайти и посмотреть на свою детскую.

Глядя на извивающуюся на солнце струю воды из колонки, Юлия вдруг подумала, что могла бы задержаться на Эланде и подольше. Ничто ее не гонит. Важно только, чтобы Герлоф предложил что-то разумное, что-то, чем она могла бы заняться, что-то сделать, что-то искать – можно было бы пожить еще два или три дня...

Нет. Она решительно оглядела сад. Возвращаюсь в Гётеборг сегодня же. Только не с утра, попозже.

Спускаясь с тяжелым бидоном, она обратила внимание на большой желтый дом за кустами боярышника. Высокие ясени почти скрывают его, но то, что доступно взгляду, производит тяжкое впечатление. Этот дом не просто пуст. Он заброшен. Стены увиты буйно разросшимся диким виноградом, прикрывающим разбитые окна.

Юлия с трудом припомнила – здесь жила одинокая старуха, она никогда не выходила из дому и ни с кем в поселке не разговаривала.

Странно, такой большой, когда-то, наверное, богатый дом бросили, предоставив судьбе – медленному, неумолимому разрушению. Неужели никто не хочет им заняться?

Надо поставить чайник и приготовить что-нибудь поесть.

* * *

Через три четверти часа она заперла хижину. Как и вчера – дорожная сумка в руке, другая – на плече. Застелила постель, выключила главный рубильник, опустила и закрепила рулонные гардины. Завела машину. Посмотрела в последний раз на хижину, на обрыв, на скелет ветряной мельницы, и на нее снова навалилось отчаяние.

Юлия свернула на большую дорогу.

Мимо крестьянского домика, переоборудованного в дачу, мимо разваливающегося желтого дома, мимо калитки летнего дома Герлофа.

Прощай, прощай, Стенвик!

Прощай, Йенс.

От главной дороги налево уходил проселок, где стояло несколько летних домов. В землю был вкопан большой обработанный камень с надписью белой масляной краской:

«КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ 1 км».

На железном столбе рядом дорожный знак – тупик. Дальше дороги нет.

Юлия вдруг вспомнила: перед тем как заехать к Герлофу попрощаться, она собиралась заглянуть на бывшую каменоломню – посмотреть «штуки» Эрнста Адольфссона.

Денег у нее не было, но посмотреть хотелось, а может быть, даже и спросить насчет Йенса. Помнит ли что-то Эрнст? Где он сам был в тот день? На всякий случай... спросить-то можно.

Она повернула на узкий проселок, и ее «фордик» тут же запрыгал, заныл и заскрипел. По-видимому, это была самая скверная дорога на всем Эланде, особенно после ночного дождя. В колее стояла темная вода. Она снизила скорость, включила первую передачу, но машину все равно водило, она то и дело соскальзывала в глинистые колдобины.

Летние дома остались позади. Юлия ехала теперь по самому краю альвара. Дорога шла прямо на каменоломню, потом свернула к низкому дому Эрнста Адольфссона и закончилась площадкой для разворота, где стоял уже знакомый «вольво-РV».

Посередине площадки стоял еще один камень – плоский, отполированный. На нем тоже была надпись, на этот раз черная:

«КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Она поставила машину позади «вольво» и выключила мотор. Вышла, зачем-то достав из сумки тощий бумажник.

Ветер шевелит низкую траву. Деревьев почти нет, только мученически изогнутые кусты можжевельника и гигантская рваная рана каменоломни –

совсем близко. С другой стороны – альвар. Альвар... она поежилась.

Повернулась и посмотрела на дом. Судя по всему, заперто. И полная тишина.

– Алло! Есть кто-нибудь? – Юлия никак не могла решить, крикнуть громко или не очень.

Крик тут же погас на ветру. Никто не ответил. Широкая, посыпанная известняковой крошкой площадка перед крыльцом с торца дома. Справа от двери – звонок.

Юлия нажала кнопку. Никто не ответил.

Она автоматически толкнула дверь, и та без сопротивления приоткрылась, словно приглашая войти.

– Алло! – Юлия заглянула в дверь.

Никто не ответил. В прихожей свет выключен. Она постояла в полумраке, прислушиваясь – шаркающие шаги? Стук клюки по полу?

Тишина.

Эрнста нет дома. Забудь и поезжай к Герлофу, подсказал ей внутренний голос. Но ее разбирало любопытство. Неужели на Эланде, как в добрые старые времена, люди настолько доверяют друг другу, что не запирают дверь, когда уходят?

На коврике у дверей было написано красивым каллиграфическим шрифтом: «Добро пожаловать». Юлия на всякий случай вытерла ноги и вошла.

– Алло? Эрнст? Это я, Юлия. Дочь Герлофа...

На потолке подвешены два легчайших деревянных парусника, отправляющихся в плавание при малейшем движении воздуха. Направо – кухня. Все чисто, прибрано, деревянный стол и два легких стула. Налево спальня, кровать аккуратно застелена.

Она прошла в гостиную с диваном, телевизором и большим панорамным окном с видом на каменоломню и пролив. На журнальном столике ворох газет и книг. На стене – полированные шестиугольные каменные часы с аспидно-черными сланцевыми стрелками.

Странно, что, кроме этих часов, никаких поделок из камня не видно. Или они так надоели Эрнсту, что он старается не держать их, по крайней мере, дома?

Она вернулась в прихожую и беспокойно огляделась, точно боялась, что вот сейчас, прямо сейчас из щели в стене ни с того ни с сего выскочит какой-нибудь покрытый слизью голливудский монстр. Вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

Постояла немного, подставив лицо под лучи не по-осеннему теплого

солнца. И что делать дальше? Эрнст просто-напросто вышел куда-то и забыл запереть дверь.

Она посмотрела на каменные скульптуры, выставленные вдоль обрыва каменоломни. Рядом с ними – небольшой, выкрашенный в красный цвет сарайчик, окруженный крошечными, совсем, похоже, недавно высаженными березками, а у сарая – несколько необработанных, ждущих своей очереди каменных блоков. На некоторых видны следы долота, но работа явно не закончена. Нелепые головы, черные пустые глазницы. Так, наверное, выглядят тролли, которые похищают детей. Герлоф рассказывал, что раньше, если у каменотесов пропадал какой-то инструмент, в этом винили троллей. Подумать на товарища считалось немыслимым.

Она с трудом отвела взгляд от этих страшноватых фигур и посмотрела на готовые, отполированные скульптуры. Модели маяков, круглые, украшенные резьбой крышки для колодцев, солнечные часы и пара широких могильных камней. Без надписей.

Внезапно у нее появилось ощущение – чего-то не хватает. Слишком уж большой прогал между двумя скульптурами. И тут же вспомнила, чего именно, – вчера она издалека видела что-то похожее на модель марнесской часовни с высоким шпилем. Юлия подошла поближе и увидела небольшое круглое углубление. Часовня исчезла.

Она подошла к краю каменоломни, похожей на гигантский бассейн со спущенной водой. Глубина небольшая, всего несколько метров, но обрыв крутой, почти вертикальный. Похоже на какой-то лунный пейзаж. И вдруг она увидела эту часовню. Она упала с обрыва в каменоломню. Шпиль показывал в сторону залива.

Странно... Скульптура уцелела при падении.

А рядом с моделью часовни в нелепой позе неподвижно лежал Эрнст Адольфссон. Из рта его стекала струйка крови.

Эланд, май 1945 года

Все стало по-иному. Назревают большие перемены. И в мире, и в его, Нильса Канта, жизни. Он это ясно чувствует.

Солнце в альваре шпарит, как никогда, дует свежий морской ветер, вся степь в цветах. Трава изумрудно-зеленая, такая бывает только весной. Неприметные черточки в небе вдруг превращаются в ласточек, они пикируют вниз, как черные стрелы. Стремительный волнистый прочерк над самой землей – и снова в небо.

Весна взялась за дело всерьез, и Нильс полон надежд и ожиданий. Ему уже почти двадцать, он взрослый и совершенно свободный человек. Вся жизнь впереди, и он создан для больших дел.

Ему уже неудобно гоняться с ружьем за зайцами. Не по возрасту. Теперь у него другие планы.

Пора выходить в большой мир. Война кончилась, в Стенвике делать нечего. Куда угодно. Взять бы с собой Майю Ньюман. Он думает о ней довольно часто. Но странно, они почти никогда не разговаривают. Кивок при встрече, вот и все, и то если она одна. Если ему в ближайшее время не подвернется возможность поговорить с Майей Ньюман, уедет один.

Сегодня Нильс забрел довольно далеко, почти на восточный берег острова. По пути подстрелил двух зайцев и оставил их в кустах – заберет на обратном пути. Хорошо бы еще парочку... может быть, несколько ласточек – так, для смеха.

В альваре еще не высохли огромные, как озера, лужи талой воды. Не страшно – на нем высокие охотничьи сапоги. Вода в степи испаряется быстро, в самом глубоком месте чуть выше щиколотки. Иногда переходит лужи вброд, иногда обходит стороной. Он совершенно свободен. Весь мир принадлежит ему.

Адольф Гитлер попытался овладеть миром. Теперь он мертв. Застрелился у себя в Берлине несколько недель назад. Германии пришел конец. Никто уже не хочет и не может сражаться с русскими и американцами.

Нильс выбредает из лужи и идет к кустам.

Когда он был подростком, ему очень нравился Гитлер. По крайней мере, он испытывал к нему большое уважение – какая сила воли!

Затаив дыхание, слушал Нильс его громоподобные речи по радио. И много лет мечтал, чтобы немецкие бомбардировщики начали бомбить Эланд, чтобы, наконец, и у них началась война. А теперь Гитлера поминай

как звали, и огромная Германия лежит в руинах.

Нет, Германия – это не интересно. Скорее Англия. Очень привлекательное место. Америка... огромная страна, куча возможностей, но туда уже уехали очень многие с острова, и никто не вернулся. Тысячи и тысячи бесследно исчезли... но это было еще в прошлом веке. Нет, он уедет, чтобы вернуться, вернуться по-королевски.

Нильс слышит какой-то глухой звук и настораживается.

Зайцев поблизости не видно, но он не первый день в альваре.

Он не один. Кто-то здесь есть.

Что-то ему послышалось в дуновении ветра. Не птица, не жужжание насекомого, не ржанье лошади.

Нильс годами бродит по альвару, знает его как свои пять пальцев, его не проведешь.

Что-то не так.

По спине побежали мурашки.

Нет, не заяц. Что-то другое.

Волки? Бабушка рассказывала истории про волков в альваре. Бабушки давно нет. Волков в альваре тоже нет.

Люди? Кто-то к нему подкрадывается?

Нильс медленно снимает с плеча двустволку, перехватывает ее в боевую позицию и большим пальцем сдвигает рычажок предохранителя. Два набитых дробью патрона «гитторп» ждут своего часа.

Он осматривается. Искореженные ветром кусты можжевельника хоть и невысоки, не больше полутора метров, но растут так густо, что разглядеть за ними что-либо почти невозможно.

Он прислушивается. Тишина. Наверное, показалось. Бывает такое, особенно когда весь день один.

Он ждет. Дыхание спокойно, торопиться ему некуда. Зайцы не выносят ожидания, нервы не выдерживают – срываются с сидки и мчатся куда-то огромными нелепыми прыжками. И тут остается только спокойно прицелиться. Выстрелить и подобрать дергающееся тельце.

Еще немного, и можно двигаться дальше.

Ветер меняет направление, и он явственно чувствует запах пота и промасленной одежды. Едкий запах невымытого человеческого тела.

Люди. Где-то рядом люди.

Он поворачивается направо, не снимая палец со спускового крючка, и замечает пару испуганных глаз. Совсем рядом, в кустах.

Грязная физиономия, вьющиеся волосы. Человек лежит, почти жавшись в землю. Зеленые мешковатые штаны.

Военная форма.

Солдат. Солдат без каски, без оружия, солдат чужой армии.

Нильс поднимает ружье. Сердце колотится все сильнее, он ощущает его удары даже в кончиках пальцев.

– Выходи.

Солдат открывает рот и что-то говорит. Не по-шведски, или, может быть, какой-то диалект... нет. Не диалект. Похоже на немецкий.

– Что? Что ты сказал?

Солдат медленно поднимает руки, и Нильс видит грязные, потрескавшиеся ладони и внезапно замечает, что за его спиной есть еще кто-то. Он там не один. Второй солдат, тоже в грязной гимнастерке, медленно поднимается на ноги. Вид у обоих загнанный.

– Bitte nicht schießen^[5], – еле слышно произносит тот, что стоит поближе к Нильсу.

8

Юлия вернулась в дом, нашла телефон, позвонила Герлофу и рассказала, что произошло. Она нашла Эрнста в каменоломне. Он мертв.

Герлоф понял, разумеется, что она говорит, но почему-то его больше занимало, как звучит голос Юлии. Напряженный, взволнованный, это понятно, но без дрожи. Похоже, держит себя в руках.

– Значит, Эрнст мертв.

Молчание.

– Ты уверена?

– Я же медсестра.

– В полицию позвонила?

– Я позвонила с мобильного в неотложку. Они кого-нибудь пришлют. Но «скорая» ему не нужна... Слишком поздно. – Юлия помолчала немного. – Полиция, конечно, тоже приедет, даже если это несчастный случай. Он...

– Я еду, – сказал Герлоф. Решение пришло в ту же самую секунду, когда он произнес эти слова. – Полиция, ясное дело, скоро объявится, но я тоже приеду. Сядь там у него на диване и жди.

– А что мне остается делать? Буду тебя ждать.

Странно, голос звучит почти спокойно.

Он положил трубку и сидел несколько минут за столом, собираясь с силами.

Эрнст. Эрнста больше нет. Герлоф никак не мог переварить эту новость. У него было только два близких друга – Эрнст и Йон. Теперь остался один.

Он оперся на палку и тяжело поднялся. Им овладела внезапная решимость, хотя двигаться было невероятно трудно. К ревматизму присоединилось еще и парализующее горе. Он вышел в коридор, услышал в кухне смех и направился туда.

Буэль обучала какую-то совсем юную девочку, как управляться с посудомоечной машиной. Она увидела Герлофа, улыбнулась, но, поглядев на него, тут же посерьезнела.

– Буэль, мне надо в Стенвик. Несчастный случай... погиб мой лучший друг, – сказал Герлоф как можно более решительно. – Пусть кто-нибудь меня подбросит.

Он смотрел на нее внимательно и напряженно, не отводя глаз. Буэль кивнула. Это не укладывалось в правила, но она поняла, что случай не

совсем обычный.

– Подождите пару минут, я вас отвезу.

У въезда в Стенвик дорога сворачивала к каменоломне, но Герлоф попросил ехать прямо.

– Почему, Герлоф? Вы же хотели...

– У меня два друга в Стенвике. Одним из них был Эрнст. А другой должен знать, что случилось. Кто ему скажет, кроме меня?

Они доехали до указателя «Кемпинг», заклеенного черным скотчем. Вдруг объявится какой-нибудь турист, пусть не обольщается – кемпинг закрыт. Йон Хагман позаботился заклеить указатель, хотя вероятность, что кто-то приедет сюда в октябре с палаткой или кемпером, была ничтожно мала.

Налево – вечный киоск, дальше площадка для мини-гольфа. Там стоял среднего возраста мужчина в рабочем комбинезоне и лениво сгребал мусор. Он мельком оглянулся на машину и продолжил работу. Андерс Хагман, единственный сын Йона. Тихий, стеснительный холостяк. Герлоф никогда не видел на нем ничего другого, кроме этого комбинезона. Ну, не то чтобы никогда... раз или два он был в чем-то другом. Но не больше.

* * *

– Вон туда. – Они въехали на территорию кемпинга, и Герлоф показал на маленький низкий домик, узкими маленькими окнами напоминающий сторожевую будку. Рядом стоял ржавый зеленый «фольксваген-пассат». Значит, Йон дома.

Буэль остановила машину. Герлоф открыл дверцу и с трудом, опираясь на палку, вышел из машины. В то же мгновение отворилась дверь, и на пороге появился небольшого роста старик в темно-синем рабочем комбинезоне и толстых шерстяных носках поверх брюк. Длинные седые волосы зачесаны назад и собраны в конский хвост. Йон Хагман – конечно же, где ему удержаться и не выйти поглядеть, кто там к нему приехал и зачем.

Летом Йон занимался кемпингом на пару с сыном. Но зимой Андерс предпочитал жить в Боргхольме, а Йон не хотел покидать Стенвик. Кемпинг даже зимой требовал кое-каких дел – там трубу разморозило, тут кран потек, дерево ветром свалило, и все это Йон делал сам, в одиночку. Не такая уж легкая работа для старика. Герлоф охотно бы ему помог, но где ему... С его-то синдромом Шёгрена.

Они кивнули друг другу, точно расстались пять минут назад. Йон влез в

черные резиновые сапоги, дожидавшиеся его на крыльце.

– Глянь-ка, – сказал он. – Не ожидал.

– Несчастный случай.

– Где?

– В каменоломне.

– Эрнст? – У Йона сел голос.

Герлоф молча кивнул.

– Ранен?

– Плохо дело... очень плохо.

Они с Йоном были знакомы почти пятьдесят лет, вместе ходили в море и продолжали дружить и после списания на берег. За столько лет Йон вполне научился понимать Герлофа без слов и сразу сообразил – да, дело плохо. И понял, насколько плохо.

– Там кто-то есть?

– Сейчас уже наверняка есть. Дочь должна была позвонить куда надо. Юлия. Она там. Это она его нашла... Вчера только приехала из Гётеборга – и на тебе.

– Вот оно что...

Йон исчез на секунду в доме и тут же появился в куртке и со связкой ключей в руке.

– Возьмем мою машину. Пойду скажу Андерсу.

Герлоф кивнул. Так будет лучше. Ясное дело, Буэль хочет поскорее вернуться в отделение. К тому же он сможет поговорить с Йоном с глазу на глаз.

Йон подошел к Андерсу, показал на площадку для мини-гольфа и тихо что-то сказал. Андерс отрицательно помотал головой. Йон повысил голос. Они никогда не могли договориться, отец с сыном. Странные какие-то отношения. Слишком уж они зависят друг от друга.

Наконец Андерс неохотно пожал плечами – то ли дивясь отцовской глупости, то ли соглашаясь. Наверное, второе, потому что Йон кивнул, повернулся и пошел прочь. Вот и поговорили.

Пока Йон выяснял отношения с сыном, Герлоф доплелся до Буэль и поблагодарил – дальше он доберется сам.

– Эрнст, значит, – сказал Йон и положил руки на баранку. – Помер, значит.

– Юлия сказала. – Герлоф не отводил взгляда от мерцающей внизу воды пролива.

– Камень на него, значит, упал.

– Большой камень. Юлия говорит – большой.

В каменоломне за шестьдесят лет не было ни одного серьезного несчастного случая. Так, по мелочам. А тут... даже поверить трудно. Работ никаких нет, а на Эрнста падает камень.

– Я захватил запасной ключ, – сказал Йон. – На тот случай, если его уже увезли.

– Он дал тебе ключ? – удивился Герлоф. Значит, Эрнст больше доверял Йону, чем ему, Герлофу. С другой стороны, он ведь тоже не давал Эрнсту ключ от своей дачи. Конечно, они доверяли друг другу, но... наверное, до определенных границ.

– Он знал – я не буду рыться в его вещах.

– А надо бы... – Герлоф предпочел не обращать внимания на определенный намек (ты-то, мол, наверняка начал бы шуровать по ящикам). – Надо бы... хоть краешком глаза поглядеть, что и к чему.

– Сейчас да... сейчас другое дело.

Герлоф замолчал. Навстречу им проехала «скорая». Он попытался вспомнить – и не вспомнил. Нет, никогда раньше он не видел в Стенвике машину «скорой». За всю жизнь ни разу.

Машина выехала со стороны каменоломни, неторопливо, без sireны и мигалки. Плохой знак... но Герлоф особенно и не надеялся. Йон притормозил и проводил «скорую» взглядом.

Они помолчали.

– Летом у него хорошо продавалось, – тихо сказал Йон. – Мы еще шутили... я говорю, у тебя, мол, больше заказчиков, чем у меня рыбы в сетях.

Герлоф молча кивнул. Что тут говорить. Он никак не мог осознать, что Эрнста больше нет, и ему с каждой минутой становилось все тяжелее.

Йон свернул на узенькую, разбитую дорожку к плато над каменоломней. На размытой глине видны были следы машин. Вон машина Эрнста, за ней красный «фордик» Юлии. Два патрульных полицейских автомобиля и еще – сверкающий новым лаком синий «вольво», а рядом – среднего возраста мужчина в кепке и с фотокамерой на животе.

– Глянь-ка, Бенгт Ньюберг опять купил новую тачку, – прервал молчание Герлоф.

– Должно быть, редакторы газет прилично получают.

– Разве?

Йон остановил «пассат» рядом со щитом «КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!». Выключил мотор, и сразу стало очень тихо.

Герлоф с трудом вылез из машины. Суставы не гнулись, словно протестовали против необычных телодвижений. Оперся на палку, выпрямился и вежливо кивнул редактору северного отдела «Эландс Постен».

– Его уже увезли, – сказал Ньюберг, подходя.

– Видели.

– И я не успел. Придется просить снимки у полицейских, и... ну да, пятно крови там, внизу, но я не уверен, что это можно публиковать. Пусть умники в Боргхольме решают. А теперь уже и кровь смыло – дождь то и дело опять принимается.

Он словно бы говорил про съехавшую в канаву машину. Или про разбитое лобовое стекло. Герлоф от досады чуть не плюнул. Бенгт никогда чувствительностью не отличался.

– Да уж... таких снимков лучше не надо.

– А ты знаешь, кто его обнаружил?

Бенгт нажал перемотку, и камера зажужжала.

– Не-а, – пожал плечам Герлоф и медленно пошел к краю каменоломни. Где же Юлия? – Ехал бы ты домой писать свой репортаж, Бенгт.

– Так и сделаю. Завтра почитаете.

Он открыл дверцу своей шикарной новой машины и завел мотор.

Герлоф миновал дом, красный сарайчик и пошел к выработке. Оттуда появилась голова в пилотке. Полицейский подтянулся, встал на край и помог вылезти второму, помоложе. Отряхнулся и посмотрел на Герлофа. Ни тот ни другой ему не были знакомы. Должно быть, из Боргхольма. Или с материка.

– Родственник? – спросил старший.

– Старый друг... родственники живут в Смоланде.

Полицейский понимающе кивнул.

– Смотреть тут особенно не на что.

– Несчастный случай?

– На работе. Несчастный случай на работе.

– Хотел передвинуть скульптуру поближе к краю, – сказал молодой и показал на ямку в траве. – Взялся за камень и...

– Ну да, – перебил его первый. – Споткнулся или поскользнулся... и загремел вниз, а камень на него.

– Секундное дело, – кивнул молодой.

Герлоф осторожно, опираясь на палку, сделал шаг вперед и заглянул вниз. Часовня. Самая большая скульптура Эрнста, модель марнесской часовни, лежит внизу. Место падения видно совершенно четко – яма в

щебне.

А может быть, это след от падения Эрнста? Герлоф поднял глаза и оглядел каменоломню. Сколько надгробных камней, сколько памятников вырублено здесь за сотни лет... Он перевел взгляд на пролив, и ему стало немного легче.

Посмотрел на ряд каменных скульптур, выставленных в ряд на краю обрыва. Эрнст всегда ставил их на одинаковом расстоянии друг от друга, рядами, но вон там, поодаль, почему-то прогал...

Он подошел поближе. Оказывается, упала не только часовня. Еще одна скульптура, поменьше, тоже свалилась с обрыва и лежала внизу. Круглая штука... не совсем круглая, чуть продолговатая, как яйцо. Или голова тролля. Интересно, что здоровенная часовня уцелела при падении, а эта штукавина, намного меньше, раскололась надвое.

Ну что ж... Герлоф осторожно, чтобы не потерять равновесия, повернулся и пошел назад.

– А где Юлия Давидссон? – спросил он у полицейских.

– В доме, с Хенрикссоном.

– Спасибо.

Входная дверь была приоткрыта, Йон, должно быть, уже там. Герлоф медленно, с покряхтыванием поднялся по низким ступенькам. Потер ноги о коврик – надо бы счистить грязь с ботинок, но куда там – куски глины с травой будто приклеены к подметкам. Махнул рукой и вошел в прихожую.

Весь пол уставлен грязными ботинками. Герлофу пришлось разворошить их палкой. Нагнуться, развязать шнурки, снять обувь... об этом он даже мечтать не мог. В прихожей на стене висели старинные фотографии – каменотесы с кирками и лопатами.

Из комнаты доносились негромкие голоса.

Йон стоял и смотрел в окно, Юлия сидела на диване в обществе еще одного полицейского, лет шестидесяти, без пилотки – снял из вежливости.

– Привет, Леннарт, – кивнул ему Герлоф.

Наконец-то знакомое лицо. Леннарт Хенрикссон олицетворял правоохранительные органы на севере Эланды уже тридцать пять лет. Жил он к северу от Марнеса, у него была своя вилла, а контора помещалась в гавани. Он уже совсем поседел, отметил Герлоф, наверное, готовится к пенсии. Обычно вид у него полусонный, широкие плечи устало опущены, он словно показывает – как же мне все это надоело. И сейчас... Хенрикссон старался казаться внимательным и подтянутым, но чувствовалось, что он очень устал.

– Привет, шкипер, – кивнул он Герлофу без улыбки.

– Здравствуй, папа, – тихо произнесла Юлия.

Впервые за много лет она назвала его папой. Наверное, немного не в себе после случившегося. Герлоф подошел к столу.

– Хочешь сесть? – спросил Леннарт.

– Постою. В моем возрасте надо больше двигаться...

– Но ты хорошо выглядишь, Герлоф. Бодрый и здоровый...

– Спасибо, спасибо.

Наступило молчание. Герлоф услышал, как за спиной его скрипнула дверь – Йон, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

– Оказывается, Юлия твоя дочь, – произнес Леннарт.

Герлоф молча кивнул.

– «Скорая» уехала? – как-то робко спросила Юлия.

– Да... мы с Йоном встретили ее на дороге.

– Значит, его увезли.

– Увезли... А врач был? – спросил Герлоф, глядя на Хенрикссона.

– Был... молодой совсем, временно в Боргхольме. Раньше я его не видел. А что врач? Врач и врач. Констатировал смерть, и все его дела.

– Что сказал? Несчастный случай?

– Да... несчастный случай, говорит. И сразу уехал.

– Он же всю ночь лежал под дождем...

– Ну да. – Леннарт понял, что речь идет не о враче. – Наверное, все это случилось вчера вечером...

– И крови нет, – задумчиво сказал Герлоф. – Бенгт говорит, дождем смыло...

Герлоф и сам не знал, зачем все это говорит, на что намекает... Наверное, хочу показать, что и я что-то значу, подумал он. Желание быть значительным покидает человека последним.

– Кровь была, – сказала Юлия. – Из рта...

Герлоф кивнул. В прихожей кто-то потоптался, и на пороге появился молодой полицейский.

– У нас все, Леннарт. Мы уезжаем.

– Хорошо. Я еще немного задержусь.

– Конечно, конечно.

Было что-то уважительное в тоне юноши. Может быть, уважение вызывала долгая полицейская служба, а может, и то, что отец Леннарта тоже был полицейским и погиб на службе.

– Езжайте осторожно, – стандартно напутствовал Хенрикссон.

Полицейский кивнул и исчез.

И тут же появился Йон. В руке у него был большой коричневый

кожаный кошелек. Он поднял его и повертел в воздухе.

– Три тысячи сто пятьдесят восемь крон. От продажи скульптур. Они у него были в кухне, в нижнем ящике, под пластиковыми пакетами.

– Позаботься о деньгах, Йон, – сказал Хенриксон. – Глупо же оставлять их здесь. Довольно много денег.

– Пусть будут у меня, пока не объявятся наследники, – сказал Герлоф и принял у Йона кошелек.

Йон вздохнул – как показалось Герлофу, с облегчением.

Все замолчали.

– Ну что ж... – прервал Хенриксон молчание, нагнулся вперед и с определенным усилием встал с дивана. – Я, пожалуй, тоже поеду.

– Спасибо, что вы... – Юлия задумалась, подбирая слова. – Спасибо, что приехали, потратили время...

– Здравьете, – бледно улыбнулся Хенриксон. – Я вас очень хорошо понимаю. Оказаться свидетелем такого... я же не первый раз в такой ситуации. Чувствуешь... черт знает, как сказать... одиночество. Бессилие.

Юлия кивнула.

– Сейчас уже лучше.

– Вот и хорошо... – Леннарт неловко нахлобучил пилотку. – У меня контора в Марнесе. Так что, если что, звоните, заезжайте... – Он посмотрел на стариков. – И вы, понятное дело. Всегда рад повидаться... Запрете?

– Ну, – лаконично пообещал Герлоф.

– Тогда пока. – Хенриксон раскланялся и вышел.

Они сидели молча, прислушиваясь, как Леннарт завел машину, как тронулся с места, слегка пробуксовав на глине, как постепенно истаял звук двигателя.

– Мы тоже сейчас двинемся. – Герлоф посмотрел на Юлию, сунул кошелек Эрнста в карман и повернулся к Йону: – Я тебе хочу одну вещь показать. Там, снаружи...

– Мне тоже идти? – спросила Юлия.

– Да... нет. Не надо.

Герлоф, опираясь на палку, обошел дом и двинулся к краю каменоломни. Йон следовал за ним.

– На что будем глядеть?

– Там, на краю... я обратил внимание... вот, погляди.

Герлоф показал вниз на расколовшийся пополам полированный камень в виде яйца или уродливой головы. Половины были неравные: одна побольше, другая поменьше.

– Узнаешь?

Йон присмотрелся и медленно кивнул.

– Он называл его «камень Канта», – сказал он. – Шутка такая.

– Его кто-то толкнул вниз. Или как?

– Да. Похоже на то.

– Летом он стоял за домом.

– Еще на прошлой неделе стоял. Я заходил к Эрнсту. Точно. Никаких сомнений.

– Эрнст его специально сбросил.

Старые друзья уставились друг на друга.

– И что ты думаешь?

– Не знаю... точно не знаю, – вздохнул Герлоф. – Нильс Кант... не объявился ли он опять в наших краях?

Юлия решила напоить опечаленных стариков горячим кофе. Она достала из буфета фарфоровые кружки с изображением желтого эландского солнца, сварила кофе и принесла в гостиную – и при этом ее посетило странное чувство, будто она впервые за долгие годы сделала что-то полезное.

Йон и Герлоф сидели на диване и тихо говорили про Эрнста.

Вспоминали. Мелкие рассказы, фрагменты... какие глупые ошибки делал Эрнст, когда его взяли учеником в каменоломню – он тогда только-только переехал на Эланд, – и каким стал замечательным камнерезом, как скульптуры его со временем становились все лучше и выразительней. Из этих обрывков Юлия поняла, что Эрнст, за исключением нескольких лет службы во флоте во время войны, всю сознательную жизнь работал с камнем. Когда каменоломню закрыли, а это было уже давно, в середине или конце шестидесятых, Эрнст продолжал работать на свой страх и риск. Он подбирал оставшиеся камни, тесал, резал и шлифовал.

– И любил же он эту каменоломню, – сказал Герлоф, глядя в окно. – Были б у него деньги, он бы точно купил ее у Гуннара Юнгера, ну ты знаешь, в Лонгвике. Он даже в мыслях не имел куда-то переезжать. И камень как понимал! К каждому свой подход...

– Надгробные камни лучше него никто не делал, – вставил Йон. – Пройдись по любому кладбищу – в Марнесе ли, в Боргхольме... посмотришь на Эрнстово надгробье – душа радуется.

Юлия молчала, глядя на стопку книг на столе у дивана. Выражение Йона показалось ей неудачным – чему тут радоваться? – но она промолчала. Перед глазами стояла картина... как она присмотрелась и увидела...

Первый же полицейский, это был Леннарт Хенрикссон, достал из машины одеяло, накинул ей на плечи и увел в дом. Ему по всем признакам нездоровилось, но он не отходил от нее почти все время, и это как-то помогло ей успокоиться. И молчал, что было еще лучше. За эти годы она столько слышала пустых слов утешения... хотя никогда и никого не просила ее утешать.

Кофе был выпит, истории постепенно иссякли, и Герлоф обратился к Юлии.

– Можешь отвезти меня в Марнес?

– Конечно.

Она поднялась вымыть посуду, чтобы не показать раздражения. «Можешь отвезти»... Я нашла разбившегося насмерть человека, с окровавленным ртом и глазами, вылезшими из орбит. И что? Кровь я видела и раньше, мертвецов тоже. Бывало и похуже. Но Герлоф-то этого не понимает...

И вдруг вспомнила. Кто знает, может, это и важно. Она вышла в гостиную.

– Эрнст просил тебе передать кое-что. Я забыла.

Герлоф смотрел на нее непонимающе.

– Эрнст, – объяснила Юлия. – Я же его видела накануне, когда была на твоей даче... И прямо перед уходом он сказал вот что... – Она помолчала, пытаясь вспомнить точные слова. – Сказал, самое главное – большой палец. Не рука, а большой палец.

– Главное – большой палец? – переспросил Герлоф.

– Так он и сказал. «Большой палец не того».

– А что он имел в виду? – Герлоф пожал плечами и посмотрел на Йона. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Понятия не имею. Может, какая поговорка?

– И я не знаю. – Юлия повернулась, чтобы домыть кружки. – Но именно так он и сказал.

Юлия с Герлофом в сопровождении Йона на его «пассате» доехали до кемпинга. Сизый занавес облаков повис над проливом. Солнце уже не показывалось. Казалось, Стенвик, тот самый Стенвик, про который она так много слышала, Стенвик, где люди жили, работали, где каждый хутор и каждая тропинка имели свое название, – тот Стенвик исчез. А этот, сегодняшней, вновь погрузился в сон. Заколоченные дома с бельмами зашторенных окон, замершие давным-давно ошипанные крылья ветряной мельницы... заборы, где обычно развешивали на просушку вентера и сети на угря, пусты.

Они остановились у площадки для гольфа. Подошел Йон. Герлоф опустил стекло.

– Не забывай отца. – Йон внимательно посмотрел на Юлию.

В первый раз за все время он обратился прямо к ней.

– Постараюсь.

– Не пропадай, Йон. – Герлоф взял его за руку. – Сообщи, если что... если увидишь кого... незнакомый народ.

– Незнакомый народ... – повторила Юлия и вспомнила, как в пятидесятые годы в Стенвике появился чернокожий мужчина с широкой

улыбкой. Он плохо говорил по-английски, а по-шведски вообще не знал ни слова. Появился и стал ходить от дома к дому с сумкой в руке. Люди в поселке позапирали двери, никто не хотел ему открывать – пока не выяснилось, что он никакой не грабитель, а самозванный миссионер из Кении. Продавал Библии и Псалтыри. Нет, в Стенвике «незнакомый народ» недолюбливали.

– Обязательно позвоню, – кивнул Йон.

Он пошел к дому и по пути взял метлу – с такой нежностью, будто ничего дороже этой метлы у него в жизни не было. С метлой в руке Йон направился к площадке для гольфа и опять начал, обильно жестикулируя, что-то объяснять сыну.

– Двадцать пять лет он держит этот кемпинг, – сказал Герлоф. – Теперь вроде бы Андерс должен всем заправлять, но Андерс спит на ходу. И Йон метет, красит, латает трубы... я ему говорил, чтобы он сбавил обороты, но он не слушает.

Он вздохнул.

– Что ж, заедем домой?

– Зачем? Я отвезу тебя в Марнес.

– Очень хочется, – совершенно по-детски сказал Герлоф. – Тем более, у меня такой шофер.

– Уже поздно... я собиралась сегодня уехать.

– А что за спешка? Гётеборг под землю не провалится.

Юлия потом не могла вспомнить, кто предложил переночевать на даче – она или Герлоф.

Скорее всего, так вышло само собой. Герлоф снял верхнюю одежду и опустился в единственное кресло с таким тяжким вздохом, что Юлии стало его жалко. А может, решение пришло чуть позже, когда она вышла на улицу включить рубильник и открыть вентиль для подачи воды – он помещался под крышкой колодца. А может, еще позже, когда она зажгла свет, включила обогреватель и заварила бузинный чай. Короче, даже и обсуждения-то не было, просто пришли к молчаливому соглашению: эту ночь ночуем в Стенвике.

Юлия включила мобильник, и Герлоф позвонил в дом престарелых. Она помогла ему нажать кнопку отбоя, он накинул куртку и вышел пройтись по участку.

– Крыс вроде нет, – удовлетворенно сказал он по возвращении.

Юлия осторожно осмотрелась, как будто в этих маленьких темноватых комнатках размещался какой-то музей. И в самом деле – здесь ее история.

Здесь прошло ее детство, но воспоминания эти словно помещены под дымчатое стекло, не имеют ни цвета, ни запаха.

А на что смотреть? Особенно не на что. Пять небольших комнат, мебель, укрытая белыми простынями, пять узких кроватей со снятым бельем, маленькое окошко в кухне, на подоконниках – дохлые мухи, похожие на жирные буковки. Протертая на сгибах морская карта северной оконечности острова. На комод, в рамке, – выцветшая фотография шестидесятих годов: неестественно улыбающаяся Юлия, еще подросток, с сестрой Леной. Книжная полка в углу. Безликий дом, такие обычно сдают внаем.

Ледяной деревянный пол – ковров нет. А когда-то были, Юлия прекрасно их помнила. Вообще, из того, что осталось, ничто не напоминало про годы ее детства.

Но нет, кое-что все же есть, все же есть... Она выдвинула нижний ящик комода в комнате, когда-то бывшей ее детской, и тут же нашла фото в рамке: загорелый мальчик в белой майке смущенно улыбается фотографу. Много лет фотография стояла на комод, а теперь кто-то ее спрятал.

Она протерла снимок и поставила его туда, где он и должен быть, – на комод. Долго смотрела на фотографию пропавшего сына. Ей безумно захотелось выпить вина. Пара бокалов – и она согреется, воспоминания потеряют остроту, ей будет легче находиться в этом доме, откуда Йенс...

Но ей не хотелось пить при Герлофе – пусть не думает, что она стала алкоголичкой.

Герлоф, по-видимому, не замечал ее состояния. Бродил по комнатам, словно это и есть его истинный дом. Так, впрочем, оно и было, не совсем, конечно, но все же. Насколько Юлия помнила, Герлоф, уже выйдя на пенсию, проводил здесь все лето, с мая до середины октября. Сначала с Эллой, потом один. Они навещали его, и когда приходило время возвращаться на материк после нескольких недель отпуска, он провожал их – стоял у калитки и махал рукой.

Сейчас не лето, и мне надо поскорее уезжать, подумала Юлия. Но Герлофу она сказала вот что:

– Мы с Леной обычно спали на двухэтажной кровати... Она внизу, я наверху.

Герлоф кивнул.

– Да... тесновато было, когда все приезжали... Но никто вроде не жаловался.

– Нет, конечно. Наоборот, было очень весело. Куча народу – двоюродные братья, сестры... И солнце светило все время. Так мне

запомнилось. – Она посмотрела на часы. – Наверное, пора на боковую.

– Уже? – Герлоф поправил морскую карту на стене. – Ты разве ничего не хочешь спросить?

– Спросить?

– Спросить. – Он медленно стянул простыню с кресла и аккуратно сложил вдвое, потом вчетверо. – Спрашивай.

Герлоф опустился в кресло, и тут же раздался сигнал ее мобильного. Резкий и какой-то совершенно чужеродный здесь, в этом старом домике, в этом вымирающем поселке. Она поспешила нажать на кнопку.

– Юлия.

– Привет, как ты там? Добралась?

Лена, конечно. Кто еще знает ее номер.

– Да... добралась, конечно.

А что ей сказать сестре? Она увидела свое отражение в темном окне – бледная, больные, загнанные глаза – и поняла, что ей вовсе не хочется рассказывать, что здесь произошло. Сандалик Йенса, смерть Эрнста-каменотеса.

– Все нормально.

– Герлофа видела?

– Да... мы сейчас на даче.

– На какой даче? В нашем летнем доме? В Стенвике? Вы же не собираетесь там ночевать?

– Как раз собираемся. Уже включили воду, электричество...

– Папе нельзя переохлаждаться.

– Не переохладится. – Юлии стало почему-то стыдно, и она рассердилась на себя за это. – Мы сидим и разговариваем... А что ты хотела?

– Э-э-э... насчет машины. Марика звонила – она собирается на какие-то театральные курсы в Дальсланде, так что ей понадобится машина. Я сказала, что проблем не будет... Ты ведь не останешься на Эланде?

– Немного еще побуду.

У Лены с Марикой, дочерью Рихарда от первого брака, были довольно скверные отношения, но, очевидно, не настолько скверные, чтобы помешать Марике попросить у мачехи машину.

– И долго ты там собираешься быть?

– Трудно сказать... несколько дней.

– Что значит «трудно сказать»? Несколько дней – это сколько? Три? Значит, ты вернешь машину в воскресенье?

– В понедельник, – быстро сказала Юлия.

– Если в понедельник, тогда пораньше.

– Попытаюсь... Лена?

– Договорились. Привет папе и...

– Лена... Это ты спрятала фотографию Йенса в комод?

Но сестра уже успела прервать разговор.

Юлия вздохнула и тоже нажала кнопку отбоя.

– Кто это был?

– Твоя вторая дочь. Просила передать привет.

– Хочет, чтобы ты вернулась?

– Ну да. Хочет держать меня под контролем.

Она села в кресло напротив отца. Бузинный чай с медом стоял на столе.

Чай уже успел остыть, но она все равно отхлебнула глоток.

– Беспокоится за тебя?

– Наверное.

«За свою машину она беспокоится, а не за меня».

– Здесь-то поспокойнее, чем в Гётеборге, – улыбнулся Герлоф, но улыбка тут же исчезла: вспомнил, что произошло утром. Уставился в пол и замолчал.

Воздух в доме постепенно прогревался. За окном уже опустилась ночь, время шло к девяти. Интересно, есть ли у него здесь постельное белье.

– Смерти я не боюсь, – вдруг произнес Герлоф. – Когда молодой был – да... столько лет на море, мели, мины, шторма... а теперь я уже слишком стар, меньше стал бояться... а когда Элла попала в больницу, так и совсем перестал. Эта осень, когда она ослепла... а потом медленно от нас уходила...

Юлия молча кивнула. Ей не хотелось думать про смерть матери.

Йенс ушел из этого дома. Почему? Две причины – во-первых, Герлофа не было дома, он чинил сети на берегу. Во-вторых, его бабушка Элла уснула сразу после полудня. В то лето она жаловалась на постоянную усталость, и ее хозяйственную неугомонность как ветром сдуло. Все это казалось совершенно необъяснимым, пока врачи не поставили диагноз. Диабет.

Йенс исчез, а его бабушка прожила еще несколько лет после этого. Растаяла постепенно, измученная горем и сознанием своей вины: как она могла уснуть в тот день?

– Когда стареешь, смерть напрашивается в друзья, – сказал Герлоф. – Или в знакомые. Хочу, чтобы ты знала... с этим я справлюсь. Я имею в виду Эрнста.

– Надеюсь.

Ей даже не приходило в голову подумать – Герлоф же потерял едва ли не самого близкого человека! Каково ему сейчас?

– Жизнь продолжается. – Герлоф отхлебнул чай.

– Так или иначе.

Они помолчали.

– Ты настаиваешь, чтобы я задавала вопросы?

– Конечно. Спрашивай.

– О чем?

– Ну... Вот, например, хочешь знать, как называлась эта круглая штука, которую кто-то столкнул с обрыва?

Юлия смотрела на него непонимающе.

– Ты видела... почти бесформенный камень. Полицейские из Боргхольма наверняка тебя спрашивали. Или Леннарт.

– Нет. – Она задумалась. – Думаю, они его даже не видели. Они смотрели только на эту часовню... да и я о нем не подумала. А что случилось с этим камнем?

– Хотел бы я знать. Меня название его смущает.

– И как же он называется?

– Эрнсту эта работа почему-то не нравилась. То ли у него трещина пошла не там, то ли камень крошковатый... не знаю. И он окрестил его «Камень Канта». Или еще проще – «Нильс Кант».

Снова наступило молчание.

Герлоф смотрел на Юлию, явно ожидая реакции, но она не знала, на что реагировать.

– Нильс Кант, – механически повторил она. – Ну и что?

– А ты никогда не слышала это имя? Никто тебе о нем в детстве не говорил?

– Насколько я помню, нет. Но имя звучит знакомо.

– Семейство Кантов жило здесь, в Стенвике. Нильс, сын их... как говорят, в семье не без уроды. Но когда ты родилась после войны, его уже здесь не было.

– Вот как.

– Уехал.

– И чем он был так плох, этот Кант? Убил кого-нибудь?

Эланд, май 1945 года

Нильс Кант так и стоял с поднятым ружьем и пальцем на спусковом крючке. В альваре все стихло – не слышно ни птичьего щебета, ни стрекота кузнечиков. И пейзаж вокруг словно бы потерял резкость и краски, стал пустым и размытым – Нильс видит только этих двух солдат в прицел ружья.

Солдаты поднялись, как по команде. Видно, что они совершенно обессилели, вставать им трудно, они опираются руками о траву, – и тут же, едва встав на ноги, поднимают руки вверх. Нильс держит их на прицеле.

– Что вы здесь делаете?

Солдаты молча таращатся на него с поднятыми руками.

Первый отступил на шаг, наткнулся на заднего и остановился. Он заметно моложе, хотя возраст определить трудно – настолько грязные и изможденные у них лица, изорванная форма, недельная щетина на щеках. Белки глаз в красных прожилках... если судить по глазам, им лет по сто, не меньше.

– Откуда вы?

Молчат.

Нильс на секунду отрывает взгляд от мушки. Никаких вещей у них, похоже, нет. Серо-зеленая солдатская форма, засаленные колени на брюках, махры на швах. У одного на колене поверх брюк грязная повязка.

Конечно, у Нильса ружье, но он все равно не может унять волнение. Надо дышать носом, и медленно, иначе прицел пляшет. Надо собраться с мыслями, голова словно стянута железным обручем.

– Nicht schiessen, – повторяет солдат.

Нильс не понимает, что тот хочет сказать, но это, похоже, тот самый язык, на котором Адольф Гитлер произносил свои речи. Они немцы. И как они сюда попали? Война же кончилась.

Наверное, морем. Приплыли на корабле. Море-то одно и то же. Балтийское.

– Вы... последуете... за... мной.

Он старается говорить медленно и отдельно, чтобы они поняли. У него в руках ружье, значит, он главный.

– Поняли, что я сказал?

Он повторяет вопрос несколько раз. Ему нравится произносить эти слова – резко, уверенно, даже если они не понимают ни бельмеса. Его это успокаивает, и даже голова стала лучше соображать. Приведет их в

Стенвик, сразу станет героем. Неважно, что думают другие, – мать будет им гордиться.

Тот, что стоял поближе, быстро закивал головой и медленно опустил руки.

– Wir wollen nach England fahren, – сказал он робко. – Wir wollen in die Freiheit.^[6]

Единственное понятное слово – England. По-шведски тоже так звучит. Но он совершенно уверен – никакие они не англичане. Голову даст на отсечение – немцы.

Задний тоже опустил руки и потянулся к карману.

– Нет! – завопил Нильс так, что отдалось болью в голове.

Но солдат уже сунул руку в карман.

– Руки вверх... – крикнул Нильс.

Приклад бьет его в плечо. Грохот такой, что, наверное, на материке слышно.

Из дула вьется дымок, так что Нильс какое-то мгновение не видит, что произошло.

Он даже не собирался стрелять – нечаянно нажал на курок посильнее. Хотел махнуть ружьем вверх – подними, мол, руки. Но чуткий затвор сработал, и парень, стоявший первым, рухнул на землю, как от удара кувалды.

Дым рассеивается. Солдат неподвижно лежит в траве. На какую-то секунду Нильсу кажется, что он промахнулся, но тут же видит, как из разорванной гимнастерки начинает сочиться кровь – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Глаза закрыты. Помирает он, что ли?

– О, дьявол, – шепчет Нильс.

Но дело сделано. Он выстрелил, к тому же не в того, в кого следовало. Это же другой полез в карман, а этот смирно стоял с поднятыми руками и теперь вот лежит на земле и истекает кровью.

Он застрелил человека, словно зайца. Он, Нильс Кант, и никто иной.

Раненый медленно открывает глаза и пытается приподнять голову. Руки его судорожно подергиваются.

Он дышит часто, прерывисто, потом его начинает сотрясать кашель. Серо-зеленая гимнастерка почернела от крови. Вдруг он весь как-то оседает и застывает неподвижно. Глаза смотрят в небо.

Нильс переводит глаза на второго. Тот не шевелится, рот плотно сжат, глаза пустые. Он держит что-то между большим и указательным пальцами – успел-таки достать. Но это не оружие. Что-то совсем маленькое.

Похоже на маленький черно-красный камушек, который сияет, как под

солнцем, хотя в альваре сегодня пасмурно.

У Нильса в руке ружье, у солдата маленький камушек. Они пристально смотрят друг на друга, не опуская глаз.

Нильс выстрелил и убил человека. Страх как рукой сняло. Он чувствует странное спокойствие. Он здесь главный. Ему ничто не грозит.

Он с шумом выдыхает воздух, подходит поближе и кивает головой на камушек.

– Ну-ка, давай его сюда.

10

И чем он был плох, этот Кант?

Герлоф не ответил на вопрос Юлии. Кивнул в сторону окна, где стояла непроглядная ночная тьма.

– Канты жили как раз тут, чуть пониже. Ты видела, наверное, – большая желтая вилла. Давно жили... задолго до того, как я построил этот дом.

– Мне помнится, там жила какая-то старенькая тетушка... Я тогда еще маленькая была.

– Мать Нильса, Вера, – кивнул Герлоф. – Умерла в начале семидесятых. А до этого много лет жила одна. Богатая была... у родни большая лесопилка в Смоланде, а у нее здесь земель было – за три дня не обойдешь. И все прибрежные. Не думаю, правда, чтобы деньги принесли ей много радости. Родственники, по-моему, до сих пор ссорятся из-за наследства, а вилла стоит и потихоньку рушится. А может, просто никто не решается в ней жить.

– Вера Кант... я ее почти не помню. Ее ведь не особенно любили в поселке?

– Нет... за что ее было любить? Стерва. Вредная, злопамятная старуха. Если твой дед ей чем-то насолил – то все. Деда она будет ненавидеть, дед помрет – будет ненавидеть твою мать, тебя, твоих детей... да еще и твою собаку в придачу. Упрямая, заносчивая... не успел муж умереть, тут же вернула девичью фамилию и детям ее дала. Кант. А отец был Андерссон.

– А в поселке она не появлялась?

– Считай, что нет. Одиночка. Сидела в своей вилле и ждала сына.

– А он-то что?

– Он много чего... Еще пацаном был, ходили слухи, будто он утопил своего младшего брата в проливе. Это, впрочем, слухи... свидетелей не было. Они вдвоем были на берегу, он и брат его, Аксель. Нильс сказал – несчастный случай. Так что правды теперь не узнаешь.

– А вы дружили?

– Нет, что ты. Я на несколько лет старше и уже в девятнадцать лет ушел в моряки. Так что я и помню его совсем мальчишкой, и то еле-еле – мы почти не встречались.

– А когда он вырос?

Герлоф слегка улыбнулся, но улыбка тут же исчезла – когда речь идет о Нильсе Канте, улыбаться нечему.

– А когда вырос – уж точно не встречались. Он уехал из Стенвика.

Герлоф поднял руку и показал на узкий книжный шкаф в углу.

– Вон там стоит книга про Нильса Канта... ну, не только про него, но и про него тоже. На третьей полке сверху. Тонкая такая, с желтым корешком.

Юлия встала, подошла к полке – и сразу нашла. И в самом деле, на третьей полке сверху. Она наклонила голову, прочитала название на корешке: «Преступления на Эланде» – и вопросительно посмотрела на отца.

– Да-да, именно она. Это один парень из «Эландс Постен» написал, уже несколько лет назад. Сотрудник Бенгта Ньюберга. Почитай, многое поймешь.

– Хорошо... только не сегодня.

– Нет, не сегодня. Сегодня пора спать.

– Если можно, я лягу в своей комнате.

Почему же нельзя... Герлоф устроился в спальне рядом с детской, в спальне, которую они много лет делили с Эллой. Их старой двуспальной кровати уже не было, на ее месте стояли две новых узких. Пока Герлоф был в туалете, Юлия постелила ему – забытое занятие: в последние годы она не убирала постель.

* * *

Юлия ушла в свою бывшую детскую. Герлоф надел кальсоны, нижнюю рубашку и лег. Матрас был заметно жестче, чем в доме престарелых.

Он лежал с открытыми глазами – ждал, когда появится ощущение, что он у себя дома. Так и не появилось. Там, в Марнесе, – такой же дом. Это был серьезный шаг – признаться самому себе: я слишком стар, жить одному в Стенвике мне не по силам. И, наверное, правильно – не надо посуду мыть, варить кофе... не говоря уж о других хозяйственных заботах.

За окном успокаивающе шелестели под ветром сухие листья, и он сам не заметил, как заснул. Ему приснилось, что он лежит на каменном ложе внизу, в заброшенной выработке.

Небо над ним волшебной голубизны, дует свежий ветер, день ясный, но непонятно почему над землей стелется тонкая дымка.

Эрнст Адольфссон стоит на краю каменоломни, лицо у него совершенно обычное, но вместо глаз черные провалы... Герлоф открывает рот, чтобы спросить, зачем он сбросил скульптуру с обрыва и какой в этом смысл – должен же быть смысл! – но тут он слышит странный шепот... Эрнст тоже слышит этот шепот и поворачивается.

Я убил их всех.

Нильс Кант.

Герлоф... привет от твоего внука.

Откуда он пришел? Из альвара? Где он? Стоит за углом дома, его не видно, но в руках наверняка дымящееся ружье. Сейчас он появится... Герлоф сдерживает дыхание, наконец-то он увидит, как выглядит Кант – он же теперь уже старик. Какой он? Седой? Лысый? А может, у него борода?

Но Нильс Кант так и не появляется. Эрнст медленно бредет к дому и тоже исчезает... контуры его расплываются, как расплываются контуры корабля в тумане. Герлоф зовет его, но безответно. Эрнст исчез.

И тут Герлоф просыпается. С тяжелым сердцем, с чувством невосполнимой утраты.

– Сверни налево, – попросил Герлоф.

Юлия притормозила и удивленно посмотрела на отца.

– Мы же едем в Марнес?

– Не сразу. Попьем кофе здесь, в Стенвике.

Юлия удивленно пожала плечами. Отпустила тормоз и свернула налево. Они проехали рыбацкую хижину, Герлоф автоматически посмотрел, целы ли стекла.

– Опять налево. – Он показал на дом, стоявший у береговой дороги.

– Там живет какая-то старушка. – Юлия остановила машину. Она немного гордилась своим вновь обретенным знанием родного поселка. – Я ее вчера видела. С собакой.

– Не такая уж она старушка, – возразил Герлоф. – Астрид Линдер шестьдесят семь. Ну, может, шестьдесят восемь. Недавно вышла на пенсию... много лет работала врачом в Боргхольме. Но выросла-то она тут.

– И она живет в Стенвике круглый год?

– Теперь – да. Я оставил свой дом, а вот Астрид – наоборот. Как овдовела, переехала сюда жить. – Герлоф открыл дверцу и с трудом, преодолевая боль в суставах, поставил ноги на землю. – Она-то пободрей меня.

Юлия подошла и помогла ему вылезти из машины. Он кивнул в знак благодарности, медленно двинулся к крыльцу, но остановился и огляделся.

– Я, когда в Стенвике, пробую вообразить, что тут полно народа. Во всех домах люди живут... круглый год. Даже иногда кажется – шторы в окнах шевелятся. Тени какие-то на улице... краем глаза замечаешь, а повернешься – нет никого. Привидения, должно быть... привидения только краем глаза и увидишь.

Юлия промолчала. Что на это скажешь? Он и сам в привидения не

верит.

Низкая каменная ограда, красивая деревянная калитка, собранная из вставленных в дубовую раму переплетенных корней. В саду никого нет. Но мебель стоит – четыре белых пластмассовых стульчика на каменной террасе и пластмассовый же стол. Рядом с террасой – серый фаянсовый гном в зеленом колпачке. Стоит и смотрит на залив. Улыбка – до ушей.

Они позвонили в дверь, и тут же из дома донесся залиvistый лай.

– Тихо, Вилли, – слышался женский голос.

Но пес не унимался.

Дверь открылась, и оттуда точно ударила бело-рыжая молния; маленький песик засуетился у ног Герлофа, виляя хвостом и твякая. Герлоф нагнулся и придержал его за ошейник, чтобы не потерять равновесия.

– Успокойся, дурачок! – крикнула Астрид. Она стояла на пороге, маленькая, седая – и, по мнению Герлофа, очень красивая.

– Привет, Астрид.

Астрид застегнула на ошейнике карабинчик поводка и подняла глаза.

– Привет, Герлоф! Домой захотелось?.. О! – Она заметила Юлию. – У тебя новая девушка, как я погляжу.

Несмотря на солнце, с залива, ни на секунду не ослабевая, дул плотный холодный ветер. Но Астрид все равно накрыла стол во дворе, принесла Герлофу одеяло, а сама натянула толстый шерстяной свитер.

– Я бы тоже обошелся какой-нибудь кофтой, – смущенно сказал Герлоф.

– А вдруг у меня только одна? Ладно, шучу. Одеяло не помешает. Довольно свежо, как видишь.

Она принесла поднос с кофе и покупными коричневыми булочками. Астрид не любила стряпать.

Герлоф представил Юлию – это моя младшая дочь, замечательно, какой у вас славный пес, да, только сумасшедший, фокстерьеры, вы же понимаете, они все немного чокнутые...

Вилли постепенно успокоился, лег рядом и поглядывал на гостей озорными каштановыми глазенками, косясь то и дело на хозяйку – ну что, довольна? Никто не упоминал Эрнста.

Герлоф был почти уверен, что Астрид не помнит Юлию. Поэтому он удивился, когда она вдруг тихо сказала:

– Вы меня, конечно, не помните, Юлия... но я тоже была в тот день, все искали на берегу, и я, и мой муж... много было народу.

Герлоф не столько увидел, сколько почувствовал, как оцепенела Юлия на другом конце стола, как мучительно пытается подобрать какие-то слова.

– Спасибо... я и в самом деле не помню. Вообще почти ничего не помню, что тогда было.

– Конечно, конечно... – Астрид кивнула и сделала глоток кофе. – Такая суматоха... Полицейские катера, никто не знает, что делать... Одна группа пошла по берегу на юг, а мы с другой группой – на север. Шли и шли. Смотрели под каждой лодкой, за каждым камнем. Потом стемнело, руки собственной не видать... пошли назад. Ужас какой-то.

– Да... – Юлия не отрывала глаз от чашки с кофе. – Все искали. До темноты.

– Ужас, просто ужас, – повторила Астрид. – И ведь он не первый, кого поглотил пролив.

Ветер внезапно стих, и наступила полная тишина. Вилли беспокойно постучал по земле хвостом, встал и на всякий случай улегся на ногу хозяйки.

– Нашли сандалик Йенса, – неожиданно сказал Герлоф. Он смотрел на Астрид, но чувствовал на себе пристальный взгляд Юлии.

– Вот как... подумать только. В воде?

– Нет... не в воде. Кто-то хранил его все эти годы, а кто этот кто-то, мы пока не знаем.

– Подумать только! – удивилась Астрид. – А разве он не... разве мальчик не утонул?

Юлия молча вертела в руке чашку.

– Похоже, что нет... Темная история. Мы пока мало что знаем.

– А этот человек, о котором ты вчера рассказывал, – неожиданно вступила Юлия в разговор. – Этот... Нильс Кант. Может быть, он что-то знает о Йенсе? Как ты думаешь?

– Нильс Кант? – Астрид внимательно посмотрела на Герлофа. – Почему это о нем зашла речь?

– Так... вспомнилось.

Герлоф явно уклонился от ответа. Юлия виновато посмотрела на него – похоже, ляпнула что-то неуместное.

– Я просто подумала... может быть, он как-то в это дело замешан. Он ведь и раньше... С ним ведь и раньше все было... вкривь и вкось.

Астрид вздохнула.

– Я-то думала, про него давно забыли. Когда он уехал из Стенвика...

– А про него и забыли. Почти забыли. Например, Юлия до вчерашнего дня ничего о нем не слышала.

– Он был постарше меня, – кивнула Астрид, – но мы все равно учились в одном классе в средней школе. Почему-то всегда был в плохом настроении. Я, по-моему, ни разу не видела его веселым. Здоровый был парень и постоянно дрался. Девчонки его побаивались... да и мальчишки тоже. Он из таких, знаешь, – сам начинает драку, а сваливает на других.

– Я его по школе не помню, он позже меня учился, – сказал Герлоф. – Но Йон кое-что рассказывал о драках.

– А потом начал работать в каменоломне, она тогда им принадлежала, Кантам. – Астрид покачала головой. – Но и там все было не гладко.

– Тоже драка. Он чуть не утопил десятника, – кивнул Герлоф. – Помнишь, на другую же ночь, как он уволился, сгорела баржа в Лонгвике? «Изабелла». Стояла себе в Лонгвике и вдруг загорелась. Капитан, слава богу, проснулся. Еле успели отбуксировать ее от причала – она уже полыхала, как факел. Самовозгорание. Комиссия так решила. Но в Стенвике многие были уверены, что баржу поджег Нильс. Наверное, тогда все и началось...

– Что началось? – напряженно спросила Юлия.

– Что и что... в общем, Нильс Кант стал в Стенвике вроде козла отпущения. Что ни случись, думают на Нильса. Всё на него валили...

– Не всё, – поправила Астрид. – Только преступления. Пожары, кражи, падеж скота...

– Не только преступления. Несчастные случаи тоже. Крыло на мельнице треснуло, сеть разодрали, лодку оторвало с причала...

– Положим, он все это заслужил, – наставительно заявила Астрид. – Не раз доказывал.

– У него своя история... Отец-тиран, он, правда, помер, когда Нильс еще маленький был, а потом мать. Она внушала пацану, что лучше него в поселке нет никого. Да и не только в поселке. При таком воспитании...

Астрид покивала, соглашаясь, но тут же задумалась. Потом, словно очнувшись, тихо спросила:

– Я слышала по местному радио... Когда похороны, Герлоф?

Сменила тему, подумал Герлоф. А может, тоже как-то связала Нильса Канта с гибелью Эрнста.

– В среду, если я правильно понял. Во всяком случае, Йон так сказал.

– В марнесской церкви?

– В том-то и дело. – Герлоф нахмурился. – А ведь эта самая марнесская часовня его и убила.

– Эрнст был всегда так аккуратен с камнями... Не понимаю, что ему понадобилось там, на обрыве.

Герлоф молча пожал плечами.

– Теперь все? – спросила Юлия, не отрывая глаз от дороги. Они попрощались с Астрид и двинулись в путь.

– В каком смысле?

– Всех обитателей Стенвика навестили?

– В общем, да. Настоящих. Есть еще, кто приезжает на выходные из Боргхольма, из Кальмара... пятнадцать – двадцать человек, но я с ними не очень знаком.

– А летом?

– Летом? Всемирный потоп. Все забито туристами и дачниками, и их с каждым годом все больше. Многие строят летние дома. По несколько сотен приезжает. И столько же у Йона в кемпинге. Народу, наверное, больше, чем когда я мальчишкой был. А в Лонгвике еще того чище, они гостиницу на берегу выстроили. Оборудовали гавань для яхт.

– Я помню, как здесь бывало летом.

Герлоф протяжно вздохнул.

– Жаловаться грех. Люди с материка приезжают с деньгами.

– А как за всеми уследить?

– А никак. Летом не уследишь. Как в большом городе. Люди шатаются, где им заблагорассудится.

– А сейчас? Сейчас-то и следить некому, так что... – Она замолчала на полуслове.

– Астрид приглядывает, а если... – начал было Герлоф и тут же заметил странное выражение лица дочери. – Ты что?

– Я вспомнила... Эрнст заходил вчера, сказал, что ждет посетителя. Когда я смотрела твой дом. Так он сказал. Говорит: «Приходи посмотреть мои штуки, только не сегодня, сегодня у меня посетитель». Что-то в этом роде.

– Так и сказал? – Герлоф отвернулся и стал смотреть в окно.

– А может, речь шла об этом... Нильсе Канте?

– Все может быть, – без выражения сказал Герлоф.

– То есть Эрнст его ждал? Нильса Канта?

– Не думаю.

Разговор увял. Они как раз проезжали церковь, и Герлоф против воли стал думать о предстоящих похоронах.

– Ты что-то от меня скрываешь. У меня такое чувство, что ты знаешь больше, чем рассказываешь.

– Не намного. Если и больше, то не намного, – спокойно сказал

Герлоф, – но у нас есть кое-какие предположения. У нас с Йоном.

И у Эрнста были предположения, подумал он с грустью.

– Это не игра, папа, – тихо, но с нажимом произнесла Юлия. – Йенс – мой сын.

– Конечно. – Герлофу очень хотелось попросить Юлию, чтобы она перестала говорить о Йенсе, как о живом, временно отсутствующем человеке. – Скоро ты все узнаешь.

– Зачем ты рассказал Астрид про сандалик?

– Есть новости, которым надо помочь распространиться. Астрид наверняка будет рассказывать. – Он посмотрел на Юлию. – А ты вчера не рассказала полицейским? Я имею в виду про сандалик.

– Нет... с чего бы? У меня мысли были другим заняты.

– Да... можно попробовать выманить кого-то.

– Кого? И что значит «выманить»?

– Никогда не знаешь...

Они заехали на стоянку дома престарелых. Юлия опять помогла отцу выйти из машины.

– И чем ты сейчас займешься? – спросил он.

– Не знаю... схожу на кладбище.

– Хорошая мысль. У Эллы на могиле есть фонарь, так что можешь поставить в него свечу. У меня есть в комнате.

– Хорошо. – Юлия пошла с отцом.

– И осмотри там, на погосте. Как поставишь матери свечку, сходи к западной стене и посмотри могилы.

– Да? Зачем?

Она нажала на кнопку, и входная дверь медленно распахнулась.

– Узнаешь, когда увидишь, – сказал Герлоф.

Перед ней был могильный камень с надписью:

«НИЛЬС КАНТ».

Как и говорил Герлоф, у западной стены, крайний в длинном ряду могил. Имя и фамилия, чуть ниже дата: 1925–1963. Надгробие низкое, довольно непритязательное, обычный известняк, скорее всего из каменоломни в Стенвике. А может, вытесал этот камень не кто иной, как Эрнст Адольфссон. Тридцать лет назад... Вряд ли кто смотрит за могилой, кроме сторожа. На поверхности камня тут и там – белесые островки лишайника.

Сухая трава. Цветов нет.

Если Нильс Кант был в Стенвике, как сказал Герлоф, «козлом отпущения», почему тогда никто не упомянул его имя в связи с исчезновением Йенса? Да потому что он в то время уже почти десять лет лежал в могиле, вот почему. Герлоф послал ее сюда... зачем? Теперь-то совершенно ясно, что Нильс Кант никакого отношения к Йенсу иметь не мог. Более убедительное доказательство и придумать трудно – высечено на камне.

Опять тупик.

В двух метрах – еще один надгробный камень, из того же известняка, но выше и больше. Карл-Эйнар Андерссон, 1899–1935, Вера Андерссон-Кант, 1897–1972. Чуть пониже, маленькими буквами – Аксель Теодор Кант, 1929–1936. Это, конечно, тот самый утонувший братишка Нильса Канта. И тело его так и исчезло в проливе.

Юлия уже собралась уходить, но тут взгляд ее упал на клочок белой бумаги, еле заметно шевелящийся под ветром. Она бы его и не заметила, если бы не подошла ко второй могиле, – он лежал прямо за плитой. Подошла поближе.

Не клочок бумаги, а маленький белый конверт, вставленный между стеблями срезанных роз. Кто-то положил эти розы не так давно – еще не облетели сухие темно-красные лепестки. И почему-то не на камень, а позади. А может, ветром сдуло. Она взяла в руки конверт – влажный. Был под дождем.

Юлия огляделась. Ни единого человека. Прошла метров пятьдесят до белой церкви, но там, судя по всему, никого. Потрогала дверь – заперта.

Сунула конверт в карман пальто и вернулась к могиле матери. Собрала

руками мокрые березовые листья, успевшие нападать, пока она отходила. Проверила, горит ли свеча в маленьком светильнике. Горит.

Вздыхнула и медленно пошла к машине. До центра Марнеса было не больше километра.

В детстве поездка с дачи на восточный берег, в Марнес, была настоящим приключением. Там был не *киоск*, как в Стенвике, а настоящие *магазины*.

Она поехала в гавань – вспомнила, что там есть маленький ресторанчик. «Моби Дик. Ресторан и паб». Проезжая, заглянула в окно – в ресторане ни души. Правда, до ланча еще с полчаса.

Небольшая гавань тоже пуста – ни катеров, ни рыбацких лодок. Поставила машину на стоянку у небольшого супермаркета ICA и подошла к пустому бетонному пирсу – огромный указательный палец, вытянутый к пустому горизонту. Мелкая волна – море словно морщилось, не понимая, почему про него забыли. Где-то там, на северо-востоке, Готланд, а на юге – вновь ставшие самостоятельными балтийские государства, порвавшие с Советским Союзом. Эстония. Латвия, Литва. Мир, который Юлия никогда не видела.

Она повернулась и пошла по главной улице – ни одного прохожего. Магазин одежды, цветочный... вот и банкомат. Сняла триста крон и посмотрела на вылезшую из щели квитанцию. Денег на счету осталось совсем мало. Юлия поскорее смяла бумажку и выкинула. Чтобы не огорчаться.

У следующего дома она остановилась. На вывеске огромными буквами написано «ЭЛАНДС ПОСТЕН», а внизу, чуть помельче – «Дневная газета для всего северного Эланда».

Она подумала немного, преодолела нерешительность и толкнула дверь.

Над дверью звякнул маленький бронзовый колокольчик. Небольшой холл хорошо освещен, но навсегда пропах сигаретным дымом. Стойка дежурного пуста, а за ней – что-то вроде небольшой конторы: столы, заваленные бумагами и газетами, на столах компьютеры, а за компьютерами – два пожилых господина, один седой, другой лысый как коленка. Они словно в униформе, подумала Юлия – джинсы и никогда не глаженные сорочки. На столе лысого табличка – ЛАРС. Т. БЛОМ. У седого таблички нет, но Юлия сразу его узнала – Бенгт Нюберг, тот самый репортер с каменоломни. Она увидела его в окно.

На стене висели набранные крупным жирным шрифтом первостраничные рубрики, и среди них – «ТРАГИЧЕСКИЙ

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ В КАМЕНОЛОМНЕ».

Разве не все несчастные случаи трагичны?

– Могу чем-нибудь помочь? – Бенгт Ньюберг, похоже, ее не узнал. Он смотрел на нее поверх толстых очков для чтения. – Хотите дать объявление?

– Нет. – Юлия, собственно, и сама не могла бы объяснить, что ей здесь надо. – Шла мимо... я сейчас живу в Стенвике... мой сын пропал.

Зачем я это сказала?

– Вот оно что... Тогда вам нужно в полицию. Дом рядом.

– Спасибо. – У Юлии забилось сердце. Зачем она это сказала?

– Или вы хотите, чтобы мы об этом написали?

– Нет... пойду в полицию.

– Когда он пропал? – У Ларса Т. Блома оказался глубокий, хрипловатый бас. – Здесь, в Марнесе?

– Нет-нет... это произошло не сегодня. – Она почувствовала, что неудержимо краснеет. Ей почему-то стало стыдно, будто соврала без всякой на то причины. – Я пойду, пожалуй. Спасибо.

Быстро повернулась и вышла на улицу, чувствуя на спине недоуменные взгляды.

Глубоко вдохнула прохладный воздух и постаралась расслабиться. Зачем я вообще туда пошла? Зачем завела разговор о Йенсе? Ей всегда было трудно довериться незнакомым людям. А в такой дыре, как Марнес... все друг друга знают, ни одно новое лицо не остается незамеченным, тут же начинаются сплетни. Ей вдруг захотелось домой, в Гётеборг, где никто никого не замечает, отношения между людьми примерно такие, как у деревьев в лесу. Проходят мимо, даже не удостоив тебя взглядом.

Бенгт Ньюберг сказал правду – в соседнем доме помещалась полиция. Над входом красовался шведский герб – желто-голубой щит с тремя коронами.

На двери приклеена записка. Юлия поднялась на крыльцо и прочитала. Черной тушью было написано следующее:

«ОТДЕЛЕНИЕ РАБОТАЕТ ПО СРЕДАМ С 10 до 12».

Сегодня пятница, следовательно, марнесское отделение полиции закрыто. А если кто-то, не знакомый с местными правилами, выбрал для преступления другой день, не среду? Никакой записки, объясняющей, как поступать в таких случаях, Юлия не нашла.

Она спустилась с крыльца и услышала, как за спиной скрипнула дверь. Обернулась – на пороге стоял Леннарт Хенрикссон и приветливо улыбался.

– А я-то вижу, у меня посетитель, – сказал он. – Как мы сегодня себя чувствуем?

– Добрый день, – сказал Юлия, невольно улыбнувшись в ответ. – Спасибо, неплохо. Не думала, что кого-то застану. Там объявление...

– Знаю, знаю. – Леннарт махнул рукой, как будто отгонял муху. – В мои обязанности входит находиться здесь по средам, с десяти до двенадцати. Но я почти все время на месте. Дел полно. Факт не для разглашения.

Он опять улыбнулся и одернул форменную куртку. К поясу приторочен уоки-токи и пистолет в черной кобуре.

– Вы уходите?

– Хотел пойти поесть... Неважно, заходите.

Он отошел в сторону, уступив ей дорогу.

Помещение выглядело не таким новым, как по соседству в редакции, но все было прибрано, чисто, на окнах стояли горшки с цветами. И не было застоявшейся сигаретной вони. В конторе у Хенрикссона стоял единственный письменный стол. Аккуратно сложенные стопки бумаг, удобно расположенные компьютер, принтер и факс. Над полкой, забитой папками с названиями на корешках, – реклама. Даже не реклама – плакат с изображением телефона. Анонимная линия для наркоманов. На другой стене – карта северного Эланда.

– Какая славная у вас контора.

Леннарт Хенрикссон любил порядок, ей это было по душе.

– Вы так считаете? За тридцать лет много чего накопилось.

– А кроме вас, никого нет?

– Сейчас – нет. Летом присылают подкрепление, а вне сезона – никого, кроме меня. Ставки исчезают одна за другой. Экономия... – Он мрачно оглядел помещение. – Только и ждешь, что и мое отделение закроют.

– А что, собираются?

– Кто их знает. Высокое начальство только об этом и говорит – экономия, экономия, затянуть пояса... Считают, что надо вместо этого усилить региональный отдел в Боргхольме. Что от меня зависит? Молчу и надеюсь дослужить до пенсии... без этой тряски. – Он пожал плечами. – Вы уже поели?

– Нет.

Юлия покачала головой, прислушалась к своим ощущениям и поняла, что изрядно проголодалась.

– Предлагаю объединить наши усилия, – улыбнулся Леннарт. Юлии очень нравилась его улыбка – мягкая, немного виноватая.

– Что ж... неплохая идея.

Почему, собственно, я должна отказываться?

– Замечательно. Пойдем в «Моби Дик». Я только включу автоответчик.

Через пять минут они были в гавани. «Моби Дик». Лучший ресторан в городе. Лучший и единственный.

Ресторан обставлен своеобразно и со вкусом – рыбачьи сети, к деревянным стенным панелям прибиты потрескавшиеся старые весла, на стенах – морские карты. Уже настало время перерыва, и зал наполовину заполнен. Все-таки. Неразборчивый многоголосый говор, звяканье посуды. На Юлию тут же стали бросать любопытные взгляды, но Леннарт шел впереди, как бы загораживая ее, и выбрал стол в углу, у самого окна, с видом на море.

Когда она последний раз была в ресторане? Юлия не помнила, но было очень непривычно – сидеть за столом в помещении, набитом совершенно чужими людьми. Ей пришлось напрячься, чтобы выглядеть естественно и не отводить глаза.

– Милости прошу!

Мужчина с необъятным брюхом, в сорочке с закатанными рукавами дал каждому по кожаной папке с меню.

– Привет, Кент, – кивнул ему Леннарт.

– Что господа будут пить в этот прелестный осенний день?

– Легкое пиво^[7].

– Вода со льдом, спасибо.

Она с трудом подавила импульс заказать красное вино, лучше всего кувшин. Ничего, справится и на трезвую голову. К тому же ей еще вести машину. Подумаешь, страсти – миллионы людей каждый день едят ланч в ресторанах. Во всем мире, не только в Марнесе.

– А какое у тебя дежурное блюдо? – спросил Леннарт, не открывая меню.

– Лазанья.

– Вот и замечательно. Мне лазанью.

– Мне тоже, – кивнула Юлия.

Владелец ресторана протянул руку за меню, и Юлия заметила у него чуть выше локтя зеленую татуировку: несколько букв замысловатой каллиграфии, заключенных в фигурную рамку. Что там было написано, разглядеть не успела. Имя? Название корабля?

– Салат и кофе включены в цену, – сказал толстяк Кент и исчез. Походка у него оказалась неожиданно легкой, даже пружинистой.

Салаты были выставлены на отдельном столе в дальнем конце

помещения.

– Леннарт! – Какой-то мужчина в другом конце зала, привстав, делал Леннарту знаки.

Полицейский обреченно вздохнул.

– Сейчас приду, – извинился он и двинулся к пожилому дядьке со свекольной физиономией. Тот почему-то был одет в синий фермерский комбинезон. Юлия набрала салатов и в одиночестве вернулась за столик. Искоса поглядывала, как краснорожий фермер возбужденно доказывает что-то Леннарту. Леннарт отвечал тихо и коротко, но это только добавляло крестьянину пыла – жестикулирует, как в итальянском кино.

Явился пузатый Кент и принес две порции дымящейся лазаньи. Юлия оглянулась – Леннарт направлялся к ней. Наконец-то.

– Извините. – Он со вздохом сел.

– Ничего страшного. Дела есть дела.

– У него взломали сарай и уперли канистру с бензином... Полицейский в деревне без работы не сидит. Всегда на службе, даже за едой. Никаких проблем со свободным временем – его просто нет.

Он наклонился над тарелкой. Лазанья показалась ей очень вкусной, может быть, на голодный желудок. Мясного фарша, во всяком случае, повар не пожалел.

Леннарт расправился с лазаньей, сделал большой глоток пива и откинулся на стуле.

– Значит, приехали с папой повидаться... я так понимаю, купаться и загорать сейчас мало кто решится.

Юлия улыбнулась.

– Зря вы так... Эланд и осенью очень красив.

– Герлоф вроде бы ничего... если не считать ревматизм.

– Да. У него синдром Шёгрена. Боли в суставах. Рецидивирующие – то исчезают, то опять. Но голова – ясней ясного. И руки... он и сейчас может собрать кораблик в бутылке.

– Красиво у него получается, – улыбнулся Леннарт. – Я даже хотел заказать один для отделения, но как-то руки не дошли.

Они помолчали. Он допил пиво и тихо спросил:

– А вы, Юлия? Вы-то как? Вы хорошо себя чувствуете?

– Нормально, – быстро ответила Юлия. Это была неправда, и она вдруг поняла, что полицейский Леннарт Хенрикссон не просто задал дежурный вопрос. Лицо его светилось искренним участием. – Вы имеете в виду... вчерашнее?

– Да... в какой-то степени да. И это тоже. И давние дела...

– Вот оно что...

Леннарт знает. Конечно, знает, не может не знать. Он уже тридцать лет здесь, он же рассказывал. Тридцать лет в полиции. И он, как и Астрид, не побоялся коснуться запретной истории. Истории, о которой ее сестра уже слышать не могла, да и не только сестра. Вся родня.

– А вы тогда... *в тот день*... тоже были?

Леннарт внимательно изучал пустую тарелку.

– Да, конечно, – сказал он, не поднимая головы. – Я тоже искал. До сих пор помню – приехал одним из первых... организовывал цепочку. Надо было весь берег прочесать. Уже за полночь прекратили. Когда ребенок пропадает, знаете...

– Знаю, – одними губами почти прошептала Юлия. Астрид Линдер говорила то же самое. Только не расплакаться.

И тут же потекли слезы.

– Простите, – сказала она и достала из сумки носовой платок.

– А что здесь прощать? Я тоже иногда плачу.

...Иногда плачу... иногда плачу... слова отдались в сознании еле слышным эхом, как расходятся круги по воде от брошенного камня. Юлия сморгнула слезы и уставилась на серьезную физиономию Леннарта – просто, чтобы не блуждать взглядом. Надо срочно что-то сказать, прервать это мучительное молчание.

– Герлоф... – выдавила она. Голос не слушался. – Герлоф не верит, что он утонул. Йенс, мой сын...

– Вот как...

– Он... нашел башмачок. Маленький сандалик, детский.

– Башмачок? – Леннарт насторожился.

Она кивнула.

– И вы... его узнали?

– Да... скорее всего, да. Почти наверняка. – Она залпом допила воду. – То есть когда я его увидела, у меня и сомнений не было, а теперь... теперь – не знаю. – Она взяла себя в руки и посмотрела на полицейского. – Столько лет прошло. Есть такие вещи... думаешь, никогда не забудешь, а проходит время, и...

– Я бы хотел на него глянуть, – буднично сказал Леннарт Хенрикссон.

– Конечно, почему бы нет... – Она, собственно, не знала, как среагирует Герлоф на вмешательство полиции... ну и что? Йенс *ее* сын. – Вы думаете, это важно? Может куда-то привести... я имею в виду, поможет узнать хоть что-то?

– Излишне надеяться не стоит. – Он отправил в рот последний ломтик

помидора из тарелки с салатом. – Значит, Герлоф на старости лет подался в частные сыщики?

– Частный сыщик Герлоф Давидссон... возможно. – От того, что она говорила на эту полузапретную тему не с Герлофом, а с посторонним человеком, Юлия почувствовала странную свободу. – У него целый букет теорий.... Или как это называют в полиции? Версий? Гипотез? По правде говоря, я не знаю, что он напридумывал. Сандалик, как он говорит, послали ему по почте. Отправитель не указан. Он что-то рассказывал про человека по фамилии Кант, который...

– Кант? – обеспокоенно перебил Леннарт. – Он сказал – Нильс Кант?

– Да. Говорят, он жил когда-то в Стенвике, но когда я родилась, его уже не было. Я утром была на кладбище, и...

– Да, его могила на погосте за марнесской церковью.

– Я видела надгробный камень, – кивнула Юлия.

Леннарт насупился, не отводя глаз от пивного стакана. Вид у него был очень усталый.

– Нильс Кант... Нильс Кант отказывается умирать.

Эланд, май 1945 года

Жарко и сонно в альваре. Большая зеленая с металлическим отливом муха, полетав немного из стороны в сторону, осторожно садится на середину ладони. Прозрачные крылья ее замирают, тонкие ножки подрагивают – при малейшей опасности взлетит, только ее и видели. Но опасности нет – ладонь неподвижна.

Нильс Кант с ружьем наперевес смотрит на помойную муху на руке немецкого солдата. Солдат лежит на спине, голова чуть повернута – может показаться, что он с детским удивлением смотрит на сидящую у него на ладони муху. Плечо и шея – сплошная кровавая рана. Так бывает, когда стреляют из дробовика с близкого расстояния. На грязном солдатском кителе кровь уже запеклась.

Нильс переводит дыхание и прислушивается.

Раньше хоть муха жужжала, а теперь – полная тишина. Тихо в альваре. Даже жужжания не слышно. Выстрел, конечно, слышен издалека, но Нильс почти уверен – никто не слышал. Поблизости никаких дорог нет, а люди в альвар без особой нужды не ходят. Он спокоен.

Он очень спокоен. После шального, нечаянного выстрела, уложившего первого немца, он сразу успокоился. Словно чья-то невидимая рука легла ему на плечо – ты здесь главный, Нильс. Тебе нечего бояться.

Дрожь в пальцах сразу исчезла, и когда Нильс навел прицел на второго, он был спокойнее и увереннее, чем когда-либо. Если все это похоже на войну, то война похожа на охоту на зайцев.

– Давай его сюда, – повторил Нильс.

Он протянул руку, и немец его понял – передал ему маленький сверкающий камешек. Нильс не глядя опустил его в задний карман и прицелился.

Немец беспомощно поднял руки – он понял, чем все это кончится, и открыл было рот, но Нильс вовсе не собирался выслушивать его непонятные тирады.

– Хайль Гитлер! – выкрикнул он и спустил курок.

Оглушительный грохот – и сразу тишина.

И вот они лежат здесь, оба под кустами можжевельника, один чуть навалился на другого. Муха доползла до кончика указательного пальца, расправила крылья и улетела. Нильс проводил ее взглядом.

Легонько пнул верхнего носком сапога – тело сползло вниз. Теперь они лежат правильно, рядом. Можно было бы уложить еще эффектнее, но и

так согдится.

Они показались ему намного старше, но теперь, когда он их внимательно рассмотрел, понял, что оба примерно его возраста. И кто же они такие? Откуда?

Нильс ни слова не понял из того, что они лопотали, но совершенно уверен – немцы. Немецкая форма. Грязная и рваная, но сомнений нет – настоящая немецкая форма. Оружия нет, но у одного через плечо перекинута зеленая холщовая котомка – Нильс раньше ее не видел, она при падении отлетела в сторону. Странно, на ней нет ни пятнышка крови.

Он, не снимая котомку с плеча убитого, аккуратно развязал шнурки и откинул клапан. Сколько тут всего! Пара консервных банок без этикеток, маленький нож с деревянной рукояткой, моток бечевки, перевязанная этой же бечевкой пачка писем, полбуханки зачерствевшего черного хлеба. Темно-коричневый бинт, копеечный латунный компас.

Нильс кладет нож в карман – на память.

А это еще что? Железный футляр, довольно большой, плоский, похож на ящичек для сигар. Внутри что-то громыкает. Нильс открывает его – ящик полон сверкающих драгоценных камней. Вот это да!

Он высыпает камни в руку. Несколько совсем маленьких, как дробинки, другие побольше, с зуб. Штук двадцать, не меньше. И еще что-то завернуто в тряпку.

Он медленно разматывает тряпку. Распятие, величиной с ладонь, похоже, из чистого золота. Ничего себе... Он долго рассматривает распятие, аккуратно заворачивает, складывает все в футляр и сует в рюкзак. Аккуратно завязывает котомку и кладет рядом с трупами – там пожить больше нечем. Надо бы закопать солдат, но у него нет лопаты. Ничего, пусть полежат пока, завтра он придет сюда с хорошей лопатой и сделает все как положено. Брезгливо закрывает убитым глаза – нечего им глазеть в майское небо.

Встает и потягивается. Пора домой. Надевает рюкзак, перекидывает через плечо все еще горячее и пахнущее порохом ружье. На небе появились облака, они временами наплывают на солнце, и в альваре сразу меняется освещение, он будто покрывается пеплом.

Пройдя метров пятьдесят, Нильс оборачивается. Серо-зеленая солдатская форма почти неразличима на фоне травы и кустарника. А вот это нехорошо – неподвижная белая рука торчит из травы и хорошо заметна среди кривых стволов можжевельника...

Обойдется.

А что он скажет матери? Надо же объяснить мелкие пятна крови на

брюках. Вообще-то он рассказывает ей все, что видел в альваре, но иногда у него появляется чувство, что... она, конечно, слушает, но кое-что не хотела бы услышать во второй раз. Может быть, про эту маленькую войну с гитлеровскими солдатами не стоит ей рассказывать. Надо подумать.

И он думает, напряженно думает, но ничего в голову не приходит. Он уже почти приближается к дороге на Стенвик. Дорога пуста.

Нет, не совсем пуста. Кто-то там идет.

Первый импульс – спрятаться, но прятаться негде. За одиноким кустом можжевельника при его росте спрятаться невозможно.

Нильс останавливается у стены и ждет.

Это же Майя Ньюман!

Та самая девушка из Стенвика, на которую он долго поглядывал, но случая поговорить так и не подвернулось. Он и сейчас не должен бы с ней говорить, но она приближается с улыбкой – почему не улыбаться, такой теплый, прелестный весенний день! Майя замечает Нильса и – или ему это только кажется? – нет, точно: она замечает его, выпрямляет спину и выпячивает грудь.

Он стоит, словно окаменев, у низкой каменной стены. Майя Ньюман останавливается с другой стороны.

Она смотрит на него, но у него словно рот судорогой свело – не может выдать ни слова. Ему кажется, если он начнет говорить, получится только невнятное мычание... так бывает во сне: хочешь что-то сказать, что-то очень важное – и не можешь, язык не поворачивается во рту. Он даже не в состоянии заставить себя поздороваться. Вдруг запел соловей, и его щелканье словно подчеркнуло мучительную неловкость.

– Подстрелил кого-нибудь, Нильс? – наконец нарушает Майя молчание.

Его словно бьет током. Первая мысль – откуда она знает? Потом доходит: это не о солдатах. У него ружье, все знают, что он охотится на зайцев.

Он качает головой.

– Не-а. Зайцев даже не видел.

Он отступает на шаг, чувствует, как жестяной футляр в рюкзаке упирается ему в спину.

– Мне надо идти. Мать ждет.

– А почему не по улице?

– Хочу пройтись по альвару, может, заяц попадется, – говорить становится все легче и легче. Оказывается, он вполне может разговаривать с Майей Ньюман. Но не сегодня. В другой раз. – Ну, пока. – Он поворачивается, не дожидаясь ответа.

Он знает, что она стоит и смотрит ему вслед. Отсчитывает двести шагов и поворачивает к поселку.

Нильс все время слышит, как тихо перекатываются камушки в жестяном футляре. Вдруг ему приходит в голову – не стоит тащить их домой. С трофеями надо обращаться с умом.

Еще через несколько сотен шагов он останавливается у того самого памятного кургана, где когда-то спугнул лошадей. Он всегда проходит мимо этого курганчика по пути домой. Смотрит на насыпь из больших и поменьше камней.

В альваре никого нет. И соловей смолк – только тихий шепот ветра.

И ему приходит в голову мысль. Он снимает рюкзак, ставит его рядом с курганом и достает футляр.

На востоке виден силуэт марнесской церкви. Шпиль часовни отсюда кажется маленькой черной иглой, устремленной в небо. Осторожно, чтобы не повредить, Нильс снимает дерн и откладывает в сторону. Курганчик покрыт камнями только сверху, под слоем камней и щебня – земля. Вот и немецкий нож пригодился. Копать неглубоко – слой земли в альваре очень тонок, в лучшем случае два-три дециметра, а дальше – скала.

Нильс, то и дело оглядываясь, расширяет ямку, аккуратно складывает выбранную землю рядом. Вот и скала. Достаточно глубоко – сантиметров двадцать пять. Он осторожно кладет футляр в ямку и прикрывает плоскими камнями – получается что-то вроде свода. Потом быстро засыпает землей, кладет сверху камни и аккуратно укладывает куски дерна. Трава через полчаса распрямится, и вообще ничего не будет заметно.

Работа занимает довольно много времени.

Он устало поднимается и оглядывает свою работу. Никто и не подумает, что здесь кто-то копал. Надо бы руки вымыть.

Пора домой.

Надо рассказать матери про встречу с немцами. Только осторожно, чтобы она не волновалась. А о камушках – ни гу-гу. Пока ни гу-гу, а когда-нибудь... когда-нибудь он сделает ей шикарный сюрприз. А пока его трофей, и только его. Настоящий военный трофей. И никто, кроме него, про этот клад не знает.

Почти у самого дома Нильс натывается на двоих рыбаков в тяжелых сапогах с большим вентером. Сезон угря.

Они не здороваются, угрюмо смотрят в сторону. Лица знакомые, но как их зовут, Нильс не помнит. Да и черт с ними.

Нильс Кант – хозяин в альваре. Он важнее всех здесь, важнее, чем весь Стенвик, все его жители, вместе взятые. Сегодняшний бой в альваре еще

раз это подтвердил.

Уже почти вечер. Он открывает калитку. Входит в по-вечернему притихший сад, крупным, уверенным шагом идет по усыпанной гравием дорожке, вдыхая запах свежескошенной травы – садовник постриг газон.

Все выглядит точно так же, как утром, когда он уходил в альвар поохотиться на зайцев. Ничто не изменилось.

Изменился только сам Нильс Кант.

С сегодняшнего дня он совершенно другой человек.

Леннарт Хенрикссон стоял у стола Герлофа и взвешивал в руке пакет с сандаликом, словно таким путем пытался определить его подлинность. По виду Леннарта было совершенно ясно, что находка его обеспокоила.

– О таких вещах надо сообщать в полицию, Герлоф.

– Я знаю.

– Причем немедленно.

– Знаю, знаю. Не получилось. И что ты думаешь?

– Об этом? Не знаю. Стараюсь не делать поспешных выводов. А у тебя какие соображения?

– У меня соображение одно... хорошо, хоть одно насоображал... Не в воде надо было искать.

– А мы что, не искали? Ты что, не помнишь? Всю каменоломню обыскали, весь поселок обошли, все сараи, все будки. Я лично по альвару рыскал на машине полдня. Ничего, как тебе известно, не нашли. Но если Юлия утверждает, что это сандалик Йенса, надо относиться к этому серьезно.

– Я думаю, что это сандалик Йенса, – отозвалась Юлия.

– И ты получил его по почте?

Герлоф кивнул. У него появилось неприятное ощущение, что его допрашивают.

– Когда?

– На той неделе. Я сразу позвонил Юлии и рассказал... поэтому она и приехала. Может, не только поэтому, но и поэтому тоже.

– А конверт сохранил?

– Нет. Дурак потому что. Выкинул. Не сообразил. Но там не было ничего – только сандалик Ни записки, ни адреса отправителя. «Капитану Герлофу Давидссону, Стенвик» – и все. А почта переслала пакет сюда. Понимаю, что сделал глупость... но что за важность в конверте?

– Ты не забыл, что есть такая штука – отпечатки пальцев? – тихо сказал Леннарт и вздохнул. – Есть волосы... и много чего есть. Ладно, я возьму сандалик с собой. На нем тоже может что-то найтись.

– Мне бы хотелось... – начал было Герлоф, но Юлия его перебила.

– Вы хотите отправить его в лабораторию?

– Да... в Линчэпинг. Там есть так называемая ЦЛК. Центральная лаборатория криминалистики. Они такими вещами и занимаются.

Герлоф промолчал.

– Очень хорошо, – решительно сказала Юлия. – Пусть занимаются.

– А расписку дашь?

Юлия раздраженно передернула плечами – ей стало неудобно за отца. Но Леннарт принял вопрос совершенно нормально, только улыбнулся слегка.

– Конечно, Герлоф. Напишу тебе расписку, так что в случае чего... если, например, неумехи в Линчёпинге потеряют твой сандалик, подашь в суд на боргхольмскую полицию. Но я бы на твоём месте не беспокоился.

Юлия проводила полицейского и вернулась. Герлоф мрачно смотрел в окно и вертел в руке написанную довольно скверным почерком расписку Леннарта Хенрикссона.

– Леннарт говорит, надо всем рассказывать про сандалик, – сказала Юлия ему в спину.

– Вот как он, значит, сказал... – не поворачивая головы, медленно произнес Герлоф, – всем, значит, рассказывать...

– О чем ты думаешь?

– Тебе не надо было ему говорить.

– Ты же сам сказал – говори каждому встречному.

– Я полицию не имел в виду. Разберемся сами.

– Разберемся сами? – ядовито протянула Юлия. – Что значит – разберемся сами? Думаешь, похититель Йенса... если его вообще кто-то похитил... сам явится сюда? Я, мол, тоже хочу поглядеть на сандалик? Неужели ты веришь, что это возможно? Чтобы этот таинственный похититель пришел и рассказал, что он сделал с Йенсом?

Герлоф по-прежнему смотрел в окно. Даже головы не повернул.

– А что ты сам делал в тот день? – сказала она с нарастающим раздражением.

– Ты знаешь.

– Я знаю... Мама плохо себя чувствовала. Кому-то же надо было присматривать за твоим внуком! А ты пошел, как ни в чем не бывало, штопать свои сети. Тебе, видите ли, порыбачить захотелось.

Герлоф медленно кивнул.

– И тут упал туман, – сказал он.

– Да... густой, как... как гороховый суп. И что же ты сделал? Забеспокоился – как там, дескать, малыш в таком тумане? Пошел поскорее домой? Куда там! Ты продолжал возиться со своими проклятыми сетями. Это, конечно, много интереснее, чем нянчиться с маленьким ребенком. Что, не права я?

– Я все время прислушивался... Если бы Йенс... а я ничего не слышал.

– Да не об этом речь! Речь о том, что, когда ты был нужен, тебя никогда не было! *Все* в доме делалось, как *ты* того хочешь. Всегда, при любых условиях...

Герлоф не ответил. Ему показалось, что на улице стало темнее. Неужели уже начинаются сумерки? Он слушал дочь и думал – она права. Но что на это ответить?

– Я был вам плохим отцом, – грустно сказал Герлоф. – Ты права – меня часто не было с вами. Были другие дела... Но если бы я мог что-то сделать в тот день... если бы этого дня вообще не было.

Он замолчал – перехватило горло. Повисло тяжелое молчание.

– Я знаю, папа. – Юлия уже ругала себя за несдержанность – Я ничего такого не хотела сказать... меня-то вообще не было на Эланде. Помню, ехала через мост и видела, как на остров ползет туман... Сколько я себя проклинала потом, что оставила Йенса! Даже не поцеловала на прощанье...

Герлоф тяжело вздохнул и повернулся.

– В среду мы хороним Эрнста. А во вторник мы с тобой пойдем к человеку, который послал мне этот сандалик.

Юлия потеряла дар речи.

– Как... – только и смогла выговорить она.

– Я знаю, кто послал.

– На сто процентов?

– Девяносто пять.

– Где он живет? Здесь, в Марнесе?

– Нет.

– В Стенвике?

– В Боргхольме.

Юлия замолчала – ей казалось, что это скверная шутка.

– О'кей. – Она постаралась, чтобы голос звучал как можно более нейтрально. Не надо быть дурой. – Поедем на моей машине.

Она встала и взяла с кровати пальто.

– А сейчас чем займешься?

– Не знаю... поеду в Стенвик... сгребу листья на участке. Как-никак, дом есть дом. Вода, свет, плита... можно хоть поесть по-человечески. А спать буду в хижине. Там и в самом деле стало прилично. И спалось хорошо.

– Ладно... Не забывай про Йона и Астрид. Вы должны держаться вместе.

– Конечно, конечно... – Она надела пальто. – Кстати, на кладбище я

была. Могила в порядке, церковный совет не сидит без дела. Зажгла свечу.

– Она горит пять дней... до выходных будет гореть. Я там бываю. Хотелось бы почаще, но... – Он прокашлялся. – А для Эрнста могилу уже выкопали?

– По-моему, нет. Не видела. Но зато я видела могилу Нильса Канта. Ты ведь меня за этим послал?

– Ну.

– А ведь я, пока не видела могилу, и в самом деле начала подозревать... а теперь понимаю, почему никто не назвал его имени.

Герлоф хотел сказать, что лучшая маскировка для убийцы – считаться мертвым, но промолчал.

– На могиле розы.

– Свежие?

– Нет... наверное, с лета. И вот еще что, – вспомнила она, полезла в карман пальто и вынула конверт. Конверт почти высох. – Может быть, нехорошо... это же все-таки что-то личное, а мы...

Но Герлоф, не слушая, быстро открыл конверт, достал маленькую записку и прочитал – сначала про себя, потом вслух:

– *Все мы предстанем на суд Христов...*^[8] – Он посмотрел на Юлию. – Вот и все. Это из Послания к римлянам. Могу оставить себе?

– Конечно, – пожала плечами Юлия. – А скажи мне... часто приносят цветы на могилу Канта?

– Не особенно. – Герлоф положил записку в конверт и сунул в ящик стола. – Но приносили... Несколько раз приносили за эти годы. Цветы. Я сам видел розы.

– Значит, какие-то его друзья или родственники живы?

– Не знаю, друзья ли... во всяком случае кто-то, кто его помнит. Известный факт – и у преступников бывают поклонники.

Они замолчали. Каждый думал о своем. Первой прервала молчание Юлия.

– Ну ладно. Еду в Стенвик.

– А завтра что собираешься делать?

– Не знаю... Может быть, съезжу в Лонгвик. Посмотрим.

После ухода дочери из Герлофа словно выпустили воздух. Он посмотрел на руки – дрожат. Разговор отнял много сил, но сегодня надо было еще кое-что сделать.

– Торстен, ты хоронил Нильса Канта?

Два старика. Каждый за своим столом. Никого, кроме них, в

полуподвальном помещении для так называемых активных развлечений не было. Впрочем, Герлоф тщательно продумал это уединение – сразу после обеда спустился сюда на лифте и больше часа ждал, пока пожилая дама закончит ткать свой бесконечный коврик.

Ему хотелось поговорить с глазу на глаз с Торстеном Аксельссоном, работавшим могильщиком в марнесской общине с послевоенных лет. Пока он ждал, за узким, на уровне земли окном сгущались и сгущались осенние сумерки.

Он не сразу задал главный вопрос – сначала поговорили о предстоящих похоронах. У Торстена тоже ревматизм, но с головой все в порядке, и с ним иной раз очень забавно почесать языками. Торстен, похоже, не испытывал ностальгии по своей работе, в отличие от Герлофа, которому все время снились морские сны.

На столе у Герлофа лежали кусочки дерева, клей, инструменты и обрывки разнокалиберной наждачной бумаги. Он делал модель галеаса «Пакет» – последнего парусника. «Пакет» в шестидесятых забрали в Стокгольм, где он сделался туристским аттракционом. Корпус уже готов, но с такелажем предстояло еще много работы. А окончательно парусник будет собран уже в бутылке – мачты и паруса можно установить только на месте. Все требует времени.

Что ж, вопрос, наконец, задан. В ожидании ответа он тщательно, с помощью двух пинцетов, мельчайшей шкуркой полировал крошечную палочку, которой было суждено стать реей на грот-мачте.

Аксельссон ответил не сразу, сначала пристроил на место никак не дававшийся ему элемент пазла и довольно крикнул. В конечном счете пазл должен был представлять большую копию «Кувшинок» Клода Моне.

Он удовлетворенно придавил указательным пальцем строптивый кусочек картона и посмотрел на Герлофа.

– Канта?

– Да. Нильса Канта. Могила на отшибе, у самой стены. Меня-то на похоронах не было, я же тогда жил в Боргхольме.

Аксельссон кивнул и повертел в руке следующую фигурку, целиком зеленую, без опознавательных примет. Как можно догадаться, куда ее вставить?

– Да... было дело. Могилу я копал, и гроб тоже нес я, с напарниками. Других желающих не нашлось.

– А кто-нибудь вообще пришел его хоронить? Кто-нибудь его оплакивал?

– Мать... Она не отходила от гроба. Я раньше-то ее и не видел никогда.

Худая, жилистая. В черном пальто. Но не могу сказать, чтобы она особенно его оплакивала. Вид у нее был... я бы даже сказал – довольный.

– Довольный?

– Да, можно сказать, довольный. Как она себя в церкви вела, я, понятное дело, не видел, но когда гроб предавали земле... По-моему, и вуаль-то надела, чтобы не видели, как она улыбается. Довольный у нее был вид, довольный.

Герлоф кивнул.

– И что, никого больше на кладбище не было? Только она?

– Почему не было? Были, но чтобы кто-нибудь переживал... такого не помню. Полицейские к могиле даже не подходили. Стояли у ворот и поглядывали.

– Хотели, наверное, убедиться, что Кант их больше не потревожит.

– Думаю, не только полицейские. Все вздохнули с облегчением. Кроме разве что пастора Фридланда.

– Ну, у пастора-то горе понятное. За это ему и деньги платят.

Они помолчали. Герлоф положил рею в маленькую коробочку и взялся за корпус – обдумывал следующий вопрос.

– Ты сказал, что Вера Кант улыбалась у могилы... мало ведь кто из матерей станет улыбаться на похоронах сына. Какой бы он ни был, этот сын... Тут и начинаешь задумываться – может, его и в гробу-то не было?

Аксельссон вздохнул, отложил в сторону непонятную зеленую фигурку, похожую на бегущего человечка рядом с надписью «Выход», и взял другую.

– Что ты хочешь спросить. Герлоф? Не показалось ли мне, что гроб необычно легкий? Этот вопрос мне за эти годы задавали не раз.

– Еще бы не задавали. Ты же и сам наверняка слышал разговоры – похоронили, мол, пустой гроб. Не было там Канта.

– Слышал, слышал... и вот что я тебе скажу, Герлоф. Кончай сомневаться на этот счет. Гроб несли четыре мужика. И до службы, и после службы. Тяжелый, как...

Герлоф понял, что задел профессиональную честь старого могильщика, но все же продолжил.

– Еще говорят, что там камни были в гробу. Или мешок с песком.

– И это я слышал. Я сам-то, конечно, в гроб не заглядывал, не мое это дело, но кто-то ведь смотрел? Когда его на пароме привезли на остров?

– А я слышал, что гроб вообще не открывали. Он был вроде бы опечатан, и никто не хотел брать на себя ответственность. Да и нервы свои люди берегут.

– Не знаю... слабо помню только вот что: свидетельство о смерти было выписано где-то в Южной Америке, документы пришли вместе с покойником, на одном из сухогрузов Мальма. На терминале в Боргхольме свидетельство даже прочитали, нашелся там кто-то, кто более или менее кумекал в испанском. Причина смерти – утопление, вот что там было написано. И тело пробыло в воде довольно долго, наверняка не особо приятное зрелище.

– А может, никто не хотел связываться с Верой Кант, вот и не стали открывать гроб, – задумчиво сказал Герлоф. – Всем хотелось поскорее похоронить Нильса Канта и жить дальше.

Аксельссон внимательно посмотрел на него и пожал плечами.

– Что ты меня-то спрашиваешь? – Он пристроил очередную фигурку в пруд. – Я его положил в землю, закопал и пошел домой. Сделал свою работу.

– Это я понимаю, Торстен.

Следующий кусочек картона нашел свое место на удивление быстро. Аксельссон удовлетворенно почмокал, потер руки и встал.

– Пора кофе пить, – сказал он и пошел к двери, но на пороге задержался и обернулся к Герлофу. – А ты сам-то как думаешь? Лежит Кант в своем гробу или нет?

– Ясное дело, лежит, – ответил Герлоф, не поднимая глаз от работы.

Герлоф вернулся в отделение в начале восьмого. Аксельссон поторопился – до вечернего кофе было еще полчаса. В марнесском доме престарелых все шло по расписанию.

Разговор с Аксельссоном удался, решил он для себя. Ему, по крайней мере, он дал очень много. Разве что чересчур уж он разговорился под конец, стал давить на Торстена, и тот, естественно, поспешил уйти... а очень может быть, в этом есть и свой резон: Торстену разговор явно запал в голову, и разговоры в коридорах заведения пойдут очень скоро, если уже не пошли. С чего бы Герлоф вдруг заинтересовался Кантом? Может, и не только в коридорах. Ко многим приходят родственники, так что новость эта вскоре покинет стены дома. Но ведь он этого и хотел – разворошить муравейник, глядишь, кто-то зашевелится.

Он тяжело опустился на кровать и взял утренний номер «Эландс Постен» – не было времени прочитать. Да и желания.

Самая большая новость – несчастный случай в Стенвике. С фотографиями Бенгта Ньюберга – панорама каменоломни с наложенной стрелкой, указывающей, где произошло несчастье.

Значит, полиция в Боргхольме уверена – несчастный случай. Старый Адольфссон хотел передвинуть статую поближе к краю, поскользнулся и упал. Хотел удержаться, а вместо этого свалил изваяние на себя. Ничто не указывает на преступление.

Репортаж был на полстраницы, но Герлоф дальше читать не стал. Перелистал газету – обычные новости. Затянувшееся строительство в Лонгвике, пожар в амбаре под Лётторпом. Выживший из ума старик, ушедший в альвар, все еще не найден. Найдут, конечно, но ведь наверняка замерз, бедняга...

Герлоф сложил газету и положил назад на ночной столик. Взгляд его упал на кошелек Эрнста на столе. Открыл, посмотрел на пачку денег и такую же толстую, если не толще, пачку квитанций. Деньги пусть лежат, а на квитанции можно взглянуть и попристальнее.

В основном чеки из продуктовых магазинов в Марнесе и Лонгвике. Выписанные самим Эрнстом от руки копии квитанций от летней продажи своих изделий.

Герлоф искал свежие, двух-трехдневной давности. Но не нашел.

Зато в самом низу лежал входной билет в музей. *Музей дерева в Рамнебю*. На кусочке плотной бумаги красовалось изображение штабеля досок. Наискосок шел синий штемпель: *13 сент*.

Герлоф положил билет на тумбочку. Остальные квитанции и чеки скрепил скрепкой и засунул в ящик стола. Подвинул к себе тетрадь, взял карандаш и, подумав, записал следующее:

Вера Кант улыбалась на похоронах сына.

И еще вот что:

Эрнст посетил пилораму Кантов в Рамнебю.

Вложил билет в тетрадь, захлопнул и сел. Ждал, когда принесут вечерний кофе. Привычки, привычки... чем старше становишься, тем важнее привычки. Привычки становятся ритуалами и заменяют жизнь.

Юлия просто-напросто не заметила, как выпила первый бокал. Она видела, как Астрид разливает вино, смотрела на маленький рубиновый водоворот, потом протянула руку – и, к своему удивлению, обнаружила, что бокал пуст. Но вкус вина во рту, знакомое, медленно разливающееся по телу тепло свидетельствовали недвусмысленно – да, я выпила. И чувство свидания с давно не виденным другом.

За окном садилось солнце. У Юлии болели бедра после долгой велосипедной прогулки вдоль берега.

– Еще бокал? – Астрид улыбнулась.

– Да, спасибо. – Юлия постаралась придать голосу как можно более равнодушную интонацию – дескать, могу выпить, а могу и не пить. – Хорошее вино.

Укол совести – никакого вкуса она и не заметила. Ей было все равно. «Хорошее вино». Она попросила бы добавки, даже если бы это было плохое вино. Или уксус с градусами.

На этот раз она заставила себя пить медленно. Сделала пару маленьких глотков, поставила бокал на кухонный стол и выдохнула. Х-ху.

– Тяжелый день? – спросила Астрид.

– Да... довольно тяжелый.

А почему тяжелый? Что, собственно, произошло? Ничего особенного.

Прокатилась на велосипеде до соседнего Лонгвика, там поела ланч. Поговорила со стариком, торговцем яйцами. Тот почему-то уверен, что ее сына Йенса убили. Йенс не просто умер давным-давно и где-то похоронен. Нет, его убили.

– И вправду тяжелый день, – повторила Юлия и допила второй бокал.

Вечер накануне выдался совершенно ясным. В аспидно-черном небе сияли алмазные вензеля звезд. Ей предстояло провести вторую ночь в рыбацкой хижине отца.

Здесь у нее и других друзей-то нет, кроме этих холодных звезд. Криво повешенный месяц напоминал ей осколок кости. Юлия долго стояла на пустынном берегу, смотрела на грозное, но почему-то все же успокаивающее сияние звезд. Вернулась в хижину и обнаружила, что в одном из окон у Астрид горит свет. Значит, есть, по крайней мере, еще одна живая душа в этой огромной ночи.

Заснула она, как и в первый вечер, на удивление быстро и крепко, и

через восемь часов проснулась от вздохов прибоя, совпадающих с ее собственным дыханием.

Я выпалась. Я спокойна.

Каменистый, пустынный пейзаж впервые не внушал ей никаких мрачных мыслей. И еще она поймала себя на том, что впервые может смотреть на кружевную пену прибоя, не думая о детских косточках.

Поднялась в дом – умыться и позавтракать. Прошла по участку и нашла старый дамский велосипед за сараем. Она вспомнила – это велосипед Лены. Ржавый, несмазанный, но шины, как ни странно, не спущены. Герлоф, что ли, накачал.

Внезапно приняла решение: поеду в Лонгвик и там поем ланч. А еще найду старика по имени Ламберт и попрошу прощения, что много лет назад его ударила.

Дорога была скверной, каменистой, с бесчисленным количеством мелких ям. Но ехать можно. И потрясающе красивый пейзаж, он всегда был красивым – справа бесконечный альвар, слева, под обрывом – расплавленное олово моря. В сторону каменоломни она после вчерашнего смотреть избегала.

Солнце, ветер в спину – прогулка оказалась замечательной.

Поселок Лонгвик, расположенный в пяти километрах к северу, был побольше, чем Стенвик, но отличался не только размерами. Здесь был оборудованный песчаный пляж, гавань для яхт и катеров – с буйками, мостками, кнехтами, будками для моторов и парусов. В центре в последние годы появились большие дома – люди с материка вскладчину покупали квартиры и в сезон поочередно ими пользовались. И бесчисленные дачи по окраинам – и с севера, и с юга.

Она наткнулась на объявление: «ПРОДАЕТСЯ УЧАСТОК». По всем признакам в Лонгвике шло бурное строительство. Тут и там огорожено, забиты разметочные колышки, стоят поддоны с кирпичом, импрегнированными досками, проложены новые грунтовые дороги.

И, конечно, отель в гавани. А как же! Длиннущее строение, занимающее весь песчаный участок пляжа, три этажа, большой ресторан.

Юлия заказала пасту с пармезаном и грибами и медленно ела, предаваясь ностальгическим воспоминаниям. Когда-то, еще в шестидесятые годы, они с подружками ездили сюда на велосипедах – на танцы. Отель тогда назывался постоялым двором и был намного меньше, но казался огромным и величественным: он как бы предвещал всю роскошь, которую им предстоит вкусить во взрослой жизни. Большая

деревянная терраса над водой – танцплощадка. Они танцевали там до поздней ночи. Американский и английский рок гармонично сплетался с ритмичными ударами волн. Пахло потом, лосьонами после бритья, сигаретами. Здесь она выпила свой первый бокал вина. Иногда ее подвозил домой знакомый парень на тарахтящем мотороллере – с максимальной скоростью, которую из него можно было выжать, без шлемов, сквозь волшебную звездную ночь... она была тогда твердо убеждена, что жизнь с каждым днем будет все лучше и лучше.

Той террасы уже нет. Отель перестроили, появились залы для конференций и большой бассейн.

Поев, Юлия открыла взятую у Герлофа книгу. «Преступления на Эланде». В главе под названием «Убийца, избежавший возмездия» речь шла исключительно про Нильса Канта. О преступлении, которое он совершил в альваре весной 1945 года, и дальше вот что:

Кем же были те двое, которых Нильс Кант хладнокровно расстрелял в этот солнечный день?

Возможно, немецкими дезертирами, которым удалось переправиться через Балтику, чтобы избежать кровавых боев в Курляндии на западном берегу Латвии. Красная армия окружила немецкие части, и единственным способом избежать неминуемой гибели было найти какую-нибудь более или менее пригодную посудину и пуститься в плавание. Риск был огромным, но, несмотря на все опасности, довольно много и солдат, и гражданского населения выбирали этот путь.

Но это только предположения. Никаких документов у убитых не нашли, ни солдатских карточек, ни паспортов, ни жетонов – ничего. Их похоронили в безымянной могиле.

Но кое-какие следы они все же оставили. Кант, когда оставил тела убитых им солдат в альваре, не знал, что в то же время нашли маленький, выкрашенный в зеленую краску катер с немецким названием, брошенный у берега в нескольких километрах от Марнеса.

В полузатопленном катере обнаружили солдатские каски, несколько дюжин консервных банок, горшок, сломанное весло и банку порошка против вшей, разработанного личным врачом Гитлера Теодором Мореллем исключительно для вермахта.

Находка, естественно, привлекла к себе внимание. Канту было невдомек, что многие жители Марнеса еще до него знали, что где-то поблизости скрываются чужаки. И кое-кто пустился на поиски. Некоторые даже взяли с собой оружие.

Нильс Кант не позаботился похоронить убитых. Он даже не прикрыл тела. Трупы в альваре немедленно привлекают внимание стервятников, как четвероногих, так и крылатых, и их скопление заметили издалика.

То есть обнаружение трупов солдат было лишь вопросом времени.

Подошла официантка – прибрать стол. Юлия захлопнула книгу и задумчиво посмотрела на море и на пустой песчаный пляж.

Леденящая душу история... но Нильс Кант лежит в могиле, и она не понимала, почему Герлоф так многозначительно вручил ей эту книгу. Почему он посчитал важным, чтобы она все это прочитала?

– Сколько я вам должна?

– Сорок две кроны, спасибо.

Молоденькая девушка, наверное, даже двадцати еще нет. Судя по всему, работа ей нравилась.

– У вас тут круглый год открыто? – спросила Юлия, отсчитывая деньги.

Ее удивило, что в Лонгвике, несмотря на осень, довольно много людей – и в городе, и в отеле.

– С ноября по март открываем только по выходным. У нас тут любят устраивать конференции.

Она приняла деньги и полезла в кошелек за сдачей.

– Спасибо, не надо. – Юлия опять посмотрела на серую воду и продолжила: – Я хотела вас вот о чем спросить... Вы, случайно, не знаете в Лонгвике человека по имени Ламберт? Фамилию я не помню... Свенссон, а может быть, Нильссон или Карлссон. Короче, зовут его Ламберт.

Официантка ненадолго задумалась и покачала головой.

– Ламберт? – переспросила она. – Имя нечастое, я бы запомнила, если бы знала. Но мне кажется, никогда даже не слышала.

Совсем другое поколение... Что она может знать о лонгвикских старожилах? Юлия полушутливо развела руками: что ж, нет – значит, нет. Она уже встала, но официантка ее удержала.

– Спросите Гуннара. Гуннар Юнгер, владелец отеля. Он здесь всех знает. Выйдете через главный вход, налево, обогнете здание. Администрация с торца. Гуннар почти всегда там.

Юлия поблагодарила, задвинула стул и пошла к выходу. Опять вода со льдом... уже входит в привычку. Вышла на улицу и с удовольствием отметила, что голова совершенно ясная. Почти забытое ощущение. Но если она найдет этого Ламберта, стакан вина был бы очень даже уместен.

Свенссон, Нильссон или Карлссон.

Она пригладила волосы. Рядом с массивной деревянной дверью привинчены несколько вывесок с названиями предприятий. Вот оно, то, что ей нужно. На самом верху: АО «Лонгвикский конференц-центр». Она открыла дверь и попала в небольшую приемную с желтым ковровым покрытием на полу и искусственными растениями в кадках.

Прямо как в центре Гётеборга. Звучит тихая, как теперь говорят, *психоделическая* музыка. За стойкой – молодая, прекрасно одетая женщина, к ней склонился такой же молодой парень в белой сорочке. Оба без удовольствия посмотрели на Юлию – у нас тут важный разговор, а вы мешаете. Женщина первой взяла себя в руки, соорудила доброжелательную улыбку и поздоровалась. Юлия кивнула в ответ – в обществе незнакомых людей она всегда чувствовала себя напряженно – и спросила, где можно найти Гуннара Юнгера.

– Гуннар? А он вернулся с ланча?

– Вернулся, – сказал молодой человек. Тоже сама приветливость. – Пойдемте, я вас провожу.

Они прошли по короткому коридору с полуоткрытой дверью в конце. Молодой человек постучал.

– Папа? К тебе пришли.

– Заходите.

Кабинет невелик, но вид из панорамного окна просто фантастический. Пустой берег, море, пена прибоя. За столом сидел крупный мужчина с седой бородкой и пересчитывал что-то на калькуляторе. Белая сорочка с подтяжками. Коричневый пиджак на спинке стула. Рядом с калькулятором газета. «Эландс Постен». Гуннар, похоже, читал газету и одновременно жал кнопки калькулятора. Разве это возможно?

– Добрый день. – Веселый взгляд из-под кустистых бровей. – Чем могу помочь?

Он улыбнулся, но калькулятор не отложил.

– У меня только один вопрос... – Юлия сделала робкий шаг вперед. – Я ищу Ламберта.

– Ламберта?

– Он живет в Лонгвике. Фамилия, по-моему, Карлссон.

– Тогда Ламберт Нильссон. Других Ламбертов у нас нет.

– Вот именно, Нильссон, – быстро поправилась Юлия.

– Тогда вы немного опоздали. Он умер пять лет назад. Единственный Ламберт.

– Вот как...

Секундное разочарование – но она тут же сообразила, что другого

ответа и не ждала. Он уже тогда был далеко не юноша, когда под вечер приехал на мотороллере. Хотел помочь найти ее сына.

– Младший брат его жив. Свен-Улуф Нильссон. Бодрый старик. Он живет на холме, за пиццерией. Там и Ламберт жил. Свен-Улуф торгует яйцами, так что ищите участок, где куры бегают.

– Спасибо.

– Кстати, если увидите его, передайте от моего имени: коммунальное водоснабжение стало еще дешевле. Он – единственный во всем поселке, кто предпочитает пользоваться собственным колодцем.

Юлия серьезно кивнула.

– Передам.

– Вы остановились в нашем отеле?

– Нет... но в юности часто приезжала сюда на танцы... Я живу в Стенвике. Юлия Давидссон.

– Не родственница старине Герлофу?

– Я его дочь.

– Вот как! Замечательно! В таком случае передайте ему сердечный привет. Мы ему заказывали кораблики в бутылках и, скорее всего, закажем еще.

– Обязательно передам.

– У вас там красиво, в Стенвике, правда? Тихо, спокойно... заброшенная каменоломня, пустые дома. – Он слегка улыбнулся. – Мы-то пошли другим путем. Сделали ставку на туризм, гольф, конференции. По-видимому, единственный способ вдохнуть жизнь в прибрежные поселки здесь, на севере Эланда.

– Судя по всему, у вас получается.

* * *

А может, Стенвику тоже надо пойти этим путем? Поставить на туризм...

Вопрос без ответа. Лонгвик уже обогнал их настолько, что вряд ли удастся с ним конкурировать. Прибрежный отель... пиццерия... нет, в Стенвике все это вряд ли возможно. Стенвик обречен на жизнь два месяца в году. Все остальное время – спячка. И ничего с этим не сделаешь.

Она миновала маленькую заправку и прошла по широким мосткам мимо пиццерии.

Улица дальше карабкалась на небольшой холм. Подгоняемая ветром, Юлия поднялась на самый верх. Там шумела небольшая рощица. За рощей она увидела низкую каменную изгородь, а за изгородью – беленый домик и

каменный курятник.

Кур она не заметила, но поняла, что не ошиблась: на калитке был прибит деревянный щит с надписью: ЯЙЦА НА ПРОДАЖУ.

Она открыла калитку и пошла по дорожке, выложенной необработанными каменными плитами. Зеленая колонка напомнила ей просьбу Гуннара Юнгера насчет коммунального водоснабжения. Дверь закрыта. Она нажала кнопку звонка и прислушалась. Решила, что никого нет, но в этот миг в доме послышались тяжелые шаги. Дверь открылась, и на пороге появился старик, тощий и морщинистый, с редкими, зачесанными на темя, серебристыми с желтизной волосами.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

– Яйца?

Юлия, по-видимому, оторвала его от стола, потому что он все еще что-то дожевывал.

Она кивнула. А почему бы заодно не купить яиц?

– Вас зовут Свен-Улуф? – спросила она на удивление свободно. С этим стариком она почему-то не ощущала неудобства.

А может, начинаю привыкать? Здесь, на Эланде, я только и делаю, что встречаюсь с чужаками.

– А как же еще? Конечно, Свен-Улуф. Так меня и зовут. Сколько тебе? – Он поочередно сунул ноги в стоящие под вешалкой большие резиновые сапоги.

– Шесть... шесть штук хватит.

Свен-Улуф вышел на порог.

Мимо ног его проскользнул, как черная тень, большой кот, не удостоив Юлию даже взглядом.

– Пойду принесу.

Юлия последовала за ним в небольшой курятник на другом конце двора.

Он открыл зеленую дверь. Юлия входить не стала. И здесь кур не видно, зато на столах стоят несколько ячеек с яйцами. Очень темно.

– Сейчас свеженьких принесу, – сообщил Свен-Улуф и открыл еще одну дверь, выкрашенную почему-то в полоску.

Юлия сразу почувствовала характерный запах куриного помета. Пахло также пылью и теплым, застоявшимся воздухом. В курятнике было совершенно темно.

– Сколько у вас кур?

– Теперь не так уж много. Штук пятьдесят... не знаю, смогу ли держать

все это хозяйство на плаву.

Из курятника донеслось осторожное, тягучее кудахтанье.

– Я слышала, Ламберта уже нет в живых, – крикнула она в пространство.

– Кого? – послышался голос из темноты. – Ламберта? Ламберт помер в восемьдесят седьмом.

Юлия никак не могла взять в толк, почему он не зажигает свет. А может, лампа перегорела.

– Я с ним встречалась. – Она не видела собеседника и невольно говорила громко, хотя он и так бы ее наверняка услышал.

– Да? Вот как...

Похоже, ему было неинтересно выслушивать какие-то связанные со старшим братом истории.

– В Стенвике, я там живу.

– Вот как...

Опять «вот как».

Юлия переборола себя, шагнула в темноту и сразу услышала, как занервничали куры – закудахтали быстрее, с истерическими возгласами, задвигались на насестах. Впрочем, отсюда видно не было – может, он держит их в клетках и никаких насестов, которые она тут же себе представила, там нет.

– Моя мать Элла позвонила Ламберту, нам нужна была помощь... надо было помочь найти пропавшего... человека. Его не могли найти уже три дня, даже следов никаких не обнаружили. Нигде. И тогда Элла вспомнила про Ламберта. Вы же знаете... про Ламберта говорили, что он может найти все что угодно. Не знаю, правда ли, но Элла так сказала.

– Элла Давидссон?

– Да... она позвонила, и Ламберт на следующий же день приехал. У него еще был такой старенький грузовой мотороллер...

– Был, как же... итальянский. Ламберт всегда был готов помочь.

Глаза немного привыкли к темноте, и Юлия заметила Свена-Улуфа. Покачивающаяся тень в курятнике. Она еле различала слова из-за непрерывного кудахтанья несушек.

– И это правда, что про него говорили. Ламберт умел находить вещи. Он вроде видел их во сне, а потом, наутро, шел и находил. Воду умел находить. С рамкой ореховой. Лозоходец называется. Народ это очень даже ценил.

Юлия кивнула.

– Он со своей подушкой приехал. Сказал, ему надо поспать в комнате

Йенса. Надо, значит надо.

– Правильно, так он и делал. Я же сказал – он сны видел. Утопленники, вещи пропавшие. И даже в будущее умел заглядывать, знал, что произойдет. Ему, к примеру, несколько дней подряд снился его собственный смертный час. Сказал, что помрет в три часа ночи в своей собственной постели. Сердце, сказал, остановится, и «скорая» опоздает. Так оно и было. Именно в тот день, как он сказал. И «скорая» долго ехала.

– И что, он всегда угадывал? – спросила Юлия севшим голосом. – Все сходилось?

– Почти всегда. Люди ему верили.

Юлия сделала шаг в темноту. Она должна рассказать.

– Когда ваш брат приехал, я уже три дня не спала. И в эту ночь тоже не могла уснуть. Все прислушивалась, как он устраивается в детской постели. Пружины скрипели, он же все-таки потяжелее мальчика. Потом он затих, а я все равно не могла уснуть... Пошла, села в кухне и стала его ждать. Он проснулся в семь и тоже пришел в кухню.

Она кашлянула. Новый взрыв взволнованного кудахтанья, но Свен-Улуф слушал, не перебивая.

– Ламберту приснился мой сын... я сразу поняла. Он вошел со своей подушкой под мышкой, и я сразу поняла. Спросила, а он кивает – да, мол, это правда, мне приснился твой сын. И вид у него был какой-то... похоронный. Наверняка хотел рассказать и больше, но тут я не выдержала. Заорала что-то, даже ударила его и выгнала. Отец проводил его до калитки, а я редела в кухне. Услышала только, как зафырчал мотороллер... и все. Больше я его не видела. К сожалению.

Куры внезапно замолчали. Повисла тяжелая тишина.

– Этот мальчик... – послышался голос из темноты. – Это что, та жуткая история в Стенвике? Маленький мальчик пропал?

– Это был мой сын Йенс, – тихо сказала Юлия. Ей невыносимо хотелось выпить. – Он так и не нашелся.

Старик молчал.

– Я хотела узнать... говорил ли Ламберт что-нибудь? Что ему тогда приснилось?

– Пять яиц, – вяло произнес Свен-Улуф. – Больше не нашел.

Юлия поняла, что старик не настроен отвечать на вопросы.

Она тяжело выдохнула.

У меня ничего нет, подумала она. Ничего.

Глаза окончательно адаптировались. Теперь она ясно различала фигуру Свена-Улуфа. Тот стоял посередине курятника и смотрел на нее, обеими

руками прижимая к груди яйца.

– Свен-Улуф... пожалуйста. Ламберт наверняка что-то рассказывал. Не может быть, чтобы он ни словом не обмолвился о своем сне. Ведь правда?

Он прокашлялся.

– Один раз. Один раз говорил. – Юлия затаила дыхание. – Это уж лет через пять было. Прочитал статью в «Эландс Постен». Завтракали мы. Ничего интересного...

– Никогда и не было интересно, – устало сказала Юлия. – Но газета как-то выживает.

– Сидим мы, значит, в кухне, завтракаем... я-то первый прочитал статью. А потом уж Ламберт. Как раз о твоём мальчике. Ну, я и спросил, что он думает. А он сложил газету и говорит: погиб мальчик.

Юлия невольно зажмурилась. Потом кивнула.

– В проливе?

– Нет. Не в проливе, а вот что... Ламберт сказал, убили его. В альваре.

– Убили?.. – У Юлии по коже побежали ледяные мурашки.

– Какой-то мужчина его убил. В тот же день, как мальчонка пропал. Какой-то тип... Ламберт сказал, он, этот тип-то, прямо задыхается от ненависти. Он и убил мальчика в альваре. И закопал у каменной стены.

Снова повисло молчание. Какая-то из несущек нервно затрепыхалась у стены.

– И больше ничего, – продолжил Свен-Улуф. – Ни о мальчике, ни об этом типе.

Без имен. Никаких имен в Ламбертовых снах, по-видимому, не возникало. Мужчина... мальчик... Безымянные сны.

Старик появился с пятью яйцами в руках и с испугом посмотрел на Юлию – а вдруг ей взбредет в голову и на него наброситься, как на покойного брата?

Юлия вздохнула.

– Теперь я знаю... спасибо.

– Ячейку дать? – спросил Свен-Улуф.

Теперь она знала.

Пыталась убедить себя, что Ламберт мог ошибиться или что его брат просто-напросто выдумал всю эту историю, но безуспешно. Теперь она знала.

По дороге домой остановилась на дороге, посмотрела, как пенится вода у скалы, и проплакала больше десяти минут.

Она теперь знала, и знание это было нестерпимым. Словно бы Йенс

исчез не двадцать лет, а несколько дней назад – старая рана опять начала кровоточить. Теперь предстояло впустить в сознание мертвого Йенса. Только не сразу... не сразу. Сразу я не выдержу.

Йенс мертв.

И она это знала. Знала, но все равно хотела его увидеть, хотя бы его тело. Его останки. Если не получится, узнать, что с ним случилось. Для этого она и приехала.

Слезы на ветру высохли. Она подняла велосипед, оттолкнулась и села в седло.

У каменоломни ей встретила Астрид. Она выгуливала своего неугомонного пса и тут же пригласила Юлию поужинать. Она, похоже, даже не заметила заплаканные, красные глаза Юлии. Или сделала вид, что не заметила.

Свинные котлеты, вареная картошка – и красное вино. У нее вдруг проснулся зверский аппетит, и выпила она больше, чем следовало в гостях. Но после третьего бокала ей стало легче, мысль о Йенсе отзывалась лишь тупой болью. Йенс мертв, но она же это знала и раньше. И никакой надежды у нее не было, она потеряла надежду уже через несколько дней после его исчезновения. Никакой надежды.

– Значит, вы ездили в Лонгвик? – прервала ее смутные размышления Астрид.

– Да... а вчера была в Марнесе. – Ей не хотелось думать о Лонгвике и о провидческих снах Ламберта Нильссона.

– Что-то там произошло? – пристально посмотрела на нее Астрид.

– Да нет, ничего особенного... Была на могиле Нильса Канта. Герлоф почему-то решил, что мне надо на нее посмотреть.

– А, эта могила... – сказала Астрид, покачивая перед собой бокал.

– Я хотела спросить одну вещь... Вы, может, и не знаете, я насчет этих немцев, которых Нильс Кант убил в альваре. Наверное, не они одни добрались морем до Эланда?

– Насколько я знаю – не так много. Около сотни, я думаю. Те, кто спасался от войны в Прибалтике. Большинство высадились в Смоланде. Они мечтали вернуться домой, ясное дело. Но шведское правительство так боялось Сталина, что выдавало их русским. Довольно постыдный эпизод... но вы же об этом читали?

– Немного читала... давно.

Она смутно помнила что-то из школы насчет беженцев с занятых советскими войсками территорий, но в то время история Эланда ее не особенно интересовала, а история Швеции и мировая история – и подавно.

– А что еще вы делали в Марнесе?

– Ела ланч с полицейским. Леннарт Хенрикссон.

– Вот как. Ну что ж, хороший парень. И красивый.

Юлия кивнула.

– И с Леннартом вы тоже говорили про Нильса Канта?

Юлия задумалась – что ответить? И почему Астрид об этом спрашивает?

– Я упомянула, что была на его могиле. И все.

– Лучше с ним про Канта не говорить. Это ему неприятно.

– Неприятно? Почему?

– Старая история... – Астрид отпила немного вина. – Леннарт ведь сын Курта. – Она многозначительно посмотрела на Юлию, словно этот факт что-то мог объяснить.

– Какого Курта?

– Курта Хенрикссона.

Юлия непонимающе уставилась на Астрид.

– Ну и что?

– Курт Хенрикссон был констеблем в Марнесе. Тогда эта должность называлась шикарно – уполномоченный.

– И что?

– Это ему предстояло задержать Нильса Канта по подозрению в убийстве немцев.

Эланд, май 1945

Нильс Кант пилит свое ружье.

Стоит, согнувшись, в жарком сарае, где березовые дрова сложены в поленницу до самой крыши, и пилит, пилит... Дрова сложены небрежно, могут в любую минуту обрушиться. На колоде лежит его «хускварна», ствол уже почти полностью отпилен. Левой ногой в тяжелом сапоге он прижимает приклад. Медленно, но упрямо водит ножовкой по металлу – туда-сюда, туда-сюда, – то и дело отмахиваясь от надоедливых мух, так и норовящих сесть на его вспотевшее лицо.

Во дворе все тихо. Его мать Вера в кухне, собирает ему рюкзак.

Нильс пилит и пилит. Наконец полотно прогрызает последний миллиметр металла, и отпиленный кусок ствола со звоном падает на каменный пол.

Он поднимает обрезок и сует его в щель поленницы, в самый низ, кладет ножовку на колоду. Переломил ствол и зарядил два патрона.

Все.

Нильс выходит из дровяного сарая и ставит обрез в тень.

Он готов.

Всего четыре дня прошло, а уже все в Стенвике знают, что произошло в альваре. **НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ НАЙДЕНЫ МЕРТВЫМИ – РАССТРЕЛЯНЫ ИЗ ДРОБОВИКА.** Рубрика на первой странице «Эландс Постен». Огромными буквами, такими же, как когда немецкие бомбы падали в лес под Боргхольмом.

Врут они – никого Нильс не расстреливал. Он угодил в перестрелку с двумя немецкими солдатами – и вышел победителем.

Но люди не хотят это понимать. Накануне он в кои-то веки отправился в поселок, проходил мимо мельницы и поймал на себе молчаливые взгляды мельников. Он знает – они сплетничают у него за спиной. Все только об этом и говорят. «Расстрел в альваре!» Знали бы они...

Он входит в дом.

Мать стоит молча спиной к нему, смотрит в окно на альвар, но даже по спине видно, в каком она состоянии. Узкие плечи под серой блузкой вздрагивают.

Он тоже волнуется, но молчит. Как и она.

– Наверное, пора, – говорит Нильс.

Мать кивает, не оборачиваясь. Рюкзак и маленький чемоданчик уже собраны, стоят на столе. Нильс накидывает рюкзак на плечо. Невыносимо – он чувствует, что, если скажет хоть слово, тут же расплачется.

– Ты вернешься, Нильс, – хрипло и медленно произносит мать.

Он кивает, снимает с полки синюю кепку. В кепке спрятана маленькая

жестяная фляжка с коньяком, и Нильс сует ее в рюкзак.

– Ну, все, – тихо говорит он.

Бумажник с деньгами в рюкзаке, а в заднем кармане брюк – туго свернутые в рулон ассигнации, мать дала на дорогу.

В дверях он поворачивается. Теперь мать стоит к нему не спиной, а в профиль, но по-прежнему смотрит в сторону. Тяжело ей. Руки сцеплены на животе, длинные ногти на побелевших пальцах впились в ладони. Подбородок дрожит.

– Я тебя люблю, мама. Я вернусь, – тоже с дрожью в голосе произносит Нильс и быстро сбегает по ступенькам, хватая обрез у сарая и исчезает в ясеновой роще за домом.

Уж кто-кто, а он-то знает, как уйти из поселка, чтобы тебя никто не видел. Полупригнувшись по коровьей тропе, через густой кустарник у дороги, перелезть несколько поросших лишайником каменных изгородей... иногда останавливается и прислушивается к жужжанию насекомых – не вплетаются ли в него человеческие голоса.

И вот он уже в альваре. В небе сияет весеннее солнце. Никто его не видел.

Можно считать, он вне опасности. Здесь, в альваре, он у себя дома. Он обнаружит любого раньше, чем тот успеет его увидеть. Он идет прямо на солнце, далеко огибая место, где встретил немцев. Он даже не хочет о них думать – из-за этих сволочей он вынужден покинуть мать.

Мертвецы гонят его из дома.

Тебе надо исчезнуть, сказала мать накануне. В Марнесе сядешь на поезд в Боргхольм, оттуда на пароме в Смоланд. В Кальмаре тебя встретит дядя Август, дальше делай все, как он скажет. И не забудь снять кепку при встрече. Ни с кем по дороге не заговаривай. И не вздумай возвращаться, пока все не успокоится. Можешь не сомневаться, Нильс, – обязательно успокоится. Просто надо выждать.

Послышалось? Приглушенный крик у него за спиной. Он приседает за кустами можжевельника и слушает. Тишина. Он должен торопиться – поезд ждать не будет.

Через пару километров он выходит на большую, посыпанную гравием и утрамбованную дорогу. С юга приближается повозка. Он быстро прячется в канаву, но страхи напрасны, в телеге никого нет. Понурая лошадь катит ее куда-то – знает, должно быть, куда.

Сейчас он как раз посередине острова – и на запад, и на восток примерно одинаково. В газете написано, что немцы, скорее всего, пришли именно по этой дороге. У их катера отказал мотор, и они бросили его к югу

от Марнеса.

Не думать о них. О них он думать не будет, а вот о жестяном футляре с драгоценными камнями, который закопал в кургане, он думает с удовольствием. Последние дни ни он, ни мать не выходили из дому. Он уже собирался рассказать о своей военной добыче, но что-то ему мешало. Но он расскажет, обязательно расскажет, как только вернется. Еще двадцать минут ходьбы – и он уже у железнодорожной насыпи. Узкоколейка Бёда – Боргхольм. Нильс поворачивает на север и идет вдоль путей к станции, с удовольствием вдыхая запах пропитанных креозотом шпал. Двухэтажный вокзал, вынесенный за пределы городка, выглядит, как жилой дом. Тут все – и почта, и кассы, и сам вокзал. Одноколейка раздваивается – на станции в Марнесе единственный разъезд.

Его поезд еще не пришел. Нильс уже три раза ездил поездом в Боргхольм, так что здесь ему все знакомо. Он подходит к кассе – билет до Боргхольма, пожалуйста.

Мрачная дама в очках за железной решеткой бросает на него быстрый взгляд и наклоняется над столом – выписывает билет. Перо скребет по бумаге так, что слышно, наверное, с перрона.

Нильс нервничает. Ему кажется, что за ним наблюдают. С полдюжины пассажиров, мужчины в застегнутых на все пуговицы костюмах, сидят на лавках в ожидании поезда. У всех черные чемоданы. Один Нильс с рюкзаком.

– Ваш билет. Третий вагон. Последний.

Нильс отдает кассирше деньги и выходит на перрон – рюкзак на плече. Чемоданчик в руке. Пассажир как пассажир. Буквально через две минуты он слышит пронзительный свисток паровоза, и поезд подходит к вокзалу. Три красных деревянных вагона.

Паровозы всегда восхищали Нильса. Какая мощь! Ярко-красные, блестящие от масла рычаги на колесах медленно, словно неохотно, замедляют движение.

Он входит в последний вагон: первым, никого на перроне нет – все ждут в помещении. Кондуктор кричит что-то у него за спиной, вокзальная дверь открывается, и пассажиры, не торопясь, идут на посадку.

В полутемном вагоне никого, кроме него. Нильс закидывает чемодан на полку и садится на обитое кожей сиденье у окна. Рюкзак рядом. Поезд дернулся. Коротко пробуксовали колеса, загремели сцепки. Все. Поехали.

Но поезд с шипением останавливается. Минута, еще минута... что там случилось?

Какие-то выкрики за окном, свисток и новый рывок. Вокзал медленно

уплывает назад. В приоткрытое окно дует свежий ветер – прямо как морской бриз дома в Стенвике.

Напряжение отпускает. Он открывает рюкзак, кладет рядом с собой и откидывается на спинку. Скорость все время увеличивается, даже паровозные свистки стали выше тоном.

Он вздрагивает и поворачивается. В купе входит здоровенный мужчина в черном полицейском плаще с блестящими пуговицами и форменной пилотке.

– Нильс Кант из Стенвика, – произносит он серьезно.

Это утверждение, не вопрос, но Нильс непроизвольно кивает.

За окном мелькают поля, небо голубое, без единого облачка. Остановить поезд и выпрыгнуть? Назад, в альвар? Но на такой скорости не выпрыгнешь. Ритмично постукивают колеса на стыках, свистит ветер.

– Вот и хорошо.

Полицейский тяжело опускается на сиденье напротив, так что их колени чуть не трутся друг об друга. Почему он не расстегнет плащ в такую жару? Вон, даже лоб вспотел. Нильс с трудом вспоминает его фамилию. Хенриксон. Уполномоченный в Марнесе.

– Нильс, – звучит так, словно они давние и добрые знакомые. – Что, в Боргхольм собрался?

Нильс медленно кивает.

– Навестить кого?

Молчание.

– А что у тебя там за дела?

Молчание.

Уполномоченный смотрит в окно, точно увидел что-то интересное.

– Ладно, поедem вместе. Тем более что мне хочется с тобой поговорить.

Молчание.

– Они мне позвонили, и я попросил несколько минут обождать с отправлением – очень уж хотелось составить тебе компанию. Поговорить о твоих походах в альвар.

Поезд снижает скорость – подъезжает к какой-то промежуточной станции. Тут даже вокзала нет – маленькая деревянная будка в окружении цветущих яблонь. Почему-то запахло оладьями... мать накануне накормила его свежее испеченными оладьями с сахаром.

– Альвар и есть альвар... не о чем говорить. – Нильс, стараясь выглядеть равнодушным, смотрит в окно.

– Есть о чем... мне кажется. – Полицейский полез в карман, и Нильс вздрогнул. О, дьявол... носовой платок. – Очень даже есть о чем. И не я

один так думаю. Правда все равно вылезет наружу.

Он, не спуская с Нильса глаз, вытирает со лба пот и наклоняется к нему, точно хочет доверить какой-то секрет.

– Несколько человек из Стенвика обратились к нам за последние дни. Не один, а несколько. Если, мол, хотите знать, кто стрелял в альваре, поговорите с ним. С тобой, Нильс.

Перед Нильсом вдруг возникает картина: два трупа в альваре. Мертвые, бессмысленно устремленные в небо глаза.

– Нет, – только и произносит он.

В ушах шумит.

– Ты видел иностранцев в альваре, Нильс? – Уполномоченный снова сунул платок в карман.

Поезд притормаживает и останавливается с легким толчком и грохотом сцепок, но буквально через несколько секунд трогается снова.

– Видел же, Нильс? – Полицейский не спускает с него глаз. – Мы нашли трупы, Нильс... Это ты их застрелил?

– Я никого не убивал. – Нильс энергично качает головой и лезет в рюкзак.

– Что ты сказал? Что у тебя там, в рюкзаке?

Снова застучали колеса. Пальцы противно дрожат, но он все же кладет рюкзак на колени, отверстием к себе. Рука лихорадочно шарит в тщательно уложенной матерью одежде.

Полицейский привстает с места – неужели догадался?

– Нильс, что у тебя там?

Колеса грохочут все громче, заливаются паровозный свисток.

Нильс нажимает спусковой крючок.

Первый выстрел прорвал дно рюкзака. Заряд дробы угодил в сиденье рядом с полицейским и растерзал кожаную обивку.

Полицейский вздрагивает. Он замирает – деваться ему некуда.

Нильс поднимает рюкзак и разряжает второй ствол, даже не глядя, куда стреляет. Рюкзак разлетается в клочья.

На этот раз он попал. Полицейского отбросило назад, и он медленно повалился на бок. Тело не удержалось на сиденье и сползло на пол.

За окном мелькает альвар – каменистая степь, не просохшие еще лужи талой воды, каменные изгороди.

Уполномоченный лежит на полу, только руки слегка подергиваются. Нильс сдирает с обреза лохмотья рюкзака и уложенной в него одежды.

О, дьявол...

Сядешь на поезд в Боргхольм, слышит он голос матери.

Ее план не удался.

Он смотрит в окно. Альвар.

Альвар никуда не делся. И солнце на месте.

Одежду из рюкзака можно выкидывать – обгорела, воняет порохом. Носки, брюки, шерстяной свитер. Странно, но пакетик с ирисками уцелел. Бумажник тоже. И фляжка с коньяком. Очень уместно.

Нильс отвинчивает крышку, делает большой глоток и сует фляжку в задний карман. Так-то лучше.

Деньги, куртка, фляжка, ружье и ириски. Больше он ничего с собой не возьмет. Чемодан останется в поезде.

Он перешагивает через неподвижное тело полицейского, открывает тамбур, встает на сцепку между вагонами и переходит в соседний вагон. Здесь ветер просто сдувает с ног. Дверь в соседний вагон остеклена. Там сидит мужчина в черной шляпе и, похоже, спит – безвольно покачивается в такт толчкам поезда. Хорошо, что он стрелял через рюкзак, иначе этот тип наверняка услышал бы грохот выстрелов.

Нильс снова выходит в тамбур, открывает дверь и вдыхает запах степного разнотравья. Спускается на нижнюю ступеньку и прыгает.

Кто-то ему говорил: когда прыгаешь с поезда, надо как бы бежать по воздуху. Он пробует следовать этому совету, но приземляется неудачно, падает, сильно ударяется лбом о камни насыпи.

Быстро приходит в себя и видит фонарь удаляющегося поезда, который тут же исчезает за поворотом.

Удалось.

Он медленно поднимается. Он снова в альваре. Ружье с ним, он даже не выпустил его из рук.

Ни домов, ни людей. Степь, весенние цветы. Вечная трава и голубое небо.

Свободен.

Он отряхивается и быстро идет на запад, даже не оглядываясь на железнодорожное полотно.

Свободен. Теперь надо исчезнуть.

Он уже исчез.

14

– Вот примерно такие истории и рассказывали детям в сумерках, – тихо закончила Астрид.

Бутылка опустела.

Они помолчали. Небо над горизонтом расслоилось на ярусы. От закатного солнца осталась только пурпурная полоса на горизонте, на фоне ее четко вырисовывалась волнистая тень смоландского берега. Ярусом повыше шла широкая бирюзовая лента, но она с каждой минутой делалась все уже – сверху насадала лиловая ночная тьма.

– И этот полицейский в поезде... марнесский уполномоченный – он умер? – тихо спросила Юлия.

– Кондуктор нашел его мертвым. Выстрел в грудь. Практически в упор.

– Отец Леннарта?

Астрид кивнула.

– Леннарту было восемь или девять, когда это случилось, так что он мало что помнит... но такие истории оставляют след на всю жизнь... Он вообще никогда не говорит на эту тему.

Юлия посмотрела на пустой бокал. Кроваво-красный осадок на дне.

– Понятно, почему он и о Нильсе Канте не хочет говорить. – Винные пары переполнили ее искренним сочувствием к симпатичному полицейскому в Марнесе. Он потерял отца, я потеряла сына.

– Не хочет, – подтвердила Астрид. – И слышать эти домыслы... когда говорят, что Нильс Кант, возможно, жив, для него... сами представляете каково.

До Юлии с трудом дошел смысл сказанного.

– Какие домыслы? Где вы это слышали? Кто говорит?

– А вы разве не слышали?

– Нет. Но я видела его могилу в Марнесе. Надгробный камень, фамилия, дата... все, как полагается.

– Теперь уж не так много осталось, кто его помнит, а те, кто помнит, уже старики... Кое-кто говорит, что в гробу были камни, когда его привезли.

– И Герлоф так думает?

– Не знаю... я от него такого не слышала. Он же старый морской волк, так что слухам не особенно доверяет. Ерунда. Все эти разговоры – не более чем обычные деревенские сплетни. Кто-то утверждает, что видел Нильса Канта – тот, дескать, стоял в тумане у дороги и глазел на автомобили. Седой, бородатый... а другие вроде бы видели, как он бродит по альвару, как в юности. Еще кто-то опознал его в летней толпе в Боргхольме. – Астрид критически покачала головой. – Сама-то я ничего подобного не видела. Так что он, наверное, все-таки мертв.

Она взяла бокалы, встала и пошла к мойке. Юлия осталась сидеть за столом. Вот так же она могла бы сидеть и беседовать со своей матерью,

Эллой, если бы та была жива. Но вряд ли – Элла была на редкость немногословна.

Тут она почувствовала у ноги что-то теплое и вздрогнула. Но это оказался всего лишь Вилли, который весь вечер вел себя на удивление тихо, а теперь ему захотелось внимания, и он прижался к ноге гостыи.

Юлия опустила под стол руку и потрепала жесткий загривок. Посмотрела в окно – пурпур последних лучей солнца поблек, и только горизонт был отчеркнут темно-малиновой чертой.

– Мне бы хотелось еще у вас побыть, – сказала она в спину хозяйки.

– И сидите на здоровье, – повернув к ней голову, улыбнулась Астрид. – Время не позднее, можем еще поболтать.

– Нет, вы меня не поняли... я имела в виду, мне бы очень хотелось побыть в Стенвике.

И это была правда. Может быть, под действием вина, и даже скорее всего под действием вина, ей вдруг вспомнились годы ее детства, все эти волшебные летние месяцы... словно легкое, флейтово-печальное эхо знакомой с колыбели мелодии эландской народной песни. Здесь ее дом. Ее родина, даже несмотря на всю боль, навсегда связавшую Стенвик и исчезновение Йенса.

– Так почему бы вам не остаться? Вы же пойдете на похороны Эрнста.

Юлия грустно покачала головой.

– Мне надо вернуть машину сестре.

А собственно, почему? «Форд» наполовину принадлежит ей, они покупали его вскладчину... но другой причины у нее просто не было.

Она с определенным трудом поднялась из-за стола – после обильной дегустации вина ноги слушались плохо.

– Огромное спасибо за ужин, Астрид.

– Ну что вы... я сама получила удовольствие. – Астрид в первый раз за весь вечер по-настоящему широко улыбнулась. – Мы все же попробуем увидаться до вашего отъезда. Или когда навестите нас в следующий раз.

– Обязательно, – сказала Юлия неуверенно, погладила Вилли и вышла в сад через кухонную дверь.

Ночь еще не наступила, осенью темнеет долго. Хорошо – не придется ощупью пробираться в осеннем мраке.

– Если испугаетесь темноты, приходите, – крикнула Астрид ей вслед. – Подумайте – нас всего трое в Стенвике. Вы да я, да еще Йон Хагман. А раньше здесь жили почти триста человек. Было и общество трезвенников, и миссия, и мельницы на берегу... А теперь только мы трое.

И закрыла дверь, не дав Юлии возможность ответить. А может, она

сама слишком долго думала, что на это сказать.

В кухне у Астрид она чувствовала себя пьяной, но сейчас, на свежем воздухе, опьянение стало быстро проходить. Или ей так показалось.

Вечер выдался холодный и ясный. Призрачное мерцание огоньков на той стороне пролива. И на этом берегу, и на севере и на юге, тоже светились огоньки – окна каких-то домов, о существовании которых она даже не подозревала. Далекie дома, далекие огни.

Ключ от дома Герлофа у нее. Она прошла над морем несколько сотен метров и свернула, стараясь идти как можно ровнее. Прошла мимо дома Кантов. Успела ли Вера перед смертью повидать сына?

Заросший сад за изгородью стоял тихий и загадочный, полный таинственных колеблющихся теней. Она ускорила шаг, поскорее отперла дверь и зажгла свет в прихожей.

Здесь никаких теней не было. Йенс с ней, но только в виде туманного воспоминания. Йенс мертв.

Пошла в ванную, приняла душ и почистила зубы.

Пора ложиться. Погасила свет в прихожей и хотела уже идти в хижину, но внезапно вспомнила. Мобильник весь день пролежал на зарядке. Она набрала номер Герлофа в доме престарелых и в ожидании ответа смотрела в широкое панорамное окно.

Он ответил после третьего сигнала:

– Давидссон.

– Привет, это я.

Укол совести, как и всегда, когда она говорила с отцом под градусом. Она опять посмотрела в окно.

– Ты где?

– На даче. Поужинала у Астрид, сейчас иду в твою рыбарню.

– И о чем вы говорили?

Юлия подумала, прежде чем ответить.

– О Стенвике... о Нильсе Канте.

– А ты прочитала книгу, что я тебе дал?

– Не все. Завтра едем в Боргхольм? – Она поспешила сменить тему.

– Думаю, да. Если мне дадут увольнительную. Хочешь уйти – предъяви письменное разрешение от Буэль.

Юмор Герлофа.

– Как получишь такое разрешение, я за тобой приеду.

Внезапно ей что-то показалось. Нет, не показалось. Она наклонилась к окну. Что-то там... какой-то бледный свет...

– Алло? Ты меня слышишь?

- А в соседнем доме кто-нибудь живет?
- Каком соседнем?
- В доме Веры Кант.
- Никто там не живет. Уже больше двадцати лет. А что?
- Не знаю...

Юлия напряженно вглядывалась в темноту. Все было темно. И все равно она была уверена, что видела свет в окне на нижнем этаже. Совершенно точно.

– А кто хозяин дома?

– Какие-то дальние родственники. Дети ее двоюродного брата, по моему. Но никто пока пальцем не шевельнул, чтобы привести дом в порядок. Ты же видела, как выглядит сад. Он и в семидесятых был не лучше, когда Вера померла.

Темно. Все темно. Был свет – и исчез.

– Ну хорошо... – сказал Герлоф. – До завтра.

– И мы найдем похитителя?

– А вот этого я не говорил. Я сказал, что знаю, кто послал сандалик. И все.

– А это не одно и то же лицо?

– Не думаю.

– Почему?

– Завтра объясню.

– Ладно. – У Юлии все равно не было сил продолжать разговор. – Увидимся.

Она нажала кнопку отбоя. Пора идти в хижину и спать.

На этот раз она замедлила шаг у дома Кантов. В ветвях разросшихся деревьев притаилась темнота, но она смотрела не на сад. Она смотрела на окна. Все темные. Разваливающийся дом на фоне ночного неба. Единственный способ узнать – зайти и посмотреть.

Ничего более идиотского и придумать нельзя. Если идти смотреть – уж во всяком случае не одной. Дом привидений...

А если Йенс был в этом доме в тот день? А может, он все еще там?

Мама, приходи скорее. Забери меня.

Я сошла с ума. Я не имею права на такие мысли.

Она спустилась к хижине, вошла и, подумав, заперла наружную дверь.

Утро вторника выдалось пасмурным и холодным. Дул сильный ветер, и Герлофу пришлось пережить большое унижение: он был вынужден воспользоваться помощью персонала. Буэль и Линда проводили его да «форда» – ноги не слушались.

Им стоило немалых усилий провести его по двору, и он это чувствовал, но ничем помочь не мог. Сжимал в одной руке портфель с бумагами, в другой палку – вот и все, что было в его силах.

Унизительно до слез, но что делать... Какие-то дни он свободно передвигался без посторонней помощи, а иногда – как сегодня. Суставы словно окоченели. И заранее не угадаешь, но в такие осенние холодные дни всегда можно ждать. Срам, да и только.

Юлия вышла, открыла пассажирскую дверцу, и Герлоф с трудом влез в машину.

– И куда собрались? – спросила Буэль.

Все ей надо знать.

– На юг, – сказал он. – В Боргхольм.

– К ужину вернетесь?

– Очень может быть – Герлоф захлопнул дверцу. – Поехали.

Он очень надеялся, что Юлия не заведет разговор о его болячках.

– Буэль, похоже, и вправду о тебе заботится, – сказала Юлия, отпуская сцепление.

– Ответственность. Если со мной что-то случится, отвечать ей... Не знаю, слышала ли ты – какой-то выживший из ума пенсионер исчез в альваре. На юге где-то... Полиция с ног сбилась.

– Да, по радио говорили. Я в машине слышала. Но мы-то в альвар не собираемся?

– Ну нет. Едем в Боргхольм. У нас там три встречи. Не одновременно, по очереди. Одна из них с человеком, который послал мне сандалик Йенса. Ты ведь хочешь с ним поговорить?

Юлия кивнула и коротко глянула на отца.

– А кто остальные?

– Еще один мой друг. Йоста Энгстрём.

– А третий?

– Ну, третий – особый случай.

Юлия законопослушно остановила машину перед знаком «стоп», хотя в обозримом пространстве не было ни машин, ни людей, ни тем более

полицейских.

– Почему ты вечно говоришь загадками, Герлоф? Набиваешь себе цену?

– Ну нет, – быстро ответил он.

– А я думаю – да. – Они доехали до поворота на боргхольмское шоссе. – Хочешь показаться значительным.

– Я не набиваю себе цену. Просто любую историю надо рассказывать по порядку. Раньше так и делали. Никто никуда не торопился, а теперь всем некогда.

Юлия промолчала. Слева появился бывший железнодорожный вокзал. Она вспомнила рассказ Астрид – здесь где-то Нильс Кант проходил в тот жаркий послевоенный день, когда он застрелил полицейского по имени Курт Хенрикссон.

Герлоф все это прекрасно помнил. Сначала убитые в альваре немецкие солдаты, потом убийство полицейского. Убийца не пойман. Сенсация, занимавшая первые полосы газет даже в то богатое событиями время.

Репортеры не только писали отчеты о событиях, они пускались в пространные рассуждения о росте преступности на Эланде. Герлоф тогда был в Стокгольме – оформлял возвращение в гражданское судоходство, так что вначале видел только короткую заметку в крупнейшей шведской газете «Дагенс Нюхетер». Собрали чуть не всю полицию из Южной Швеции, но Нильсу удалось ускользнуть.

Сейчас поезда уже не ходят, даже полотно сняли, а марнесский вокзал переоборудовали в жилой дом. Летний, само собой. Для туристов.

Герлоф смотрел на вокзал, пока он не скрылся из виду. Задумчивость его прервал какой-то необычный звук. Он тревожно посмотрел на Юлию – не случилось ли что с двигателем? Но Юлия спокойно достала из сумочки мобильный телефон, тихо поговорила с кем-то пару минут и нажала кнопку отбоя.

– Никогда не пойму, как эта штука работает, – сказал Герлоф.

– Какая штука?

– Телефоны без проводов. Мобильники, как их теперь называют.

– Как работает? Жми кнопки и разговаривай в свое удовольствие...

Лена звонила. Просила передать привет.

– Спасибо, приятно слышать. Что хотела?

– Больше всего она хочет, чтобы я вернула ей машину. Все время названивает. – Юлия сжала руками баранку. – Это, между прочим, и моя машина, но ее это не интересует.

– Вот как...

Дочери, оказывается, живут не так мирно, как он полагал. Мать бы точно сумела это поправить, если бы жива была, а он... он даже не знает, с какой стороны подступиться.

После телефонного разговора Юлия долго молчала, а Герлоф попросту не мог придумать, с чего начать разговор.

Через четверть часа они въехали в Боргхольм.

– Куда теперь?

– Прежде всего поьем кофе.

В квартире Йосты и Маргит Энгстрёмов на южной окраине Боргхольма было тепло и уютно. Ошеломляюще красивый вид с балкона на развалины средневекового замка по другую сторону широкого луга. Замок стоял на крутом обрыве, поросшем неизвестно как зацепившимися огромными лиственными деревьями. Один из загадочных боргхольмских пожаров в начале девятнадцатого века уничтожил крышу, оконные переплеты и вообще все, что могло гореть. Остались только величественные стены и пустые глазницы окон, которые всегда наводили Герлофа на мысль, что замок похож на гигантский череп. Раньше коренные жители Боргхольма недолюбливали это мрачное строение – до тех пор, пока из никому не нужных развалин замок не превратился в туристский аттракцион. Древние руины. В свое время островитян заставили строить этот замок – королевская прихоть, стоившая коренным жителям много крови, пота, разочарований и загубленных жизней. Материк всегда высасывал из Эланды все соки.

Юлия стояла на балконе и молча рассматривала руины.

– В каменном веке с этого обрыва сбрасывали отживших свое стариков, – неожиданная реплика Герлофа прозвучала почти как совет. – Так люди говорят. Еще задолго до того, как соорудили этот замок. И до того, как начали строить дома престарелых.

Подошла Маргит Энгстрём с подносом с кофейными чашками, в фартуке, на котором крупными буквами было вышито «ЛУЧШАЯ В МИРЕ БАБУШКА».

– Летом они устраивают там концерты, – сказала она. – Прямо в руинах. Так что бывает шумновато. Но это не каждый день, а так-то очень приятно жить рядом с замком.

Она поставила поднос, разлила по чашкам кофе, вернулась в кухню и принесла корзинку с булочками и печенье на блюде.

Ее муж, Йоста, в белой сорочке и брюках на подтяжках, все время улыбался. Герлоф вспомнил, что и капитан он был такой же – веселый и

добродушный. До тех пор пока его приказы исполнялись беспрекословно.

– Молодцы, что зашли, – сказал Йоста и взял чашку с дымящимся кофе. – Мы, конечно, приедем завтра в Марнес. Ты же тоже пойдешь?

Герлоф кивнул – речь шла о похоронах Эрнста.

– Я-то точно приду. А Юлии, возможно, придется вернуться в Гётеборг.

– А что будет с его домом? Сказали что-нибудь?

– Рано об этом говорить. Наверное, смоландская родня переделает его в дачу. Не то чтобы нам очень нужны были дачники... но так, скорее всего, и выйдет.

– Это верно... вряд ли кто решится жить в Стенвике круглый год.

– А нам хорошо здесь, в городе, – вступила в разговор Маргит. – Но мы, конечно, члены марнесского землячества.

Ее муж посмотрел на нее с удивившей Юлию любовью.

У Энгстрёмов они пробыли недолго. Полчаса, не больше.

– Ну вот, – довольно произнес Герлоф в машине, – теперь поехали на Бадхусгатан. Нам надо кое-что купить у Блумберга, а потом поедem в гавань.

Юлия внимательно на него посмотрела.

– А зачем мы сюда приезжали?

– Выпить кофе с булочками. Разве плохо? А кроме шуток, для меня большое удовольствие повидаться с Йостой. Он же тоже был капитаном на Балтике. Не так уж много нас осталось...

Юлия свернула на Бадхусгатан. Тротуары были совершенно пусты, да и машин мало. Перед ними в конце улицы белело здание отеля.

– Сверни направо, – попросил Герлоф.

Юлия свернула на парковку. На большом щите красовалась надпись: «АВТОМАГАЗИН БЛУМБЕРГА». В одном и том же низком строении помещались и мастерская, и салон подержанных машин. Впрочем, стоять в салоне удостоились чести только несколько сравнительно новых «вольво», а остальные машины были на улице. Под стеклом у каждой – от руки написанная бумажка с ценой и указанием года выпуска и пробега.

– Пошли со мной, – сказал Герлоф.

– Покупаем машину?

– Сегодня – нет, – улыбнулся Герлоф. – Просто заглянем к Роберту Блумбергу.

После горячего кофе ему стало лучше – боль в суставах осталась, но ходить он уже мог самостоятельно. С палкой, конечно. Юлия его обогнала и первой открыла дверь мастерской.

Над головой звякнул колокольчик, и в нос ударил характерный запах моторного масла.

О парусных кораблях Герлоф знал все или почти все, но вид автомобильного мотора всегда приводил его в замешательство. На цементном полу стояла машина, черный «форд-скорпио», в окружении сварочного трансформатора и разбросанных по полу инструментов, но людей не было. Пустая мастерская. Герлоф постучал палкой по двери в дальнем конце и заглянул в маленькую каптерку.

– Добрый день, – поздоровался он с молодым механиком в грязном синем комбинезоне. Тот сидел за столом и рассматривал комиксы в «Эландс Постен». – Мы из Стенвика. Нельзя ли у вас купить масло?

– Масло? Вообще-то магазин у нас в другом помещении, но я могу принести.

Он встал и оказался на добрых десять сантиметров выше Герлофа. Наверное, сын Роберта Блумберга, решил Герлоф.

– А мы заодно посмотрим машины. – Он кивнул Юлии, и они двинулись за парнем.

В торговом салоне маслом не пахло, пол был чисто подметен и даже, похоже, вымыт. Несколько сверкающих машин и полки с так называемыми сопутствующими товарами.

Механик сразу пошел к стеллажу, где стояли разноцветные пластмассовые банки, пульверизаторы и маленькие канистры.

– Синтетическое? Полусинтетическое? Обычное?

– Обычное.

Из служебного помещения появился пожилой человек и встал в проеме двери – такой же высоченный, как и механик. Обветренная, испещренная морщинами физиономия с красными прожилками на щеках.

Хотя они никогда не встречались – Герлоф все свои машины покупал в Марнесе, – он прекрасно знал, что это Роберт Блумберг. Он приехал с материка в середине семидесятых и открыл свое дело – сначала автомастерская, потом небольшой автомагазин. О нем много рассказывал Йон Хагман. Тот-то постоянно пользовался услугами Блумберга.

Старший Блумберг молча кивнул Герлофу. Герлоф, тоже молча, ответил – кивком же. О чем говорить? Он знал, что у Блумберга раньше были напряженные отношения со спиртным, а может быть, и сейчас не лучше, но это же не тема для разговора незнакомых людей.

– Прошу вас. – Механик протянул литровую пластиковую бутылку с красивой этикеткой.

Роберт Блумберг повернулся и ушел в кабинет. Герлофу показалось,

что его немного качнуло.

– Мне вовсе не нужно масло, – пожала плечами Юлия.

– Масло всегда надо иметь в запасе, – поучительно произнес Герлоф. – Как тебе понравилась автомастерская?

– Мастерская как мастерская... они все такие. – Юлия выехала с парковки на все ту же Бадхусгатан. – Тебе, похоже, просто делать нечего.

– Давай в гавань... А хозяева? Блумберги? Как они тебе?

– Никак... с отцом-то мы вообще не разговаривали, а с сыном – только про твое масло. А что?

– Я слышал, Роберт Блумберг много лет служил во флоте. Моряк семи морей – даже в Южной Америке бывал.

– Вот как...

Они замолчали, приближаясь к непременно во всех приморских городках отелю при гавани.

Герлоф посмотрел на гавань за белым зданием, и ему стало грустно.

– Несчастливый конец, – сказал он.

– Какой конец?

– Несчастливый. У многих историй несчастливый конец.

– Главное, чтобы он вообще был, этот конец... Ты думаешь о чем-то конкретном?

– Вообще-то я думал про эландское судоходство. Могло бы продолжаться... а тут раз – и все кончилось. Слишком быстро.

Боргхольмская гавань была, естественно, побольше, чем в Марнесе и в Лонгвике, но не намного. Несколько пустых бетонных причалов. Даже рыбацкой лодки ни одной. У воды лежал огромный чугунный якорь – напоминание о лучших временах.

– Еще в пятидесятых баржи стояли в ряд, чуть не локтями друг друга отталкивали, – задумчиво сказал Герлоф, глядя на серую морщинистую воду. – В такой осенний день, как сегодня... да тут прямо кипела работа! Погрузка, ремонт, полно народа. Пахло лаком, смолой... А в погожий день лайбы стояли с поднятыми парусами – на просушке. Желтоватые паруса на фоне голубого неба... красивое зрелище.

Он замолчал.

– А когда корабли перестали приходить?

– Уже в шестидесятых. И не столько приходить, сколько уходить. Нам надо было модернизировать наши баржи. Иначе конкуренция душила. На материке-то судовые компании знаешь какие? А кредита в банках не добьешься. Банки не верили в наше будущее. Мне тоже не дали кредит, –

добавил он, помолчав. – Так что вынужден был я продать мою последнюю любимицу. «Нор». Продал и пошел на курсы административной работы. Всю зиму неохота сидеть без дела.

– Извини, но я не помню, чтобы ты хоть одну зиму просидел дома.

Герлоф быстро посмотрел на Юлию – попытался определить, что она хочет сказать.

– Ну почему... по многу месяцев. Хотел было наняться на какой-нибудь океанский корабль, но тут как раз в коммуне освободилось место, и я остался. Йон Хагман, он у меня штурманом был, тот еще трепыхался. Купил баржу и продолжал года два, наверное. Думаю, это была одна из последних, если не последняя эландская лайба. И называлась подходяще: «Прощай».

Они медленно проехали по широкой улице мимо гавани. Дальше шел район вилл с аккуратными деревянными заборчиками. Самая ближняя к гавани была и самой большой, почти такого же размера, как отель, который они только что проехали.

– Можешь остановиться здесь.

Юлия припарковала машину у тротуара.

Герлоф потянулся к портфелю и достал оттуда коричневый конверт и тонкую книжку.

– Мы, эландские моряки, слишком уж гордые были. Что бы нам не объединиться и не купить хорошую современную баржу? Но нет... мы считали вот как: пока сам себе хозяин, дело идет. У семи нянек дитя без глазу... ну и так далее.

Он передал книгу дочери *«Грузовое пароходство Мальма – 40 лет»*. На обложке – черно-белая фотография с воздуха: большой сухогруз рассекает волны в лучах восходящего солнца на просторах бескрайнего океана.

– А вот тебе и исключение. Пароходство Мальма. – Герлоф показал на обложку. – Мартин Мальм решил поставить на серьезные корабли. Две штуки, но плавали они по всем миру. Это приносило приличные деньги, и он приобретал новые сухогрузы. Стал одним из самых богатых людей на Эланде.

– Молодец, – сказала Юлия, чтобы что-то сказать.

– Только никто не знает, откуда у него взялся стартовый капитал. Насколько мне известно, денег у него было не больше, чем у каждого из нас. – Он показал на книгу. – Они издали эту книгу весной. Посмотри на задней стороне обложки, я тебе кое-что покажу.

Она перевернула книгу. Короткий текст – юбилейное издание, та-та-та... посвящено самому успешному пароходству Эланда... и так далее.

Внизу – логотип: над каллиграфически выписанным названием фирмы «Грузовое пароходство Мальма» парят три чайки.

– Посмотри внимательно на чаек.

– Смотрю на чаек. Птицы. Ну и что?

– А теперь сравни с конвертом. – Он передал ей коричневый конверт с наклеенной шведской маркой. – Кто-то оторвал правый угол, перед тем как отправить. Но часть крыла видна. Часть крыла самой правой чайки... увидела?

Юлия всмотрелась и медленно кивнула.

– Что это за конверт?

– А ты не помнишь? В нем прислали сандалик.

Юлия уставилась на него с изумлением.

– Ты же его выбросил! Ты же сам сказал Леннарту: конверт я выбросил.

– Соврал. Подумал: хватит с него и сандалика. – Герлоф виновато улыбнулся. – Но не в этом дело. Важно, откуда пришла эта посылка. Грузовое пароходство Мальма. И послал его сам Мартин Мальм. Я уверен. И может быть, это он звонил мне по телефону.

– Звонил? Ты этого не рассказывал.

– Я сказал «может быть». – Герлоф отвел глаза и посмотрел на огромный дом. – Рассказывать нечего. Кто-то звонил мне. Как я получил посылку, начали звонить. Несколько вечеров подряд. Я беру трубку – молчание.

Юлия опустила конверт.

– И сейчас мы его увидим?

– Надеюсь. Этот дворец и есть его дом.

Он открыл дверцу и вышел на тротуар. Юлия не сразу последовала за ним. Она несколько секунд сидела за рулем, глядя в никуда. Потом медленно вышла из машины.

– А ты уверен, что он дома?

– Мартин Мальм всегда дома.

С пролива дул холодный, знобкий ветер, и Герлоф невольно оглянулся и посмотрел на море. И опять вспомнил Нильса Канта – как же ему удалось переправиться на материк пятьдесят лет назад?

Смоланд, май 1945

Нильс Кант сидит на опушке сосновой рощи, прислушивается к шуму ветра в хвое и смотрит через пролив. Эланд. Полоска на горизонте. Светит утреннее солнце, воздух настолько чистый и прозрачный, что видна даже по-весеннему яркая зелень деревьев и длинные серебристые пляжи.

Это же его остров! И он вернется туда. Обязательно вернется. Не сейчас, но как только сможет. Сразу же. В этом он уверен. Он понимает, что натворил такого, чего ему не простят очень долго. Сейчас Эланд для него опасен.

И все равно – разве он виноват? Так получилось, вот и все. Что он мог сделать? Он не властен над обстоятельствами.

Толстый полицейский выследил его, пытался схватить, но Нильс оказался быстрее.

– Самооборона, – шепчет он услышанное от матери слово, – я застрелил его, но это была самооборона.

Он прокашлялся, чтобы не заплакать.

Прошло уже двадцать часов, как он спрыгнул с поезда в альваре. И сразу пошел на юг. Почему-то решил, что там его искать не станут – и оказался прав. Километрах в десяти от Боргхольма, в самом узком месте пролива, Нильс вышел к воде. Там он нашел пустую смоляную бочку – и сразу оценил находку. Дождался темноты, сунул в бочку все, что у него было, столкнул в холодную воду и лег на нее, обхватив руками, так что в воде оказались только ноги. От жалости к себе Нильсу хотелось плакать, но он, сжав зубы, заставил себя плыть, отталкиваясь ногами. Как можно быстрее, чтобы не потерять сознание от холода.

На счастье, фарватер пуст, ни кораблей, ни лодок. Никто его не видел. Через два часа он вылез на смоландском берегу, вытащил из бочки вещи и, не чувствуя ног, побрел по берегу. Сил хватило ненадолго – под первым же деревом заснул как убитый.

А сейчас еще очень рано, но сна ни в одном глазу. Ноги пока болят, но идти надо. Он соображает: до Кальмара совсем близко, а город полон полиции. Сейчас его наверняка ищут и в Кальмаре.

Одежда высохла. Сорочка, свитер, брюки. Он проверяет бумажник – деньги, которые ему дала мать, не намокли. Слава богу. Без них он бы пропал.

«Хускварна» на дне пролива. Он утопил ружье. Примерно посередине – взял за ствол и отпустил. Обрез жалобно булькнул и скрылся под водой.

Все равно в нем никакой пользы – патронов больше нет. Жаль – с ружьем он чувствовал себя в безопасности.

И растерзанный выстрелами рюкзак жаль. Сколько там всего было! А сейчас весь его багаж умещается в карманах, да еще в маленьком узелке из носового платка. И все.

Он идет на север. Медленно поднимается солнце. Нильс точно знает, куда ему надо, но это не близко, идти придется весь день. Он идет вдоль берега, предусмотрительно обходит деревни. Старается все время идти лесом – в лесу он чувствует себя более или менее уверенно. Ему попались две косули – они двигались так бесшумно, что он испугался, когда увидел их совсем рядом. Людей-то он слышит издали, так что избежать встречи не составляет труда.

Рамнебю. Он там бывал, в последний раз прошлым летом. И даже в деревню не надо заходить – лесопилка дяди Августа стоит на отшибе.

Вой пилорам слышен издали. А скоро он различает и запах – запах свежераспиленного дерева смешивается с запахом водорослей с пролива.

Нильс, оглядевшись, перебегает дорогу и прячется за навесом, под которым лежат штабеля досок. Хоть он и бывал здесь, но где контора, не знает. И даже если бы знал – не попрется же он туда на глазах у рабочих! В нескольких сотнях метров – вилла дяди Августа, но туда идти опасно. Дети, прислуга, шофер – кто-нибудь обязательно донесет в полицию, если его увидит. Так что надо что-то придумать. Тяжелый, даже удушливый аромат сирени привлекает бесчисленных насекомых, а у Нильса от него кружится голова.

Часы его встали – вода попала в механизм, – но прошло не меньше получаса, прежде чем на территории лесопилки появились люди. Двое рабочих, смеясь и о чем-то разговаривая, проходят мимо навеса. Но Нильс прячется за кустом сирени, и они его не видят.

Только ждать.

Еще через несколько минут появляется мальчишка, совсем подросток, тринадцать или четырнадцать, не больше, но ростом почти как Нильс. Руки в карманах, кепка надвинута на лоб.

– Эй, ты! – шипит Нильс.

Слишком тихо. Он не слышит.

– Ты там, в кепке!

Мальчишка останавливается и оглядывается. Нильс поднимается из-за куста и машет.

– Я здесь!

Наконец-то! Мальчишка делает несколько шагов по направлению к

нему и останавливается.

– Работаешь здесь?

– Первое лето, – гордый кивок головы.

Голос еще ломается. Смоландский диалект – ни с каким другим не спутаешь.

– Молодец. – Нильс изо всех сил старается быть спокойным и дружелюбным. – Слушай, можешь помочь? Мне надо поговорить с директором, Августом Кантом. Попроси его выйти сюда.

– Директора? – Паренек явно удивлен.

– Ну да, директора Августа Канта. – Нильс смотрит пареньку в глаза, улыбается и протягивает ему крону. – Скажи, Нильс с ним хочет поговорить.

Тот кивает. Нильс смотрит внимательно, как он среагирует на имя. Нильс. Нет, кажется, все в порядке. Либо ничего не слышал, либо... ну и что, Нильс – частое имя. И к тому же – целая крона!

Паренек с довольным видом опускает монету в карман.

Нильс с облегчением выдыхает и опять устраивается за кустом. Все в порядке. Уж кто-кто, а родной дядя о нем позаботится. Поможет переждать суматоху. Конечно, Смоланд не самое безопасное место, придется прятаться, ну что же... раз так получилось.

Он ждет и ждет. От голода и усталости начинают слипаться глаза. Наконец он слышит шаги и с улыбкой поднимает голову. Но это не дядя Август. Это тот же самый мальчишка.

– Что... его нет на месте?

– Почему нет? Есть. Но он не хочет с тобой говорить.

– Не хочет?

– Нет... Просил передать вот это. – Он протягивает Нильсу конверт.

Никакого письма. Три сложенных вдвое стокроновых ассигнации. Только три.

– И все?

Паренек кивнул.

– И ничего не просил передать? На словах?

– Нет... только письмо.

Нильс посмотрел на деньги.

Деньги – вот и все, чем ему помог дядя Август. Деньги на побег – смысл совершенно ясен. Яснее некуда.

Его дядя знать его не хочет.

Нильс поднимает глаза – посыльный исчез. Он выходит из-за куста и видит его удаляющуюся фигуру. Долговязый, в кепке.

Ты один, говорит он сам себе. Выпутывайся сам.

Надо бежать. Куда?

Подальше от побережья – это ясно. Там поглядим.

Он осматривается. Сирень цветет, запах невыносимый, жужжат насекомые. Начинается лето – светлое, зеленое лето. Видна синяя поблескивающая полоска воды – пролив совсем близко.

Он вернется. Сейчас они его гонят, но он вернется. Эланд принадлежит ему.

Он смотрит в последний раз на море, поворачивается и широкими шагами уходит в лес.

Герлоф открыл железную калитку. К большой белой вилле Мартина Мальма вела широкая, аккуратно выложенная каменными плитами дорожка. Юлия почему-то вспомнила дом Веры Кант в Стенвике – такой же огромный. Только у этих хором вид жилой, чисто выбеленные стены, ухоженный сад, а там все заброшено... но кто зажигал свет накануне? Или ей показалось? Она гнала от себя эту мысль, но та упрямо просачивалась из подсознания и не давала ей сосредоточиться.

Юлия поддерживала Герлофа, держала его под руку. А может, наоборот – он ее поддерживал. Она страшно нервничала.

Для нее эта встреча была встречей с убийцей Йенса. Кто еще может послать сандалик? И откуда он у него, если Мальм не убивал? Она была почти уверена, хотя Герлоф и придерживался иного мнения.

Дорожка кончилась у крыльца. Ступеньки вели к широкой входной двери красного дерева. Латунная полированная табличка: «МАЛЬМ». Посередине двери, под круглым окошком цветного стекла, – тоже латунный дверной звонок в форме старинного ключа, вставленного в скважину.

Герлоф внимательно посмотрел на дочь.

– Готова?

Она кивнула и протянула руку к звонку, но Герлоф ее остановил.

– И еще одно, – сказал он. – У Мартина было кровоизлияние в мозг. Давно уже. У него бывают светлые промежутки, а бывает и совсем плохо. Вроде как у меня. Если повезет, сможем с ним поговорить. А нет... на нет и суда нет.

– О'кей, – сказала Юлия с колотящимся сердцем и повернула декоративный ключ.

За дверью послышался долгий приглушенный звонок. В оконце мелькнула какая-то тень, и дверь открылась.

Молодая девушка лет двадцати – двадцати пяти. Взгляд вопросительный.

– Добрый день, – поздоровалась она.

– Добрый, – приветливо ответил Герлоф. – Мартин дома?

– Дома-то он дома... но я не думаю, чтобы он...

– Я его старый друг, – не дал ей закончить Герлоф. – Герлоф Давидссон из Стенвика. А это моя дочь. Мы хотели бы его навестить.

– Ну хорошо... пойду проверю.

– А нам можно зайти в тепло, пока вы проверяете? – спросил Герлоф.

– Да, пожалуйста.

Юлия помогла Герлофу преодолеть порог. Мраморные полы в большом холле с дубовыми панелями, на стенах развешаны фотографии новых и старых кораблей. Три двери и лестница на второй этаж.

– А вы его родственница? – спросил он девушку. Та задержалась понаблюдать за его замысловатыми телодвижениями.

Она покачала головой и направилась к средней двери. Обернулась на ходу:

– Медсестра из Кальмара.

Юлии захотелось увидеть, что там, за дверью, но проем был занавешен тяжелой портьерой.

Они ждали молча. Обстановка огромного дома, закрытые двери, темные стены – все это не располагало к разговорам. Тихо и величественно, как в церкви. Юлия прислушивалась – ей показалось, наверху кто-то ходит.

Средняя дверь открылась. Появилась медсестра.

– У Мартина сегодня неважный день. Он плохо себя чувствует.

– Вот как? – огорчился Герлоф. – Как жаль... Мы не виделись много лет.

– Зайдите в другой раз.

– Обязательно. Только позвоним заранее, – кивнул Герлоф и попятился к двери.

Юлия неохотно последовала за ним – трудно было примириться, что встреча не состоялась.

На улице за эти несколько минут стало еще холоднее. Она поежилась, открыла калитку, оглянулась и увидела в окне второго этажа бледное женское лицо. Пожилая женщина смотрела на них серьезно и, как ей показалось, печально.

Она хотела было спросить Герлофа, кто это, но он уже был у машины и ждал ее. Она подошла, открыла ему дверцу и снова оглянулась. В окне никого не было.

Герлоф, кряхтя, уселся поудобнее и посмотрел на часы.

– Уже половина второго. Надо что-то поесть. А потом заедем в «Систембулагет»^[9]. Я обещал соседям кое-что купить.

– Алкоголь – яд, – сказала Юлия, поворачивая ключ в замке зажигания.

Что ж, паста так паста. Они с трудом нашли не закрытый на зиму ресторанчик. В зале никого не было, но Герлоф тут же пресек попытки

Юлии поговорить о неудачном посещении Мартина Мальма и стал с преувеличенным вниманием наматывать на вилку белые щупальца спагетти. Он не позволил ей заплатить – заплатил сам и попросил отвезти его в «Системет», где купил две бутылки полынной водки, бутылку яичного ликера и упаковку немецкого пива. Шесть банок. Юлии пришлось тащить все это до машины. Бутылки в пакете предательски звякали.

– Поехали домой, – сказал он с такой безмятежной интонацией, будто удачнее дня в его жизни не было. Юлия мгновенно вспыхнула, но кое-как сдержалась.

– Пустой день, – желчно сказала она.

Они остановились на красный свет на выезде из Боргхольма.

– Почему?

– Что – почему? Он еще спрашивает – почему! Потому что пустой. Ничего не сделано.

– Как это – не сделано? Прежде всего: у Маргит были замечательные булочки. И кофе они покупают отменный. Это раз. Посмотрели поближе на Блумберга. Это два. А к тому же...

– Зачем тебе все это нужно?

– По разным причинам, – не сразу ответил Герлоф.

Юлия сжалась.

– Пора тебе посвятить меня во все твои дела, – сказала она сквозь зубы, борясь с желанием остановиться и выкинуть его из машины. Прямо здесь, в альваре, к северу от Чёпингсвика. Он просто издевается.

Герлоф помолчал.

– Эрнст Адольфссон, – сказал он. – У Эрнста Адольфссона была теория. Он считал, что мой внук... то есть наш Йенс, не ходил к морю в тот день. Он просто вышел в альвар и там встретил своего убийцу.

– Кого?

– Может быть, Нильса Канта.

– Нильса Канта?

– Вот именно. Почившего Нильса Канта. К тому времени он уже десять лет лежал в земле. Ты сама видела могилу. Но ходят слухи, что...

– Да знаю я, – раздраженно сказала Юлия. – Мне Астрид говорила. Но откуда эти слухи взялись? Это не каждый день бывает... воскресение из мертвых. Я знаю только один пример. Ну, два. И оба из Библии.

Герлоф вздохнул.

– Был такой почтальон в Стенвике – Эрик Анлунд. Он рассказал историю... с большим, правда, опозданием – ждал, пока выйдет на пенсию. Якобы Вера Кант получала открытки без обратного адреса.

– И что?

– Когда эти открытки начали приходить, я точно не знаю. В пятидесятые... или шестидесятые. Из разных стран в Южной Америке. Так Анлунд говорил – он по маркам определял. Несколько открыток каждый год. И всегда без обратного адреса.

– От Нильса Канта?

– Вероятно. Первое, что приходит в голову. А потом Нильс Кант и сам объявился. В гробу.

– Это я знаю.

– Не все ты знаешь. – Герлоф покосился на нее. – Открытки продолжали приходить и после похорон. Тоже из-за границы и тоже без обратного адреса.

Юлия внутренне ахнула.

– Это правда?

– Думаю, правда. Собственно, никто, кроме Эрика Анлунда, этих открыток не видел, но он голову клал на отсечение – открытки приходили много лет после похорон Нильса.

– И люди стали подозревать, что Нильс Кант жив?

– А как же! Надо же о чем-то посудачить в сумерках. Но Эрнст-то... Эрнст терпеть не мог сплетни, но и он так считал – Нильс Кант пережил свои похороны.

– А ты как считаешь?

– Я, как апостол Фома. Фома неверующий. Мне нужны доказательства, а пока я их не нашел.

– А зачем тебе был этот Блумберг?

– Йон Хагман считает, что Блумберг и Кант – одно и то же лицо... Следи за дорогой!

Это было сказано вовремя, потому что Юлия уставилась на него круглыми от изумления глазами.

– Проще некуда, – сказала она, переварив новость. – И искать не надо... Но ты-то так не считаешь?

Герлоф медленно покачал головой.

– Слишком уж большая натяжка... Но здоровое зерно в рассуждениях Йона есть. Блумберг – моряк, я уже говорил. Вырос в Смоланде, еще подростком нанялся на корабль помощником машиниста. Отсутствовал двадцать или двадцать пять лет, точно не скажу. В конце концов сошел на берег, переехал на Эланд, женился, завел детей. Парень, который нас встретил в мастерской, – по-моему, его сын.

– И что в этом особенного? Нормальная биография.

– Ничего особенного, правильно. Настораживает только... столь долгое отсутствие. Ходили слухи – Йон, во всяком случае, где-то слышал, – его выгнали с корабля, и он болтался без дела в какой-то гавани в Южной Америке. Пил по-черному. Наконец какой-то шведский капитан сжалился и привез его домой.

– Но ведь не один Блумберг переехал на Эланд?

– Нет, конечно. Сюда переехали сотни людей.

– Нельзя же в каждом приезде видеть Канта!

– Нет. Нельзя. И я считаю – нельзя. Блумберг на Канта даже не похож. Но ведь человек видит то, что он хочет видеть. Моя, к примеру, мама, твоя, то есть, бабушка Сара, видела как-то гнома, когда была молодой. Помнишь? Она даже боялась произносить «гном», называла его «серенький».

– Я слышала эту историю много раз. – Юлия попыталась остановить Герлофа, но куда там.

– Причем в самый обычный день. В конце прошлого века это было. Полощет она, значит, белье в проливе, под Грэнхёгеном они жили... вдруг слышит сзади шаги. Быстрые такие шаги, будто кто-то из леса выбежал. Поворачивается она – мать честная! Маленький человечек, не больше метра, весь в сером. Ничего он ей не сказал, даже не глянул – побежал к воде. И не остановился – так и продолжал бежать. Сначала по воде, потом в воде – по пояс, по грудь, – а потом и вовсе исчез. Как корова языком слизала. Вроде утопился. Да разве так топятся? Как бы там ни было, больше она его не видела.

Юлия кивнула. Чушь какая-то. Ее эландские родственники знали много диких историй, но эта была, пожалуй, самая дикая.

– Гном покончил жизнь самоубийством, – сказала она с притворным сочувствием. – Не частое это дело.

– А я и не утверждаю, что это правда. Но ей-то я верю! Она-то видела гнома... или что-то еще, какое-то природное явление, неизвестный феномен... мало ли что. Ну, решила, что это гном. Но мы-то знаем, что гномов не существует.

– В последнее время они что-то не показываются.

– Нет. Не показываются. И то же самое с Нильсом Кантом. Никто о нем не говорит, никто его не видит. В полицейских бумагах написано «скончался от утопления». И надгробный камень лежит – любой может убедиться. И все равно – там, в наших краях, кое-кто считает, что он все еще жив.

– А ты как считаешь?

– А я считаю вот как: пора в этот вопрос внести ясность. Все странности должны быть объяснены.

– А мне хотелось бы найти моего сына. За этим я и приехала.

– Я знаю, – сказал Герлоф. – Но эти две истории вполне могут быть связаны.

– Нильс Кант и Йенс?

– И я даже знаю, что в какой-то степени они и в самом деле связаны.

Мартин Мальм...

– Что – Мартин Мальм?

– Откуда-то у него появился этот сандалик... и к тому же гроб Нильса Канта привезли в Швецию на одном из кораблей Мальма.

– Откуда ты знаешь?

– Никакого секрета здесь нет. Я сам был в гавани, когда прибыл этот сухогруз. Всем этим занималось похоронное бюро в Марнесе.

Юлия внимательно следила за указателями, чтобы не прозевать поворот на Марнес. Вот он. Она повернула направо, вздохнула и посмотрела на Герлофа.

– Но с Мальмом, который, как ты утверждаешь, послал тебе сандалик, нам поговорить так и не удалось.

– Нет. Не удалось. Зато ты видела его дом. Нынче он не в состоянии, но рано или поздно мы все равно встретимся. Может, на той неделе...

– Я не могу остаться только ради этого разговора. Мне надо домой, в Гётеборг.

– Раз надо, значит, надо. Когда едешь?

– Не знаю... скоро. Завтра, наверное...

– Завтра же похороны в марнесской церкви. В одиннадцать.

– Не уверена, что пойду. – Юлия свернула на асфальтовую площадку у дома престарелых. – Приехали. Я же даже не знала Эрнста. Один раз видела. Это, конечно, трагедия... никогда не забуду эту картину. Но он для меня чужой человек.

– Постарайся прийти. – Герлоф открыл дверцу.

Юлия вышла помочь донести пакет с бутылками и портфель.

– Спасибо... но знаешь, можешь меня поздравить: сейчас ноги куда лучше, чем утром.

Она проводила его до лифта.

– Увидимся. Спасибо за поездку.

Юлия посмотрела, как Герлоф вполне уверенно входит в лифт, и вернулась к машине. Надо еще купить еды.

Постепенно начинало смеркаться. Двадцать минут пятого. Нормальные

люди сейчас возвращаются домой с работы.

А кто-то еще работает. В полиции, например, в окне свет.

Она остановилась у продуктового магазина, купила молоко, хлеб, по маленькой упаковке нарезанной ветчины и сыра. На счету оставалось всего несколько сотен крон, а деньги из страховой кассы придут не раньше чем через неделю. И что? Единственно разумное, что она могла по этому поводу предпринять, – не думать об этом.

Она вышла из магазина. Окно по-прежнему светилось. Юлия вспомнила рассказ Астрид про Леннарта Хенрикссона. У каждого своя трагедия. Сунула пакеты с едой в «форд», заперла, перешла улицу и постучала в дверь марнесского отдела полиции.

– Я все валила на мать, – сказала Юлия, глотая слезы. – Как она могла заснуть? И на отца... на Герлофа... пошел, видите ли, сети чинить. Если бы Йенс был с ним, он бы ни за что не ушел из дома. Йенс обожал деда...

Она достала носовой платок, вытерла слезы и высморкалась.

– Много лет я все валила на них, а на самом деле... на самом деле только я во всем виновата. Оставила Йенса и поехала в Кальмар. На встречу с женщиной. И ведь знала, что это пустое. Он даже не появился. – Она помолчала. – С отцом Йенса. Микаелем. Мы разъехались. Он жил в Сконе, но все говорил, что вот в один прекрасный день сядет в поезд и приедет со мной встретиться. Я-то думала, мы попытаемся наладить отношения, а он ничего такого даже в мыслях не имел. – Она снова высморкалась. – И даже если бы он приехал... короче, он не приехал, остался в Мальмё... Боже мой, что я натворила... во всем, во всем виновата только я.

Леннарт молча слушал. «Он замечательно слушает... – подумала Юлия. – Не прерывает, и глаза добрые и внимательные».

– Вам не в чем себя упрекнуть, Юлия, – сказал он твердо, когда она замолчала. – Это... как говорят у нас в полиции, неудачное стечение обстоятельств. Несчастный случай.

– Да... если бы это был несчастный случай...

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду... если бы Йенс не встретил кого-то, кто его похитил.

– Да... но кто?

– Не знаю... маньяк? О таких вы куда больше меня знаете. Вы же полицейский.

Леннарт медленно покачал головой.

– Для таких дел человек должен быть не в себе... сильно не в себе. А раз он не себе, он и раньше бы себя как-то проявил. Полиция бы о нем знала. Тогда таких типов на Эланде не было. Что же вы думаете, мы не искали? И по домам ходили, и все криминальные регистры перелопатили.

– Я знаю... Вы сделали все, что в ваших силах, – вспомнила Юлия расхожую полицейскую формулу. Наверное, и в самом деле так.

– Мы, в полиции, считали, что мальчик пошел к воде. Там же всего несколько сот метров, а в таком тумане и взрослому заблудиться немудрено. А пролив... не знаю почему... Кальмарский пролив утопленников отдает неохотно. Очень многих не нашли. И до этого так

бывало, и после... – Он внезапно замолчал и с беспокойством посмотрел на Юлию. – Вам, наверное, тяжело об этом говорить. Зря я...

– Нет, ничего... странно, я не хотела приезжать. Думала, приеду, опять все увижу, только разберезу... Но ошиблась. – Она помедлила и добавила: – Только теперь я понимаю: Йенс не вернется. И с этим надо примириться. Жизнь должна продолжаться.

Сделала усилие, чтобы унять дрожь в голосе и сказала:

– А я же должна продолжать жить, правда?

В Марнесе уже вечер. Юлия собиралась заглянуть к Леннарту на минутку, но задержалась почти на час. А Леннарт – к моменту ее прихода он уже закончил работу, выключил компьютер и хотел идти домой. И тоже остался.

– Никаких дел сегодня? – спросила она, поздоровавшись.

– Позже... я член строительной комиссии, будет заседание, – он посмотрел на часы, – в половине восьмого. Время еще есть.

Юлия собралась было спросить, какую политическую партию он представляет, но воздержалась: не хотела, чтобы он назвал какую-нибудь из несимпатичных ей партий. И еще: ее все время подмывало спросить, женат ли он, но по тем же причинам не спросила. Боялась, что ответ ее огорчит.

– Можно заказать пиццу в «Моби Дике», – предложил Леннарт. – Хотите?

– Еще бы. – Она улыбнулась.

В конторе была даже маленькая кухня – мойка, двухконфорочная настольная электроплита, кофейная машина. Все было идеально чисто. Нержавеющая сталь мойки блестела, точно ее начистили пять минут назад. Вообще у Леннарта было уютно, насколько может быть уютно в казенном помещении, и тем более в полиции: красные лоскутные коврики, даже пара картин на стене. Низкий журнальный столик с креслами в углу, там они и присели поесть. Пиццу принесли через десять минут, не больше.

И разговорились. Странно, разговор почти сразу стал очень личным, даже интимным, ничем не напоминал вежливую болтовню двух малознакомых людей.

Юлия потом не могла вспомнить, кто из них первый начал откровенничать – Леннарт или она. Скорее всего, она.

– Я должна жить дальше. Если Йенс утонул – значит, утонул. Тело не нашли – значит, не нашли. Я могла бы с этим примириться. Такое и раньше бывало, вы правильно сказали. Пролит не отдает своих утопленников.

Только почему... – Она помолчала, обдумывая, как сказать. – Почему он пошел к морю? Йенс же боялся воды, даже на берегу не любил играть. И как избавиться от мысли, что он пошел в другую сторону? В альвар? Я знаю, звучит надуманно, но Герлоф, например, уверен, что к морю он не подходил.

– Мы и в альваре искали, – тихо сказал Леннарт. – Искали везде.

– Знаю, знаю... Я все пытаюсь вспомнить – а мы встречались тогда? Вы и я?

Полицейских тогда было много, и все они слились в памяти в безымянный ряд мундиров. О чем-то они ее спрашивали, она механически отвечала. Неважно, кто они, какие они, молодые, старые, красивые, уроды – лишь бы нашли Йенса.

Прошло довольно много времени, прежде чем она осознала, что тоже была в числе подозреваемых. А не убила ли она собственного сына? Скажем, в припадке безумия? Убила и спрятала тело...

Леннарт покачал головой и виновато улыбнулся.

– Нет, мы с вами не встречались... и уж точно не разговаривали. Все контакты с вами и вашей семьей взяли на себя другие полицейские, а я руководил одной из групп поиска. И добровольцы помогали – чуть не весь Стенвик. Они прочесывали берег, а я на машине исколесил все окрестные дороги, альвар... не нашли. – Он вздохнул. – Жуткие были дни. Для меня особенно, я ведь тоже в жизни столкнулся... ну, может, не с точно такой ситуацией, но похожей, похожей... Мой отец... – Леннарт опять замолчал, и по всем признакам, продолжать не собирался.

– Я знаю, Леннарт, – осторожно сказала Юлия. – Мне рассказывала Астрид. Я знаю, что случилось с вашим папой.

Леннарт опустил голову.

– Что ж, никакого секрета здесь нет.

– И о Нильсе Канте. Сколько вам было лет, когда это случилось?

– Восемь. – Леннарт ответил так быстро, словно ждал вопроса. – Восемь лет. Я только пошел в школу. В Марнесе. Последние дни перед каникулами, солнце, жарко... настроение замечательное. И вдруг ребята вокруг... они уже что-то слышали – перестрелка в поезде, кого-то из марнесских убили... Кого – никто не знал. И только когда я пришел домой... там мама, ее сестры. Долго скрывали, потом все же рассказали.

Он замолчал, уставившись в какую-то неизвестную точку в пространстве. Мысли его были далеко в прошлом. Юлия представила его восьмилетним ребенком, ошеломленным, но, возможно, еще не понимающим, что потерял отца – навсегда. Безвозвратно, необратимо.

– А полицейским разрешают плакать?

– Почему же нет? Просто мы умеем отключать эмоции. Этому учат, – сказал он, на этот раз без улыбки. – Нильс Кант... я никогда с ним не встречался. Даже странно – жили в нескольких километрах. Он больше чем на десять лет старше меня. И он вдруг застрелил моего отца.

– А потом... что вы о нем думали? Нет-нет... дурацкий вопрос. Совершенно ясно. Без вопросов. Вы его ненавидели.

Она попыталась представить, как бы себя повела, если бы встретила лицом к лицу с убийцей Йенса, и не представила.

– Да, разумеется, я ненавидел Нильса Канта всеми фибрами души, как когда-то выражались. Но и боялся... Я помню этот страх. Уснуть не мог. Боялся, что он вернется на Эланд, чтобы убить и меня, и мою маму. И долго не мог избавиться от этих страхов.

– Кое-кто утверждает, что он жив, – тихо сказала Юлия. – Вы слышали такие разговоры?

– Кто жив?

– Нильс Кант.

– Жив? Это невозможно.

– Невозможно... Я тоже в это не верю...

– Канта нет в живых, – убежденно сказал Леннарт и отрезал большой кусок пиццы.

– Я же говорю – и я не верю. Но Герлоф о нем все время говорит... похоже, старается убедить меня, что это Кант похитил Йенса. Йенс в тот день встретил Канта, который к тому времени уже лежал в гробу больше десяти лет.

– Кант погиб в шестьдесят третьем. Гроб сюда привезли из Боргхольма. Осенью. И еще... конечно, это не для распространения, но полиция в Боргхольме вскрывала гроб. Под большим секретом. Не знаю, почему они делали из этого тайну – может, боялись Веры Кант... или сильно уважали. У нее денег было – куры не клюют. А земель и того больше.

– И что? Было там тело?

Леннарт кивнул.

– Я сам видел, – тихо сказал он. – Это тоже щепетильный факт, так что... в общем, когда привезли гроб...

– На одном из сухогрузов Мальма, – вставила Юлия.

– Ну да... Кто это вас так просветил? Герлоф? Ну-ну... Я тогда только начинал в Марнесе, к тому времени два года отслужил в Векшё, уволился и приехал сюда. И тут этот гроб... я попросил разрешения приехать в Боргхольм и присутствовать при вскрытии. Конечно, служебных причин у

меня не было, только личные, но мне пошли навстречу. Гроб лежал в пакгаузе, ждали людей из похоронного бюро. В большом деревянном ящике с печатью шведского консульства в какой-то южноамериканской стране. Были и документы. Короче, гроб открыли – какой-то пожилой полицейский этим занимался. И в гробу был труп Нильса Канта. Зрелище жутковатое – почти высохший, покрытый черной плесенью. Еще там был врач из боргхольмской больницы, сказал – типично для утопления в соленой воде. Его нашли далеко не сразу, так что рыбы уже...

Леннарт осекся, посмотрел на пиццу и, очевидно, сообразил, что тема не совсем десертная.

– Извините за детали, – сказал он.

– Неважно. А откуда известно, что это был Кант? Отпечатки пальцев?

– Его отпечатков в регистре не было. И зубной карты не было. Его идентифицировали по старому перелому пальцев – в юности подрался с кем-то в каменоломне – я сам слышал эту историю от старожилков в Стенвике. И на трупе тоже... переломы на том же месте.

Они опять замолчали.

– И как это было? Что вы почувствовали, когда увидели труп Канта?

– Ничего, – сказал Леннарт, немного подумав. – Ничего я не почувствовал. Мне хотелось увидеть живого Канта, а труп в суд не приведешь.

– А вы были когда-нибудь в доме Веры Кант? Когда искали Йенса – туда тоже заходили?

Леннарт задумался и покачал головой.

– Нет... а почему мы должны были туда заходить?

– Не знаю... я просто пытаюсь представить, куда Йенс мог пойти. Если он не пошел к воде и не пошел в альвар... то куда? Мог зайти к соседям. А дом Веры Кант в двух сотнях метров от нашего.

– Но зачем ему туда идти? И если уж пришел, почему остался?

– Не знаю... Упал... а кто знает, может, Вера Кант была такой же зверюгой, как ее сын.

Ты зашел туда, Йенс, и Вера заперла за тобой дверь.

– Это, конечно, только домыслы... Но у меня есть предложение – давайте заглянем в этот дом. Вместе со мной...

– Заглянуть? Вы имеете в виду, зайти в виллу Кантов? Зачем?

– Просто посмотреть. Пять минут. Завтра я уезжаю в Гётеборг. – Юлия смотрела на него, не отводя глаз. Ей хотелось рассказать про свет, который она видела в окне, но решила промолчать – а вдруг показалось? – Это же не взлом – зайти в необитаемый, брошенный дом? А вы-то, как полицейский,

наверняка имеете право...

Леннарт отрицательно покачал головой.

– У нас очень жесткие правила. Конечно, как единственный полицейский на весь Марнес, я мог бы себе позволить некоторую импровизацию, но знаете...

– Нас никто и не увидит, – быстро сказала Юлия, не давая ему времени искать аргументы. – В Стенвике никого нет. Вилла Кантов стоит в окружении летних домиков вроде нашего, и повторяю: там никого, кроме меня, нет.

Леннарт посмотрел на часы.

– Мне пора на собрание.

– А после собрания?

– Вы что... сегодня туда собрались?

Она молча кивнула.

– Ну что ж... посмотрим. Собрание может затянуться. Если нет, я вам позвоню. У вас мобильник есть?

– Пожалуйста, я вас очень прошу. – Она оторвала кусочек картона от коробки из-под пиццы и записала свой номер.

Леннарт повертел в руках криво оторванную, с пятном жира картонку и решительно сунул в нагрудный карман.

– Сами ничего не предпринимайте, – строго сказал он.

– Не буду.

– Вилла Кантов выглядит так, что вот-вот развалится.

А если Йенс там... один, в темноте... он ей никогда не простит, что она его не искала.

Они вышли на улицу. Ни души. Магазины закрыты, витрины темные, светится только киоск в гавани. Стало совсем холодно – такое ощущение, что вот-вот пойдет снег. Около ноля.

Леннарт тщательно запер за собой дверь.

– Значит, сейчас едете в Стенвик?

Она молча кивнула.

– И, может быть, увидимся сегодня?

– Хорошо бы... Леннарт, а что с сандаликом? – вдруг вспомнила она. – Выяснилось что-то?

Он посмотрел на нее непонимающе, но сразу догадался.

– Нет, к сожалению. Я послал его в запечатанном пакете в Линчэпинг, но ответа еще нет. На той неделе я им позвоню. Не надо возлагать слишком большие надежды. Столько времени прошло... и к тому же вы не уверены,

что это его сандалик.

– Да, в том-то и дело. Мне кажется, его, но, как вы правильно сказали, – столько времени прошло.

– Всего хорошего, Юлия.

Он протянул ей руку.

Ей показалось, что после такого откровенного разговора жест чересчур уж официален, но она и сама не особенно любила обниматься.

– Всего хорошего. Спасибо за пиццу.

– Всегда рад. После собрания позвоню.

Он посмотрел ей в глаза – чуть дольше, чем принято. Таким взглядом, что потом можно сколько угодно прикидывать – что же он хотел сказать? Повернулся и пошел прочь.

Она пошла к машине.

Медленно проехала через Марнес, мимо дома престарелых. Герлоф сейчас, наверное, сидит и пьет свой вечерний кофе... Темная церковь с высокой часовней, кладбище.

Интересно, женат ли он? Или же Леннарт Хенрикссон холостяк? Она так и не решилась спросить.

Не слишком ли она была с ним откровенна? Зачем рассказала о преследующем ее все эти годы чувстве вины? Но разговор получился замечательным. Особенно после этого странного дня в Боргхольме с булочками и моторным маслом. И эти дикие теории Герлофа... Убийца Йенса перенес insult и лежит больной в шикарной вилле, а Нильс Кант, убийца полицейского Курта Хенрикссона, сменил имя и фамилию и продает подержанные автомобили. А может, Герлоф ее просто-напросто разыгрывает?

Ну нет. На эту тему он шутить не станет. Но его фантазии никуда не ведут. Тупик.

Можно спокойно уезжать домой. Завтра и поедет. Герлоф просил прийти на похороны Эрнста – хорошо, она придет. И сразу оттуда – в Гётеборг. Попрощается с Герлофом и Астрид – и домой. Надо постараться жить по-другому. Лучше. Меньше пить, перестать глотать таблетки. Закрыть бюллетень и выйти на работу. Нельзя жить прошлым. Нельзя всю жизнь ломать голову над загадками, у которых нет разгадок. Надо смотреть вперед. А потом, к весне, обязательно приедет еще раз, навестит Герлофа. И может быть, Леннарта.

* * *

Появился первый дом в Стенвике. Юлия снизила скорость и

остановилась у дачи Герлофа. В темноте открыла ворота и поставила машину под навес в саду позади дома. Последнюю ночь она будет ночевать здесь, в своей детской, в окружении воспоминаний. Хороших и плохих.

Виллы Кантов в темноте не видно, но куда ей деться? Всмотрелась в темноту. У Астрид горел свет. У Йона Хагмана по другую сторону тоже.

Сбегала в хижину. Взяла зубную щетку, подумала – и собрала все, что там оставила. В том числе бутылки с вином. Она привезла их из Гётеборга – и надо же, с гордостью подумала Юлия, вот они – даже не открыты. А вот и старая керосиновая лампа в окне – надо тоже захватить с собой на всякий случай. Никто не знает, насколько заботятся власти об электроснабжении полумертвого поселка.

На обратной дороге все-таки не удержалась и посмотрела на дом Веры Кант за чернеющими в темноте кустами боярышника. Все окна темные.

Мы там не искали, сказал Леннарт. А почему они должны были искать у Веры Кант? Никто же не подозревал ее в похищении ребенка.

А если она прятала там Нильса Канта? Йенс шел в тумане, заблудился, перепугался, набрел на калитку их дома и вошел...

Все это притянуто за уши.

Она с наслаждением вернулась в тепло. Включила свет во всех комнатах. Посмотрела на бутылки с вином. Последний вечер на Эланде. Почему бы нет? Она открыла бутылку и налила. Быстро выпила, опять наполнила и пошла в гостиную, прислушиваясь к тут же возникшему мелодичному шуму в ушах.

Заглянуть на минутку – и все. Если совещание у Леннарта быстро закончится, если он позвонит... и что бы он там ни говорил, она опять попросит его приехать. Еще более настойчиво. Почему он не хочет посмотреть дом убийцы отца?

Черт подери, это как грипп. Герлоф заразил меня – не могу перестать думать о Нильсе Канте.

Гётеборг, август 1945 года

Первое послевоенное лето, полное света, тепла, а главное – надежд. В Гётеборге кварталами сносят старые деревянные лачуги – планируется гигантское жилищное строительство.

Самое начало августа. Желтые плакаты на стенах домов. «МИР ВО ВСЕМ МИРЕ», читает Нильс.

Через пару дней он покупает «Гётеборгс Постен». «АТОМНАЯ БОМБА – МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ». Безоговорочная капитуляция Японии – новая бомба американцев положила конец шестилетней войне. Окончательно и бесповоротно. Неплохая, должно быть, бомба, тут и там слышит он разговоры. Ну и бомба, если парочки таких достаточно, чтобы... – говорит кто-то в трамвае. Фотография в газете. Поднимающееся в небо огромное грибовидное облако чем-то напоминает Нильсу зеленую муху на руке мертвого немецкого солдата.

А для него мир еще не наступил. За ним идет охота.

Дело к вечеру. Нильс в парке, стоит под деревом. К нему приближается молодой человек в костюме. И сам он тоже в костюме. В темном костюме, он купил его в Хаге. Костюм не то чтобы новый, но и не настолько заношенный, чтобы привлекать внимание. На голове шляпа. Он отрастил бороду – густую черную бороду, и каждый день стрижет ее перед зеркалом в своей холостяцкой комнате в Майорне.

Насколько ему известно, у матери только одна его фотография, шести- или семилетней давности. Школьный групповой снимок. Он стоит в заднем ряду в надвинутой на глаза кепке. Фотография довольно мутная, так что даже если полиция ее заполучила – вряд ли поможет. Он совершенно неузнаваем.

Парк отделен от гавани улицей, и это, наверное, самая скверная улица в Гётеборге. От положенного когда-то булыжника почти ничего не осталось, деревянные некрашеные дома осели, непонятно, как держатся стекла в косых рамах. Они и не падают-то, похоже, только потому, что опираются друг на друга. Что ж, бородатый Нильс Кант прекрасно вписывается в этот антураж – в своем подержанном костюме и с гладко зачесанными назад волосами. «Человек бедный, но не нищий», – вслух произносит он. И с виду не подозрительный, надо надеяться. Очень многое со времени его побега с Эланда зависело от того, насколько ему удастся вписаться в среду. Стать невидимым или, по крайней мере, не привлекать внимания.

Нильс не сразу покинул Рамнебю, где на том берегу канала был виден его остров. Но на третье утро заметил, как к конторе дяди подъезжает полицейская машина, и только тогда двинулся на запад.

Ушел в лес. Густой прибрежный еловый лес. Ему было не привыкать – долгие странствия по альвару научили его находить дорогу откуда и куда угодно. С помощью солнца и годами отточенной интуиции.

Все лето он шел. И не он один – молодежь шла искать счастья в больших городах. Нильс был всего лишь одним из них. Он знал это, но все равно старался избегать людей. Шел в основном лесами, ел ягоды, пил родниковую воду. Спал под деревьями, а если шел дождь – находил какой-нибудь пустой хлев или сарай. Иногда, когда становилось совсем невмоготу, пробирался на хутор и воровал яйца или молоко.

Ириски, которые мать дала в дорогу, кончились на третий день.

В Хускварне он задержался на несколько часов – захотелось посмотреть место, где сделали его ружье, но оружейную фабрику так и не нашел. А спросить не решился. Хускварна была никак не меньше Кальмара, а соседний город, Йончёпинг, – и того больше. На улицах было столько народу, что он даже не прятался. После войны люди были одеты скверно, и его грязная и пропотевшая после долгих скитаний одежда внимания не привлекала.

Он даже решился поесть в ресторане и купить новые башмаки. Тридцать одна крона. Денег было не так много, но он все равно пошел в ресторан у вокзала и заказал большой бифштекс, кружку пива и рюмку коньяка «Грёнстедт». Две кроны и шестьдесят эре. Дорого, конечно, но он это заслужил.

После такого обеда Нильс почувствовал прилив сил и шел еще несколько недель, пока не добрался до западного побережья.

Гётеборг – второй по величине город королевства, он знал это из школы. И все равно обомлел, когда увидел огромные дома на набережной реки Йота, сотни автомобилей, тысячи людей на улицах. Вначале он даже ударился в панику – найти что-то в таком водовороте казалось совершенно невозможным. То и дело слышались обрывки иностранной речи – по улицам бродили моряки из Англии, Дании, Норвегии, Голландии. Нильс мог часами смотреть, как отправляются и причаливают корабли из далеких стран. В первый раз в жизни он попробовал банан, почерневший, размякший, но все равно – вкус показался ему замечательным.

Гавань была несравненно больше, чем на Эланде, и не просто больше, а совсем другая. Повсюду стояли подъемные краны, похожие на

доисторических чудовищ, дымящие буксиры сновали между стоящими на рейде гигантскими белоснежными океанскими лайнерами. Мачт и парусов почти не видно – они уступили место дизельным двигателям.

Нильс бродил по гавани, рассматривал циклопические корпуса судов и думал о бананах в Южной Америке.

Он снял номер в отеле для холостяков. Комната была настолько скверной, что он старался находиться там как можно меньше, – уходил утром и возвращался поздно вечером. Нельзя сказать, чтобы он тосковал о ночевках в лесу, на покрытой мхом и хвоей земле, но эта комната напоминала ему тюремную камеру, и он ночь напролет прислушивался к шагам на лестнице – не пришли ли за ним?

В одну из ночей дверь его комнаты отворилась, и на пороге появилась гигантская фигура уполномоченного Хенриксона. Полицейский мундир окровавлен. Не открывая глаз, уполномоченный указал на него неестественно длинным пальцем.

Ты убил меня, Нильс. Но я тебя нашел.

Нильс вскочил, закусив губу. В номере было пусто.

За все время в Гётеборге он послал Вере одну открытку – черно-белую, с изображением маяка в Винге. Без слов. Только открытка. Имя и адрес отправителя он, естественно, не указал. Она поймет – он жив, а по штемпелю сообщит – открытка послана с западного побережья, из Гётеборга. Этого достаточно.

Молодой человек в костюме все ближе.

Впервые Нильс увидел Макса три дня назад в маленьком кафе около гавани. Тот сидел через два стола от Нильса. На него нельзя было не обратить внимания – он доставал сигареты из золотого портсигара и громко разговаривал со всеми подряд – с официанткой, с хозяином, с другими посетителями, причем на таком забавном гётеборгском диалекте, что все улыбались. Все называли его Макс. К нему то и дело подсаживались какие-то люди, старые и молодые. Он немедленно снижал голос и тихо, главным образом жестами, о чем-то с ними беседовал.

Явно что-то продавал. Никакой демонстрации товара Нильс не заметил, поэтому предположил, что тот торгует советами и информацией. Он присматривался к Максусу около часа и, наконец, решился – подсел за его столик. Вблизи Нильс понял, что Макс еще моложе его. Жирные волосы, физиономия в угрях – и при этом умные, внимательные глаза.

В первый раз в своей жизни Нильс так долго и подробно разговаривал с незнакомым человеком, но, к его удивлению, это оказалось совсем не трудно. Так же тихо, как и все, кто подсаживался к Максусу, он попросил у

него совета. И не только совета – он попросил его о важной услуге.

Макс выслушал и кивнул.

– Два дня, – только и сказал он.

– Получишь двадцать пять крон.

– Тридцать пять. Вполне разумная цена.

Нильс подумал немного.

– Тридцать.

– Ладно, – кивнул Макс. – Здесь ко мне больше не подходи. Встретимся в парке... хороший парк, я часто там бываю.

Назвал адрес, поднялся и ушел.

А теперь Нильс стоит в этом парке и ждет. Он пришел заранее, удостоверился, что на аллеях никого нет, проверил, есть ли куда бежать, – на всякий случай, если что-то пойдет не так, как он рассчитывает. Нильс, конечно, не сказал Максу свое имя, но совершенно уверен – тот понял, что за ним охотится полиция.

Макс идет прямо к нему – не оглядываясь по сторонам, не проверяя, нет ли свидетелей их разговора.

Это ни в коей степени не успокаивает Нильса, но он, по крайней мере, решает остаться.

Макс останавливается в нескольких шагах от него.

– «Celeste Horizon», – только и говорит он. – «Небесный горизонт». Это твой корабль.

Нильс молча кивает.

– Корабль английский. – Макс садится на камень между деревьями и достает сигарету. – Но капитан – датчанин, Петри его зовут. Его совсем не интересует, кто именно взойдет на борт его посудины. Его интересуют деньги. Сразу спросил – сколько?

– Поговорим, – односложно отвечает Нильс.

– Они сейчас грузят лес. Отплытие – через три дня. – Макс выпустил струю дыма.

– Куда?

– Ист Лондон. Там разгружают лес – и в Дурбан, взять груз угля. А оттуда – в Сантос.

– Я хочу в Америку, – быстро говорит Нильс. – США.

– Сантос – это Бразилия, – пожимает плечами Макс. – Сядешь там на любой пароход в Штаты.

Нильс задумывается. Сантос – в Бразилии? Что ж, не так уж плохо. Почему бы не начать с Бразилии? Все равно же он потом вернется в Европу.

– Ладно, пойдет.

Макс резко встает и протягивает ему руку.

Нильс опускает в его ладонь пять тяжелых двухкрановых монет.

– Это задаток, – говорит он. – Когда я встречу с этим Петри, получишь остальное.

Макс улыбается.

– Я смотрю, у тебя голова на месте. В общем, каждое утро в гавани собираются люди. Ищут работу. Кому-то удается, кому-то нет. Придешь завтра утром и присоединишься к ним – сразу увидишь, где они стоят... За тобой придут и возьмут на «Селесту».

Нильс молча кивает.

– Меня зовут Макс Реймер. А тебя?

Нильс молчит. Он знает, что легко справится с Максом – тот намного меньше его. Сшибить с ног, обработать ногами. А там – камень побольше, и спрятать тело в парке. Дело сделано.

А дальше? Дальше Макс начнет приходить по ночам, как тот полицейский.

– Не задавай лишних вопросов, – говорит он, поборов искушение, и уходит. Сделав несколько шагов, поворачивается. – Будешь задавать вопросы, не получишь больше ни эре.

Леннарт так и не позвонил.

Юлия несколько часов просидела в доме. Полдевятого, девять. Не позвонил.

И не позвонит.

Она даже не заметила, как расправилась с целой бутылкой красного вина. Решение проникнуть в дом Кантов все крепло и крепло. Собственно, зачем ей Леннарт?

Не позвонить ли Герлофу? Нет, не надо.

Юлия уже сложила вещи, прибралась в доме и теперь не находила себе места.

Ночная темень и тишина словно придавили дом к земле. Потолок опускается, скоро будет нечем дышать. Без четверти десять она резко встала. Голова после вина немного кружилась, но опьянения она не чувствовала. Разве что прибавилось решимости. Надо, наконец, поставить точку в этой истории. По крайней мере, для себя.

Надела под пальто еще один свитер, сунула ноги в шерстяные носки. В шкафу нашла старую шерстяную шапочку, спрятала под нее волосы и посмотрела в зеркало в прихожей. Странно – после разговора с Леннартом она выглядит куда моложе, чем обычно. Розовая кожа, исчезло выражение вечной озабоченности. Даже морщинки куда-то подевались.

А может быть, не в Леннарте дело. Благотворное действие вина.

Мобильник... старая керосиновая лампа. Пригодится. Можно гасить в доме свет.

Только взгляну – и все.

К вечеру стало холодно, ясно и почти безветренно – слышен только замирающий лепет последних сухих листьев на деревьях. За дверью ее тут же накрыл густой, чернильный, вибрирующий мрак. На той стороне пролива загадочно мерцают слабые огоньки.

Пройдя с десятков метров, она остановилась и прислушалась – нет ли кого?

Никого. Полная тишина.

Стенвик пуст. Под ногами хрустит гравий.

Огромный силуэт виллы Веры Кант ночью показался еще огромней. В свете звезд белела железная калитка. Она нащупала шероховатую от ржавчины ручку, нажала и потянула на себя. Калитка качнулась, но не открылась. Наверное, петли совсем проржавели. Или сама калитка осела.

Она нагнулась – конечно, нижняя перемычка наполовину ушла в землю.

Юлия поставила керосиновую лампу на землю и взялась обеими руками за верхнюю перемычку. Постаралась поднять, насколько можно, и потянула на себя. На этот раз калитка подалась и с ржавым стоном приоткрылась. На пару дециметров, не больше, но этого хватит.

Конечно, вино. Она не испытывала обычного страха темноты. Вернее, почти не испытывала.

Двор окружен высокими деревьями. Черные ажурные силуэты на фоне тоже черного, но все же чуть менее черного неба с россыпями подмигивающих звезд. Какие тени прячутся в кронах?.. Она несколько минут постояла неподвижно, дожидаясь, чтобы глаза привыкли к темноте. Постепенно, как в ванночке с проявителем, стали появляться детали: извилистая, выложенная светлыми каменными плитами тропинка, словно приглашающая двигаться дальше. Выплыл из мрака колодец. На крышке – сухие листья, она даже различила черные колонии плесени. Повсюду заросли бурьяна. По другую сторону – сарай, видимо, дровяной. Крыша почти провалилась. Вот-вот обрушится, как плохо натянута палатка.

Она осторожно шагнула вперед и остановилась. Прислушалась. Еще шаг, потом другой. Третий. И с каждым шагом росла неуверенность.

Мобильник в кармане вызвонил свой дурацкий мотивчик. Она так сильно вздрогнула, что чуть не выронила лампу, схватила телефон и лихорадочно нажала кнопку. В такой тишине, наверное, весь Стенвик слышит, что ей звонят... какой Стенвик? Стенвик пуст.

– Алло?

– Алло? Юлия?

Спокойный голос Леннарта.

– Привет, – сказала она, стараясь, чтобы он по голосу не заметил, что она разделалась с целой бутылкой вина. – Где вы?

– Все еще сижу на собрании... как всегда, много вопросов. Ни один не решили, но пока заседаем. Затянули страшно, так что я, наверное, отсюда поеду домой.

– О'кей. – Внезапно приободрившись, она сделала два решительных шага по дорожке и увидела угол дома.

– Завтра же похороны, а у меня еще куча работы. Никто же за меня ее не сделает. Извините, не получается...

– Я понимаю, – быстро сказала Юлия, – в другой раз.

– Вы не дома?

Как он это понял? Сказано просто, без нотки подозрения, но Юлия напряглась и соврала:

- Вышла прогуляться на обрыв. Перед сном.
- Вот и хорошо. Значит, завтра увидимся в церкви.
- Да. Обязательно приеду. Спокойной ночи, Леннарт.
- Спокойной ночи.

Голос пропал. Она нажала кнопку отбоя, сунула телефон в карман и облегченно выдохнула. Голос Леннарта почему-то внушил ей уверенность. «Не получается»... ну и ладно. Как будто она уже и сама не догадалась, что у него не получается.

Дорожка уперлась в широкое крыльцо с изогнутыми дугой каменными перилами, ведущее к когда-то белой двери в остекленной веранде. Резные наличники, которыми когда-то была украшена веранда, потрескались.

Вблизи вилла казалась еще больше. Прямо замок какой-то. Черные окна напомнили ей уничтоженный пожаром замок в Боргхольме.

Ты здесь, Йенс?

Даже ночной мрак не мог скрыть, в каком плачевном состоянии вилла. Стекла в трещинах, на рамах – последние чешуйки давно облупившейся краски.

Если здесь, на воздухе, она еще могла кое-что различать, на веранде стоял такой тяжелый, непроглядный мрак... ей показалось, мрак этот дрожит под собственной тяжестью.

Она подошла вплотную к первой ступеньке и опять прислушалась. *Я словно подкрадываюсь... к кому?* И почему с Леннартом говорила почти шепотом? Прямо смешно. Соблюдайте тишину, вас никто не слышит. Ни одна душа. Расслабься, обратилась она к себе самой. Призыв остался без ответа. Все равно не по себе – спина напряжена, колени дрожат.

Юлия представила себя на месте Йенса – как малыш мог рассуждать в тот день?

Вошел в сад Веры Кант... допустим. А дальше? Решился подняться по ступенькам и постучать? Почему бы и нет...

Железная рукоятка на двери веранды показывала вниз, словно кто-то сейчас, в эту самую секунду, собирается открыть изнутри. Наверняка заперта, решила она – и в ту же секунду увидела: дверь приоткрыта. По шее и рукам побежали ледяные муравьи.

Она присмотрелась. Кусок дверной рамы справа выломан, и ригелю замка не за что зацепиться. Оставалось только войти.

Значит, кто-то уже взламывал.

Воры? Она знала: когда уезжают туристы, появляются воры. Что может быть безопаснее, чем ограбить пустую дачу? А уж виллу-то... виллу, которая принадлежала когда-то одной из самых богатых женщин Эланда!

Это же никакой не секрет, что Вера Кант была очень богата.

А может, не воры? Но кто?

Она взялась за ручку и потянула дверь. Ничего не получилось. Присмотрелась и поняла почему: под дверью был вбит маленький деревянный клин. Должно быть, чтобы дверь не било ветром. Такая трогательная предусмотрительность у взломщиков?

Вряд ли.

Юлия выковыряла ногой клинышек и потянула за ручку. Дверь с протяжным скрипом открылась.

Плотный, непроглядный мрак. Ей стало не по себе, но отказаться от задуманного она уже не могла. Ее снедало любопытство. *Любопытство, любопытство.*

Минуточку. Клин забит снаружи. Значит, того, кто его забил, в доме нет. Если, конечно, нет черного хода. Или другого выхода.

Ей стало немного спокойнее, и она с колотящимся сердцем перешагнула порог.

Здесь было так же холодно, как и на улице. Только без ветра. И сыро, как в пещере. Ничего не видно.

Умница, похвалила она себя, догадалась взять лампу.

Достала из кармана куртки коробок спичек, сняла стекло, подкрутила широкий фитиль и зажгла спичку. Пламя вначале поколебалось, готовое погаснуть, потом зачадило и выровнялось. Свет с каждой секундой становился все ярче. Она аккуратно вставила стеклянную колбу в резное пружинное кольцо. Веранда слабо осветилась. Юлия огляделась. В углах по-прежнему прятались тени.

Она подняла лампу и пошла к ведущей в дом двери. Осторожно потрогала. Дверь закрыта, но не заперта. Потянула за ручку и оказалась в большом холле, оклеенном цветастыми обоями. Цвет определить невозможно, но видно, что обои выцвели на солнце и кое-где отошли от стены. Юлия не удивилась бы, если бы перед ней вдруг предстал дворецкий с переброшенным через руку ворохом одежды. Или если бы на полу стояли рядами дамские туфли. Но нет – тут было так же пусто, как на веранде. Углы задрапированы паутиной.

В холле была уже не одна дверь, как на веранде, а четыре. Все закрыты.

Она толкнула ближайшую. Дверь отворилась с таким же мученическим стоном. Совсем маленькая комнатуха, несколько квадратных метров. Совершенно пустая, если не считать нескольких стеклянных банок на полу. Она подняла одну – остатки содержимого были покрыты дециметровым слоем плесени. Явно комната для прислуги.

За следующей дверью оказалась огромная кухня. Кухня Веры Кант. Она остановилась на пороге.

Коричневый линолеум у входа, а дальше – тщательно подогнанные каменные плиты, на которых разместилась монументальная чугунная печь. Прямо перед ней два окна – выходят... она мысленно прикинула, как сюда шла... так... окна выходят на заднюю сторону. Отсюда днем наверняка можно разглядеть за деревьями дом Герлофа – всего в паре сотен метров. От этой мысли она совсем успокоилась. Кухня и есть кухня.

Вот и вход на второй этаж – крутая деревянная лестница с тонкими и на вид шаткими перилами, довольно узкая. Воздух затхлый, пахнет почему-то гниющими растениями. Или застоявшейся водой. На полу полно дохлых мух, кое-где пыль собралась в большие невесомые комки, похожие на призраки перекаати-поля.

Здесь и стояла по вечерам Вера Кант, смотрела на кипящие кастрюли. Отсюда ее сын Нильс ушел навсегда. С рюкзаком и ружьем. Первое послевоенное лето. Как давно это было...

Я вернусь, мама.

Говорят, он пообещал вернуться. Откуда это известно?

Под лестницей она заметила полуоткрытую дверь. Подошла поближе. Лестница в подвал.

Лестница в подвал... если с чего и начинать искать то, что она ищет, так с подвала.

Только беглый взгляд – и назад.

Она потрогала мобильник в кармане. Номер Леннарта у нее есть, если что – можно позвонить.

Почему-то эта мысль ее успокоила.

Она подошла к двери, держа лампу перед собой.

Ступеньки из грубо оструганных досок. Там, внизу, она различила земляной пол, влажно блеснувший в неверном свете керосиновой лампы.

Но... что-то не так.

Она спустилась на пару ступенек. Нагнула шею, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок. Вгляделась.

В подвале кто-то недавно был.

Пол под самой лестницей тщательно утрамбован, но вдоль стен выкопаны ямы. Разные, большие и поменьше. А к лестнице прислонена лопата, словно землекоп только что прервал работу и вышел покурить.

Высохшие следы сапог на лестнице.

У стены – земляной вал и два ведра, тоже с землей.

Кто-то методично перекапывал подвал.

Мгновенный озноб. Она повернулась и взбежала наверх. В кухне остановилась, перевела дух и прислушалась. Ее затошнило.

Все тихо.

Надо было бы позвонить Леннарту – но как? Никто не должен ее видеть. Никто не должен ее слышать.

И все же... Юлия нащупала в кармане мобильник, набрала номер и положила палец на кнопку вызова.

А если что-то случится?

Она попыталась себя уговорить: Йенс здесь, со мной. В этом проклятом темном доме. Даже мертвый, он все равно со мной. Он хочет, чтобы я его искала. Чтобы я его *нашла*.

Я уже почти нашла тебя, Йенс.

Она пошла назад. Комки пыли взлетали из-под ног, как летучие мыши, и медленно опускались на пол. Через кухню, мимо гигантской печи – она знала, куда ей идти.

На второй этаж.

Ступеньки еле слышно поскрипывали под ее тяжестью.

Она положила руку с мобильником на перила, так казалось надежнее – чувствовалась успокаивающая близость каменной стены, – и медленно пошла вверх. Вгляделась, но ничего не увидела – свет лампы не доставал даже до верхних ступенек.

На середине лестницы Юлия остановилась и прислушалась. Тишина такая, что у нее зазвенело в ушах. Она поднялась на последнюю ступеньку. Двери не было, и она осторожно ступила на дощатый пол.

Коридор. И в том, и в другом конце закрытые двери.

Страх и нерешительность заставили ее остановиться.

Направо или налево? Только не стоять. Если она еще минуту постоит неподвижно, потом вообще не сможет двинуться с места. Она выбрала левую стену – почему-то ей показалось, что там не так темно. Такие же комки пыли, как и внизу. Под ногами отвратительно хрустят дохлые мухи.

На стенах более светлые пятна – когда-то здесь висели картины.

Держа перед собой лампу, Юлия потрясла для решимости кулаком с зажатым в нем мобильником и толкнула дверь.

Небольшая комната. Никакой мебели, как и внизу. Она сделала шаг вперед и отшатнулась, чуть не потеряв сознание. На полу лежал человек. Нет... не человек. Она перевела дух. Всего-то спальный мешок, а на стенах приколоты вырезки из газет.

Она подошла поближе. Старые. Пожелтевшие, выцветшие рубрики, вырезанные с первых страниц газет.

НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ НАЙДЕНЫ МЕРТВЫМИ –
РАССТРЕЛЯНЫ ИЗ ДРОБОВИКА.
УБИЙЦУ ПОЛИЦЕЙСКОГО ИЩУТ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ.

И третья вырезка, поновее:

В СТЕНВИКЕ БЕССЛЕДНО ИСЧЕЗ МАЛЬЧИК.

И портрет – беззаботно улыбающийся мальчуган. Приступ отчаяния – каждый раз, когда Юлия видела фотографию Йенса, горе сжимало гортань железными клещами. Были еще какие-то вырезки, но она не стала их читать. Попятилась и чуть не выбежала из этой проклятой комнаты.

И тут же замерла. В колеблющемся свете лампы она увидела, что дверь с другого конца коридора распахнута настежь.

Показалось? Нет, не показалось. Она готова была поклясться, что две минуты назад дверь была закрыта. Юлия различила порог, а за порогом – глухой, неправдоподобно черный мрак. Она замерла, как загнипнотизированная, с бешено колотящимся сердцем.

Там кто-то был. Кто-то ее там ждал.

Она там.

Это ее спальня. Холодная спальня, полная ненависти и одиночества.

Юлия не могла пошевелиться.

И вдруг она услышала медленные, шаркающие шаги. Наверняка старуха встала со своего кресла и идет к ней.

Немедленно прочь отсюда! Немедленно. Она рванулась по коридору так, что язычок пламени в лампе заколебался.

На площадку и вниз по лестнице.

Шаги за спиной, тяжелое дыхание.

Он обманул меня!

Волна ненависти словно ударила ее в спину. Она ступила в темноту и потеряла равновесие. Нога оказалась в пустоте, она нелепо замахала руками, выронила и телефон, и лампу.

Последнее, что она услышала, – хруст разбитого телефона. Лампа при падении погасла, но тут же кухня озарилась светом – вспыхнул пролитый керосин. Через долю секунды она, пролетев три или четыре метра, окажется там же, на каменном полу кухни.

Юлия сжала зубы и закрыла глаза в предчувствии невыносимой боли.

В день похорон Герлоф проснулся с таким ощущением, будто его сбросили со скалы. Боль в суставах рук и в коленях почти парализующая. Было еще очень рано, небо только начинало медленно сереть.

Стресс, очередной приступ синдрома Шёгрена... все это ни к черту не годится. Без кресла-каталки он даже до церкви не доберется.

Ревматоидный артрит Шёгрена следовал за ним повсюду, и подружиться с ним не удавалось. Герлоф много раз пытался наладить с ним отношения, разоружить добродушием и покорностью... а, ты опять здесь, господин Шёгрэн, заходи, добро пожаловать, пользуйся, раз уж пришел... – ничто не помогало, ему ни разу не удалось его умиловать. Шёгрэн бросался на него, рвал и ломал суставы, дергал за нервы, высушивал рот, щипал глаза.

Боль... что ж, потерпим, ей тоже когда-нибудь надоест. Он смотрел Шёгрэну прямо в его бесстыжие глаза и улыбался.

– Что ж, без детской колясочки не обойтись, – сказал он после завтрака.

– Скоро будете на ногах, Герлоф, – утешила Мария, его сегодняшняя помощница, поправила подушку за спиной и откинула подножку на кресле-каталке.

С помощью Марии он надел свой единственный черный костюм. Красивый костюм, с шелковистым блеском, отлично сшитый. Он купил его на похороны жены. И потом надевал раз двадцать. Только на похороны. Друзей, родственников... Рано или поздно, теперь уж скорее рано, чем поздно, костюм пригодится и для его собственных похорон.

Темное пальто, толстый шерстяной шарф, войлочная кепка, которую Элла называла фетровой, – он постарался заправить под нее уши, отчего кепка сразу стала мала. Середина октября, а температура не выше нуля.

В коридоре они наткнулись на Буэль.

– Ну что, все в порядке? – спросила она. – Готовность номер один? Когда вернетесь, Герлоф?

Обычный ее вопрос.

– Зависит от вдохновения пастора Хёгстрёма.

– Мы оставим вам ланч, можете разогреть его в микроволновке, если проголодаетесь.

– Вряд ли... но все равно – спасибо.

Герлоф сомневался, что похороны Эрнста поспособствуют его аппетиту.

Наверное, Буэль, с ее почти маниакальным стремлением все держать под контролем, втихую радуется, когда неумолимый Шёгрэн вынуждает его пользоваться креслом-каталкой – ей легче следить за его передвижениями. Не радуйся, скоро будет лучше. Шёгрэн приходит и уходит – у него полно клиентов. И он опять будет на ногах. И найдет убийцу Эрнста.

Мария, улыбнувшись, натянула варежки и взялась за рукоятки кресла.

Сначала на удивление неторопливый лифт, потом вестибюль – и в светлый октябрьский холод. Съехали по пандусу. Подмерзший за ночь гравий звонко захрустел под колесами. На ведущей к церкви улице никого не было.

Герлоф сжал что есть силы зубы. Он чувствовал себя до отвращения беспомощным. Что делать? Только одно: принимать обстоятельства, как есть. Над обстоятельствами он не властен. И никто не властен.

– Опаздываем? – тихо спросил он.

Чтобы надеть на него костюм, Мария возилась не меньше получаса.

– Чуть-чуть... это моя вина. Слава богу, до церкви рукой подать.

– Ну что ж... без обеда не оставят. Будем надеяться.

Мария засмеялась, и это ему понравилось. Далеко не все сотрудники дома понимают, что это долг юности – смеяться, когда старость шутит.

Они покатали к церкви. В лицо дул пронзительный ледяной ветер с пролива, и Герлоф все время отворачивал лицо. Он знал, что это за ветер, – тугой и ровный юго-западник, идеальный бакштаг, с таким можно дойти до самого Стокгольма за сутки. Впрочем, нельзя сказать, чтобы в такую погоду его сильно тянуло в море. Волна при таком ветре немалая, вода перехлестывает через релинг, палуба и банки покрыты тонкой пленкой льда... хорошего мало. Тридцать лет он уже на суше, а все считает себя моряком. А какому моряку охота оказаться в море в такую погоду? И вообще, зимняя навигация – на большого любителя.

Они миновали автобусную остановку, свернули к церкви – и тут зазвонили колокола. Мерный, тоскливый звон отозвался протяжным эхом на пустынной равнине. Мария вздрогнула и ускорила шаг.

Герлоф не сказал бы, что он очень уж рвется на похороны. Ритуал для родственников. Сам-то он попрощался с Эрнстом еще неделю назад, когда они с Йоном стояли у обрыва каменоломни. Он подумал тогда, что пустота, появившаяся после ухода Эрнста, слилась с пустотой после смерти его жены Эллы. Пустота эта увеличилась, стала еще холоднее – и она будет с ним до его, Герлофа, последней минуты.словно из окружающего его пространства постепенно выкачивают воздух. Но в то же

время его преследовала неприятная мысль. Нет, Эрнст не почил в мире, как нам, старикам, положено. Он ждет, Эрнст. Нетерпеливо ждет, чтобы Герлоф решил оставленную им головоломку.

На узкой парковке у церкви стояло не меньше дюжины машин. Герлоф поискал глазами красный «форд» Юлии. А вон «вольво» Астрид Линдер. Наверное, она предложила подвезти Юлию из Стенвика. Если, конечно, его дочь вообще соизволит явиться на похороны. Что ж, понять ее можно: процедура невеселая, а с Эрнстом она и в самом деле была почти незнакома.

Белая оштукатуренная церковь в Марнесе построена еще в девятнадцатом веке. Уже около тысячи лет церкви здесь ставили на одном и том же месте – старая становилась слишком тесной или разрушалась, и тогда строили новую. Эта была третьей по счету.

Кресло-каталка, постукивая на стыках плит, покатило по кладбищенской дорожке. У входа Мария задержалась и с усилием надавила на спинку, чтобы поставить направляющие колесики на невысокий порог.

В притворе было почти так же холодно, как на улице, темно и безлюдно. Герлоф снял кепку, и Мария вкатила коляску в храм. Здесь было довольно много народу, все в темных одеждах. Тихий многоголосый гомон – служба еще не началась.

Многие поворачивали головы и сочувственно смотрели на Герлофа. Каким слабым и несчастным он, должно быть, выглядит... а что здесь удивительного – он и в самом деле слаб и несчастен. Но голова у него ясная – и это самое главное.

А ведь многие приходят на похороны, только чтобы присмотреться, кто следующий на очереди. Смотрите, смотрите, подумал он. Не дождетесь.

Скоро ему придется встать и сделать несколько шагов самостоятельно, потому что из прохода высунулась узкая белая рука и помахала ему. Астрид Линдер, в черной шляпе с черной же вуалью. Хочет, чтобы Герлоф сел рядом, – похоже, не заметила, что он не на своих ногах.

Ну что ж. Мария помогла ему встать, и он с трудом перевалил непослушное тело на церковную скамью.

– Ничего не пропустил, – шепнула Астрид. – Пока одна сплошная тоска.

Он молча кивнул и поискал глазами. Юлия не приехала.

Мария с коляской отошла к задним рядам, и в ту же минуту шум стих – зазвучала фисгармония. Кантор заиграл «Старый пастушеский псалом» Оскара Линдберга. Очень медленная, печальная, но не трагическая музыка. Эта мелодия, сколько Герлоф мог помнить, всегда звучала на похоронах.

Напряжение немного отпустило, и он огляделся.

В основном старики. Из по меньшей мере ста человек три, ну, может, четыре моложе пятидесяти.

И убийца Эрнста тоже здесь. Почему-то Герлоф в этом уверен. Почему? Рядом с Астрид – ее брат Карл. Последний в Марнесе железнодорожник. Когда в середине шестидесятых станцию ликвидировали, он открыл скобяную лавку, а сейчас уже на пенсии. Это его коллега, Аксель Монссон, в свое время свистком отправил в путь состав с Нильсом Кантом, но Карл тоже там был; он тогда уже работал на станции, был мальчиком на побегушках. Карл рассказывал Герлофу, что сам видел, как кассирша Маргит звонит в полицию, как страшным шепотом сообщает, что этот, кого разыскивают, как его, Нильс Кант... он только что взял билет на поезд до Боргхольма. Мало того, всегда добавлял Карл, и делал многозначительную паузу. Мало того – он лично был свидетелем, как задержали поезд, чтобы дожидаться местного уполномоченного Курта Хенрикссона, и как этот толстый полицейский бежал, задыхаясь, по перрону, чтобы успеть настичь предполагаемого убийцу.

Карл сейчас, должно быть, единственный на острове, кто видел своими глазами взрослого Нильса Канта, но когда Герлоф начал его как-то расспрашивать, тот только помотал головой. У меня, сказал Карл, никудышная память на лица.

Чуть поодаль – целый выводок марнесских пенсионеров: бывший директор Народного дома Берт Линдгрэн, он тоже, как и Герлоф, был моряком, плавал на больших океанских судах. Когда это было? Пятидесятые? Шестидесятые? Рядом с ним чемпион Марнеса по ловле угря Улуф Хоканссон, а подальше – Карл Лундстедт, полковник из Кальмара, – после ухода на пенсию он построил дом в Лонгвике и переехал туда жить.

Многие пенсионеры возвращались на остров; ничего, конечно, плохого в этом нет, но Эланду нужно другое: больше рабочих мест, больше молодежи.

Фисгармония затихла. Пастор Оке Хёгстрём, служивший в Марнесе с незапамятных времен, встал у белого гроба, на котором лежало несколько свежих роз. В руках – Библия в кожаном переплете. Он блеснул круглыми очками и серьезно оглядел присутствующих.

– Мы собрались сегодня для прощания с нашим другом, замечательным камнерезом и художником Эрнстом Адольфссоном... – Он сделал паузу, поправил очки и начал поминальную речь с важного вопроса. – *Кто из людей знает, что́ в человеке, кроме духа человеческого, живущего в*

нем?

Первое послание апостола Павла к коринфянам, отметил про себя Герлоф. Вторая глава, одиннадцатый стих.

– Мы, люди, так мало знаем друг о друге, – продолжил пастор, – и только Бог знает все. Он видит все наши ошибки, все наши недостатки и все равно неустанно и ежечасно помышляет о нас и заботится о нас.

В заднем ряду кто-то хрипло закашлялся.

Герлоф закрыл глаза и слушал, иногда согласно кивая. В душе его воцарился мир. Потом он вместе со всеми, стараясь не фальшивить, спел псалом, а дальше последовала общая молитва, слова Писания чередовались с псалмами, и в самом конце – замечательно красивая песня «Там никогда не вянут розы».

И, несмотря на то, что он уже попрощался с Эрнстом там, у каменоломни, несмотря на то, что прекрасно сознавал – формула отпевания одна для всех и не стоит придавать ей слишком большого значения... несмотря на все это, Герлоф почувствовал, как в груди его растет ком горя, а когда шесть серьезных мужчин подошли к гробу и под звуки фисгармонии приготовились его нести, на глаза навернулись слезы. Среди них были и его друзья. Йоста Энгстрём из Боргхольма и Бернад Кольберг, владелец продуктовой лавки в Сольбю, к югу от Стенвика. Он частенько доставлял Эрнсту заказы на дом. Прочие – очевидно, какие-то родственники Эрнста с материка.

Герлоф и сам хотел бы нести гроб. Но куда там... Все начали вставать. Он оглянулся. Мария с креслом-каталкой была тут как тут.

– Мне кажется, я могу идти сам, – сказал он, встал и тут же понял, что погорячился.

Она помогла ему сесть в кресло. Подошла Астрид и тронула Марию за плечо.

– Я помогу Герлофу, – сказала она тихо, но решительно.

Мария с сомнением посмотрела на Астрид, которая была на голову ниже ее и больше всего напоминала воробья в шляпке, но Герлоф улыбнулся и сделал успокаивающий жест рукой.

– Мы справимся, – сказала он Марии.

Мария пожала плечами, и Астрид покатила коляску по проходу. Рядом с ней шел ее брат Карл.

– А там и Йон, – сказала Астрид.

Герлоф повернул голову. И в самом деле, на выходе он увидел Йона с сыном Андерсом.

Сразу за порогом церкви подул такой ветер, что Герлоф поскорее

застегнул пальто и сунул руки в карманы. Рука его наткнулась на какой-то продолговатый предмет. Только сейчас он вспомнил, что у него с собой кошелек Эрнста. Достал, потер пальцем гладкую кожу и спросил:

– А ты не видела мою дочь сегодня?

– Сегодня? Нет... сегодня не видела. Она же собиралась в Гётеборг? Машины ее не было.

– Вот оно что... машины не было...

Значит, Юлия решила поехать с утра. Могла бы, могла прийти на похороны... не говоря уж, что могла бы, по крайней мере, позвонить и попрощаться. Такая уж у него дочь. Он и так задержал ее на Эланде дольше чем рассчитывал. И даже если они больших успехов не достигли, поездка пошла ей на пользу. Ничего, сегодня же позвоню ей в Гётеборг.

– А это что? – Астрид показала на бумажник. – Деньги Эрнста?

– Надо отдать смоландской родне.

И не только деньги – все, что было в бумажнике. Кроме билета в музей дерева в Рамнебю. Билет он оставил себе. Положил в стол.

– Честный ты человек, Герлоф.

– Все должно быть на своем месте.

Они двигались вдоль хорошо знакомых надгробий. Самые красивые вытесаны, конечно, Эрнстом еще до пенсии, и среди них – широкий надгробный камень Эллы. Все чисто, прибрано. И места, чтобы написать его, Герлофа, имя, тоже вполне достаточно. И цифры вполне уместятся. Год рождения, год смерти.

Свежевыкопанная могила была в ряду, где хоронили жителей Стенвика. Вокруг нее тесным кольцом собрались пришедшие, но Астрид решительно попросила подвинуться и протолкнула коляску Герлофа поближе, прямо на край могильной ямы. Он посмотрел – сухая рыжая земля казалась очень холодной, а могила такой глубокой, что, если упадешь, уже не выбраться. Нет, пока рановато, подумал он. Никакого желания, несмотря на шёгреновы пытки.

Гроб поднесли к могиле, помешкали несколько секунд и опустили в яму. Герлоф заметил Бенгта Ньюберга из «Эландс Постен» – тот стоял по ту сторону могильной ямы, в виде исключения без фотоаппарата. Интересно, сколько лет он работает в газете? Никак не меньше двадцати. Тоже приезжий с материка, как и многие другие.

Рядом с ним оказался фермер Эрьян Гранфорс. В восьмидесятых он попал в скверную историю: у него отобрали коров. Жестокое обращение с животными, как написали в протоколе.

А рядом с ним Линда и Гуннар Юнгеры, хозяйева отеля в Лонгвике.

Тихо о чем-то разговаривают. Должно быть, обсуждают, что бы еще построить к предстоящему сезону. И, конечно, Леннарт Хенрикссон, переодевшийся по случаю похорон в темный костюм.

Он опять заглянул в могилу. Эрнст... что бы ты хотел от меня? И как продолжать? За что зацепиться? Последний раз, когда они виделись в начале осени, Эрнст то и дело возвращался к разговору о Нильсе Канте и судьбе Йенса. Словно эти две судьбы в его сознании сплелись в одну. Для Эрнста эта связь была очевидной.

Со временем Герлоф, насколько мог, заставил себя примириться с исчезновением Йенса. Точно так же, как заставил себя жить после смерти Эллы.

Но Эрнст же специально приехал в Марнес, чтобы с ним поговорить... Привез с собой тонкую книжку в мягкой обложке.

– Ты это видел, Герлоф?

Герлоф покачал головой.

«Грузовое пароходство Мальма – 40 лет». Он знал, что такая книга вышла, пару месяцев назад прочитал в «Эландс Постен», но в руках держал в первый раз.

– Ты же знаком с Мартином Мальмом, – сказал тогда Эрнст. – Здесь есть его старая фотография – он на пилораме Канта. Конец пятидесятых.

– Я с ним не больно-то и знаком... – Герлоф взял в руки книгу. – Встречались в портах. У него же тоже была лайба, как и у меня...

– А потом, когда сошли на берег? Встречались?

– Очень редко. От силы три-четыре раза. Какие-то торжественные ужины для ветеранов-моряков.

– Ужины?

– Ну да. В Боргхольме.

– Тогда ты, может, знаешь, где Мартин раздобыл деньги на свой первый океанский сухогруз?

– Да... впрочем, нет. Не знаю. Думаю, семья помогла.

– Да... семья. Только не его, а Канта.

– Это что, в книге написано?

– Нет, в книге не написано. Но я слышал... ты только посмотри на снимок. Август Кант обнимает Мартина, точно тот его родной сын. Почему? Это Август-то!

Эрнст был прав. Сухой, жесткий и, как поговаривали, совершенно бесчувственный хозяин пилорамы дружески положил руку на плечо молодого капитана парусной баржи. Явное нарушение иерархии.

Эрнст не захотел больше ничего рассказывать, но Герлоф уверен, что

он сказал не все. Что-то он видел или слышал – и у него появились мысли. Поехал в музей дерева в Рамнебю – зачем? Почему не сказал Герлофу, что собирается туда ехать? А через несколько недель назначил с кем-то встречу у каменоломни, о чем-то с этим кем-то хотел поговорить, не ставя Герлофа в известность.

– Хочешь подойти попрощаться, Герлоф?

Он вздрогнул – вопрос Астрид вывел его из задумчивости. Герлоф покачал головой.

– Уже, – только и сказал он.

Последние розы полетели в яму. Процедура предания земле завершена. Все пошли в дом церковной общины рядом с церковью. Традиционный поминальный кофе.

– Я совершенно продрогла, – сказала Астрид. – Пойдем выпьем горячего кофе.

И она покатила его кресло-каталку.

И несмотря на то что Шёгрэн мертвой хваткой вцепился ему в шею, он преодолел боль и повернулся, насколько мог, – хотел напоследок посмотреть на надгробный камень у западной стены.

Могила Нильса Канта.

И кто там, хотел бы я знать, лежит?

Пуэрто-Лимон, октябрь 1955 года

Город у воды. Грязный, шумный, пропахший отбросами и собачьей мочой.

Нильс Кант сидит за своим столиком в «Каса Грандес» и не отводит глаз от моря. На столе – бутылка вина. Карибское море... здесь тоже воняет – илом, гниющими водорослями. Что в городе, что здесь – но здесь *море*. Единственная дорога домой.

Днем он приходит сюда и долго смотрит, как плавится солнце в океанской ряби.

Дорога домой. Дорога в Швецию. Если есть деньги – покупай билет. И домой.

Выпьем за это.

Он поднимает кружку с тепловатым красным вином и делает большой глоток. О трудностях лучше не думать. И самая главная трудность – не хватает денег. Еще точнее – деньги почти кончились. Два дня в неделю он грузит бананы и бочки с маслом в порту, но этого еле-еле хватает на еду и плату за жилье.

Надо было бы работать побольше, но он скверно себя чувствует. Он болен.

– *Estoy enfermo*, – шепчет он в темноту. – Я болен.

От этих слов на глазах вскипают слезы.

Постоянно болит живот, голова. Начали трястись руки.

И сколько уже тостов он произнес в одиночестве на веранде в «Каса Грандес»? За Эланд? За Стенвик? За маму?

Не сосчитать. И этот день такой же, как и все, если не считать, что сегодня ему исполнилось тридцать лет.

А что, собственно, праздновать? Праздновать нечего, он это знает, и от этого еще хуже.

– *Quiero regresar a casa*, – шепчет он, – я хочу домой...

Далеко не сразу научился он говорить по-испански, немного по-английски, но родной язык так и оставался родным, за десять лет он так и не отучился думать на шведском.

Уже больше десяти лет Нильс в бегах. Он и сейчас помнит тот день первого послевоенного лета, когда он проскользнул на борт «Небесного горизонта» в Гётеборге.

Каюта была тесной, как гроб. Стальной гроб.

После этого ему не раз приходилось плавать вдоль

латиноамериканского побережья, но хуже «Небесного горизонта» он не встречал. На борту не было сухого места. Плесень, ржавчина... и вода. Вода сочилась отовсюду. Свет в иллюминатор его каюты почти не проникал: корабль шел с постоянным креном на правый борт и все, что он видел, – пена на гребешках волн. И так больше месяца.

Машины работали не переставая. Полумертвый от морской болезни, он лежал на койке в полутьме, и ему то и дело являлся уполномоченный Хенриксон. Тихо стоял рядом, и черная кровь заливала грудь. Иногда Нильсу хотелось, чтобы чертов «Горизонт» напоролся на мину. Этот жирный боров, капитан Петри, то и дело напоминал, что хоть война и кончилась, минные поля остались. При этом он всегда подчеркивал, что последним войдет в спасательную шлюпку не кто иной, как Нильс. После всех. Даже после капитана.

Пока корабль стоял на погрузке в Англии, он две недели безвылазно просидел в своей каюте и чуть не сошел с ума от одиночества.

Наконец «Горизонт» отдал концы и медленно, пыхтя и скрипя всеми суставами, двинулся на запад. В Атлантический океан.

У бразильских берегов Нильс увидел альбатроса в иллюминаторе. Огромная птица беззаботно парила над волнами совсем рядом. Он посчитал это хорошим предзнаменованием и решил остаться в Бразилии – по крайней мере, на время. Сошел с корабля и заставил себя не вспоминать ни «Небесный горизонт», ни психа Петри.

На причале в сантосском порту он впервые увидел *бумсен*. Бомжей. Жалкие создания в отрепьях, с пустыми глазами, они еле передвигали ноги.

– Бумсен, – презрительно сказал стоящий рядом с ним шведский матрос. – Будет кто из них приставать, швырни в него кусок угля.

Бомжи. Всеми забытые люди, алкоголики – им не было места ни на море, ни на суше. Среди них были и европейские моряки, засидевшиеся в каком-нибудь баре и списанные на берег.

Нильс не считал себя бомжом. У него деньги были, он остался в Сантосе на несколько месяцев. Жил в гостинице, заходил в бары, куда бомжей и на порог бы не пустили, гулял по белоснежным пляжам за городом, учил испанский, португальский, но в разговоры старался не вступать. Он немного похудел, но с его ростом и широкими плечами выглядел достаточно внушительно для уличных грабителей, и подходить к нему они не решались. Тоска по Эланду не оставляла его ни на минуту. Каждый месяц он посылал матери открытку без обратного адреса – ей надо знать, что он жив.

В конце концов на испанском корабле добрался до Рио. Здесь бедные

были беднее, богатые – богаче, тараканы крупнее и здесь намного больше бомжей – и в порту, и в городе. Но и здесь жизнь его изменилась мало: он так же бесцельно бродил по берегу, пил вино и тосковал по дому. В конце концов, чтобы сэкономить деньги, он нанялся на пассажирский лайнер. В его обязанности входила уборка и мытье посуды в ресторане.

Буенавентура, Ла-Плата, Вальпараисо, Чаньярал, Панама, Сен-Мартин в Карибском море, кишаций французами и голландцами, в отличие от Гаваны, где в основном развлекались американцы. Ни один город ему не понравился, не показался более привлекательным, чем другой. Жить можно только на Эланде.

Теперь пустые открытки без текста и обратного адреса он посылал матери, как только ему удавалось сойти на берег: она должна знать, что Нильс жив и думает о ней. Старался вести размеренный образ жизни, не транжирил деньги на женщин, не вступал в драки.

Хотел поехать в Штаты, взял билет на французский корабль – через залив, в изнывающую от влажной жары Луизиану. Теплые, манящие огни баров в Нью-Орлеане. Но на берег его не пустили. У него не было шведского паспорта. Вот и все. Денег на взятки уже не оставалось, поэтому пришлось остаться на корабле.

Вернуться в Южную Америку? Его тошнило от одной этой мысли. Тем более что и там переход границы с каждым годом становился все затруднительней. И он сошел на берег в Коста-Рике. Портовый город Лимон. И там остался.

И вот он уже почти шесть лет живет в Лимоне, зажатом между морем и джунглями. В пропитанном испарениями лесу за городом полно банановых пальм, азалий, огромных, как яблони, но он туда не ходит. Тоскует по альвару. Тропический лес воняет, как заплесневелая компостная куча. Ему душно. После каждого ливня прямые улицы города превращаются в болота, клоаки переполняются, и содержимое их течет по тротуарам.

Дни, недели, месяцы...

Через год он написал матери первое за все время письмо. Рассказал о своей жизни и дал адрес.

Пришел ответ, пришло немного денег, и он написал опять. Просил мать помочь связаться с дядей Августом. Нильс ничего так не желал, как вернуться домой. Он уже десять лет не был на Эланде – неужели это не достаточное наказание за его невольную провинность?

Если кто и мог ему помочь, то это дядя Август. Мать, конечно, мечтает, чтобы Нильс вернулся, но организовать возвращение ей не под силу.

Все это тянется, тянется...

А сейчас рядом с бутылкой вина лежит конверт с приклеенной шведской маркой за сорок эре. Письмо пришло три недели назад, с приложенным чеком на двести долларов, и он перечитывает его, наверное, в сотый раз.

Из Рамнебю, от дяди Августа. Он слышал от сестры, что Нильс в Латинской Америке и что он мечтает вернуться.

Тебе нельзя возвращаться, Нильс. Никогда.

Так написал дядя Август. Письмо недлинное. На одной страничке. Сплошные увещевания, но эту фразу Нильс перечитывает уже, наверное, в сотый раз.

Тебе нельзя возвращаться, Нильс. Никогда.

Ему хочется забыть эти слова, но память упорно возвращает приговор.

Уполномоченный Хенрикссон стоит у него за спиной, читает через плечо и улыбается.

Никогда, Нильс.

Он наливает в стакан вина. Огромные, как осы, комары жужжат над головой. А по перилам ползет черный лакированный таракан.

Из-за стойки слышится визгливый смех, где-то трещит мотоцикл. В Лимоне никогда не бывает тишины.

Нильс залпом выпивает вино и зажмуривается. Мир начинает медленно кружиться. Он болен.

– Quiero regresar a casa, – бормочет Нильс в темноте. – Quiero regresar a casa... Хочу домой.

Никогда.

Он же еще молод, ему всего только тридцать лет.

Нет, дядя Август, твой приговор не окончателен. Я буду умолять мать. Она не откажет.

– Теперь можешь вернуться, Нильс.

Он только и ждет письма с этими простыми словами.

И оно придет.

Скоро оно придет.

20

Астрид катила кресло-каталку, а Герлоф мучительно размышлял. С кем-то Эрнсту не удалось договориться... о чем?

Насколько он знал, деньги Эрнста никогда особенно не интересовали. Он с удовольствием работал с камнем, иногда продавал свои скульптуры туристам – и ему хватало на еду и выплату кредита на дом. Хорошо... но

почему тогда он не рассказал Герлофу о своих догадках об исчезновении Йенса?

Он столкнул с обрыва камень Канта. Именно столкнул, на этот счет у Герлофа сомнений не было. И что это значит?

Что это значит?

Герлоф играл с этой мыслью так и эдак, делал круги и опять возвращался к началу.

Вывод был только один: Нильс Кант жив. Каким-то образом ему удалось инсценировать свою смерть и вернуться в Швецию под другим именем. Так, во всяком случае, полагал Йон. В таком случае любой, кто пытался докопаться до истины, представлял для Нильса опасность.

– Все в порядке, Герлоф? – услышал он за спиной вопрос Астрид. Они стояли перед дверьми общины.

Он молча кивнул.

– Тогда вперед. – Она с усилием перекатила коляску через порог.

Народу здесь было гораздо меньше, чем на похоронах, но все равно – не протолкнуться. Пришлось лавировать. То и дело кто-то наклонялся к Герлофу – как, мол, себя чувствуешь, старина? Ему это надоело, и он заставил себя встать с кресла. Надо же показать, что он не полный инвалид, что вполне может ходить. Боль болью, а ходить он может. Через боль.

Астрид откатила кресло-каталку в сторону. Герлоф стоял, опираясь на палку, и раскланивался со знакомыми. Слава богу, хоть Йоста Энгстрём не поинтересовался его здоровьем. И еще того лучше – Маргит куда-то отошла, так что они могли спокойно поговорить о странных событиях этой осени. Под конец Герлоф, убедившись, что никто их не слушает, выложил Йосте свою версию гибели Эрнста.

– Значит, не то чтобы несчастный случай, – задумчиво произнес Йоста.

Герлоф помотал головой: «Думаю, нет».

– Ты считаешь... убийство?

– Кто-то столкнул его, а потом свалил на него скульптуру. Йон тоже так думает.

Герлоф боялся, что Йоста над ним посмеется, но тот был совершенно серьезен.

– Кому это могло понадобиться?

– В том-то и дело, – пожал плечами Герлоф.

Подошла Маргит. Герлоф обменялся с ней церемонным рукопожатием и, хромя, побрел дальше.

Бенгт Ньюберг из «Эландс Постен» – как всегда, ищет, чем бы поживиться.

– Я слышал, у вас там не хватает персонала в доме престарелых, – закинул он удочку, едва поздоровавшись. – А на вас это как-то сказывается?

Ну что на это ответить? Герлофу начало казаться, что каждый, кто пришел помянуть покойника, что-то от него хочет. Именно от него. Не успел добраться до своего места за столом, подошли Гуннар Юнгер с женой. Гуннар, как всегда, не особенно заботясь о правилах учтивости, сразу взял быка за рога.

– Мне нужно еще шесть штук, – сказал владелец отеля. – Тебе дочь говорила? Она на днях была у нас в Лонгвике. Я просил передать: еще шесть.

Герлоф не сразу сообразил, что речь идет о кораблицах, которые он виртуозно монтировал в пустых бутылках.

– Не тесновато будет на полках?

– Мы расширяемся, – похвалился Гуннар. – Они будут стоять на подоконниках в новом ресторанном зале.

Он, не теряя времени, достал записную книжку и авторучку, на которой Герлоф успел прочитать рекламный текст «ЛОНГВИК – ПОКУПАЙ И НАСЛАЖДАЙСЯ!». Написал несколько цифр и протянул Герлофу.

– Цена за штуку.

Герлоф посмотрел. Ему не особенно нравилось то, что происходит в Лонгвике, но четырехзначная цифра... этого хватит, чтобы содержать в порядке и дачу, и бывшую рыбарню как минимум год.

– У меня есть два готовых, – сказал он. – Остальные попозже... скажем, к весне.

– Годится, – Юнгер выпрямился, – беру. Приезжай как-нибудь в Лонгвик поужинать.

Крепкое рукопожатие, улыбка Линды – и Юнгеры двинулись дальше. Герлоф наконец-то добрался до своего места, налил кофе и взял кусок морковного пирога.

Астрид и Карл уже сидели за столом. Не успел Герлоф сделать глоток, напротив уселся Леннарт Хенрикссон.

– Ну, вот и все, – подвел он итог. – Так кончается жизнь.

Герлоф кивнул – что на это возразишь?

– Мне его будет очень не хватать.

– Еще бы... а твоя дочь... она пришла?

– Нет. Уехала в Гётеборг.

– Вчера?

– Думаю, сегодня утром.

Леннарт удивленно уставился на него.

– И не заехала попрощаться?

– Нет. Не могу сказать, чтобы я очень уж удивился.

Герлоф мог бы добавить, что особого сближения с дочерью во время ее короткого визита достичь не удалось, но Леннарт наверняка и сам догадался.

Леннарт уставился в чашку с кофе. На лбу появилась озабоченная морщинка. Он побарабанил пальцами по столу.

– А ты уверен, что она уехала? – Он поднял глаза на Герлофа.

– Астрид сказала. То есть сама не видела, но машины ее нет.

Астрид, которая прислушивалась к разговору, слегка развела руками – все правильно. Машины нет.

– И в рыбарне твоей все закрыто. Правда, Карл?

Брат молча кивнул.

– А с тобой она попрощалась?

Герлоф никак не мог уразуметь причин его беспокойства.

– Не то чтобы... Но ведь не всегда есть время прощаться, правда?

– Я ей позвоню. Не возражаешь, Герлоф?

– Само собой. У тебе к ней какое-то дело?

– Нет, никаких дел. – Леннарт полез в карман за мобильником.

– Номер знаешь?

– Да. – Он нажал кнопку вызова. – Хочу узнать, как она. Юлия сказала, что она хотела бы...

Он замолчал, прислушиваясь к сигналам.

– Ничего не понимаю в этих штуках, – шепнула Астрид Герлофу на ухо. – Как ими пользуются?

– Понятия не имею, – честно признался Герлоф. – Ну и что?

Леннарт опустил руку с телефоном.

– Абонент недоступен... автоответчик. – Он неуверенно посмотрел на Герлофа. – Некоторые выключают сами. Не хотят, чтобы беспокоили.

– Она наверняка так и сделала. Сейчас уже, наверное, в Смоланде.

Леннарт покивал головой, но, похоже, объяснение его не удовлетворило.

– Прощу меня простить... мне надо кое-что проверить. – Он встал.

Герлоф проследил, как Леннарт торопится к выходу. Что это он так забеспокоился? Может, они с Юлией что-то затевают, а ему ни слова?

В другом конце зала кто-то постучал по чашке ложечкой. Скрипнул стул. Кто-то встал – Герлофу не видно было, кто именно. Он откинулся на спинке стула и удивился – оказывается, говорить собрался Йон Хагман. Он

даже улыбнулся про себя: любой заметит, насколько и Йону, и его сыну Андерсу не по себе в официальных черных костюмах.

Йон прокашлялся и покраснел, не зная, куда девать руки. В конце концов ухватился за лацкан пиджака и начал поминальную речь.

– Да... я вообще-то не мастер на эти штуки... Но не могу не сказать несколько слов о моем... и не только моем друге Эрнсте. И о нашем поселке. Эрнст ушел – и в Стенвике стало еще темнее, еще тише и еще более одиноко...

Через час Герлоф вернулся в дом престарелых – его подвезли Маргит и Йоста. Он с облегчением выдохнул. Буэль разогрела для него ланч. В столовой никого, кроме него, не было. На соседнем столе лежал сегодняшний номер «Эландс Постен». Взгляд Герлофа упал на рубрику.

ПРОПАВШИЙ СТАРИК НАЙДЕН МЕРТВЫМ.

Только этого не хватало. Это тот самый впавший в детство старик, который ушел из дому и исчез. Когда это было? Наверное, с неделю назад. Теперь его нашли в кустарнике. Мертвым. Замерз.

У полиции нет оснований подозревать преступление, сообщила газета. Старик мало что соображал и заблудился буквально в километре от поселка, где прожил всю жизнь.

Герлоф не был с ним знаком, но все равно, статья его огорчила. Дурной знак, почему-то решил он.

Весь вечер он просидел у себя в комнате. Даже от кофе отказался. Появился только на ужине. Подали картофельные оладьи по-эландски – пресные, и солонины маловато... ничего похожего на те, что часто пекла Элла. Съел две штуки – без всякого удовольствия.

– Как вы там в церкви? Без меня-то? – спросила Мария, подавая ему тарелку. – Справились?

– Ну.

– Значит, похоронили Эрнста Адольфссона? – спросила Майя Нюман из-за соседнего столика.

Майя ведь тоже из Стенвика, хотя последние сорок лет там не жила.

– Похоронили, вечная ему память.

Он взял вилку и начал есть, не забыв, как всегда, поблагодарить Бога за здоровые зубы.

– Гроб красивый?

– Очень. Белый, полированный. Очень красивый.

– А мне бы хотелось красного дерева, – задумчиво произнесла Майя. –

Если это, конечно, не слишком дорого... а так – простой гроб и в крематорий.

Герлоф вежливо кивнул, прожевал и собрался развить эту интересную тему – сказать, что он тоже сторонник кремации, объяснить почему, но тут кто-то тронул его за плечо. Он обернулся.

Буэль.

– Вас к телефону, Герлоф.

Он обернулся.

– Во время ужина?

– Да. Похоже, что-то важное. Леннарт Хенрикссон... из полиции.

У него похолодело в животе. И Шёгрен, почувствовав слабинку, с новой силой взялся за суставы. Стресс провоцирует ревматизм, сказал когда-то доктор.

– Я подойду.

Юлия? Наверняка что-то с Юлией, и, судя по всему, новости скверные. Он с трудом встал, опираясь на палку.

– Вы можете пройти в кухню.

В кухне никого не было. Герлоф подошел к красному телефону на стене и снял трубку.

– Давидссон.

– Герлоф... это Леннарт.

Серьезный голос.

– Что-то случилось? – спросил неизвестно зачем Герлоф.

Он и так знал. Что-то случилось.

– Да. Юлия... Она не уехала в Гётеборг.

– Где она? – еле выговорил Герлоф. Дыхание перехватило.

– Она в Боргхольме. В больнице...

– Что-то серьезное?

– Да. Но могло быть много хуже. Она сильно расшиблась. Там сделали перевязку, что-то там еще... рентген... Я поеду за ней.

– А что она... – *натворила*, чуть не сорвалось с языка, но он вовремя удержался. – Что произошло?

– Она проникла в дом Веры Кант, – не сразу ответил Леннарт. – Вчера вечером. И упала с лестницы. Когда я ее нашел, она была немного... как бы это сказать... не в себе. Утверждает, что в доме кто-то есть. Что там живет... Нильс Кант.

Юлия очнулась от странного, продолжительного скрипа и тут же вспомнила, где она. В доме Веры Кант. В Стенвике.

Ей было очень холодно. Тело невыносимо болело, от боли кружилась голова, но в сознании застряла картина: последнее лето с Йенсом, солнце почти круглые сутки сияет над Эландом и до осени еще далеко... Как могло ей это привидеться в таком холоде?

Сквозь закрытые веки пробивался свет. Значит, она всю ночь провела на холодном, покрытом многолетним слоем пыли полу.

Но этот скрип... скрип открываемой двери.

– Юлия! – голос показался ей невыносимо громким, чудовищное эхо прокатилось по пустым комнатам.

Чьи-то руки приподняли ее голову.

– Вы меня слышите? Юлия, очнитесь! Очнись, Юлия!

Она с трудом открыла левый глаз. Правый заплыл и не открывался.

Леннарт – она и так узнала его голос, еще до того, как увидела, что это и в самом деле он. Почему-то в черном костюме, в начищенных выходных туфлях, запачканных глиной. Он подsunул ей куртку под голову.

– Я слышу...

– Вот и хорошо, – спокойный, без раздражения голос. – С добрым утром. Хотя уже день.

– Я... упала с лестницы, – еле слышно прошептала Юлия, пытаюсь приподнять голову. – Дура какая...

– Герлоф сказал, что вы уехали... А я подумал, что вы еще здесь.

Она с трудом огляделась. Как она очутилась на веранде? В памяти всплыла картина: горящий керосин из разбитой лампы. Могла бы сгореть, но на каменном полу керосин быстро прогорел, и огонь погас.

Нога... вспомнила, как сгоряча попробовала встать, но правый голеностоп прострелила такая пронзительная боль, что она вскрикнула и упала. Упала и поползла. К выходу, куда угодно, лишь бы подальше от кухни. На веранде услышала, как по-волчьи воет ветер, поняла, что никуда ей не дойти, и потеряла сознание.

– Дура какая... какая дура... – только и повторяла она трясущимися губами.

– Не думайте об этом. Это я виноват – надо было приехать вчера, после собрания.

Он взял ее под мышки и попробовал приподнять.

– Вы можете встать?

– Не знаю... по-моему, я что-то сломала.

– Вы уверены?

– Я же медсестра, – уныло произнесла она.

Еще там, в кухне, она поставила себе диагноз: перелом лучевой кости в типичном месте, сломанная ключица и, возможно, какой-то перелом в стопе, в лучшем случае ушиб и растяжение связок. Так не определишь.

Она видела больных с растяжением, которые не могли наступить на ногу по нескольку недель. А другие, наоборот, ходили с переломанными костями. Как ни в чем не бывало. Больно, конечно, но скоро пройдет – так они полагали.

А вот как выглядит физиономия, даже думать не хотелось. Наверняка жутко. Нос заложен – скорее всего, от холода, но не исключено, что было носовое кровотечение. Она покосилась на пол рядом – следов крови нет.

– Попробуйте встать, Юлия.

Почему у него такой спокойный голос? Словно бы ничего не случилось. Словно он ежедневно подбирает упавших с лестниц теток...

– Простите, – сказала она хрипло.

– За что?

Он так и придерживал ее под руки.

– Что не послушалась... пошла сюда без вас.

– Не думайте об этом. Что сделано, то сделано. И помолчите. Надо беречь силы.

Но Юлия не хотела молчать. Надо срочно все рассказать Леннарту.

– Я искала Йенса... вчера я видела свет... он здесь живет.

– Живет? Кто?

– Нильс... Нильс Кант. Сын Веры. У него там спальный мешок на втором этаже. И старые вырезки из газет...

– Где ваша машина?

– Там, за домом... Под навесом.

– Понятно, почему ее никто не видел... А идти вы можете?

– Он перекопал весь подвал... Не знаю зачем. А может, и Йенс там? Как вы думаете, Леннарт? Неужели он там его спрятал?

– Пойдемте, Юлия, пойдемте.

Она не могла наступать на правую ногу, но с его поддержкой кое-как спустилась с широкого крыльца. У ворот стояла темно-зеленая машина.

– Это ваша, Леннарт?

– Да.

– А у вас разве нет служебной машины? Должна же быть...

– Это моя собственная. Я сегодня был на похоронах.

Юлия совсем забыла – похороны Эрнста. И она не пошла... Скверно.

Калитка, как и накануне, не открывалась. Леннарт, оставив ее стоять на

одной ногой, тянул, толкал, поднимал, пока не образовался проход, достаточный для двоих.

Она со стонами уселась в машину, чувствуя себя девяностолетней старухой.

– Леннарт, – быстро сказала Юлия, когда он подошел закрыть дверцу. – Может быть, вы зайдете в дом? Мне надо убедиться, что я и в самом деле видела... то, что я видела. Посмотрите в подвале и на втором этаже.

Он внимательно взглянул на нее и кивнул.

– Вы подождете здесь.

– А... а у вас есть пистолет?

– Пистолет?

– Да. На тот случай, если там кто-то есть. Не думаю, конечно, но все-таки...

– Пистолета у меня нет, – усмехнулся Леннарт, – зато есть фонарик. Не волнуйтесь, Юлия, я сейчас вернусь.

Он достал из багажника фонарь и пошел к дому. Юлия проводила его взглядом, пока он не скрылся за полуразвалившимся дровяным сараем.

В машине даже ветра не было слышно. Она откинулась, насколько могла, на сиденье и смотрела на свинцовое море на горизонте.

Леннарт вернулся очень скоро, не прошло и десяти минут. Юлия с облегчением наблюдала, как он протискивается через калитку.

Он сел в машину и посмотрел на нее без улыбки.

– Вы правы, – сказал он. – Кто-то там был. Причем совсем недавно...

– Да! И я думаю, что...

– Нет! – прервал ее Леннарт и предостерегающе поднял руку. – Не Нильс Кант.

Он положил на панель маленькую круглую коробочку.

– Я нашел это в подвале. Там и еще есть.

Это была коробка из-под снуса^[10].

– Какой-то любитель снуса... – Леннарт повернул ключ зажигания. – А теперь в Боргхольм.

В больнице ей сделали обезболивающий укол. Свитер и джинсы разрезали – снять их, не причиняя боли, оказалось невозможно. Молодой врач спросил, что произошло.

– Неудачное падение, – ответил за нее Леннарт. – В Стенвике.

– На берегу?

Леннарт подумал и кивнул:

– Да. На берегу.

И ушел. Врач ощупал ее спину, живот, ребра, потом делали снимки, потом начали накладывать гипс. Юлия не протестовала – процедура знакомая, и единственное, чего она хотела, чтобы все поскорее закончилось.

У нее было о чем подумать и без этого. Она не сомневалась, что ей удалось узнать что-то важное.

Нильс Кант жив. Он жив. И живет он в доме своей матери, совсем как в том жутком фильме Хичкока^[11]. Он и двадцать лет назад там прятался, а Йенс случайно зашел, и Нильс Кант вынужден был его убить. Или он встретил Йенса в альваре. Нильс Кант постоянно бродил в альваре.

Она не хотела оставаться в больнице. Попросила разрешения воспользоваться телефоном – обломки ее мобильного так и лежат, наверное, на полу в кухне. Позвонила Астрид в Стенвик, рассказала, что с ней произошло, и попросилась пожить у нее.

Конечно, сказала Астрид, без вопросов. Вдвоем веселее.

Леннарт приехал за ней через час с лишним.

– Будьте осторожны, травмы на берегу – постоянное явление. Все эти камни, скалы... – Врач проверил гипс. – Особенно в темноте.

– У вас были дела в Боргхольме? – спросила Юлия. Они ехали на север, в Стенвик.

– Я ездил в здешнее управление, – сказал Леннарт. – Их компьютеры побыстрее моего. Воспользовался случаем и написал несколько рапортов. Среди прочего – о взломе в Стенвике.

– Вот как?

– Вашего имени там нет. Кто-то взломал виллу Кантов и там ночевал. Запомните – вы там никогда не были. Увидели свет в окне и позвонили мне.

Юлия посмотрела на него долгим взглядом.

– Хорошо. Я поскользнулась и упала. На берегу. В темноте.

– Вот именно. В темноте.

Они свернули на Стенвик.

– И все же я думаю, что Нильс Кант был там, – тихо сказала она. – Я не верю, что он мертв.

– Думать никто не запрещает. Но Кант мертв.

Так сказал Леннарт. Но в глазах его Юлия заметила – или ей показалось? – тень сомнения.

Пуэрто-Лимон, март 1960 года

Солнце зашло, и на восточный берег Коста-Рики мгновенно, как всегда в южных широтах, упала... даже не упала, а обрушилась тьма. На невидимом берегу под верандой бара кто-то закашлялся, потом начал насвистывать, сам для себя, беззаботный мотивчик, стараясь приспособить его к ритму прибоя.

Из бара доносятся смех и звон бокалов.

Горизонт то и дело озаряется беззвучными вспышками, глухое рокотание слышно лишь через несколько секунд. Промежутки эти становятся все короче – ночная гроза в Карибском море приближается к берегу.

Нильс Кант сидит за своим постоянным столиком, как всегда один, под цепочкой маленьких красных фонариков. Смотрит в наполовину пустой бокал, потом выпивает одним глотком. Теплое красное вино.

Какой по счету? Шестой? Седьмой?

Он не помнит. Не считал. Что за разница? Нильс в этот вечер собирался остановиться на пяти... но что за разница? Никаких особых причин не пить у него нет.

Он ставит стакан и чешет левую руку, но зуд не проходит. Рука красная, отекает. Экзема. Последние годы все время такая история – это от солнца. На руках и ногах. Кожа воспаляется, слущивается, трескается... каждое утро на простыне мелкие пятна крови. А на подушке несколько волос. Он начинает лысеть.

Проклятое солнце, проклятая жара, проклятая влажность. Он гниет заживо, и ничего с этим не сделать.

Ничего. Только продолжать пить. Это вино он пьет уже несколько лет. Дешевое – с середины пятидесятых денежные переводы от матери постепенно становились все менее щедрыми.

Она продала каменоломню, и теперь ее закрыли, пишет она. Ни слова о том, каким состоянием она располагает теперь. А от дяди Августа уже много лет ничего нет.

С тех времен, когда он покинул Эланд, Нильс даже ни разу ни с кем не подрался – и все равно, по ночам у постели его появляется истекающий кровью полицейский Курт Хенриксон. Появляется и стоит – молча, с закрытыми глазами. Одно утешение – теперь не так часто.

Нильс привстает, чтобы взять еще бокал – и в эту секунду вдруг понимает, что знает мелодию, которую кто-то насвистывает под верандой.

Он замирает и вслушивается.

Да, он знает эту песню. Ее часто передавали по радио во время войны, а у матери даже была патефонная пластинка.

Привет, мой печальный друг...

Веселая, бодрая песенка. Названия он не помнит. А текст застрял в памяти.

Привет, мой печальный друг,
Напрасно страдаешь,
Едва пожелаешь —
Поедем домой, на юг.

Сколько лет он ее не слышал! Ровно столько, сколько прошло с того дня, когда он ушел из Стенвика.

Нильс ставит бокал на стол и перегибается через перила веранды.

Ничего не видно.

Нет, кто-то там сидит на песке, прямо у столба.

– Хей, – негромко произносит он шведское приветствие. – Привет!

Свист немедленно прекратился.

– И тебе привет, – спокойный голос снизу.

Теперь глаза немного привыкли к чернильной темноте южной ночи. Да, кто-то сидит там. Кто-то в шляпе. Перестал свистеть. Сидит – молча, неподвижно.

На голову упали первые капли дождя. Нильс неверной походкой идет в другой конец веранды – там лестница на пляж.

Осторожно, только бы не свалиться. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой – и вот под ногами мягкий песок, горячий, еще не остывший – он чувствует тепло даже сквозь тонкую подошву кожаных сандалий.

Странно – сколько лет уже он сидит на этой веранде чуть не каждый вечер и ни разу не спускался на пляж в темноте. Здесь, наверное, полно крыс. Больших, голодных крыс.

Он медленно подходит к толстым бревенчатым опорам веранды.

Его собеседник так и сидит, где сидел. Не встал навстречу, даже не приподнялся: откинулся в прокатном шезлонге – такие берут в ларьке в сотне метров отсюда. Несколько колонов – и шезлонг на весь день твой.

Закатанные рукава сорочки, соломенная шляпа, закрывающая лицо. Теперь он уже не свистит, а напевает себе под нос – тот же самый веселый мотивчик.

Напрасно страдаешь,
Едва пожелаешь —
Поедем домой, на юг.

Нильс делает еще пару шагов и останавливается. Стоит неподвижно, покачивается — от вина, но больше от волнения.

— Добрый вечер, — говорит незнакомец.

— А вы... — голос изменил Нильсу. Он прокашлялся. — А вы из Швеции?

Он произносит эти слова, и шведский язык кажется ему чужим.

— А что, не заметно? — короткий смешок.

Вспышка молнии на долю секунды освещает берег. Нильс успевает заметить белое лицо под шляпой. Глухой, грозный рокот с моря.

— Я подумал — лучше ты спустишься ко мне, чем я полезу к тебе.

— Что? — Нильс опешил.

— Я заходил к тебе домой. Хозяйка сказала — он наверняка в баре, хлещет вино. Это она так сказала — «хлещет вино». Похоже, здесь и делать-то больше нечего, в Коста-Рике.

— А что вы хотите? — Нильс почему-то не решается сразу перейти на «ты».

— Это не так важно. Важно, что *ты* хочешь, Нильс.

Нильс молчит. Ему кажется, что он когда-то видел этого человека. Когда-то очень давно, в юности.

Где? В Стенвике? Вряд ли.

Вспомнить не удалось.

Швед встает, опершись на подлокотники шезлонга. Смотрит на полыхающий зарницами горизонт и переводит взгляд на Нильса.

— Хочешь вернуться домой, Нильс? Домой, в Стенвик? На Эланд?

Нильс медленно, стараясь не показать волнения, кивает.

— Могу это организовать. У тебя начнется новая жизнь, Нильс.

– Я тебя ни в чем не обвиняю, Герлоф, – медленно, чуть не по слогам, произнес Леннарт, – но ты вбил своей дочери в голову, что Нильс Кант жив и что он живет в доме своей матери Веры. И что не кто иной, как он, Нильс Кант, похитил ее сына в альваре.

За окном марнесского дома престарелых уже начинало темнеть. Герлоф опустил глаза, как провинившийся школьник.

– Может, я и намекал на что-то подобное, – сказал он после паузы. – Но я ни словом не обмолвился, что Нильс живет в доме матери. Только предположил – может, он и жив.

Леннарт безнадежно вздохнул. Он стоял посреди комнаты, как памятник полицейскому, – в полном обмундировании. Приехал официально сообщить отцу, что дочь его находится у Астрид в Стенвике, что ей накануне наложили гипс и сделали перевязки в боргхольмской больнице.

– И как она? – виновато спросил Герлоф.

– Подвернула правую ногу, растянула связки. Или порвала. Сломанная ключица, перелом в лучезапястном суставе. Сотрясение мозга. – Леннарт опять вздохнул. – Могло быть, как я уже говорил, и хуже. А могло и вообще ничего не быть... если бы она, извини за выражение, не поперлась в этот дом.

– Ей могут предъявить обвинение?

– Кто? Должно быть заявление. Я подавать не буду, а хозяева тем более.

– Ты с ними говорил?

– Нашел племянника Веры в Векшё. Позвонил ему, как раз перед тем, как ехать к тебе. Младший кузен Нильса. Он уже много лет не был в Стенвике и совершенно уверен, что не только он, а вообще никто из родни там не был. Вилла принадлежит нескольким смоландским родственникам, а они никак не могут прийти к соглашению, кто будет платить за ремонт.

– Я так и думал... – Герлоф поднял голову и посмотрел на полицейского. – Кстати, Леннарт, я никогда не говорил Юлии, будто я думаю, что Нильс Кант жив. Я говорил, что *кое-кто* так считает.

– Кто это – кое-кто?

– Например, Эрнст... – Герлофу не хотелось впутывать Йона. – Эрнст Адольфссон считал, что Нильс жив и что это он убил Йенса в альваре. Так что Эрнст пытался...

– Частные детективы... – прервал его Леннарт с усталой усмешкой. – Всегда найдется кто-то, кто считает, что полиция совершенно не умеет раскрывать преступления и что они-то уж точно справятся с этим делом куда лучше. Эскимосы учат папуасов, как спасаться от жары.

Герлоф хотел было ответить такой же насмешкой, пройтись по поводу полиции, но, как назло, ничего в голову не пришло.

– А вот то, что кто-то и в самом деле был в доме Веры, – совсем другой вопрос.

Герлоф посмотрел на него с изумлением.

– Что?

– Дверь взломана. А на втором этаже... спальный мешок, остатки еды... и на стене – газетные вырезки. И подвал весь перекопан.

Герлоф задумался.

– А ты хорошо осмотрел дом?

– Вчера очень бегло, – покачал головой Леннарт. – Посчитал, что важнее отвезти твою дочь в больницу. Но сегодня утром...

– Правильно посчитал. Прими благодарность отца.

– Пока она у Астрид. Сегодня утром я опять там был, прямо перед тем, как ехать сюда... Юлии очень повезло – керосиновая лампа упала посередине каменного пола. Если бы у стены – весь дом сгорел бы.

– А что с подвалом? Там закапывали что-то? Или выкапывали?

– Трудно сказать. Скорее, выкапывали. Или просто копали.

– Домушники обычно не копают... И ночевать, как правило, не остаются.

Леннарт безнадежно покачал головой.

– Опять играешь в частного сыщика?

– Да нет, какие игры... Так, мысли вслух. И вот что я думаю...

– Что ты думаешь?

– А думаю я вот что: в вилле побывал кто-то из Стенвика.

– Герлоф...

– Ты же сам знаешь – сейчас там можно делать все что угодно. Никто ничего не видит.

– Напиши в газету. Крупные недостатки в работе местной полиции.

– Никто и ничего не видит... но есть кое-что, что люди, как правило, замечают. Чужаков. Незнакомцы с лопатами, неизвестная машина... точно бы заметили. А на этот раз никто и ничего не видел, насколько я знаю.

Леннарт задумался.

– А кто, собственно, живет в Стенвике круглый год?

– По пальцам пересчитать.

– Мне нужна твоя помощь, Герлоф, – сказал Леннарт после недолгого раздумья. – Только не как сыщика. Ни в коем случае! А вот кое-какие факты ты можешь проверить. Я нашел несколько коробочек из-под снюса в подвале и под лестницей. Все пустые. Вряд ли они лежат там со времен Веры Кант.

Он сунул руку в карман и достал сначала блокнот, потом прозрачный пластиковый пакет, где лежала круглая золотистая коробочка величиной с хоккейную шайбу.

– Я снюсом не пользуюсь.

– Знаю. А кто в Стенвике пользуется?

Герлоф помедлил. Он не любил иметь дела с полицией. Но какой смысл стараться утаить то, что легко узнать и без его помощи?

– Есть один человек.

И он назвал имя. Леннарт записал и благодарно кивнул – спасибо, Герлоф. И не только кивнул, а и произнес:

– Спасибо за помощь.

– Если ты к нему поедешь, возьми меня. Я бы с удовольствием его навестил.

Леннарт открыл было рот, но Герлоф не дал ему ничего сказать.

– Я сегодня куда лучше. Могу ходить сам. Если я с тобой, он будет откровеннее. В этом я уверен.

Леннарт вздохнул.

– Надевай пальто, – сказал он. – В программе – автомобильная прогулка.

– Как хорошо ты сказал, Йон. – Герлоф заметил удивленный взгляд друга и добавил: – Ну... на похоронах Эрнста.

Йон сидел напротив него в своей маленькой кухне, покачиваясь на стуле – вперед-назад, вперед-назад. Явно нервничал. Молча кивнул: спасибо, сказал и сказал. Причину его нервозности искать было не надо: за столом сидел не кто иной, как Леннарт Хенрикссон в полной полицейской выкладке. Без четверти шесть, за окном уже темно. Глубокая осень.

На столе лежала пустая коробочка из-под снюса.

– Значит, опять взялись за эту старую историю...

– Взялись... да, можно сказать, взялись, – пожал плечами Леннарт. – Мы бы хотели поговорить с Андерсом, если, конечно, это его коробочка. Если это так, то это именно он ночевал в вилле Кантов, именно он копал в подвале, именно он повесил газетные вырезки про Нильса Канта и Йенса Давидссона. И если это в самом деле так... в общем, надо с ним

встретиться и поговорить. Спросить, где он был, когда пропал Йенс.

– А его и спрашивать не надо, – сказал Йон. – Я могу ответить.

– Вот как? – Леннарт потянулся за блокнотом. – Тогда отвечай.

– Здесь он был.

– В Стенвике?

– В Стенвике.

– И ты был вместе с ним? Ты можешь обеспечить ему алиби?

– Столько лет назад, – пожал плечами Йон. – Точно, конечно, не вспомню... но вечером мы вместе с другими прочесывали берег.

– И я вас там помню, – вставил Герлоф.

Многое, конечно, забылось, и был он тогда в таком состоянии... странно, что вообще что-то запомнил. Но эту картину он видел перед собой совершенно четко: Йон и Андерс бок о бок идут по каменистому берегу. Сколько лет тогда было Андерсу? Около двадцати?

– А днем? Что делал Андерс днем?

– Не помню... Что-то делал. Куда-то ходил, – вяло сказал Йон. – Но одно могу сказать точно: Йенса он не видел, Герлоф. Ты сам знаешь, Андерс добрейший парень. Мухи не обидит.

– Никто на него и не думает, – успокоил его Герлоф.

– В любом случае с ним надо поговорить. – Леннарт отложил блокнот с записями. – Он здесь?

– В Боргхольме. Еще вчера уехал, сразу после похорон.

– Он там живет?

– Иногда. С матерью. А иногда здесь, со мной. Как захочет. Прав у него нет, ездит на автобусе.

– А сколько ему сейчас лет?

– Сорок два.

– Сорок два? И живет с родителями?

– А это что, преступление? И потом, здесь у него есть свой дом. – Йон, не поворачиваясь, показал большим пальцем куда-то за спину. – Прямо здесь, позади моего.

– Я думаю, самое время сказать, – осторожно начал Герлоф, – самое время сказать, что Андерс не совсем обычный парень. Можно, Йон? Добрейшая душа, всегда готов помочь... но не совсем обычный.

– Я с ним встречался пару раз, – сказал Леннарт. – Ничего такого необычного не заметил. По-моему, он вполне предсказуем.

Йон перестал качаться на стуле и сидел теперь прямо, точно палку проглотил.

– Андерс немного сам по себе, – сказал он. – Думает много, но почти не

говорит. Ни со мной, ни с кем другим. Но зла в нем нет.

– Помнишь точно, где он живет?

Йон назвал номер дома на Чёпмансгатан. Леннарт кивнул, черкнул в блокноте и встал.

– Спасибо, Йон. Извини за беспокойство. Едем в Марнес.

Последняя фраза была адресована Герлофу, который все больше чувствовал себя вторым полицейским.

Это ему совсем не нравилось. Он заметил, как по мере разговора нарастает страх в глазах Йона. Власть, ястребом кружащая над маленькими людьми, заметила их, его и Андерса, обитателей пустынного острова, и теперь не спускает с них глаз.

– Зла в нем нет, – повторил Йон.

– Ничего страшного, Йон, – тихо сказал ему Герлоф по пути к двери. – Вечерком поговорим по телефону, ладно?

Йон, не поворачиваясь к нему, кивнул – он неотрывно, как загнипнотизированный, смотрел на задержавшегося в дверном проеме Леннарта.

– Поехали, Герлоф.

Тон приказа. Герлоф уже не ощущал себя полицейским, скорее собачкой, в чью обязанность входит подчиняться хозяину. Но он послушно встал и поплелся к дверям. Надо бы зайти к Астрид навестить дочь... В другой раз.

Герлоф никак не мог унять дрожь в ногах. Опять появилась тяжелая ломота в суставах. Он постарался идти побыстрее – из-за двери его комнаты слышались телефонные звонки. Не думал, что успеет, а все же успел.

– Давидссон?

Йон. Герлоф тяжело сел на постель. Йон молчал.

– Ты поговорил с Андерсом? – спросил Герлоф.

– А то. Конечно, поговорил.

– Может быть, тебе не стоит говорить ему, что полиция...

– Уже поздно. Я сказал, что ко мне приходили.

– А он что?

– Ничего. Слушает и ни слова не говорит.

Они замолчали. Первым прервал молчание Герлоф.

– Йон, и ты, и я... мы оба прекрасно знаем, что делал Андерс в доме Веры. И знаем, почему он копал в погребе. Клад искал. Солдатский клад. Люди всегда говорили, что у этих немцев с собой что-то было, когда они

попали на Эланд.

– Говорили...

– Клад, до которого добрался Нильс... Если вообще был какой-то клад. Вот Андерс и вбил себе в голову...

– Андерс много лет про него говорил.

– Не найдет он там никакого клада, – продолжил Герлоф. – Это уж ты мне поверь.

Йон молчал.

– Нам надо съездить в Рамнебю. На пилораму и в музей. Завтра и поедем.

– Завтра не могу. Еду в Боргхольм за Андерсом.

– Тогда на той неделе. Когда музей открыт. А потом остановимся в Боргхольме, узнаем, как себя чувствует Мартин Мальм.

– Да, это уж...

– Теперь-то мы разыщем Нильса Канта, Йон.

К девяти часам вечера коридоры марнесского дома престарелых опустели. Тихие, гулкие коридоры, лампочки горят вполнакала – работает программа энергосбережения.

Герлоф, опираясь на палку, остановился у двери Майи Ньюман и прислушался. Ни звука. На двери, прямо над смотровым глазком, приклеена записка. От руки. Красивым почерком написано: БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПОСТУЧИТЕ. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА, 10:7.

– *Истинно, истинно говорю вам, что я Дверь вашим овцам,* – прошептал Герлоф – проверил память. Постоял в нерешительности, поднял руку и постучал.

Майя открыла не сразу. Не переодевалась после ланча: бежевая юбка и белая блузка.

– Добрый вечер, – сказал Герлоф, постаравшись придать улыбке максимальную степень застенчивости. – Хотел посмотреть, дома ли ты.

– Герлоф. – Майя наградила его ответной улыбкой, но он почувствовал – насторожилась. На лбу под белоснежными волосами, растолкав многочисленных товарок, пролегла озабоченная морщинка – Майя не ожидала визита.

– Могу войти?

Она неуверенно отступила на шаг, пропустила его в комнату.

– У меня не прибрано...

– Не имеет значения.

Он, опираясь на палку, проследовал в комнату. Идеальный порядок,

точно такой же, как когда он был здесь в последний раз. Темно-красный персидский ковер закрывает почти весь пол, на стенах развешаны портреты и картины.

Давно он к ней не заходил. А ведь у них был роман. Началось все через пару месяцев после его переезда, но потом как-то само собой закончилось – Шёгрэн победил. Роман перешел в дружбу. Оба потеряли близких людей – он жену, она мужа, оба после долгой супружеской жизни остались в полном одиночестве. Им было о чем поговорить.

– Как ты?

– Здоровье в порядке.

Она вытащила из-под маленького чайного столика у окна стул, и Герлоф с удовольствием сел. Она, ни слова не говоря, села напротив.

– Я хотел тебя спросить, – сказал наконец Герлоф, молчание уже становилось неловким. – Я хотел спросить вот что... помнишь, мы как-то говорили...

Он полез в карман и достал конверт – тот, что Юлия нашла на кладбище.

– Я знаю, что это ты написала, вопрос не в этом, тут, понимаешь, какое дело...

– Мне нечего стыдиться, – перебила его Майя.

– О чем ты? Конечно, нечего... я не об этом...

– Самые лучшие цветы я приношу мужу. Сначала прибираю могилу Хелье, а потом уж Нильса.

– Могилы на то и могилы, чтобы за ними смотрели. Если могила никому не нужна, зачем она тогда?.. Я не об этом. Помнишь, ты как-то рассказывала, что встретила Нильса Канта в тот самый день... когда он убил этих немцев.

Майя серьезно кивнула – было дело.

– Знаешь, я сразу что-то поняла. Он ничего не сказал, но я сразу поняла – что-то случилось. Попыталась с ним заговорить, но он только буркнул что-то и ушел. Опять в альвар.

– Понятно... ты еще говорила, что ты от него что-то получила...

Майя посмотрела ему в глаза – пристально и серьезно – и медленно кивнула.

– И не могла бы ты... – продолжил Герлоф, чувствуя неловкость. – Не могла бы ты показать мне, что он тебе дал... и еще вот что: ты никому про это не рассказывала?

– Никто ничего не знает, – почти не шевеля губами, сказала Майя. – И я ничего от него не получала. Сама взяла.

– Как это?

– Он мне ничего не давал, – повторила она. – Сама взяла. И тысячу раз раскаивалась...

– Пакет. Ты говорила – пакет.

– Я пошла за ним. Любопытная была. Молодые все любопытные. Девчонки тем более... да и старики не лучше. Но тогда-то я прямо лопалась от любопытства. Спряталась за кустами и подсмотрела, куда он пошел. К кургану... знаешь, в двух шагах от Стенвика, там такой памятный курганчик насыпан – кого-то там убили, что ли, в незапамятные времена.

– Каменная насыпь? И что он там делал?

Майя помолчала, взгляд ее стал отсутствующим, словно она пыталась оживить в памяти события пятидесятилетней давности.

– Что он там делал? Копал...

– Что-то он закопал в этот курган? Пакет?

– Нильс давно умер, Герлоф, – словно очнулась Майя.

– Похоже, так.

– Не похоже, а умер. Можешь поверить. Он бы дал о себе знать. Мне-то он бы дал о себе знать.

Герлоф кивнул.

– Значит, он ушел, а ты выкопала пакет?

Майя покачала головой.

– Домой убежала. Это уж намного позже... когда Нильс вернулся.

– Ты хочешь сказать... что значит – вернулся? В гробу?

– В гробу... Только тогда я пошла в альвар.

Она встала, ладонями разгладила юбку и подошла к телевизору в углу. Герлоф следил за ней взглядом.

– Осенью, через пару лет, как его похоронили, – сказала Майя через плечо. – Хелье был в поле, дети в школе в Марнесе. Заперла я, значит, дом и пошла в альвар с садовой лопаткой в пластиковом мешке...

Она с трудом дотянулась до выкрашенной бледно-голубой масляной краской шкатулки на полке над телевизором. Он знал эту шкатулку с розовым цветком на крышке – она там держала швейные принадлежности.

– С полчаса шла... знаешь, с трудом нашла курган – от него почти ничего не осталось. Попробовала представить, как он копал... и выкопала вот это.

Майя открыла шкатулку и выложила целую кучу вещей – ножницы, мотки шерсти, катушки с нитками, подобранные по размеру иглы в аккуратной прозрачной кассете. Герлоф вспомнил, как он сам чинил паруса на своей лайбе. В шкатулке оказалось двойное дно. Она подняла его и

протянула Герлофу плоский жестяной футляр в бурых пятнах. Хорошо бы это была ржавчина, подумал Герлоф.

– Вот. Посмотри.

Он взял футляр и слегка потряс. Внутри что-то загремело.

– Могу открыть?

– Можешь делать с этим все что хочешь, Герлоф.

Замка нет. Он осторожно, стараясь ничего не сломать, открыл футляр. Сколько блеска!

Может, конечно, просто осколки цветного стекла, Герлоф ничего не понимал в драгоценных камнях, но почему-то хотелось думать, что это не стекло. И крест. И здесь он специалистом себя не считал, но распятие, судя по благородному матовому блеску, сделано из чистого золота.

Борясь с соблазном повертеть в руках камушки, он поскорее закрыл футляр.

– А ты кому-нибудь рассказывала?

– Только мужу. Незадолго до смерти.

– А он? Никому?

Майя грустно улыбнулась.

– Ты же помнишь Хелье. Клещами слова не вытянешь. И если бы он даже рассказал кому-то, я бы знала. У нас секретов не было.

Этому можно поверить. Хелье... Герлоф даже голос его не мог вспомнить, настолько тот был неразговорчив. Но ведь каким-то образом слухи о кладе пошли гулять по всему северному Эланду. Якобы у немцев были с собой награбленные в балтийских странах сокровища. Герлоф сам слышал такие разговоры. И Йон слышал, и Андерс.

– И он, футляр этот, все время лежал у тебя?

– Я его даже и не трогала. Это же не моя вещь... но как-то я попыталась отдать его матери Нильса. Вере.

– Ну да? И когда это было?

Майя опять села. Герлоф отметил, что она слегка подвинула стул, так что теперь колени их то и дело терлись друг о друга под шатким чайным столиком.

– Позже... уже в конце шестидесятых. Хелье прослышал, что Вера начала распродавать свои прибрежные участки. Значит, не больно-то у нее было с деньгами. И я подумала... по совести-то... это ведь скорей ее камушки. Не мои-то уж точно.

– И ты поехала к ней?

– Села на автобус и поехала в Стенвик. Вхожу в сад... лето было, входная дверь приоткрыта, ну я и пошла по ступенькам. А ноги-то дрожат

– я ведь побаивалась Веру, и не только я одна. Слышу, в доме музыка, негромко так... то ли радио, то ли патефон. И голоса. Кто-то у нее был.

– У нее ведь много лет была экономка, так что, скорее всего...

– Нет. Двое мужчин. Один бормотал что-то, не разобрать, а у другого голос такой зычный, уверенный... я бы сказала, капитанский.

– А ты их не видела?

– Нет-нет, – быстро сказала Майя. – Я и подслушивать не стала. Поднялась по лестнице и сразу постучала. Они там затихли. Через минуту на веранде появилась Вера и дверь за собой закрыла. Я даже испугалась... много лет ее не видела, как она изменилась! Тощая, кривая какая-то... как пересохший канат. Но характер, видно, никуда не делся... «Что надо?» Даже не поздоровалась. Будто я воровка или не знаю кто. Я растерялась, начала что-то бормотать... футляр в кармане, я его даже не достала, и лепечу что-то: дескать, Нильс, альвар... глупо. И в самом деле глупо, потому что она разозлилась, как мегера. Вон отсюда, кричит, убирайся! И скрылась в кухне. Я постояла-постояла, да и ушла. Поехала домой... а через пару лет и она умерла.

Герлоф понимающе кивнул. Вера умерла на той же лестнице, с которой свалилась Юлия.

– А о чем они там говорили? Эти двое?

– Не знаю... – Майя пожала плечами. – Что-то там о тоске... Это тот, громкоголосый, сказал. «Если вы тоскуете друг по другу»... или что-то в этом роде.

Герлоф задумался.

– Может, родственники? У нее полно родни в Смоланде.

– Очень может быть.

Они помолчали.

Больше вопросов у Герлофа не было – он и так узнал куда больше, чем ожидал. Все это надо обдумать.

– Ну что же. – Он протянул руку, чтобы погладить ее по плечу, но она слегка нагнулась, и на месте плеча оказалась щека. Они замерли ненадолго. Майя закрыла глаза.

Герлоф вздрогнул и отнял руку.

– Майя... я уже не могу...

– Ты уверен?

Он грустно кивнул.

– Суставы болят так, что...

– К весне обычно проходит. Так часто бывает.

– Будем надеяться. – Он постарался встать как можно быстрее. – Так-то

я еще бодр, ты не думай, вот если бы не Шёгрэн... Как бы то ни было, Майя, большое спасибо. Я никому не расскажу про наш разговор. Ты знаешь...

Майя осталась сидеть.

– Все хорошо, Герлоф, – тихо сказала она.

Он положил футляр на столик. Оказывается, он так и держал его в руке. Но Майя покачала головой, вынула распятие, отложила в сторону и протянула ему футляр.

– Возьми, – сказала она. – Пусть будет у тебя. Зачем мне эти заботы?

– Договорились.

Он неуклюже покивал на прощанье и ушел. Тяжелый и холодный футляр оттягивал карман брюк, камушки слегка погромыхивали при каждом шаге.

Герлоф вернулся в свою комнату и запер дверь. Никогда не запирает, а сейчас запер.

Военный трофей. Оккупанты отнимают у людей последнее и называют это трофеями. Интересно, у кого солдаты отняли эти камушки? Они-то поплатились за них жизнью, а может, не только они?

И куда их спрятать?

Герлоф огляделся. Шкатулкой с двойным дном он до сих пор не обзавелся.

Взгляд его упал на книжную полку. Там стояло его последнее произведение – бриг «Синяя птица», последний рейс... вернее, как он, Герлоф, представлял себе последние секунды брига, за мгновение до того, как тот разбился о скалы в Богуслене. Тяжелый крен, одна из мачт сломана, с рей свисают обрывки парусов. Вся эта драма, разумеется, происходит в бутылке.

Он аккуратно вынул пробку и осторожно пересыпал камни в бутылку. Немного встряхнул, посмотрел, встряхнул еще раз – камушки теперь представляли собой богусленские рифы, те самые, на которые наскочил бриг.

Пока сойдет.

Поставил назад бутылку, полюбовался своей работой и спрятал ржавый футляр за книгами.

Весь остаток вечера он то и дело невольно оглядывался на бутылку. И когда оглянулся двенадцатый или пятнадцатый раз, понял, почему Майя выглядела такой довольной, отдавая ему камушки.

И в эту же ночь ему приснился кошмар. Тот самый. Он стоит у релинга

на корабле. Почему-то ему представляется, что где-то между северной оконечностью Эланда и островом Оаксен. Начинаются сумерки, ветра почти нет. Он смотрит на зеркальную воду, потом переводит взгляд на горизонт – земли нигде не видно... опять смотрит на воду и видит мину. Старая мина, еще времен войны.

Она дрейфует прямо на него, большой рогатый шар с прилипшими ракушками, кое-где зеленый от водорослей.

И уклониться он не может – ветра нет, и лайба неуправляема. Остается только смотреть, как медленно, очень медленно и неумолимо мина приближается к борту.

И как всегда, он закричал во сне и тут же проснулся – за секунду перед взрывом.

23

Воскресенье. Юлия с аппетитом поела и устроилась у окна в гостиной Астрид. Прислонила костыли к спинке стула и наблюдала, как ее сестра Лена со своим мужем ходят вокруг машины.

Она продержала «форд» две недели вместо оговоренных трех дней, но теперь празднику свободных передвижений пришел конец. Это и к лучшему – она все равно не может сидеть за рулем с загипсованными ногой и рукой.

Лена и Рихард приехали в субботу, навестили Герлофа и выпили в Марнесе кофе. Переночевали в доме в Стенвике, а утром явились к Астрид Линдер. После вежливых вопросов и приветствий выяснилось, что они намереваются отвезти Юлию в Гётеборг.

Как и следовало ожидать, никто не озаботился предупредить Юлию. Даже не сообщили, что приезжают. Она так же, как сейчас, сидела у окна и вдруг увидела, как к дому подъезжает темно-зеленый «вольво». Прятаться поздно.

– Привет, привет! – бодро воскликнула Лена и обняла сестру. Юлия вскрикнула от боли – сломанная ключица воткнулась ей в шею. – Как ты? – Лена неодобрительно посмотрела на костыли и покачала головой.

– Теперь все хорошо.

– Папа позвонил и рассказал про твои приключения... Жуткое дело. Но могло быть и хуже. Ты не забывай – могло быть и хуже.

Вот и все участие. Спohватившись, Лена добавила:

– И, конечно, спасибо Астрид, что она тебя пригрела.

– Астрид – ангел, – коротко сказала Юлия.

И это была правда. Если есть ангелы, которым нравится жить в вымирающих шведских поселках... если есть такие ангелы, то Астрид, безусловно, из их числа. Она давно овдовела, а единственная дочь работала врачом в Саудовской Аравии и приезжала только на Рождество и на Иванов день.

Рихард в разговор не вступал, только нетерпеливо кивал, поглядывая на Юлию. Даже куртки не снял, а после трех минут разговора начал поглядывать на свой дорожный «Ролекс» – то ли и в самом деле торопился, то ли хотел продемонстрировать собственную значительность. Для него единственный смысл поездки – поскорее вернуть «форд» в Торсланд. Его дочь без «форда» – как это можно допустить?

Астрид принесла кофе с печеньем, и Лена, ни на секунду не останавливаясь, пела дифирамбы – как хорошо здесь, в Стенвике, особенно сейчас, в октябре, когда нет туристов. Роскошное увядание природы, вот как она выразилась. Рихард продолжал молчать, а Юлия на другом конце поглядывала в окно – вон там, за тем большим деревом, вилла Веры Кант.

– Что же, надо ехать, – завершила Лена оду Стенвику, – у нас еще длинная дорога впереди.

Проворно помогла Астрид собрать чашки со стола и пошла к мойке, а хозяйственный Рихард, оказываясь, заметил, что водосточная труба на задней стороне дома вот-вот отвалится. Спросил, где инструменты, и пошел чинить.

И что ей делать? Сидеть и смотреть. Работы нет, детей нет. Ног нет. Но жизнь должна же как-то продолжаться.

– Очень мило с вашей стороны, что приехали, – вот какую фразу удалось ей подготовить.

Лена кивнула. В кивке ее ясно читалось – знала бы ты, чего это нам стоило. Но сказала она совсем другое:

– Мы сразу решили, что поедем. Надо же кому-то помочь тебе добраться домой. Ты же не можешь вести машину.

– Спасибо, конечно, но вы зря волновались. Я остаюсь.

Лена либо не расслышала, либо сделала вид, что не расслышала.

– Я сяду за руль «форда», – продолжила она и сполоснула кофейник. – Ты со мной, а Рихард поведет «вольво». Мы обычно останавливаемся в Рюдахольме поесть, там очень славный постоялый двор.

– Я не поеду без Йенса, – тихо произнесла Юлия. – Я должна его найти. Именно сейчас.

– Что? – уставилась на нее Лена. – Нет же никаких...

– Пойми, я знаю, что Йенса нет в живых. – Юлия не дала ей

договорить. – Он умер. Я только сейчас это по-настоящему поняла. Речь не об этом. Мы должны его найти, где бы он ни был.

– Ну что ж... хорошо. Папа очень рад, что ты с ним.

Уж во всяком случае лучше, чем сидеть в Гётеборге перед ящиком и пить вино. Ей вдруг сдавило грудь – она подумала про все эти выброшенные годы и поняла, что горе для нее стало важнее, чем память. Светлая память о Йенсе могла бы ее утешить, а горе – черная дыра. С каждым годом проваливаешься все глубже, и ничего не хочется делать для собственного спасения.

И вдруг здесь, в Стенвике, она обрела мир в душе. Не совсем, но хоть чуть-чуть.

Человек стареет и инстинктивно ищет место, где он дома, где живут симпатичные ему люди. Ищет душевного покоя. Для нее это Стенвик. Здесь живет ангел по имени Астрид. И Герлоф. И Леннарт. Юлия внезапно осознала, насколько они все ей дороги.

И ведь Лена ничего плохого ей не желает. Даже Лена, ее старшая сестра, желает ей добра. И нечего придирааться к каждому ее слову.

И она вдруг улыбнулась – ясно и широко.

– Вот и замечательно. Увидимся в Гётеборге.

Через полчаса гости заняли свои места – Лена в «форде», а Рихард за рулем «вольво». Лена наклонилась к лобовому стеклу и помахала рукой – все, мол, уезжаем.

И уехали. Первым Рихард, а Лена, ее старшая сестра, вслед за ним.

Юлия с облегчением выдохнула, закрыла глаза – не подремать ли? – но в эту минуту в холле зазвонил телефон. Она инстинктивно потянулась за костылями, но тут же сообразила, что не успеет.

– Я возьму. – Астрид вышла в прихожую. Юлия слышала, как она сняла трубку с рычага.

– Это тебя, Юлия. – Они за эти дни незаметно перешли на «ты». – Из полиции. Леннарт.

По ровному полу Юлия передвигалась довольно быстро. Ей даже не нужны были оба костыля – обходилась одним.

– Юлия.

– Как вы?

– Лучше... Время лечит все переломы... а Астрид просто замечательная.

– Хорошо, рад за вас. У меня есть кое-какие новости... хотя вы, возможно, уже слышали...

– Нашли Нильса Канта?

На том конце провода послышался вздох.

– Нашли, кто копал в подвале. Успокойтесь, вовсе не привидение Нильса Канта. А разве Герлоф не рассказывал?

– Мы не успели толком поговорить.

– Это ваш отец помог найти любителя снюса. Помните эти пустые коробочки на полу?

– И кто это?

– Андерс Хагман.

– Андерс Хагман? Вы имеете в виду... тот, который в кемпинге?

– Он самый.

– Вы уверены?

– Сам он не подтвердил – просто потому, что я не успел с ним поговорить. Не могу его найти. Но все указывает, что это так.

– Значит, в вилле ночевал не Нильс Кант?

– Нет. И возможно, никто не ночевал. Всегда есть простое объяснение. Хагманы живут в нескольких сотнях метров от виллы, так что проникнуть туда ему ничего не стоило.

– Но зачем? Что он хотел найти?

– На этот счет много теорий. У меня, конечно, есть свои соображения... к тому же я поговорил с коллегами в Боргхольме. А вы? Вы знакомы с Андерсом Хагманом?

– Нет. Он моложе меня. На четыре года. Или даже на пять. – Она с трудом, но все же припомнила крепкого молчаливого парня. Он помогал отцу с кемпингом, но никогда не приходил на общие гулянья – ни на Иванов день, ни на пивной праздник.

– Он был осужден за драку. Вы знали об этом?

– Драку?

– Пьяная ссора в кемпинге. Двенадцать лет назад. Ему показалось, что ему угрожают, и он избил какого-то парня из Стокгольма. Я сам его задерживал. Штраф и какой-то условный срок.

Юлия подумала.

– А сейчас его в чем-то подозревают? Вы за ним охотитесь?

– Об охоте и речи быть не может. Я хочу его найти, поговорить... узнать, что он делал в вилле Веры Кант. Он все-таки совершил взлом.

И я тоже, подумала Юлия. Я тоже, строго говоря, совершила взлом.

– А вы спросите его про Йенса? Где он был, этот Андерс, в тот день?

– Может быть... вы считаете, надо спросить?

– Не знаю...

Она не могла припомнить, чтобы Андерс когда-то встречался с Йенсом. Но ведь должен же был он знать мальчика, в Стенвике все друг друга знают. Летом все ходили купаться к мосткам, в двух шагах от кемпинга. Может быть, Андерс стоял на обрыве и смотрел на Йенса?

– Андерс, судя по всему, в Боргхольме. Мы его найдем, – сказал Леннарт. – Если узнаем что-нибудь новое, я вам позвоню.

Потом позвонил Герлоф, но она постаралась побыстрее закончить разговор – ей было стыдно. Чем больше она думала о своем отчаянном предприятии, о том, что она и впрямь считала возможным, что Йенс там прячется, тем сильнее ее охватывал стыд.

В понедельник утром Герлоф, наконец, добрался до Стенвика – его привез Йон Хагман. Юлия долго сражалась с костылями – открыть дверь, кроме нее, было некому, Астрид поехала в Марнес покупать продукты.

Йон даже не вышел из машины. Юлия видела, как он сидит за баранкой, сгорбившийся и задумчивый.

– Хочу посмотреть, как ты. – Герлоф опирался на свою палку и никак не мог отдышаться – ему пришлось без посторонней помощи пройти двадцать метров от машины до двери.

– Я себя чувствую прекрасно, – сказала Юлия и покачалась на костылях. – Вы с Йоном куда-то собрались?

– Смоланд, – коротко ответил Герлоф.

– А когда вернетесь?

– Ты в точности как Буэль, – засмеялся отец. – Если бы я сидел в своей комнате сутки напролет, она была бы счастлива... Вернемся к вечеру. Может быть, кстати, заедем к Мартину Мальму, если у него в голове хоть чуть-чуть прояснилось.

– Эта поездка имеет какое-то отношение к Нильсу Канту?

– Возможно... Поглядим.

Юлия только кивнула. Не хочешь говорить – не надо.

– Я слышала насчет сына Йона, – сказала она. – Леннарт говорит, это ты на него указал.

– Да, я назвал его имя. Йон дуется на меня из-за этого. Но это же был только вопрос времени. Никто, кроме Андерса, снюсом у нас не увлекается.

– Они хотят допросить Андерса. Я, конечно, не уверена, но у меня такое ощущение, что полиция в Боргхольме собирается снять с полки это дело. О пропаже Йенса, ты меня понял.

– Да... но Андерс-то тут ни при чем. Если они думают, что это он, это

ложный след.

– Так почему бы вам с Йоном не направить их на правильный след?

– Полицейские к пенсионерам не прислушиваются, особенно когда мы носимся с бредовыми, как им кажется, идеями... Мы у них доверия не вызываем.

– Но вы же все равно не сдаетесь. Я восхищаюсь вами, папа.

– Вот и хорошо, – сказал Герлоф. – Раз ты восхищаешься, мы удвоим старания.

– Давайте, давайте. От этого никто не умирал.

Откуда ей было знать, что ее ирония окажется пророческой: следующий раз, когда она увидит отца, он будет лежать на смертном одре.

Панама-сити, апрель 1963 года

Город Панама, столица Республики Панама, давшей имя знаменитому каналу.

Небоскребы в окружении полуразвалившихся картонных лачуг. Машины, автобусы, джипы, мотоциклы, потные американские солдаты, стаи непрерывно жужжащих мух и симфония запахов: бензиновая гарь, гнилые фрукты, жареная рыба.

Нильс Кант до темноты бродил по узким улицам. Стертые подошвы горели невыносимо, но он шел и шел. Искал шведских моряков.

Шведских моряков в Коста-Рике он не видел. Ни одного. Ему сказали – поезжай в Панаму. Шесть часов на разбитом автобусе. За последние два года он здесь уже в пятый раз.

У входа в восьмидесятикилометровый канал собираются корабли со всего мира. Прошел канал – избежал многодневного плавания вокруг мыса Горн. Моряки в ожидании, пока пропустят их корабль, осваивают портовые бары. Кое-кто так и не возвращается на корабль. Бумсен. Бомжи.

Среди них он и ищет нужного человека. Он ищет в гавани, если на рейде стоит какой-нибудь корабль из северных стран, ищет у Скандинавской церкви – там раздают бесплатный хлеб. Около баров и магазинов – бомжи просят там подавания. Пьют они всё – от дешевого колумбийского рома до спирта, перегнанного из пересохшей сапожной мази.

На второй вечер Нильс, как обычно, шел по потрескавшемуся бетонному тротуару. Поблизости от Скандинавской церкви взгляд его упал на темный подъезд. Там он различил нелепую фигуру на корточках с бутылкой в руке. Нильс подошел поближе. В нос ударил тяжелый запах блевотины.

– Ты в порядке? – спросил он по-шведски. Если тот не поймет, незачем терять на него время.

– ¿Qué has dicho? Что ты сказал?

– Я спросил, как ты себя чувствуешь?

– А ты что, швед?

Шведская речь. В глазах еще мелькает какая-то искра, морщины у глаз и у рта есть, но не такие уж глубокие. Если он и опустился на дно, то сравнительно недавно.

– Я с Эланда, – кивает Нильс.

– С Эланда? О, дьявол... Я из Смоланда. Родился в Ньюбру. Мы ж почти

соседи! О, дьявол...

– Мир тесен.

– А теперь вот... Пропустил шлюзование.

– Не повезло.

– Еще в прошлом году. В каталажку попал. Драка в баре, им не понравилось, что я лакал пиво прямо из кувшина... – Взгляд его оживляется. – А деньги у тебя есть?

– Может, и есть.

– Так походи купи что-нибудь... купи виски. Я знаю где. Там недорого.

Он пытается встать, но ноги держат плохо. Опирается рукой о стену и опять опускается на корточки.

– Что ж... могу принести виски. На двоих хватит. Жди здесь.

Швед кивает.

– Купи, купи... – шепчет он.

– Отлично. – Нильс встает. – Мы можем и подружиться, – добавляет он, стараясь не глядеть божу в глаза.

Через пять недель он в Ямайкауне, английском квартале Пуэрто-Лимона.

«Отель Тикан». Так написано на щите, но назвать это заведение отелем вряд ли можно.

Особенно хороша стойка администратора – треснувшая доска на грубо сколоченных козлах. Журнал регистрации покрыт плесенью. Шаткая наружная лестница ведет на второй этаж, там номера. С другой стороны улицы слышна громкая английская речь.

Он поднимается наверх, стараясь не смотреть на неторопливо ползущего по стене таракана. Узкая веранда, четыре двери. Тихо стучит во вторую.

– Yes, sir! – слышит он ответ.

Нильс толкает дверь.

Это третья встреча Нильса с загадочным шведом, утверждающим, что приехал в Коста-Рику только затем, чтобы помочь ему вернуться на родину.

Швед сидит на единственной постели со смятыми простынями. В стороне валяется подушка в желтых пятнах пота. Голый до пояса, тело блестит. В руке стакан. На комод хрипит маленький вентилятор.

Человек этот почти наверняка с Эланда, хотя ни разу не рассказывал, откуда он родом. Но Нильс все время внимательно вслушивается в его речь, и ему кажется, что он слышит отзвуки островного диалекта. Во

всяком случае, Эланд он знает очень хорошо. А может, они и встречались когда-то.

– Заходи, заходи, – улыбается швед и кивает в сторону бутылки с вест-индским ромом. – Выпьешь?

– Нет.

Нильс закрывает дверь. Он перестал пить. Не совсем, но почти.

– Лимон – замечательный город, – неожиданно произносит человек на кровати. Нильс пытается уловить в его голосе сарказм, но не улавливает. – Прогуливался сегодня и чисто случайно набрел на самый настоящий бордель. Тайный, конечно, несколько комнат позади бара. Замечательные девушки... Но я, изящно выражаясь, не поддался соблазну... выпил стаканчик рома и ушел.

Нильс прислоняется к закрытой двери.

– Я нашел, – говорит он. – То, что нужно.

Ему по-прежнему странно произносить шведские слова – после восемнадцатилетнего перерыва. И не только странно произносить, но и трудно подбирать.

– Вот как? Хорошо... Где? В Панама-сити?

Кивок.

– Я привез его... пограничники зверствуют, так что пришлось дать приличную взятку. Он сейчас в Сан-Хосе, в дешевом отеле. Паспорт он потерял, но мы подали прошение в шведское посольство.

– Хорошо, хорошо... Как его зовут?

– Никаких имен. – Нильс отрицательно покачал головой. – Ты же даже не сказал свое имя.

– Прочитай внизу у дежурного. Я записан в регистрационном журнале, без этого нельзя.

– Я смотрел.

– И что?

– Там написано «Фритьоф Андерссон».

– Раз написано, значит, так оно и есть. Можешь называть меня просто Фритьоф.

– Я должен знать твое настоящее имя.

– Должен? Кому ты должен? – пристальный взгляд. – Фритьоф. Более чем достаточно.

– Ладно, сойдет. – Нильс с трудом выдавил улыбку. – Пока сойдет.

– Ну, вот и хорошо. – Фритьоф вытер лоб и грудь простыней. – Теперь, по крайней мере, есть о чем говорить. Я собираюсь...

– Тебя и в самом деле мать послала?

– Я же сказал. – Он нахмурился. Ему явно не понравилось, что Нильс его перебил.

– А почему она ничего не написала?

– Все будет... Ты же получил деньги? Как ты думаешь, откуда они? Не мои же. Ясное дело, от матери. – Он сделал глоток рома. – А сейчас нам надо о другом говорить... Через пару дней я уезжаю. Домой. Приеду, когда все будет готово. Сколько времени займет вся эта бюрократия?

– Думаю, недели две. Он получит паспорт и приедет сюда.

– Очень хорошо. Присматривай за ним и делай все, как намечено. И тогда ты сможешь вернуться домой.

Нильс недоверчиво смотрит на него и кивает.

– Хорошо, – повторяет таинственный Фритьоф и снова вытирает пот со лба. Снизу доносится треск мотоцикла и визгливый женский смех. Нильсу хочется поскорее покинуть это омерзительное логово.

– А вообще-то, как это? – вдруг спрашивает его собеседник и наклоняется вперед. – Как это ощущается?

– Что? – Нильс ошарашенно посмотрел на него.

– Любопытство... чистой воды любопытство... – Человек, называющий себя Фритьофом Андерссоном, еле заметно улыбается, отняв от лица грязную простыню. – Не подумай, Нильс, мне просто интересно... как это ощущается – убить человека?

Эландский мост, обогнуть Кальмар и дальше, на север. Почти все время они ехали молча.

Герлоф после утреннего разговора с Буэль немного огорчился. Старшая сестра с каждой его отлучкой становилась все более настойчивой и подозрительной. Куда он едет, зачем и когда вернется. Под конец даже намекнула, что если он настолько здоров, чтобы постоянно куда-то ездить, то и в доме престарелых ему делать нечего.

– Вы знаете, Герлоф, сколько стариков здесь, на Эланде, которые нуждаются в уходе? Которые годами ждут, чтобы получить у нас место? И на нас лежит большая ответственность – сделать правильный выбор.

– Что ж... делайте, – только и сказал Герлоф и ушел, опираясь на свою палку.

Значит, у него нет права на помощь? Это у него-то... да он иногда и двух метров не может пройти без поддержки! Ей бы надо радоваться, что у него есть старые друзья, как Йон например, что они берут на себя часть заботы, что он имеет возможность иногда подышать свежим воздухом, сменить обстановку... Ан нет – она, видите ли, должна «сделать выбор».

– Значит, Андерс уехал?

До Рамнебю оставалось всего несколько километров.

– Да.

Йон никогда не превышал скорость, принципиально. Написано «семьдесят», он и едет семьдесят, и ни в коем случае не семьдесят два. За ними образовалась длинная очередь машин. Могу себе представить, как они нас проклинаяют, подумал Герлоф.

– Зря ты рассказал Андерсу, что его ищут... Получилось нехорошо. Полиция не любит, когда от нее скрываются.

– Он хочет, чтобы его оставили в покое. И ничего больше.

– Я только сказал, что получилось нехорошо, – повторил Герлоф.

Йон снова замолчал.

– Значит, ты говорил с Робертом Блумбергом? Когда ездил в Боргхольм?

– Я его видел, а не говорил, – поправил Герлоф. – Что я ему скажу?

– И как ты думаешь... может так случиться, что он и Кант – одно и то же лицо?

– Ты так ставишь вопрос... как я думаю. Тогда скажу вот что: я так не думаю. Ты считаешь, Нильс Кант вернулся под чужим именем, умудрился

начать новую жизнь в Боргхольме, открыл свое дело... маловероятно.

– Может, ты и прав.

А вот и указатель на Рамнебю. Без четверти одиннадцать. Навстречу проехал груженный лесовоз.

Герлоф никогда не бывал в Рамнебю – ни с суши, ни с моря. Проходил мимо на своей лайбе – это да, но в самом Рамнебю никогда не был. Поселок маленький, как Марнес, или даже меньше. Миновали Рамнебю и взяли курс на лесопилку.

Перед стальными воротами – место для парковки.

Герлоф взял свой портфель, они подошли к воротам и позвонили. Через несколько секунд ожил маленький громкоговоритель над кнопкой звонка. Сначала послышался невнятный хрип, потом треск, потом все замолкло.

– Алло? – неуверенно произнес Герлоф и вопросительно посмотрел на Йона: куда говорить? В маленькую решетку над звонком или прямо в кнопку? А может, просто крикнуть погромче – авось услышат?

Громкоговоритель молчал.

– А они тебя слышали? – шепотом спросил Йон.

– Откуда мне знать...

Из-за спины послышалось карканье. Герлоф резко обернулся – оказалось, всего лишь пара ворон на голой березе у парковки. Они никак не унимались, и Герлофу показалось, что каркают они здесь по-иному, чем на Эланде. Наверное, и у птиц свои диалекты.

Наконец-то. На территории лесопилки показалась фигура. Старик в кепке и черной куртке. Он двигался с таким же трудом, как и сам Герлоф. Подошел к воротам, нажал какую-то кнопку, и ворота распахнулись – на удивление бесшумно. Герлоф почему-то ожидал услышать ржавый стон петель.

– Хеймерссон, – сказал старик и протянул руку для пожатия.

– Давидссон, – сказал Герлоф Давидссон.

– Хагман, – сказал Йон Хагман.

– Мы звонили вчера. Насчет музея дерева.

– Знаю, а как же. – Старик сделал приглашающий жест рукой и пошел в глубь территории. – Очень хорошо, что позвонили. Музей вообще-то открыт только летом. В конце августа закрываем. Но если кто звонит заранее, мы идем навстречу. Как правило.

Герлоф ожидал... Что, собственно, я ожидал? – спросил он себя. Почувствовать запах свежего пиловочника, увидеть людей, таскающих тяжелые доски в сугробах опилок? Он, как всегда, застрял в прошлом. Заасфальтированные площадки, автопогрузчики, серые здания, сталь,

алюминий...

– Ну, сорок восемь лет я здесь проработал, – сказал Хеймерссон через плечо. – Пришел пятнадцатилетним пацаном. Вот так жизнь складывается... А теперь вот заведу музеем.

– Мы из поселка, где владельцы жили, – решил сообщить Герлоф. – На севере Эланда.

– Владельцы?

– Ну да. Семья Кант.

– Они давно уже не владельцы. Продали лесопилку. В конце семидесятых. Ну, как директор Кант умер, так и продали. Теперь какая-то канадская фирма тут заправляет.

– А предыдущий владелец... Август Кант, если не ошибаюсь... вы с ним встречались?

– Каждый день, – улыбнулся Хеймерссон. – Я с ним встречался каждый день. Приезжал он на своем старом «моррисе»^[12]... ну вот мы и пришли. Здесь когда-то контора была, а новым владельцам она показалась маловата, вот они и отдали ее под музей.

Дубовая табличка над дверью с выжженной каллиграфической надписью.

МУЗЕЙ ДЕРЕВА.

Хеймерссон открыл замок, вошел и зажег свет.

– Ну вот. Добро пожаловать. По тридцать крон с человека.

Герлоф заплатил и получил билеты – точно такие, как он нашел в бумажнике Эрнста Адольфссона.

Музей небольшой – две комнаты, соединенные коридором. Старые пилы, калибровочный циркуль в центре, на стенах множество черно-белых фотографий, под каждой – аккуратная подпись. Герлоф подошел поближе. Рабочие лесопилки, лесорубы с двуручными пилами, баржи, груженные пиловочником. Такие же лайбы, как и у него.

– В другой комнате фотографии более позднего периода, – заученно произнес Хеймерссон, и то ли для них, то ли для себя самого тут же выразился попроще: – Ну, поновее.

– Посмотрим. – Герлоф одобрительно кивнул, продолжая переходить от одного снимка к другому. Он бы с удовольствием остался один. Йон тоже не особенно нуждался в экскурсоводе.

– Увидите наш первый компьютер... Все развивается. Нынче распиловка управляется компьютером. Ну, как это там у них получается, не скажу, но факт, что получается. Рамнебю поставлял лес аж в Японию, – с гордостью произнес Хеймерссон. – Вы там, на Эланде, небось, никогда с

японцами не торговали.

– Нет. С Японией – нет. – Герлофа задело бестактное замечание. – А вот полы в соборе Святого Павла в Лондоне выложены нашим камнем.

Хеймерссон промолчал. Правда, Герлофу показалось, что он хотел сказать что-то вроде «ну, полы... большое дело», но удержался. Вспомнил, наверное, законы гостеприимства.

Герлоф переменял тему.

– Наш друг побывал у вас в прошлом месяце. Эрнст Адольфссон.

– Тоже с Эланда?

Герлоф кивнул – ясное дело, с Эланда. Откуда же еще?

– Старый каменотес. В середине сентября он у вас был.

– Ну, помню... как же, как же. Я тоже для него музей открывал, как и для вас. Приятный человек. Жил-то он на Эланде, но родом из наших мест.

– Из Рамнебю?

– Ну да. Вырос здесь недалеко, на хуторе. А потом переехал на Эланд.

Вот тебе и раз. Эрнст никогда ничего подобного не рассказывал. Герлоф шел вдоль стены, внимательно изучал снимки. Ага, вот оно: Мартин Мальм и Август Кант старательно позируют в окружении молодых рабочих. Он наклонился и прочитал машинописную подпись.

Дружеская деловая встреча на терминале компании, 1959 год.

Герлофу не показалось, что физиономии участников дружеской деловой встречи лучатся дружелюбием. Только один какой-то парень с плотницким аршином слегка улыбается, остальные, в том числе и главные герои, Кант и Мальм, убийственно серьезны.

Тысяча девятьсот пятьдесят девятый. За пару лет до того, как Мартин купил свой первый большой сухогруз.

На этой фотографии, гораздо более крупного формата, чем приведенная в книге, еще лучше видна рука Августа Канта на плече Мартина. Ну что ж, вот тебе и все признаки дружеской встречи. Герлофу никогда не пришло бы в голову обнимать Мартина – тот не терпел даже малейшей фамильярности. Но Август Кант, очевидно, так не считал. И он мог себе это позволить – таких подрядчиков, как Мартин Мальм, у него были десятки.

– Один из наших друзей. – Герлоф показал пальцем на Мальма. – Корабельщик с Эланда.

– А-а... – Хеймерссон не проявил к новости ни малейшего интереса. – Да... раньше-то тут... баржа за баржей. Лес возили на Эланд. У вас-то там своего леса не сыскать.

– Лес-то у нас был... приехали ваши с материка и все вырубил, – отпарировал Герлоф и показал на фотографию. – А это Август Кант? Или кто?

– Это – да. Это директор.

– Племянник его... известная фигура. Нильс Кант.

– А, этот... да, слышали. Полицейского убил. И слышали, и в газетах читали. Но он-то ведь помер? Сбежал за границу и там помер.

– Да, кажется... А здесь-то он бывал?

– Мне кажется, директор не особенно его привечал. Чтобы заговорить о нем с кем-то... никогда такого не было. Ну и другие тоже... рот на замок, если директор поблизости.

– А может, просто не хотел, чтобы другие знали, где Нильс прячется? – предположил Герлоф. – Семейная тайна... это такая штука.

– А может, и так, – согласился Хеймерссон. – Но быть-то он здесь бывал, как же... в последний раз сразу, как с Эланда утек.

– Да? И что же? С дядей поговорить? Встретились они?

– Чего не знаю, того не знаю. Он несколько дней здесь ошивался... люди видели. В лесу прятался. – Хеймерссон ткнул в одну из фотографий. – Гуннар... он да я, мы тогда подмастерьями были, но я видеть не видел Канта-то младшего, а вот Гуннар – да. Гуннар все хвалился: я, дескать, видел этого, он мне денег дал. Но Гуннар вообще не дурак был похвастать. Кто-то в конце концов все же стукнул в полицию – дескать, тот самый Нильс Кант, здесь он. Ну, те приехали, торчали здесь несколько дней. Засада вроде. Народ, конечно, психовал... да нам-то что. У нас работа есть. Работали, как всегда. А он так и не появился.

Герлоф живо представил, как юный Нильс Кант, пригибаясь и оглядываясь, пересекает двор и осторожно стучит в окошко дядиного кабинета.

– А Эрнст... ну тот, который земляк ваш. Он тоже спрашивал насчет этой фотографии? Этой, на терминале?

Хеймерссон задумался.

– Что-то такое было... Точно! Он тоже около нее остановился. Имена хотел узнать.

– Имена? Рабочих, что ли? С лесопилки?

– Ну да. Я сказал ему, кого помню. Все же забывается с годами, правда? Чего далеко ходить – я вот, к примеру, уж не помню...

– И я бы хотел... узнать имена, – прервал его Герлоф и вытащил из портфеля свою черную толстую тетрадь и шариковую ручку. – Можно?

– А почему же нельзя, ясное дело, можно. Не секрет. Вот слева, к

примеру...

Оказалось, Хеймерссон помнит почти всех. Трех он не узнал, возможно, это были моряки, на лесопилке он их не видел, а может, и видел, но забыл. Остальных Герлоф записал, одного за другим. Пер Бенгтссон, Кнут Линдквист, Андерс Окергрэн, Клес Фрисель, Гуннар Юханссон, Ян Экендаль, Микаель Ларссон. Знакомых среди них не было, и Герлоф никак не мог сообразить, зачем эти имена понадобились Эрнсту.

Хеймерссон, нимало не удивляясь странному поведению любителей музеев, повел их дальше. Они прошли через коридор в другую комнату. Пройдемте в другой зал, сказал их гид, но какой там зал... Комната как комната.

– А здесь наш первый компьютер. Называется «Эверест». И размером примерно такой же, – заученно пошутил Хеймерссон. – Такими они и были в то время.

Герлоф отсутствующе кивнул. Экспозиция посвящена развитию лесопильного дела. Статистические выкладки, фотографии пилорам... Действительно, ничего общего – сегодняшняя пилорама и довоенная.

– Очень интересно, спасибо, – больше десяти минут Герлоф не выдержал.

– Чего там, – попросту ответил Хеймерссон. – Всегда приятно, когда люди интересуются нашим делом.

Они вышли на территорию, и он показал на одно из стальных строений.

– Как раз получили рентгеновскую установку для контроля качества. Хотите посмотреть?

Герлоф краем глаза увидел, как Йон мотнул головой. Вид у Йона был такой, будто он с этого момента не только никогда в жизни не возьмет в руки дощечку, но даже и смотреть на нее не станет.

– Спасибо, – вежливо сказал Герлоф. – Боюсь, для нас, стариков, сложновато будет. Мы бы лучше спустились на погрузочный терминал, в гавань.

– В гавань? Ну, это вы громко сказали. Большие корабли сюда не заходят – мелко. А лайб уже давно нет, возим лесовозами.

– Все равно интересно, – бодро произнес Герлоф.

– Ну что ж... я тогда закрываю музей.

И в самом деле... то, что они увидели, гаванью назвать было трудно. Спустились к воде – не больше сотни метров. Маленький насыпной пирс почти обрушился, гранитные камни выпадали из своих гнезд, и на их месте зияли дыры. Асфальт на подъезде даже трудно назвать асфальтом.

Возможно, он им когда-то и был.

Рядом с пирсом – дощатые мостки, причал, который тоже давно нуждался в ремонте. Уж это... что у них досок, что ли, не хватает? На лесопилке-то!

У мостков одиноко качалась, жалобно поскрипывая, старая деревянная лодка, в тихой надежде, что ее все-таки не заставят переживать зимние шторма в воде.

Дул сильный и очень холодный ветер с материка. Герлоф посмотрел на горизонт – темная полоска, отделяющая серое море от чуть менее, но тоже серого неба. Красиво смоландское побережье: лес, озера, глубокие заливы, но Герлофу уже хотелось домой.

– Здесь Мартин и чалил свои лайбы, – сказал он.

– А где ж еще-то... Этот драный пирс и назывался тогда терминалом.

Смотреть больше было не на что. Герлофу стало холодно, несмотря на теплое зимнее пальто. Никакого желания идти на эти полуразвалившиеся мостки у него не было.

По дороге назад Герлоф обернулся на территорию лесопилки. Там по-прежнему никого не было.

И тут он внезапно остановился. Его осенило. Мысль была совершенно нелогичной, всплыла откуда-то из подсознания, как сом из омута, и он не успел даже подумать, как у него вырвалось:

– Здесь все и началось...

– Что началось?

– Все. Нильс Кант, и Йенс, и... Мой внук погиб из-за этого... из-за чего-то, что началось именно здесь.

– Здесь, в Рамнебю?

– Не в Рамнебю, а именно здесь. На лесопилке.

– Откуда ты знаешь? Доказать можешь?

– Я это ясно чувствую, – сказал Герлоф, прекрасно понимая, насколько глупо это звучит, но все же продолжил: – Здесь была какая-то встреча... Нильс Кант встретился, наконец, со своим дядей, и о чем-то они договорились. Что-то в этом роде.

Он уже не был так уверен, как полминуты назад.

– Ну что? Тогда домой?

Герлоф медленно опустил голову и со стоном двинулся с места.

Герлоф ждал в машине. Они остановились на пустой Лармгатан в центре Кальмара. Йон захотел навестить свою сестру.

И что же? Дал им что-нибудь музей дерева? Герлоф сомневался.

Дверь в подъезд, где жила Ингрид, открылась, и появился Йон. Быстро пересек улицу и открыл дверцу.

– Как она? – спросил Герлоф.

Йон молча сунул ключ в замок и запустил двигатель. Они выехали из Кальмара на Эландское шоссе. Только на мосту Герлоф почувствовал, что Йон молчит неспроста.

– Что-то не так? – спросил он. – Что-то с Ингрид?

– Они взяли Андерса. Приехали и взяли.

– Где? У Ингрид?

Йон коротко кивнул.

– У тетки спрятался. А они его взяли.

– Взяли... что значит – взяли? Полиция «берет» кого-то, только если они думают, что...

– Ингрид сказала – вошли, даже не постучали. Сказали только – вы, Андерс Хагман, поедете с нами в Боргхольм. И на вопросы отвечать не стали.

– А ты знал, что он в Кальмаре?

Йон молча кивнул.

– Э-эх, – крикнул Герлоф. – Как я и сказал утром – глупо невиновному прятаться, если его разыскивает полиция. Только лишние подозрения.

– Андерс им не доверяет. Тогда, в кемпинге, он-то как раз и старался предотвратить драку. А в суд угодил именно он, а не эти хлыщи из Стокгольма.

– Знаю. Несправедливо. – Герлоф немного подумал. – Но если это так... если полиция считает, что Андерс имеет отношение к исчезновению моего внука... у них есть за что зацепиться? Ты же знаешь Андерса лучше, чем все остальные, вместе взятые... у тебя-то у самого такое подозрение не возникало?

– Ты что? Андерс честный парень.

– То есть тебе даже подумать не над чем?

– Единственное преступление, которое он совершил в жизни, – спрятался как-то за кустами и подглядывал, как девушки переодевают купальники. И было ему тогда двенадцать лет. Или тринадцать. Я сказал ему, чтобы больше никогда не смел. И он даже и не пытался.

Герлоф кивнул.

– Преступление, конечно, но не особо тяжкое, а? Ты бы и сейчас не отказался...

– Я же сказал: Андерс честный и добрый парень. И все равно они его взяли.

Они съехали с моста.

Герлоф посмотрел на уходящий к горизонту альвар и снова кивнул.

– Поехали в Боргхольм. Еще раз попытаюсь поговорить с Мартином Мальмом. Пусть расскажет, что там было на самом деле.

25

– С Андерсом Хагманом разговаривать буду не я, – сказал Леннарт Юлии. – Приедет следователь по уголовным делам из Кальмара, они там обучены этим делам.

Они ехали в Боргхольм. Юлия впервые в жизни сидела в полицейском автомобиле.

– И что... долгий будет допрос? – Она покосилась на сидевшего рядом Леннарта. На нем была новая форменная куртка – зимняя, на подкладке, с тремя коронами на плече. Герб королевства – эмблема шведской полиции.

– Я бы не стал называть это допросом. Разговор, беседа... Он же не арестован, не задержан – ничего такого. Но если он признает, что взломал виллу Кантов, что собирал эти вырезки из газет, тогда, конечно... тогда ему придется отвечать и на вопросы о вашем сыне. Посмотрим, что он скажет на этот счет.

– Я все время пытаюсь вспомнить... – задумчиво сказала Юлия. – Пытаюсь вспомнить, проявлял ли когда-нибудь Андерс интерес к Йенсу. Но ничего такого не вспоминается.

– Вот и хорошо. Нельзя человека подозревать во всех смертных грехах только потому, что он совершил дурацкий поступок.

Утром они с Астрид пили кофе после завтрака, и тут позвонил Леннарт – Андерса Хагмана нашли в Кальмаре и привезли в Боргхольм. Через полчаса Леннарт приехал за ней. Юлия была ему благодарна, что он не отодвигает ее в сторону, как Герлофа, что позволяет ей быть в курсе расследования с самого начала, но почему-то нервничала. Что ее ждет?

– Вы же не посадите меня в той же комнате?

– Нет-нет, что вы... только Андерс и следователь. Никлас Бергман.

– А там что... такие стекла, что с одной стороны все видно, а с другой – ничего?

– Вы имеете в виду зеркало Гезелла? Стекло с односторонней проницаемостью? – улыбнулся Леннарт. – Нет-нет, ничего такого... вы, наверное, насмотрелись американских сериалов. Иногда применяем видеозапись, да и то очень редко. Конфронтация свидетелей... может, в

Стокгольме этим и пользуются.

– Вы думаете... это он?

Они остановились у первого боргхольмского светофора.

– Не знаю... – Леннарт пожал плечами. – Но поговорить с ним необходимо.

Полицейское управление помещалось на поперечной улице, почти у въезда в город. Леннарт остановил машину, полез в бардачок и долго там копался, вынимая по очереди то бумаги, то визитки, то упаковки жвачки.

– Вот, – вздохнул он, – не забыть.

В руках у него был пистолет в черной кожаной кобуре. На коже крупно выгравировано «Glock»^[13]. И что это значит? Наверное, марка оружия. Или имя предыдущего владельца.

– Не то чтобы он был нужен. – Леннарт прицепил кобуру к поясу. – Но в машине оставлять не стоит.

Он подождал, пока Юлия достанет свои костыли, и они двинулись к зданию полиции.

Ей пришлось довольно долго ждать в столовой. Столовая как столовая, ничего особо полицейского она не обнаружила. В углу стоял большой телевизор, и она с удивлением заметила, что включен тот же канал, который она обычно смотрит в Гётеборге: американская шоппинг-программа.

Сейчас это представилось ей совершенно диким. Как она вообще могла смотреть эту идиотскую рекламную муру?

Леннарт вернулся около двух.

– Вот и все, – сказал он. – На сегодня. Предлагаю поехать куда-нибудь поесть.

Юлия не стала ничего спрашивать – взяла свои костыли и заковыляла к выходу. Найдет нужным – сам расскажет.

– Андерс здесь?

– Нет, поехал домой. В свою квартиру – здесь, в Боргхольме.

Он все время замедлял шаг, чтобы идти рядом с ней. Она попыталась идти побыстрее, чуть не прыгая на костылях, но тут же оставила эти попытки: от ледяного ветра пальцы на руках окоченели и совершенно не чувствовали рукояток. Потерять равновесие и грохнуться – только этого не хватало.

– Или, кажется, это не его квартира, а матери, – Леннарт помог ей сесть в машину, – точно не знаю. Обещал никуда не исчезать, на случай, если понадобится еще раз с ним поговорить... Как насчет китайцев? Пицца уже

в глотку не лезет.

– Все равно, лишь бы поблизости, – улыбнулась Юлия.

Можно было этого и не говорить, потому что Леннарт, проехав не больше двухсот метров, остановил машину у китайского ресторана рядом с городской церковью.

В зале было почти пусто, так что столики у окна, обычно пользующиеся спросом, оказались свободными. Юлия посмотрела на белую церковь за окном и вспомнила то жаркое лето, когда у нее там была конфирмация и она по уши влюбилась в другого конфирманта... как же его звали? Тогда ничего важнее в жизни не было, а сейчас она даже не помнит его имя.

– И все же... что Андерс делал в доме Кантов? – Она дождалась, пока официант примет заказ и уйдет. – Он как-то это объяснил?

– Объяснил... сказал, что искал бриллианты.

– Бриллианты?!

– Я тоже слышал эти сплетни... – сказал Леннарт, глядя в окно. – Будто бы у немцев, которых расстрелял Нильс Кант, был при себе какой-то клад. Военный трофей, так сказать. То, что они награбили в Прибалтике. Какие-то драгоценные камни... И Андерс решил, что Нильс, перед тем как удрать с Эланда, спрятал их в подвале. И начал копать. Копал и копал... так ничего и не нашел. Само собой. Он вообще такой... со странностями.

– А вырезки?

– Нашел в шкафу и зачем-то повесил на стену. Он думает, это Вера их хранила. – Леннарт наконец повернулся к Юлии. – И утверждает, что все время чувствовал ее присутствие. Что она там. В виде привидения.

– Вот как...

Она не стала ему рассказывать, что и она встретила с привидением. Больше всего Юлии хотелось вообще забыть ту ночь. На языке вертелся еще один вопрос, но она не решалась его задать.

Принесли множество маленьких тарелочек, и Леннарт сам ответил на ее так и не заданный вопрос.

– Андерс утверждает, что он в тот день не видел вашего сына. Его спросили прямым текстом. Сидел дома, на улице, говорит, был такой туман, что собственной руки не видно. А о пропаже услышал только вечером... Никлас Бергман сказал, что, по его мнению, Андерс говорит правду. Он же не стал запираяться насчет виллы, сказал все как есть.

Юлия кивнула.

– Так что с этой версией мы закончили. Дальше тут не продвинешься.

Юлия поглядела на свои руки и тихо сказала:

– Я пробовала много раз... не копаться в прошлом, все же говорят... все говорят одно и то же – жизнь продолжается, надо жить. И не получалось. А сейчас, здесь, в Стенвике, что-то произошло. Мне легче. Может быть, не намного, но легче. Я теперь знаю, что могу горевать о Йенсе... оплакивать... а раньше не могла. А вдруг он жив? Как же можно оплакивать живого? – Она подняла глаза на Леннарта. – Так что не зря я сюда приехала. И еще приеду. Повидать папу... и вас.

– Мне очень радостно это слышать, – сказал Леннарт. – Я ведь и сам побывал в такой же ловушке... Прошлое расставляет ловушки, и мы в них застреваем. Мне иной раз было очень плохо... пока не осознал, что месть не делает человека счастливой. Не надо думать о мести, надо жить дальше. Это трудно... но это, я бы сказал, наша обязанность – жить дальше.

– Да... Мертвых надо оставить в покое.

Пуэрто-Лимон, июль 1963 года

Нильс ушел с пляжа Плайя Бонита под Лимоном только к концу пира, когда все вино было выпито. За вечер он опустошил две бутылки чилийского красного вина, но при мысли о том, что ему предстоит, чувствовал себя недостаточно пьяным.

На Плайя Бонита сегодня мало народу, а к вечеру пляж совсем опустел.

Остались только двое. Сидят на песке у маленького костерка, две тени. Что-то напевают, смеются пьяным смехом, обнимают друг друга за плечи. Одна из этих теней – человек, которого Нильс знает под именем Фритьоф Андерссон. А другая тень – их жертва. Нильс мысленно называет его смоландцем, но чаще попросту *Borrachon* – Алкаш.

Коста-Рика нравится Алкашу куда больше, чем Панама... почему я не приехал сюда раньше, удивляется он. А Лимон – вообще замечательный город. Собственно говоря, домой его не так уж тянет.

– Можешь оставаться столько, сколько захочешь, – успокоил его Нильс.

Не кто иной, как Нильс помог Алкашу приехать в Коста-Рику. Он вырвал его из алкогольного тумана, помог получить в шведском консульстве в Панаме временный паспорт, довез на поезде до Сан-Хосе, поселил в дешевой гостинице и дал денег на вино и еду. После этого осталось только дожидаться Фритьофа Андерссона.

Алкаш утомил его своей благодарностью. Наконец-то, повторял он непрерывно, наконец-то я нашел друга, настоящего друга, о котором мечтал всю жизнь, друга, за которого готов в огонь и в воду.

Нильс кивал и улыбался. Когда же приедет Фритьоф... Нильс вовсе не хочет дружить с этим спившимся, пропащим человеком, чья судьба так напоминает его собственную, за исключением одного – Алкаш вовсе не хочет возвращаться домой.

Фритьоф обещал это устроить, но только если...

Напрасно страдаешь,
Едва пожелаешь,
Поедем домой, на юг...

...только если Нильс отдаст ему припрятанные камушки.

Вслух он, правда, этого не говорит. Но зачем тогда Фритьоф несколько раз заводил про них разговор? Он прекрасно знает, что произошло в альваре сразу после войны.

– А они не сказали, откуда они, эти немцы? А правда, что у них были с

собой богатые трофеи? И куда они девались? Что ты с ними сделал, Нильс?

Вопрос за вопросом, но Нильс подозревает, что ответы на эти вопросы человеку, называющему себя Фритьофом Андерссоном, давно известны.

Нильс отвечает – не хочет ставить под удар все предприятие. Но о том, где именно спрятаны камушки, – ни слова. Эти камни его. Они принадлежат ему, и будут принадлежать. Он столько лет бедствовал в этих поганых тропиках, что заслужил эти деньги.

Алкаш никак не мог усидеть в их маленьком номере в Сан-Хосе, а Нильсу во что бы то ни стало надо было удержать его до приезда Фритьофа. Через три дня все темы для разговоров были исчерпаны, оставалось только пить. Они молча сидели в крошечной комнатке, уставленной пустыми бутылками, а за окном во всю мочь палило солнце.

Наконец Фритьоф появился – в темных очках, с широченной улыбкой. Алкаш с похмелья никак не мог сообразить, откуда взялся этот новый швед и что ему нужно, но принесенные Фритьофом бутылки примирили его с незванным гостем. Праздник продолжился. Фритьоф хохотал, пел с ними, но взгляд его оставался все тем же – холодным и внимательным.

На следующий день Нильс поехал поездом в Пуэрто-Лимон, вернулся к себе, заплатил хозяйке по имени мадам Мендоза за квартиру и коротко постригся, так же как Алкаш. От парикмахера пошел в свой излюбленный бар на берегу, пил вино и раскланивался с многочисленными знакомыми – за годы сидения в баре их накопилось немало. Бродил по грязным улицам, стараясь привлечь к себе внимание, – вот он идет, этот пьяный швед.

Всех благодарил, всем рассказывал – и мадам Мендозе, и барменам, и случайным собутыльникам, – собираюсь, мол, прогуляться по берегу, к северу, мимо Плайя Бонита, через пару дней вернусь – друг приезжает из Швеции.

– *Nasta Pronto*, – повторял он, – до скорого.

В свой последний день в Лимоне он встал рано, на рассвете. Взял с собой только кое-что из одежды, немного еды, бумажник и письмо от Веры. Все остальное оставил, как было, и даже положил немного денег в письменный стол.

Все. Прощай, Лимон.

Прошел через пустой рынок. Старые рыбаки еще только разворачивали свои лотки с навесами. Они и были единственными свидетелями начала его Исхода. Прошел мимо вокзала и дальше, на север, прочь из города, не оглядываясь.

Его ждет встреча с Фритьофом Андерссоном.

Он не бежит. Он возвращается домой.

Впервые за двадцать лет.

26

На этот раз дверь открыла не молоденькая медсестра, а пожилая седая женщина в блузке и светлых брюках. Герлоф знал ее – жена Мартина Мальма, Анн-Бритт.

– Добрый день, – поздоровался Герлоф.

Она не шелохнулась. Серьезное бледное лицо... похоже, она его не узнала.

– Герлоф Давидссон, – поспешил он представиться, переложил палку в левую руку и протянул правую для рукопожатия. – Из Стенвика.

– Да-да... помню. Как же... Герлоф. Вы и на той неделе заезжали. Только с вами была женщина.

– Это моя дочь.

– Я видела вас из окна, спросила Ильву, кто это, а она забыла имя. Ничего в голове не держится.

– Так оно и было, – кивнул Герлоф. – Я бы очень хотел поговорить с Мартином, повспоминать, знаете, старые времена. Но он тогда был не в форме... Я вот подумал, может, нынче-то он получше?

– Если и лучше, то не намного. В его положении, знаете...

Герлоф понимающе кивнул.

– Но все-таки... получше? – Он чувствовал себя, как назойливый уличный разносчик. – Я долго не задержусь.

Наконец она отошла в сторону и пропустила его в холл.

Герлоф подошел к двери и обернулся – надо было подать знак Йону.

– Тридцать минут, – пообещал ему Герлоф, вылезая из машины. – Если увидишь, что меня впустили, возвращайся через тридцать минут.

Йон увидел, что Герлоф на него смотрит, поднял руку – понял, мол – и завел мотор.

– Заходите, раздевайтесь... посмотрим, сможет ли он с вами говорить.

В тепле болезненная дрожь в суставах быстро прошла. Он поставил портфель на пол и снял пальто.

– Ну и погодка, – сказал он. – Зима, что ли, начинается...

Анн-Бритт без улыбки кивнула. Светская беседа ее, по-видимому, не интересовала. Она молча подвела его к приоткрытой двери в дальнем конце холла.

Дверь вела в большую гостиную. Воздух затхлый, табачный запах вьелся в мебель, в гардины, скатерти – во все, во что только мог вьестись,

и, скорее всего, навсегда. Несколько окон выходят во двор, но гардины зашторены. Хрустальная люстра обернута белой простыней. В двух углах изразцовые печи, а в третьем – телевизор. Герлоф с удивлением заметил, что включен канал мультфильмов. Почти без звука. «Флинтстоуны».

Перед телевизором в кресле-каталке сидел старик с пледом на коленях, с множеством пигментных пятен на лысом черепе, на лбу – старый белый шрам. Подбородок его непрерывно дрожал.

Это и был Мартин Мальм. Человек, который послал ему сандалик Йенса.

– К тебе пришли, Мартин.

Старый моряк не сразу оторвал взгляд от веселого динозаврика Дино. Но, повернувшись к Герлофу, смотрел на него неотрывно.

– Привет, Мартин... Как ты?

Старик кивнул. Герлофу показалось, что подбородок его сейчас отвалится под собственной тяжестью.

– Как ты себя чувствуешь? Неплохо?

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет? Я, знаешь, тоже разваливаюсь. Что посеяли, то и жнем. Каждому по заслугам.

Повисла тяжелая тишина. На экране Фред Флинтстоун с еле слышным воплем «Я-бу-да-бу-да!» мчался куда-то на своем автомобиле с деревянными колесами, поднимая тучи пыли.

– Хотите кофе, Герлоф? – спросила Анн-Бритт.

– Нет, спасибо, все замечательно.

Герлоф надеялся, что она все же оставит их вдвоем, и так оно и вышло. Она даже и не собиралась оставаться и слушать их разговор. Взялась за ручку, посмотрела на Герлофа – ну, мы-то с вами понимаем друг друга, – вышла и закрыла за собой дверь.

С ее уходом воцарилась тишина. Герлоф искал глазами стул – тот был у стены, в нескольких метрах от Мартина. Он знал, что подтащить его поближе вряд ли сумеет, и остался стоять.

– Ну вот, – сказал он со вздохом. – Теперь можем поговорить.

Мальм молча наблюдал за его действиями.

Странно, в гостиной, в отличие от холла или, скажем, его комнаты в Марнесе, ничто не указывало, что хозяин почти всю жизнь провел в море. Ни фотографий, ни навигационных карт в рамках на стенах, ни старых компасов.

– Не скучаешь по морю, Мартин? – спросил Герлоф. – А я скучаю. Даже в такую мерзкую погоду, как сегодня, когда и в молодости-то лучше

сидеть дома. Но у меня есть вот что. – Он приподнял свой старый портфель. – Он мне и на море служил, и, как видишь, пока еще держится, не разваливается. И я хотел тебе показать одну штуку...

Он покопался в портфеле и достал книгу – «Грузовое пароходство Мальма».

– Узнаешь? Я часто в нее заглядываю, хорошая книга. Теперь знаю все и о твоих кораблях, и о приключениях, и о твоём, как теперь говорят, пути к успеху... но вот один снимок... мне стало интересно...

Он открыл страницу с групповым снимком.

– Вот, погляди. Конец пятидесятых, да? Прямо перед тем, как ты купил свой первый атлантический сухогруз.

Наконец Мартин проявил хоть какой-то интерес. Долго смотрел на фотографию. Правая рука его подрагивала – хотел, наверное, поднять ее и показать что-то на снимке.

– Узнаешь себя? Конечно, узнаешь... Молодые мы были. И лайба твоя, «Амелия», точно? Как мне ее не узнать, ты в Боргхольме всегда чалился рядом с моей «Летящей».

Мартин Мальм, не говоря ни слова, пристально смотрел на снимок. Дыхание стало тяжелым, словно ему не хватало воздуха.

– А помнишь, где сделан снимок? Я-то в основном грузился в Оскархамне... туда – моторное масло, оттуда – что навалят... но это к югу, к югу. Помнишь?

Мартин не ответил. Он по-прежнему не сводил взгляд с фотографии. Герлофу показалось, что подбородок его стал дрожать еще сильнее.

– Лесопилка в Рамнебю, верно? – напомнил он. – Подписи нет, но Эрнст Адольфссон сразу сказал, где это. Лесопилка в Рамнебю... Тогда еще даже с одной лайбой можно было неплохо жить. Ну... насчет неплохо, это по разному... но с голоду не умирали. А вот хозяин лесопилки, директор, как они его называли. Август Кант. Брат Веры Кант из Стенвика. Ты ведь хорошо его знал, Августа? Вы же партнеры были?

Мартин попытался подняться... а может, Герлофу просто показалось, плечи его начали вздрагивать, ноги уперлись в подножки кресла-каталки.

– Фрр... шфф, – произнес он.

– Прости? Что ты сказал?

– Фрр-шофф.

Герлоф ошарашенно уставился на старика. Что он сказал? *Фальшивка?*
Все хорошо?

А может быть, имя? *Фридольф?*

Или *Фритьоф?*

Пуэрто-Лимон, июль 1963

Нильс ждет почти полчаса. Прислонился к пальме и ждет, даже не смотрит на берег. Отмахивается от комаров и вспоминает Эланд, долгие, беззаботные прогулки в альваре. И вслушивается, вслушивается... но на берегу все тихо. Ни звука.

Шаги.

– Еле уснул... наконец-то, – произносит Фритьоф.

Они возвращаются на пляж. Шведский алкаш валяется у костра, как мешок с углем. Рука на последней бутылке вина.

– Ну что ж... начинай.

– Я?

– А кто же? Я и так потрудился немало, он то и дело норовил заснуть по дороге. Теперь твоя очередь.

Нильс, не трогаясь с места, смотрит на спящего.

– Он никому не нужен, Нильс. Только нам... Ты что, считаешь, что попадешь в ад за это?

Нильс качает головой.

– Не попадешь. А домой вернешься – это уж точно.

– Он здесь... – медленно произносит Нильс.

– Кто – он?

– Не кто, а что. Ад.

– Вот и хорошо. Пора из этого ада выбираться.

Нильс устало кивает, поднимает Алкаша под мышки и тащит к черной ночной воде. Тот бормочет что-то во сне, но не сопротивляется.

– Берегись акул.

Вода теплая, на берег медленно набегают широкие бессильные волны. Он входит в море, волочит за собой тело.

Внезапно вода попадает Алкашу в рот, он закашливается и начинает дергаться. Нильс сжимает зубы, заходит по пояс и с усилием погружает голову Алкаша в воду. Закрывает глаза и начинает считать. Один, два, три...

Алкаш сопротивляется изо всех сил, пытается высунуть голову из воды, но Нильс сильнее. Он думает про Эланд и продолжает считать.

– Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят...

Наконец Алкаш перестал дергаться, но Нильс продолжает судорожно удерживать его под водой. Ему кажется, что если он продержит Алкаша под водой подольше, тот не станет являться ему во сне, как

уполномоченный Хенрикссон.

– Готово? – кричит Фритьоф с берега.

– Да...

– Отлично. – Фритьоф заходит в воду, поднимает и отпускает руку Алкаша. Рука бессильно падает.

Фритьоф вытаскивает тело на берег, а Нильс внезапно вспоминает младшего брата, Аксея.

Это был несчастный случай. Я даже подумать не мог... – слышит он свой голос. Убийство... с каждым новым убийством давно забытые мертвецы встают из могил и протягивают к нему свои костлявые руки. *Ты убил меня, Нильс*, слышит он тоненький голосок брата.

Фритьоф уже на берегу. Он вытирает лоб рукавом рубашки.

– Дело сделано, – говорит он. – Теперь рассказывай.

– Что рассказывать?

Нильс выходит из воды и встает рядом.

– Куда ты спрятал твой трофей, Нильс?

Между ними лежит труп. Ноги его все еще в воде. У Фритьофа сейчас преимущество, но Нильс не сдается.

– А как твое настоящее имя, Фритьоф Андерссон?

Тот молчит.

– Привезешь меня домой, получишь свое.

– А вот это не сразу. – Фритьоф отмахнулся от комара. – Я обо всем позабочусь. Не суетись. Сначала надо доставить тело на Эланд. Его должны похоронить и забыть как можно скорее. И только после этого ты вернешься. Тебе это, надеюсь, понятно?

Нильс молча кивает.

– Мы оттащим его чуть поглубже, надрежем чуть-чуть кожу на лице... рыбки сделают остальное. И никто вас не отличит. – Фритьоф слегка усмехнулся и кивнул на котомку Алкаша у костра. – Не забудь его паспорт. Без паспорта ты и до Мехико не доберешься.

– А дальше? Когда ты приедешь?

– Слушай внимательно. Ты остановишься в Мехико-сити... Я через недельку вернусь сюда и вытащу утопленника на берег. Вернусь в Пуэрто-Лимон и начну всех спрашивать – куда делся мой шведский друг Нильс? Конечно, лучше, если бы кто-то другой нашел тело... не найдет, так все сделаю сам.

Нильс начинает переодеваться.

– А ты ничего не забыл?

– Что я забыл? – Нильс с трудом стягивает мокрую сорочку.

Фритьоф молча тычет в деформированные пальцы Нильса, кладет правую руку утопленника на песок и со всей силы ударяет по указательному и среднему пальцам каблуком башмака.

– Вот так, – говорит Фритьоф, достает носовой платок и подвязывает сломанные пальцы трупа под углом к ладони. – Так они и застынут, а платок смоем течением.

Нильс смотрит, открыв рот. Этот тип, Фритьоф, подумал обо всем. А как он представляет себе конец этого дела?

Ладно, там увидим, кто кого.

– Сними с него брюки, – говорит он, – я высушу их у костра и надену. А на него натянем мои, вместе с бумажником.

У него нет никаких желаний, кроме одного. Вернуться поскорее домой. Только бы добраться до Стенвика, и можно считать, что все хорошо кончилось.

А пока он в аду... девять кругов. Кругом больше, кругом меньше – что за разница?

– Мы уже старики, что ты, что я, – сказал Герлоф. Стоять стало невмоготу – он проковылял к стулу в углу и сел. – Времени думать – хоть отбавляй. Что я и делаю в последнее время...

Взгляды их встретились. Теперь Фред Флинтстоун рубил что-то каменным топором.

– В фирме твоей, помню, в конце пятидесятых дела шли ни шатко ни валко. Маленькая фирмочка, как у всех у нас. Несколько лайб – камень, лес, что попадетя. А через три года... или четыре, сейчас не помню – хлоп! – ты покупаешь здоровенный сухогруз, и пошло дело. Европа, да и не только Европа – вся Атлантика. Мы еще подергались со своими парусными посудинами, да и лапки кверху. Ты же помнишь, стали вводить новые правила: минимальное водоизмещение, экипаж не меньше, чем... тяжелые времена. Попробовали заем взять, купить посудины посolidнее, а банки нам – шиш с маслом. Только тебе удалось. И вовремя, надо сказать, дело у тебя пошло. – Герлоф не сводил глаз с собеседника. – Но где ты взял средства, Мартин? У тебя, как и у нас, таких денег не было, и не было никаких причин, почему вдруг банк тебя полюбил больше всех нас.

Мартин забеспокоился, на скулах заиграли желваки, но промолчал.

– Август Кант дал тебе деньги? Владелец лесопилки в Рамнебю?

Голова старика дернулась, и он уставился на Герлофа.

– Нет? Не он? А мне кажется, он.

Герлоф встал, оперся на палку, обогнул телевизор и остановился рядом с Мартином.

– Мне кажется, он, – повторил Герлоф. – И знаешь, за что? Чтобы ты привез из Южной Америки его племянника, Нильса Канта. Убийцу.

И во второй раз за все время разговора старик подвигал челюстями и открыл рот.

– Е-ера... Е-ера А-ант.

– Вера Кант. – То ли Мартин стал говорить получше, то ли Герлофу легче было угадать знакомое имя. – Мать Нильса. С ней-то все ясно, хотела вернуть сына домой. Но платил-то кто? Август? Сначала, чтобы ты привез покойника в гробу, – его и похоронили в Марнесе. А потом потихоньку привез и самого Нильса... не знаю уж, как скоро. Год? Два?

Он навис над Мартином, и тот вынужден был поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Значит, Нильс вернулся... в конце шестидесятых, я думаю, и прятался

где-то у нас там... на Эланде. Да ему и не надо было особо прятаться – кто его узнает через двадцать пять лет? К матери приходил, бродил по альвару...

Герлоф помедлил.

– И, думаю я, бродил он по альвару в тумане и наткнулся на маленького мальчика... моего внука. Мальчик заблудился в тумане... – Герлоф опустил глаза и тихо продолжил: – Но тут что-то случилось. Не знаю что, но Нильс Кант испугался. Не думаю, чтобы он был настолько злобным или настолько психом, как утверждают. Он был запуган до смерти, вспыльчив... и поэтому Йенс погиб. – Герлоф вздохнул. – И он пришел просить тебя о помощи. Вы вдвоем похоронили мальчика где-то в альваре. Но ты, не знаю уж зачем, сохранил...

Он полез в портфель и достал коричневый конверт с остатком логотипа фирмы «Грузовое пароходство Мальма».

– Зачем-то ты сохранил один сандалик. И послал его мне пару месяцев назад, вот в этом конверте... Зачем? Совесть заговорила? Хотел исповедаться?

Мартин посмотрел на конверт, и его нижняя челюсть задвигалась.

– А-аре сих...

Герлоф не понял, что он хотел сказать, но на всякий случай кивнул. Он отошел и сел на стул – перевести дух.

– Ты ведь убил Нильса Канта, Мартин?

Ответа на этот вопрос он, как и ожидал, не получил, поэтому ответил сам.

– Думаю, да... он стал для тебя слишком опасен. И, скорее всего, именно он наградил тебя этим шрамом на лбу. Но и это не докажешь...

Герлоф, чувствуя себя столетним стариком, положил конверт и книгу в портфель.

Взгляд его упал на книжную полку у стены. Там стояли фотографии в рамках – улыбающиеся молодые люди.

– Наши дети, Мартин... Они забудут нас, с этим приходится мириться. Конечно, хочется, чтобы они помнили про нас только хорошее, но так не всегда получается.

Герлоф буквально изнемогал от усталости. И Мартин – он словно обмяк, растекся по своему креслу и не делал никаких попыток сказать что-то еще. Даже не шевелился.

Такое чувство, что в гостиной кончился весь воздух. К тому же почему-то стало темно.

Он с трудом встал.

– Ну что ж, Мартин, спасибо... Держись. Может, зайду еще раз.

Он пошел к двери, но та открылась сама по себе. В проеме возникла бледная Анн-Бритт.

Герлоф слабо улыбнулся.

– Славно поговорили.

И тут же сообразил, что говорил только он. Ни единого ответа на свои вопросы Герлоф не получил.

Она пропустила его в холл и вышла следом.

– Ну что ж, спасибо.

– Это я послала, – внезапно сказала Анн-Бритт и показала на его портфель, из которого торчал коричневый конверт.

Герлоф остановился.

– У Мартина рак печени, – сказала она тихо. – Ему недолго осталось.

– А откуда вы... откуда вы знали, кому слать?

– Мартин дал мне этот пакет еще летом... и адрес написал. Так что оставалось только отправить.

– А звонили тоже вы? Мне кто-то позвонил... сразу, как я получил пакет... и бросил трубку.

– Да... хотела спросить про сандалик. Откуда он у Мартина и что все это значит. И побоялась услышать ответ, повесила трубку. Неужели Мартин мог сделать что-то плохое с вашим сыном?

– Не с сыном. – Герлоф настолько устал, что с трудом произносил слова. – С внуком. А что означает этот сандалик, я и сам не знаю.

– И я не знаю, но... – Она замолчала и после паузы продолжила: – Мартин ничего не хотел говорить. Но я... я решила, что он берег этот сандалик, как... не знаю, как сказать... как своего рода гарантию. Может так быть?

– Гарантию? Гарантию чего?

– Как защиту... против кого-то. Откуда мне знать...

Герлоф внимательно посмотрел на нее.

– Значит, Мартин говорил что-то про семейство Кантов?

Она отвернулась, помолчала, словно решая, что ответить, и кивнула.

– Да... у них были дела. Вера Кант помогла с его первым океанником.

– Вера? Из Стенвика? Разве не Август?

– Ну нет. – Она покачала головой. – Вера Кант помогла ему с... как теперь говорят, с инвестициями. Без этих денег...

У Герлофа оставался только один вопрос. Он хотел задать его, прежде чем покинуть этот большой, мрачный дом.

– Помните, Анн-Бритт... перед тем как Мартин дал вам этот сверток,

к нему кто-нибудь приходил?

– К нам мало кто приходит.

– И все же... кто-то из Стенвика? Старый каменотес. Эрнст Адольфссон?

– А, Эрнст... да, он бывал. Мы купили у него кое-что... ну, из его скульптур. Он же умер. Или погиб, не знаю... Но приходил он давно, еще летом.

И опять Эрнст успел первым, подумал Герлоф.

– Спасибо. – Он взял пальто, показавшееся ему тяжелым, как средневековые латы. – А Мартину не надо лечь в больницу?

– Нет, никакой больницы... Врачи сами приходят.

Ветер встретил его таким мощным, тугим порывом, что он даже покачнулся. Уже и ноги не держат, грустно подумал Герлоф. Начался мелкий, но колючий дождь. Машины не было. Он сжал зубы и закрыл глаза, приготовился к единоличной схватке со стихией, но когда открыл, увидел, что Йон за ним приехал, просто припарковался чуть подальше на улице.

Он доковылял до машины и открыл дверцу.

Йон молча кивнул.

– Поговорил, – только и сказал Герлоф.

– Ну, – только и сказал Йон.

Только сейчас Герлоф заметил, вернее, не заметил, а почувствовал, что на заднем сиденье кто-то есть. Он с трудом обернулся. Андерс.

– Я заезжал к ним, – пояснил Йон. – Андерса отпустили.

– Вот и хорошо. Привет, Андерс.

Сын Йона молча кивнул.

– Значит, в полиции тебе поверили?

– Ну, – с той же интонацией, что и отец, ответил Андерс.

– Больше не пойдешь в дом Кантов?

– Не-а. Там привидение.

– И я такое слышал. Но как ты их не боялся?

– Кого – их? Там одно привидение. И она не выходит из своей комнаты.

– Она? Ты хочешь сказать – Вера Кант?

– Она злится, – кивнул Андерс.

– Злится?

– Считает, что ее обманули.

– Вот она как считает... – Герлоф внезапно вспомнил о мужских голосах, которые слышала на кухне у Веры Майя Ньюман. Один из этих

голосов, скорее всего, принадлежал Мартину Мальму.

Йон включил стеклоочистители – дождь и не собирался стихать.

– Я задержусь, – сказал он. Они как раз выехали на главную улицу Боргхольма. – Зайду выпью кофе с его матерью. Пошли со мной, тебе будут рады.

– Хорошо бы, но надо ехать, – быстро сказал Герлоф, – а то Буэль удар хватит.

– Это да, – кивнул Йон.

– Сяду на автобус до Марнеса. По-моему, он идет в полчетвертого. Раньше так было. Если расписание не изменили.

– Подъедем на автовокзал и посмотрим.

Герлоф сидел молча. Как всегда, у него после разговора осталось ощущение, что он что-то упустил. Ставил неверные вопросы, не постарался догадаться, что Мартин пытался ему сказать. Надо было записать все...

– Мартин не может говорить.

– Совсем не может?

– Совсем.

На повороте у площади Герлоф вдруг заметил в окне ресторана на другой стороне свою дочь Юлию. Она была в обществе Леннарта Хенриксона, полицейского. Герлоф не особенно удивился.

Юлия смотрела на Леннарта, и вид у нее был... не то чтобы радостный, но какой-то умиротворенный. И Леннарт такой оживленный, каким Герлоф не видел его уже много лет.

Это хорошо.

– Значит, поедешь автобусом? – спросил Йон.

– Мне лучше.

Отчасти это было правдой. Во всяком случае, идти он мог без посторонней помощи.

– И потом, надо поддерживать общественный транспорт. А то и автобус отменят.

Они подъехали к автобусной станции. Когда-то это был вокзал. Конечная станция. Здесь Нильс Кант сел в поезд и исчез. Железную дорогу давно закрыли, и теперь тут стояли только автобусы и такси.

Йон вышел из машины и помог вылезти Герлофу.

– Спасибо, – поблагодарил Герлоф, покачнулся и оперся на палку. Кивнул Андерсу. Йон пошел его проводить.

День выдался на редкость утомительным, но он изо всех сил старался идти ровно и уверенно – портфель в одной руке, палка в другой. Дождь

усилился. В автобус на Бюкселькрук через Марнес уже началась посадка. Водитель сидел на своем месте и читал газету.

– Ну что ж... мы сделали все что могли, – сказал Герлоф. – Мартину жить со всем этим до конца. Не так долго, конечно...

– Да... значит, это он.

– Кстати... был у Мартина знакомый по имени Фридольф? Ты слышал когда-нибудь?

– Фридольф? Как Малыш Фридольф?^[14]

– Или Фритьоф. Может быть, Фритьоф. Фридольф или Фритьоф.

– Никогда не слышал.

Два коротко остриженных подростка, даже не обратив на них внимания, с разгона запрыгнули на подножку.

И вдруг Герлоф понял, что никому от этого ни жарко ни холодно – найдет он убийцу внука или не найдет. Что изменится? Жизнь продолжается, а людей на севере Эланды все меньше и меньше.

Ему стало очень грустно. Он недавно читал что-то о кризисе среднего возраста у мужчин. Может, у него тоже кризис? Кризис восьмидесятилетнего возраста. А почему бы нет...

– Спасибо за помощь, Йон. Позвоню, как доеду.

– Обязательно.

Йон взял у него палку и помог взобраться на высокую подножку. Герлоф благодарно кивнул, принял палку и заплатил за билет, напомнив шоферу, что ему полагается скидка, как пенсионеру. Шофер удивленно на него посмотрел – сам, что ли, не вижу? – но не сказал ни слова.

Герлоф сел, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Автобус медленно, как когда-то его лайба, тронулся.

Фридольф или Фритьоф. И эта встреча в Рамнебю, где, оказывается, в детстве жил Эрнст.

Фридольф? Фритьоф?

За все годы на Эланде человека с таким именем он не встречал.

28

– Нет, я не женат, – виновато улыбнулся Леннарт. – И никогда не был. И детей нет. – Он заглянул в недопитый стакан с водой. – У меня в жизни только один-единственный раз были серьезные отношения с женщиной... по-настоящему серьезные. Это продолжалось почти десять лет. И пять лет назад все кончилось. Она живет в Кальмаре. Впрочем, мы остались друзьями. – Он опять улыбнулся. – После этого я старался направлять

энергию на другие дела. Дом, знаете, сад.

– Северный Эланд, наверное, не лучшее место, чтобы искать себе пару.

– Да... выбора почти нет. – Он опять улыбнулся. – Это правда. В Гётеборге с этим лучше.

– Не знаю... – пожала плечами Юлия и поморщилась – дала о себе знать сломанная ключица. – Что до меня, я и искать перестала. У меня, кстати, в жизни тоже был всего один роман. И задолго до вашего... с отцом Йенса, с этим непоседой Микаелем... но после... после *этого* все рухнуло.

Леннарт кивнул:

– Поддерживать постоянные отношения нелегко... Терпение, самообладание, решительность...

Каждая из названных Леннартом доблестей удостаивалась одобрительного кивка Юлии.

– И какие у вас теперь планы? Останетесь на Эланде?

– Не знаю... может быть. Собственно, в Гётеборге меня ничто не удерживает. И Герлофа здоровым не назовешь. Он храбрится, говорит, что справляется, но мне кажется, ему без постоянной помощи не обойтись.

– Я несколько раз читал – здесь очень нужны медсестры... И мне бы очень хотелось, чтобы...

Его прервал резкий писк, так что Юлия даже вздрогнула. Леннарт посмотрел на прикрепленный к поясу пейджер.

– Опять я им нужен.

– Что-нибудь важное?

– Нет... похоже, хотят подвести итоги дня... что-то вроде оперативки. – Он встал. – Пойду заплачу.

– Давайте пополам, – предложила Юлия.

– Ни под каким видом. Это же я вас сюда затащил.

– Спасибо. – Широкий жест Леннарта был весьма уместным – у Юлии, как всегда, почти не было денег.

– Давайте так... – Леннарт посмотрел на часы. – Встретимся без четверти четыре около управления. К тому времени оперативка наверняка закончится, и мы покинем этот мегаполис и поедem домой, в нашу деревню.

– Хорошо.

– Если хотите, могу показать, где я живу. Дом небольшой, но прямо на берегу, чуть к северу от Марнеса. Каждое утро можно видеть, как из моря, выражаясь поэтически, поднимается дневное светило и начинается новый день.

– С удовольствием.

Они расстались у дверей ресторана. Леннарт помчался в управление, а Юлия решила допрыгать на костылях до магазинов. Распродаж в эти дни не было, но можно же посмотреть, что у них на витринах.

Она прошла мимо табачного магазина. В окнах были выставлены первые страницы таблоидов с кричащими рубриками. Она равнодушно пробежала их глазами:

**ТЯЖЕЛАЯ АВАРИЯ НА E-22 – ПОГИБШИЕ ПОКА
НЕ ОПОЗНАНЫ. – КАРОЛА ВНОВЬ ОБРЕЛА СЧАСТЬЕ —
ТВ В ВЫХОДНЫЕ – А ТЫ ВЫИГРАЛ В БИНГО?**

Ей было на удивление хорошо, даже радостно, несмотря на переломанные кости. Юлия радовалась, что они с отцом сумели сблизиться так, как никогда раньше им не удавалось, что она не разругалась, как обычно, с сестрой, что Леннарту Хенриксону, похоже, очень нравится ее общество.

И больше всего она была рада, что полиция отпустила Андерса Хагмана. Это было бы ужасно – знать, что кто-то в Стенвике причастен к исчезновению ее сына. Нет, нет, этого не может быть. Наверняка Йенс, никем не замеченный, пошел на берег, решил преодолеть свой страх перед водой, стал прыгать с камня на камень, оступился и...

Ей очень хотелось в это верить, и сейчас она верила – так и было.

Йончёпинг, апрель 1970 года

– Квартира, конечно, небольшая, но с видом на Веттерн. – Хозяин дома показал в окно. – Кухонное оборудование, кровать и белье включены в плату.

Никак не может отдышаться, на лбу капли пота. Лифт не работает, и ему пришлось, бедняге, тащиться на четвертый этаж. Все, как полагается: костюм, галстук, сорочка, но под сорочкой такое брюхо, что, наверное, и на второй подняться нелегко.

– Хорошо, – произносит будущий квартирант. – Устраивает.

– И парковка удобная.

– Спасибо, у меня нет машины.

Осмотр квартиры занял не больше пяти минут. Что осматривать? Комната и кухня.

– Я снимаю ее. На полгода.

– У вас работа связана с поездками? И без машины?

– Предпочитаю поезд и автобус. Пока приходится часто переезжать... но я жду, что дирекция переведет меня на постоянную работу. Дома.

Нильс все еще примеряется к новому имени. И к новой жизни. Он словно врастает в нее, в эту новую жизнь, а прошлая с каждым днем все более подергивается пеленой забвения... но память о ней не исчезает, она сохранилась, она существует, словно под прозрачным колпаком. Новая жизнь – новая свобода, персональный номер, паспорт, с которым он может свободно пересечь почти любую границу. Но он все равно не может избавиться от чувства, что она не настоящая, эта его новая жизнь. Коста-Рика, годы в Мексике, целый год под Амстердамом, последний год в пустой квартире в Бергшё под Гётеборгом... все это видится нереальным. Иногда Нильс просыпается в холодном поту: ему кажется, что он опять вдыхает тяжелые испарения Коста-Рики.

– Позвольте спросить, сколько вам лет?

– Сорок четыре.

– Самый расцвет, – одобрительно кивает хозяин.

– Это как посмотреть... возможно, вы правы.

На вопрос, когда же он сможет, наконец, вернуться, Фритьоф отвечал уклончиво.

– Торопиться – значит ошибиться, – сказал он три недели назад по телефону. – Имей терпение, Нильс. Ты похоронен в Марнесе, трава на

могиле все гуще. И твоя старушка-мать иногда приносит цветы. Она ждет тебя.

– Как она?

– В порядке... Но она получает открытки, – сказал Фритьоф после паузы. – Странные открытки. Сначала из Коста-Рики, потом из Мексики, из Голландии. Ты что-нибудь про это знаешь?

Еще бы ему не знать. Все эти бесконечные годы он посылал матери открытки. Но всегда был предельно осторожен.

– Я никогда не писал обратный адрес.

– Она, конечно, рада этим открыткам... но гуляют слухи, что Нильс Кант жив. Полиции, конечно, плевать на сельские сплетни, но в Стенвике не унимаются. Поэтому торопиться не следует. Ты меня понимаешь?

– Понимаю... Но что будет, когда я приеду на Эланд?

– Хороший вопрос, – чуть ли не скучающе произнес Фритьоф, – что будет, то и будет. Явишься домой к мамочке. Но сначала займемся кладоискательством, ведь так?

– Мы же договорились. Как только вернусь, сразу покажу, где трофей.

– Ну и хорошо. Осталось дожидаться подходящего случая.

– И когда такой случай подвернется?

Но Фритьоф уже повесил трубку.

Этот человек, называющий себя Фритьофом Андерссоном, просто взял и повесил трубку.

Похоже, проект под названием «Нильс Кант» для него уже завершен. Нильс Кант мертв. Мертв и похоронен на кладбище в Марнесе.

– Оплату попрошу вперед.

– Хорошо, – говорит Нильс. – Могу заплатить прямо сейчас.

– Если мне понадобится, чтобы вы съехали, я должен предупредить вас не меньше, чем за месяц.

– Мне хватит.

Ну нет, Нильс еще не мертв. Он возвращается домой.

И если человек по имени Фритьоф Андерссон придерживается другого мнения, он делает большую ошибку.

29

Герлоф смотрел в окно автобуса и размышлял. Немного, правда, вздремнул между Боргхольмом и Чёпингсвиком, но когда автобус выехал в альвар, его словно под руку кто-то толкнул. И теперь он сидел, напряженно

думал и ругал себя на чем свет стоит.

Кто его за язык тянул? С чего это его понесло у Мартина? Кому интересны его предположения, к тому же, если подумать серьезно, вряд ли доказуемые? Никакого признания он так и не добился... ладно, сказал и сказал. Надо уметь прощать, и в первую очередь – прощать себе. Высказался, ну и слава богу.

Что теперь? Надо продолжать жить. Строить кораблики. Йон зайдет – поболтаем, кофейку попьем. Можно читать некрологи в газетах, смотреть, как приближается зима. Дел полно.

Но как забыть? И как перестать думать?

Он вытащил книгу о пароходстве Мальма. Уже края обтрепались – столько раз он доставал ее из портфеля и совал обратно и столько раз смотрел на эту фотографию, что ее даже искать не пришлось – книга сама на ней открылась. Мартин Мальм, Август Кант, за ними – угрюмые рабочие.

Герлоф вспомнил рассказ Анн-Бритт – оказывается, он ошибался. Вовсе не Август Кант дал Мартину деньги, а Вера. Другими словами, заплатила, чтобы тот вернул Нильса домой.

Но если Август Кант слышать не хотел про своего племянничка и предпочел бы, чтобы тот навсегда остался в Южной Америке... что тогда изображено на этом снимке? «Дружеская деловая встреча»... и рука на плече – здесь что-то большее, чем обычные отношения между производителем и одним из множества перевозчиков. С чего бы Август решил его обнять?

Минуточку... это ведь рука Августа? Герлоф поднес фотографию поближе к глазам. Большой палец... большой палец не с той стороны ладони! Или это ему кажется?

Он вглядывался в снимок, пока не начали расплываться контуры. Покопался в портфеле и выудил очки для чтения. Лучше не стало. Тогда он снял очки и навел одно из стекол на фотографию, как лупу. Сработало – бледные лица рабочих лесопилки заметно приблизились, но стало видно зерно, они как бы распались на сотни черно-белых точек.

Он присмотрелся к руке на плече у Мальма. Вот она, рука, рука друга, чуть не касается шеи корабельщика... но теперь Герлоф ясно видел, что это вовсе не правая рука Августа, как следовало ожидать – Мальм стоял справа от Канта, – а левая. И сразу за рукой...

И Герлоф впервые увидел то, что наверняка заметил Эрнст. Конечно, заметил – он же через Юлию передал... как он выразился? Большой палец не того... «Не того» – не в смысле «так себе», а не того человека!

– О, черт меня...

Больше семидесяти лет назад мать категорически запретила ему упоминать имя нечистого, и с тех пор он свято придерживался этого правила, а сейчас нарушил.

Для окончательной уверенности Герлоф достал тетрадь и нашел записанные им в Рамнеблю имена.

– О, черт...

Он настолько ошалел от своего открытия, что совершенно забыл, что сидит в рейсовом автобусе и едет домой, в марнесский дом престарелых. Очнувшись, увидел дорожный указатель «КЕМПИНГ 2 км». Подъезжаем к Стенвику!

Надо срочно поговорить с Йоном.

Он поискал глазами красную кнопку и поскорее нажал.

Через минуту автобус подъехал к остановке в ста метрах от поворота на Стенвик. Герлоф сунул книгу в портфель и встал, пытаясь унять дрожь в ногах.

Средняя дверь отворилась, и он, держась за поручень, спустился на асфальт. По-прежнему было холодно и шел дождь. В суставах тут же зашевелился Шёгрэн, но пока было терпимо.

Дверь за ним закрылась с ехидным шипением, и автобус укатил. Почему это шипение показалось ему ехидным? А, ладно... Он был один на остановке. Раньше здесь была будка с навесом, чтобы можно было укрыться в случае дождя – но ее, ясное дело, убрали. Все, что удобно и бесплатно, – все убирают.

Герлоф прислушался к урчанию автобуса, застегнул ускользящую верхнюю пуговицу на пальто и посмотрел на желтый указатель. Стенвик. Туда ему и надо. Перешел дорогу, поглядев, как положено, налево, потом направо, хотя мог бы этого и не делать, дорога была совершенно пуста, – и двинулся на Стенвик. Ветер лепил колючие струйки дождя в лицо, идти было трудно, и дело шло медленно.

Он прошел уже не меньше двухсот метров, как вдруг сообразил, почему шипение автобусной двери показалось ему ехидным. Собрался к Йону, старый дурак, а Йон же у сына в Боргхольме! Как он мог забыть!

Герлоф остановился и растерянно поморгал.

Как я мог забыть, с яростью повторил он вслух. Они же расстались, самое большее, полчаса назад. Йон помог ему сесть в автобус. Но Герлоф не любил заниматься самобичеванием – важность открытия в какой-то степени компенсировала сделанную глупость. Тут не только про Йона можно забыть, утешился он, и стал соображать, куда же идти. Юлия

наверняка еще не успела вернуться, а вот Астрид... Астрид наверняка дома. Она почти всегда дома. В любом случае, ему ничего не оставалось, как продолжать идти в Стенвик – до Марнеса было намного дальше.

Но идти становилось все труднее. Холод постепенно проникал под теплое пальто, а ветер был такой, что приходилось все время пригибать голову.

Ничего. Шаг, еще шаг. Он смотрел на мокрый потрескавшийся асфальт и считал шаги – одиннадцать, двенадцать... Двадцать пять. Поднять голову, посмотреть. Еще двадцать пять. Пустой горизонт. Альвар. Он ждал, когда же появятся высокие березы на окраине Стенвика, но они никак не появлялись.

И Герлоф забеспокоился – первый раз за все время. В голову пришло сравнение с пловцом, который решил переплыть холодное озеро, на полпути силы кончились, а возвратиться кажется еще более невозможным, чем плыть вперед.

Дорогу давно пора ремонтировать, но кто станет вкладывать деньги в Стенвик?.. Сплошные выбоины и трещины. В одну из таких выбоин он угодил левой ногой и чуть не полетел в канаву – с большим трудом и только с помощью палки ему удалось кое-как устоять. Он перевел дыхание, стараясь прийти в себя, и в эту минуту услышал звук мотора.

Навстречу ему шла машина. Из Стенвика, странно.

Огромный темно-зеленый сверкающий «ягуар». Стеклоочистители мощно и ритмично снимали пленку дождя с лобового стекла.

Герлофу никак не удавалось разглядеть водителя, но тут водительское стекло опустилось, и он увидел знакомую седую бороду.

– Привет!

Гуннар. Гуннар Юнгер из Лонгвика.

Вообще говоря, Герлофу меньше всего хотелось бы встретить именно Гуннара, владельца отеля, который постоянно напоминал ему про обещание – сделать несколько бутылочных корабликов для его отеля. Но, как говорится, из двух зол...

Он устало поднял руку.

– Привет, Гуннар. – Он сделал шаг к машине.

На таком ветру и голоса почти не слышно. Но когда-то ведь ему удавалось перекрикивать непогоду...

– Привет, привет, старина... Куда это ты собрался?

Надо же – управляет большим отелем и задает такие дурацкие вопросы. Герлоф смиренно кивнул в сторону поселка.

– В Стенвик.

– Кого-то хочешь навестить?

– Если застану... Астрид, может быть.

– Астрид Линдер? Ее, похоже, дома нет. Я проезжал – окна темные, а уже смеркается.

– Да что ты?

Если Астрид нет дома, значит, и во всем Стенвике никого нет дома и ему суждено замерзнуть на этом ледяном ветру с моря. Завтра полиция найдет под каким-нибудь кустом его окоченелый труп.

Он грустно покачал головой – такой конец был ему не по душе. Как тот ушедший из дому старик, про которого писали газеты.

– Тогда ты, может, подвезешь меня в Марнес? В дом престарелых?

– Нет вопросов. Мне все равно надо кое-что купить в скобяной лавке.

– Правда?

– Я же сказал – нет вопросов.

Герлоф неуклюже влез в машину, положил портфель и палку на колени.

В машине было очень тепло, даже жарко. Включенные на полную мощность вентиляторы гнали горячий воздух. Куртка на Гуннаре расстегнута. Герлоф посмотрел на него и тоже расстегнул пальто, хотя согреться еще не успел.

– Вперед, на Марнес! – командирским голосом произнес Гуннар, словно поднимал роту в атаку.

Мощный «ягуар» рванул с места с такой силой, что Герлофа прижало к сиденью.

– Тебе к сроку, Герлоф?

– Не то чтобы, но хотелось...

– Вот и хорошо. Тогда успеем глянуть на одну штуку.

Они уже выехали на большую дорогу, и Юнгер свернул – но не на север, на Марнес, а на юг.

– Знаешь, меня там... – начал было Герлоф, но Юнгер его прервал:

– А как дела с корабликами?

– Хорошо, – соврал Герлоф. За последние дни он даже не прикасался к инструментам. Даже не вспоминал про заказ. – Приезжай как-нибудь, покажу.

Юнгер кивнул. Они проехали по шоссе всего несколько сотен метров. И Юнгер свернул к морю, на каменистый проселок.

– А знаешь, я что подумал? Еще не поздно корпуса сделать красными? Если можно, мне кажется, красиво получится.

– Почему же нет? Сделаем. – Герлоф кивнул. – Гуннар... а куда мы, собственно, едем?

– Здесь недалеко. Скоро будем на месте.

И замолчал, поглощенный дорогой, – то и дело приходилось объезжать ухабы, рытвины и валяющиеся камни. Герлоф тоже замолчал, следил за монотонными движениями стеклоочистителей.

Взгляд его упал на консоль между сиденьями. Там лежал мобильный телефон Гуннара – черный, с серебряной окантовкой, намного меньше и изящнее, чем Герлофу приходилось до этого видеть. Вдвое меньше, чем был у Юлии.

– Куда мы едем, Гуннар?

Юнгер не ответил – похоже, он уже не слушал. Продолжал объезжать ямы и слегка улыбался.

У Герлофа внезапно вспотел лоб.

Надо срочно что-то сказать, что-то легкое... спросить, как идут дела в отеле. Но он настолько устал, что в голову ничего не приходило.

И он задал первый попавшийся вопрос.

– Ты когда-нибудь был в Южной Америке, Гуннар?

Продолжая улыбаться, Юнгер покачал головой.

– Никогда. Только в Центральной. Южнее Коста-Рики ни ногой.

Эланд, сентябрь 1972 года

Нильс прилип к пассажирскому окну синего «вольво». Они едут по новому мосту, и с самой высокой его точки весь Кальмарский пролив, наверное, виден как на ладони. Но не сейчас – над водой колеблется густая серебристая дымка, медленно движущаяся к острову.

– К вечеру будет туман... – говорит он.

– Мы надеемся.

– Мы? Ты не один?

– Скоро увидишь, – кивает Фритьоф.

Нильс пытается расслабиться. Он смотрит вниз, и ему кажется, что если приглядеться, можно увидеть себя самого тем майским днем. Вот он плывет, рискуя жизнью, через широкий пролив. Ему тогда не было и двадцати...

Как удалось доплыть? Ведь вода была очень холодная... сейчас ему сорок шесть, и он уверен, что не проплыл бы и ста метров.

А сейчас этот многокилометровый мост – огромный... сотни, а может, и тысячи тонн металла и бетона, широкий, как автомагистраль. Нильс никогда даже в мыслях не имел, что его остров станет частью континента.

– А мост давно построили?

– Совсем новый.

Фритьоф приехал в Йончёпинг вчера вечером. Молча протянул Нильсу темные брюки, куртку и черную вязаную шапочку. «На лоб надвинешь», – только и сказал он. И замолчал.

Куда делся веселый и обаятельный Фритьоф Андерссон, тот, который нашел его в Коста-Рике больше десяти лет назад? Исчез... исчез с того самого дня, когда они утопили смоландского моряка. После этого отношение Фритьофа к нему резко изменилось – он обращался с Нильсом, как с частью багажа, с неодушевленным предметом. Перевозил его из одной страны в другую, снимал дешевые квартиры или номера в отелях для холостяков и звонил пару раз в год, не чаще.

А вчера опять завел разговор про клад. Где камни? В доме?

Нильс покачал головой и решил:

– В альваре. В одном из старых памятных курганов. Поедем вместе и заберем.

– Хорошо, – кивнул Фритьоф и опять замолчал.

Господи, сколько же он ждал этого дня! И вот он уже...

– Никуда я из дому не выйду, – мечтательно говорит Нильс и закрывает

глаза.

Они съехали с моста где-то рядом с Ферьестадом. Вот я и на Эланде.

– Никуда из дому не выйду, – повторяет Нильс. – Буду с матерью, и никто меня даже и не увидит... Она ведь здорова? Вера – она все еще... ничего?

– Ничего, ничего...

Фритьоф жмет педаль газа, машина набирает скорость – и они вылетают в альвар под Боргхольмом.

Очень много изменилось за его отсутствие. Стало больше кустов, деревьев, узкий проселок превратился чуть не в автомагистраль – продолжение величественного моста. Железнодорожные пути исчезли. Ряды ветряных мельниц вдоль берега тоже исчезли – только несколько штук, да и те, похоже, оставлены как декорации.

Людей стало меньше, а домов больше, особенно у воды.

– Кто здесь живет?

– Дачники, – коротко отвечает Фритьоф. – Зарабатывают деньги в Стокгольме, а летние дома покупают на Эланде. Удобно – на машине через мост и загорай весь отпуск. А потом поскорее домой – зарабатывать деньги. На зиму не остаются – здесь холодно и тоскливо.

Фритьоф, похоже, полностью разделяет точку зрения этих неведомых Нильсу дачников – зимой на Эланде холодно и тоскливо.

Нильс молчит. Наверное, Фритьоф прав. Пока они ехали на остров, он не видел ни одной попутной машины. Ну, не то чтобы ни одной, ехал за ними какой-то грузовик, но сразу за мостом свернул. Все машины идут навстречу. Лето кончилось, наступила осень.

Развалины боргхольмского замка, слава богу, не снесли. Но и никаких попыток реставрации не делали – замок стоит, как стоял, и смотрит со скалы пустыми глазницами выбитых окон.

На въезде в Боргхольм туман заметно сгустился. Фритьоф снизил скорость и, ничего не объясняя, заехал на маленькую стоянку.

– Вот так, – пробормотал он. – Я, по-моему, говорил, что у нас есть попутчики.

Открыл дверцу и помахал кому-то рукой.

Нильс оглянулся – к машине приближался человек, на вид лет пятидесяти. Серый шерстяной свитер, дорогие габардиновые брюки и начищенные кожаные башмаки, похоже, тоже дорогие. Надвинутая на глаза шляпа.

– Опаздываете, – кивнул он Фритьофу.

У незнакомца нет никакого багажа, только дымящаяся сигарета в руке.

Он затягивается последний раз, и прежде чем выбросить окурок, беспокойно озирается.

– Нильс, тебе лучше сесть на заднее сиденье, – говорит Фритьоф. – Чтобы тебя никто не видел. Особенно, когда въедем в Стенвик.

Он выходит из машины и направляется к телефонной будке поодаль. Сует в щель монету и после очень короткого, буквально несколько слов, разговора вешает трубку. Нильс тоже выходит. Незнакомец в дорогих башмаках затаптывает окурок каблуком, смотрит на него и молча садится на переднее сиденье. Мог бы и поздороваться.

А Нильс садится в машину не сразу. Он не может отказать себе в радости пройти несколько метров по острову. По своему острову... Он вернулся. Наконец-то он вернулся!

По дороге пронеслись две машины и исчезли в тумане – Нильс успел заметить только бледные лица пассажиров, и ему показалось, что они его разглядывали.

– Садись в машину! – Тон у Фритьофа явно раздраженный.

Нильс медленно подходит к машине и слышит, как незнакомец обращается к Фритьофу:

– Все в порядке, Гуннар? – и только тут замечает подходящего Нильса. Быстрый, недовольный и виноватый взгляд на Фритьофа – проговорился.

Фритьоф улыбается.

– Неважно. С таким же успехом можем познакомиться. Меня зовут Гуннар, а это Мартин. А на заднем сиденье – знаменитый Нильс Кант. Мы же доверяем друг другу, правда?

– Еще бы.

Нильс коротко кивает и закрывает за собой дверцу.

Значит, Фритьофа зовут Гуннар. И опять, уже в который раз, Нильсу кажется, что он когда-то его видел, но не может вспомнить, когда и где.

– Ну что ж, поехали в Стенвик, – говорит новоявленный Гуннар.

Они проезжают через Боргхольм – крохотная деревушка по сравнению с Мехико-сити, успевают подумать Нильс и начинает узнавать пейзаж. Но туман все сгущается, он уже не выписывает над альваром призрачные восьмерки, а стоит сплошной седой пеленой.

Гуннар знал, что будет туман. Внимательно смотрел прогнозы, поэтому и выбрал этот день. Предусмотрительный... а что еще он предусмотрел?

К северу от Чёпингсвика пришлось включить противотуманные фары. Из марева тумана выплывали желтые указатели с названиями знакомых деревень. Но важнее всего для Нильса другое – луга, бурьян, низкие каменные изгороди, начинающиеся от дороги и кончающиеся неизвестно

где – в тумане.

И альвар, его альвар... он так же красив и бесконечен, та же жженная охра и хаки осенней травы, серо-розовые вросшие в землю валуны, то же огромное небо... Наконец-то он дома.

Они едут молча. Проходит четверть часа, и Нильс видит указатель, который снился ему все эти годы. СТЕНВИК. А под ним стрелка и надпись: КЕМПИНГ. Подумать только, в Стенвике появился кемпинг. Когда?

Они проезжают мимо поворота на Стенвик.

– Заедем с севера, – говорит Гуннар. – Не стоит рисоваться в поселке.

Через несколько минут они сворачивают. На перекрестке стоит полусгнивший деревянный прилавок. Вот-вот развалится. Когда-то здесь шла бойкая торговля, прилавок был уставлен молочными флягами с окрестных ферм.

Почти все изменилось на Эланде за двадцать пять лет, но северный въезд остался таким же, каким был, – узкий, извилистый проселок, небрежно посыпанный щебенкой. Канавы заросли травой.

Гуннар останавливает машину, и они оба, и он и Мартин, поворачиваются к Нильсу.

– Значит, так, – говорит Гуннар. – Мы доставили тебя в Стенвик. А сейчас едем к кургану копать твои сокровища. Или как?

– Сначала я хочу увидеть мать, – твердо говорит Нильс.

– Вера никуда не убежит, Нильс. Ждала столько лет, подождет еще полчаса. К тому же лучше дождаться темноты.

– Но камни поделим. Не все вам.

– Само собой. Но пока нечего делить.

Нильс пристально смотрит на него еще несколько секунд. Туман, похоже, стал еще гуще. Скоро начнет смеркаться.

Ладно. Он отдаст им половину трофея, и они квиты.

– Надо найти что-то, чем копать.

– Само собой, – опять кивает Гуннар. – В багажнике есть лопата и лом.

Нильсу не по себе. Он один, а их двое. Точно так же, как тогда, на берегу Карибского моря, – их было двое, а смоландец один. Разница только в том, что тот верил своим новым друзьям, а Нильс – нет.

Гуннар предусмотрительно не ставит машину на дороге – они сворачивают в узкий прогал в каменной изгороди и попадают в другой мир. В альвар.

Нильс оборачивается – за спиной тоже туман. Дорога к дому в тумане не видна.

Куда вез его Гуннар Юнгер, Герлоф не имел ни малейшего представления. Он сидел молча и смотрел в окно. Робкие попытки начать разговор ни к чему не привели – Юнгер просто-напросто не отвечал. Жара в машине тропическая, Герлоф расстегнул пальто и с трудом стащил его с себя. Он мог бы попытаться приструнить пышущий жаром вентилятор сам, но не знал как. Сплошная электроника, а Гуннар и не собирался приходить ему на помощь.

Места ему были знакомы – восточное побережье к югу от Марнеса. Гуннар вел машину по широкой, примерно полуметровой высоты, насыпи – все, что осталось от железной дороги. Рельсы и шпалы сняли и увезли, а насыпь осталась.

Он посмотрел на часы – уже почти пять.

– Все, Гуннар, мне надо возвращаться, а то меня там начнут с собаками искать.

Юнгер кивнул.

– Очень может быть... Но здесь-то они тебя искать не станут. Или как?

Угроза была настолько явной, что Герлоф схватился за ручку и попытался открыть дверь. Скорость была невелика, он мог бы попробовать вывалиться из машины без больших повреждений и как-то добраться до большой дороги, может быть, даже до темноты. Но дверца не открывалась. Юнгер каким-то образом запер ее изнутри. Опять эта чертова электроника.

– Гуннар, выпусти меня немедленно, – попробовал сказать Герлоф капитанским голосом – был же он когда-то капитаном.

– Скоро выпущу, – кивнул Юнгер.

Когда-то прогал в каменной изгороди был закрыт железной решеткой, чтобы скот не убежал в альвар, но сейчас она валялась на земле, ржавая и искореженная. «Ягуар» медленно переполз через решетку – и сразу показалось море. Серое, холодное море, сливающееся на горизонте с сумеречным небом.

– Как это понимать, Гуннар?

– Признаться честно, я ничего такого не планировал. Ехал за автобусом из Боргхольма, а ты вдруг сошел у поворота. Обогнул Стенвик с севера и подобрал тебя на дороге, вот и вся хитрость. – Гуннар помедлил. – Что ты делал сегодня у Мартина Мальма, Герлоф?

Вот так. Разоблачен.

– У Мартина? – переспросил он, чтобы выиграть время. – То есть как – что я там делал?

– Ты и Йон Хагман. Ты вошел в дом, а Йон ждал тебя в машине. Или как?

– А, ты про это... Поболтали немного. Почему бы не поболтать двум старым морякам? Не повспоминать прошлое? А тебе-то откуда это известно?

– Пока вы вспоминали прошлое, мне на мобильник позвонила Анн-Бритт. Что-то ей не нравится, что к ее мужу зачастили старые моряки... сначала Эрнст Адольфссон, теперь ты. Причем второй раз. Забегались.

– Значит, вы с Анн-Бритт приятели...

– Собственно, приятели мы не с ней, а с Мартином. И даже не приятели, а... как бы это сказать... компаньоны. Партнеры. Но он сейчас, как ты понимаешь, пустое место, и делами фирмы занимается Анн-Бритт. И с кем же ей посоветоваться, как не со мной? Или как?

Герлоф откинулся на сиденье. Притворяться не было смысла.

– Компаньоны, понятно... И ведь давно уже? С пятидесятих, я думаю...

Он сунул руку в портфель и достал книгу. И она опять сама открылась на нужной странице.

– Я показал этот снимок Мартину... И сам смотрел на него сто раз, пока до меня не дошло...

– Вот как? – Гуннар свернул к небольшой рощице. До моря оставалось не больше ста метров. – И что же до тебя дошло?

– Два человека, крупный фабрикант Август Кант и владелец небольшой грузовой баржи Мартин Мальм, стоят на пирсе в Рамнебю. За ними – группа молодых рабочих с лесопилки. И смотри-ка, Август дружески положил руку на плечо Мартина. Идиллические отношения. Но ведь это рука не Августа. Это рука человека, который стоит *за спиной* у Мартина. И заметил я это только полчаса назад, в автобусе.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – насмешливо сказал Гуннар. – Я не переврал поговорку?

Заросший пустырь, а за ним – каменистый берег с островками песка. Дождь не прекращался.

– А рабочего, который стоит за спиной у Мартина, зовут Гуннар Юханссон. Вернее, звали. Потом он сменил фамилию. – Герлоф решил, что ему нечего терять, и передразнил постоянную присказку Гуннара: – Или как?

– Не совсем. Я тогда был уже не рабочим, а бригадиром. А насчет фамилии – так и есть. Я стал Юнгером, когда переехал на Эланд.

Он остановил машину, повернул ключ зажигания, и в машине стало

неправдоподобно тихо.

– Этот снимок вообще случайно попал в книгу. Это Анн-Бритт... если бы я знал, я бы его выкинул. А так – увидел, когда книга была уже напечатана. Но узнали меня только двое – ты и Эрнст Адольфссон. Эрнст, как оказалось, помнил меня еще по школе...

– Чему тут удивляться? Я и не знал, что он вырос в Рамнебю. Теперь знаю, ему-то было легко тебя опознать, а я тебя никогда и не видел в молодости. Но вот что мне интересно...

Герлоф прекрасно понимал – Юнгер собирается его убить, как убил Эрнста, поэтому продолжал разговор – только чтобы оттянуть неизбежное...

– Мне интересно... значит, ты был бригадиром на лесопилке и наверняка слышал истории про непутевого, мягко говоря, племянника директора. Про Нильса Канта. И тебе пришла в голову мысль...

– Я с ним встречался, – прервал его Юнгер-Юханссон.

– С кем? С Нильсом?

– С Нильсом, с Нильсом, – покивал Гуннар. – Я начинал подмастерьем, в общем, мальчишкой на побегушках. Пришел на лесопилку сразу после войны. А Нильс как раз бежал с Эланда и, натурально, искал дядю. Прятался в кустах, надеялся, наверное, что тот появится. А тут я подвернулся. Он ко мне – позови, мол, директора Канта. Ну, пошел я к директору, а тот говорит – знать его не хочу. Дал мне пять сотенных – отдай ему и пусть убирается. Я три сотни Нильсу отдал, а пару заначил. – Юнгер улыбнулся воспоминанию. – До конца лета жил, как барин. Тогда это были большие деньги. Или как?

– Да... значит, ты рано понял, что на Нильсе можно заработать, – задумчиво сказал Герлоф, глядя, как быстро покрывается каплями дождя ветровое стекло. Скорее всего, это последний в его жизни дождь.

– Да... но не знал сколько. Понятия не имел. Ну, думал, отхвачу несколько тысяч – пошлют меня за океан, когда все уляжется, привезу Нильса. Предложил Августу... Позже уже, намного позже, когда стал бригадиром. А он говорит – ни в коем случае. Вовсе ему не хотелось, чтобы паршивая овца семейки Кант опять перед глазами маячила.

Он нажал кнопку, и в дверце что-то щелкнуло.

– Теперь открыто. Выходи.

– Но ты не сдавался. – Герлоф посмотрел на Юнгера: – Август отказал, ты пошел к мамаше. А та, конечно, согласилась... – Он подумал секунду и опять добавил: – Или как?

Гуннар вздохнул, словно перед ним был непослушный ребенок.

– Благодаря Вере я узнал по-настоящему этот красивый остров. В первый раз я приехал сюда летом пятьдесят восьмого. Переправился паромом, а потом на поезде. Железная дорога уже в то время на ладан дышала, да и судоходство тоже. Многие считали, что Эланду пришел конец, что остров умирает... Но шли разговоры, что есть планы построить мост на континент. Нормальный мост – уезжай и приезжай, когда хочешь. И люди с материка тоже могут приехать...

– Те, кто побогаче, – уточнил Герлоф.

– Вот именно... а я посмотрел – тут же у вас солнце не такое, как везде, летом освещение... да сюда одних художников понаедет не считано... А пляжи какие! И ни одного туриста. Так что еще до того, как я постучал к Вере в дверь, задолго до того, уже начало кое-что вырисовываться. – Он жалостливо вздохнул. – Бедная Вера... как она страдала без сына! Одинокая, несчастная...

– И очень богатая, – вставил Герлоф.

– Не настолько, как многие считали. Каменоломня уже никому была не нужна, вот-вот закроется, а к семейной лесопилке брат ее и близко не подпускал.

– Земли у нее было полно... – устало сказал Герлоф. – Прибрежные участки.

Интересно, какую смерть уготовил ему Гуннар? Может, у него с собой оружие? Или просто возьмет один из камней, которые валяются вокруг, и разможжит ему череп, как Эрнсту?

– Это да... земли у нее хватало. Думаю, никто в Стенвике даже не знал, сколько именно. И на севере, и на юге, и в основном прибрежные участки. Конечно, большой ценности эти владения не представляли... пока им не нашлось применение. Но человеку с соображением сразу ясно – если чуть благоустроить, цены не будет этим участкам. – Он методично застегнул куртку и добавил: – В пятидесятые годы здесь дач почти и не было. Но я-то сообразил, что через пару лет землю эту будут с руками отрывать. Да еще и отель можно построить, рестораны... А когда мост будет, цены взлетят до небес.

– Значит, Лонгвик ты получил от Веры?

– Что значит – получил? Не получил, а купил. Купил все ее земли, совершенно законно. Правда, за смешные деньги, которые, если быть честным, я тоже взял займы у Веры. Но документы все в полном порядке.

– А Мартин Мальм тоже взял займы? На океанский сухогруз?

– Вот именно. Мне нужен был надежный помощник – и тут подвернулся Мальм. Он перевозил пиловочник с нашей лесопилки. Один

из многих. Нужно было ни больше ни меньше как доставить гроб с телом Нильса с другого конца земли, а потом и самого Нильса. Живого. Вся эта история, ясное дело, заняла немало времени. Я тянул, сколько мог, потому что понимал – как только Нильс вернется, Вера пошлет меня подальше, и денег ее мне не видать, как своих ушей.

Он довольно улыбнулся:

– Выходи.

Герлоф посмотрел сквозь стекло. Пустырь на берегу моря, пустырь как пустырь, пожухлую траву прибило дождем к земле.

– И что здесь у тебя?

– Ничего особенного. – Юнгер вышел из машины. – Сам увидишь.

– Давай, Герлоф, выскакивай.

Гуннар Юнгер открыл перед Герлофом дверцу и нетерпеливо ждал, пока тот выберется из машины.

– Погоди-ка, я возьму...

– Пальто тебе не пригодится, Герлоф. – Гуннар поднял руку в перчатке. – Ты ведь согрелся, или как?

Не меньше чем на пятнадцать лет моложе, здоровенный, широкоплечий – у Герлофа не было никаких шансов. Гуннар взял его за руку и выдернул из машины.

Сам так и остался в желтой куртке с черным логотипом на спине – «Лонгвикский конференц-центр».

– Пошли.

Он захлопнул за Герлофом дверцу и нажал какую-то кнопку на брелоке от ключей. Машина пискнула, и все замки одновременно чмокнули и закрылись.

Герлоф уже перестал чему-нибудь удивляться, для него вся эта... электроника была равносильна черной магии. Он успел взять палку, а портфель с книгой так и остался на полу в машине. Сделал несколько шагов и тут же понял, что задумал Гуннар.

Первые мгновения было даже приятно – выйти на свежий воздух после сауны, которую устроил в машине Гуннар. Но Герлоф понимал – без пальто ему конец. Один-два градуса, ледяной ветер с моря, мелкий колючий дождь.

– Погляди-ка, Герлоф, – Гуннар прошел немного вперед и показал на каменную стену, за которой виднелось несколько вязов, а у самой стены росло кривое, уродливое дерево. – Ты видишь, что это?

Герлоф, опираясь на палку, подошел поближе.

– Яблоня, – тихо сказал он.

– Правильно, старая яблоня. – Гуннар вернулся, взял его за руку, потащил к берегу и показал на какой-то куст. – А вот это? Теперь уже и не поймешь. Крыжовник. И что все это, по-твоему, значит?

– Заброшенный сад.

– Догадался, молодец. Если копнуть, найдешь остатки фундамента. Я открыл это место несколько лет назад. Здесь никогда никого нет, даже летом... – Он опять поглядел на умирающую яблоню. – А почему? Иногда я приезжаю сюда и думаю – почему? Люди, которые здесь жили, – почему

они не остались в таком чудесном месте?

– Бедность, – буркнул Герлоф. Он пытался держаться прямо, унять дрожь и не качаться – но получалось плохо. Его начал пробирать холод. Тонкая сорочка и нижняя рубашка под ней – вот и все, что на нем было.

– Да, бедность... это уж точно – богатыми они не были. Скорее всего, сели на пароход и эмигрировали куда-нибудь... как Нильс Кант и еще тысячи. С Эланда очень многие уехали. Но я не про то... уехали и уехали. А главное вот что: никто, ни один человек не разглядел, какие возможности таит ваш остров. Олухи. Или как?

Герлоф согласно кивнул. Пусть несет, что хочет.

– Или как, – сказал он. – Я хочу в машину.

– Заперто, – ухмыльнулся Гуннар.

– Я замерзну насмерть.

– Тогда иди домой в Марнес. – Юнгер показал на каменную изгородь. – Там есть прогал, а за ним тропинка, мимо заброшенной танцплощадки. Тут всего-то пара километров, если по прямой... Если бы ты, скажем, был птичкой. А так-то, конечно, побольше.

Герлоф с трудом удерживал равновесие под порывами ветра. Но сейчас ему было на это наплевать.

– Об этом знаю только я, Гуннар.

Юнгер молча смотрел на него.

– Я тебе уже говорил... до меня только сейчас, в автобусе, дошло, что это именно ты стоишь за спиной у Мартина.

– Эрнст тоже размахивал этим снимком, – пожал плечами Гуннар. – Он много чем размахивал – старые купчие, и все такое прочее... Меня так легко не испугаешь.

– Он меня опередил, – вяло подтвердил Герлоф. – Я-то думал, Эрнст мне все рассказывает, а как оказалось, нет. Не все.

– Конечно, не все, – рассмеялся Гуннар, – потому что его каменоломня интересовала. Он хотел ее у меня купить за символическую сумму... а в обмен помалкивать про мои с Верой земельные сделки.

– Не так уж много он хотел.

– Не скажи, Герлоф, не скажи. Сейчас, может, эта каменоломня гроша ломаного не стоит, а в будущем... Скажем, казино в гротах и пещерах... неплохо, а? Или как? Так что я отказался. И вообще, если вы, старые дураки, думаете, что кого-то еще интересуется эта древняя история, то вы глубоко ошибаетесь.

– Тебя-то она интересуется, Гуннар. Иначе бы ты меня сюда не привез.

– В какой-то степени... зачем мне выжившие из ума пенсионеры,

которые болтают на всех углах невесть что? У меня на Лонгвик большие планы, сейчас в строительной комиссии лежит большой проект. Предстоят серьезные инвестиции. Шестьдесят участков на продажу в ближайшие полгода... ты хоть соображаешь, что это за деньги?

Герлоф кивнул – очень даже соображаю.

– Я тебе уже сказал – никто, кроме меня, не знает. Ни Йон, ни дочь.

– Это очень благородно с твоей стороны, Герлоф, – все взять на себя, – спокойно, даже добродушно улыбнулся Юнгер. – И знаешь, я тебе верю.

– А Веру Кант ты тоже прикончил?

– Да ты что? Она с лестницы свалилась и сломала шею. Я так слышал. Я вообще никогда никого не убивал.

– Ты убил Эрнста Адольфссона.

– Нет... Мы поспорили – это да. Потом спор перешел в ссору.

– И он толкнул одну из своих скульптур с обрыва...

– Да, именно так. Он меня толкнул, потом я его толкнул – и он оступился, полетел с обрыва... хотел удержаться, ухватился за эту церковь каменную, а она его там и накрыла. Несчастный случай, полиция права.

– Ты убил Нильса Канта.

– Нет.

– Значит, не ты, а Мартин. А Йенс? Кто из вас убил Йенса?

Улыбка исчезла с лица Юнгера. Он посмотрел на часы и повернулся.

– Йенса кто убил, я спрашиваю? Он наткнулся на вас в альваре... в тумане. Чем Йенс-то был вам опасен? Пятилетний мальчонка?

– Оставим эту мрачную тему, Герлоф. Мне пора, у меня еще куча дел.

Наверняка так оно и есть. Куча дел. Убить Герлофа – только один из пунктов повестки дня.

Он прикрыл глаза от дождя. Стоять становилось все труднее, долго он не выдержит. Только бы не упасть на колени перед этим подонком... нельзя терять достоинство.

– Я знаю, где драгоценности, – сказал он.

Он с трудом сделал несколько шагов к машине. Подойти бы поближе и шарахнуть палкой по его сволочному «ягуару».

Юнгер, не отпуская дверную ручку, внимательно на него посмотрел.

– Драгоценности?

– Военный трофей. Те, что Нильс взял у убитых немцев. Помоги мне сесть в машину, поедем и заберем.

Гуннар опять улыбнулся и покачал головой.

– Спасибо за предложение. Я сто раз спрашивал Нильса об этом кладе... не столько я, сколько Мартин хотел до него добраться. К тому же

неизвестно – может, там просто стекляшки. А мне Вериной земли хватило выше головы.

Он быстро открыл дверцу и устроился за рулем.

Мотор заурчал почти бесшумно.

Юнгер отъехал как раз в тот момент, когда Герлоф подошел совсем близко и уже поднял палку.

Слишком поздно. И опять он пренебрег запретом матери и вслух упомянул черта.

Что он может сделать? Ничего. Он стоял, дрожал от холода и еле удерживался, чтоб не заплакать от бессилия. Палку он опустил. Юнгер даже не удостоил его взглядом – «ягуар» задом выезжал на проселок. Ему было не до Герлофа – вывернул шею и глядел назад.

Машина, мягко покачиваясь, выбралась на дорогу. Юнгер включил передачу. Довольно далеко, у насыпи, он остановился и выбросил портфель и пальто.

В ушах у Герлофа свистел ветер, сорочка насквозь промокла.

Он замерз и ослабел, и понимал, что ему ни за что не дойти не только до Марнеса, но и даже до насыпи, где валялось его пальто.

Осторожно перебирая ногами, чтобы не упасть, он повернулся. Участок, про который рассказывал Юнгер, в пятидесяти метрах, не больше. Там, по крайней мере, можно укрыться от ветра за каменной изгородью.

Ты еще жив, сказал он себе. А раз жив, иди.

И он пошел. Несколько раз терял равновесие, и если бы не палка, упал бы навзничь. Свободную руку прижал к груди – хоть какое-то тепло.

Идти было трудно еще и потому, что тропинка была покрыта неутрамбованной щебенкой – крупной и неровной. Никаких следов машина Юнгера на ней не оставила – там, подальше, может, и есть какой-то след протекторов, но дождь все размочит. Нечего на это надеяться. Появилось ощущение, будто вовсе не Юнгер привез его сюда, а он сам, Герлоф, пришел по своей воле.

«У полиции нет оснований подозревать преступление», вспомнил он газетную рубрику в «Эландс Постен» про замерзшего старика. Точно так напишут и про него, когда найдут. Если найдут...

Небо постепенно темнело.

Не торопиться. Торопиться некуда. Шаг. Еще шаг. Герлоф дрожащей рукой вытер лоб – дождь не прекращался.

Он приближался к берегу. С каждым шагом все слышнее становились мощные, ритмичные вздохи прибоя и шипение уходящих волн. Над водой парила чайка. Она тоже, как и Герлоф, покачивалась от ветра. Он

пригляделся и различил на горизонте серый силуэт идущего на север большого сухогруза. Можно кричать и махать руками сколько угодно – никто тебя не увидит и не услышит.

Как ни странно, он, изъездивший в свое время весь остров, никогда не был здесь, на этом чахлам прибрежном пустыре. Ему вдруг страстно захотелось увидеть скалистый берег в Стенвике, с его суровой, мрачноватой красотой. Здесь все было плоско и уныло – полегшая мокрая трава, чахлые кусты и деревья. Восточный берег куда менее красив, чем западный.

О чем я думаю... он даже укоризненно покачал головой.

Дорожка кончилась. Дальше шла узкая, еле различимая в разросшейся траве тропинка. Он с трудом продирался через бурьян. Если бы не палка, он бы давно уже лежал на земле, и вряд ли у него нашлись бы силы подняться. Особенно тяжело было удержаться на ногах, когда налетали порывы ветра. Но Герлоф упрямо шел – шагнул, переставил палку, удержал равновесие. Шагнул, переставил палку, опять шагнул...

Наконец он добрался до яблони. На эти несколько метров ушли почти все силы.

Несчастливая яблонька, исковерканная постоянными ветрами с моря. Листья давно опали, и надежды защититься от дождя у Герлофа не было никакой. Но, по крайней мере, если зайти с подветренной стороны и прислониться спиной к стволу, дуть будет поменьше.

Он так и сделал. Полез в карман за платком и наткнулся на что-то твердое.

Черный мобильный телефон Гуннара Юнгера.

И Герлоф тут же вспомнил – телефон лежал между сиденьями. Когда Гуннар вышел, чтобы открыть его дверцу, он, уже понимая, что его ждет, сунул телефон в карман.

И что? Он все равно понятия не имел, как пользоваться этим крошечным загадочным аппаратом. Попробовал набрать номер Йона Хагмана, послушал – молчок.

Он медленно опустил мобильник в карман.

Он еще должен быть благодарен Юнгеру, что тот оставил ему башмаки – без них он бы не смог сделать ни шагу.

Ну нет. Благодарить? Герлоф никогда и ни к кому не испытывал такой ненависти, как к Гуннару Юнгеру-Юханссону.

Деньги и земля. Земля и деньги – только это и имеет значение. Мартин Мальм получил деньги на корабль, а Гуннар Юнгер отобрал у Веры Кант все ее земли. И Лонгвик. Он-то знает, как делают деньги.

Долгие годы эти двое обманывали и Веру Кант, и ее сына.
И Герлофа.

Теперь он знал почти все. Он же и поставил себе такую цель – узнать, что тогда произошло. Но теперь это знание ни к чему.

Все эти годы ему больше всего хотелось собрать всех участников тогдашних событий, подробно рассказать, что случилось, как погибли Нильс Кант и маленький Йенс, и в конце эффектным жестом указать на преступника. Возбужденные голоса, охи и ахи, убийца теряет самообладание, пытается бежать, но его задерживают. Аплодисменты, конец фильма.

Ты просто хочешь выглядеть значительным, бросила ему как-то Юлия. Наверное, так и есть. Ощущать себя важным, незаменимым... а не полумертвым и всеми забытым пенсионером.

А как он сейчас себя ощущает? Именно так. Полумертвым и всеми забытым. Жизнь – это свет и тепло, но уже сумерки, света все меньше, а тепло покидает его с каждой минутой. А значит, и жизнь. Ноги заledenели, руки уже ничего не чувствуют. Холод парализующий, и в то же время расслабляющий... и необъяснимо приятный.

Он закрыл глаза. Перед глазами встала картина – отъезжающий «ягуар» Гуннара Юнгера. Он выбросил его пальто и портфель – оставил ложный след. Тем, кто его найдет, наверняка придет в голову самое простое объяснение: впавший в детство старикан вышел из автобуса, заблудился, пошел не в ту сторону и, мало что соображая, начал раздеваться. И замерз, бедняга.

Гуннару надо не только уморить Герлофа, ему надо, чтобы Герлоф выглядел идиотом.

Он обратил внимание, что дышит не так, как всегда, – часто и поверхностно. И когда же организм сдастся? Где-то он читал, что смерть от переохлаждения наступает, когда температура крови снижается до тридцати градусов.

Что-то надо сделать... доковылять до берега и написать послание на песке? ГУННАР ЮНГЕР – УБИЙЦА. Или что-то в этом роде. Огромными буквами, прокопать поглубже, чтобы дождь не смыл. Но он понимал, что до берега не дойдет.

Его положение напоминало положение человека за бортом. Упал с корабля в ледяную воду, и никто не заметил. Холодно, мокро, одиноко – и удаляющиеся бортовые огни твоего родного корабля. Герлоф за всю свою жизнь так и не научился плавать, и больше всего боялся упасть в воду. Для него это был бы конец. Он вспомнил Элли. Почему-то ему казалось, что,

когда он будет умирать, обязательно почувствует ее присутствие. Но нет, Элла пока не появилась.

А Юлия? Она все еще в Боргхольме? Может быть, именно сейчас она едет по шоссе в полицейской машине Леннарта Хенрикссона. Хоть бы этот подонок Юнгер оставил ее в покое.

Глупо стоять, когда можно сидеть, а еще более глупо сидеть, когда можно лежать. Где-то он вычитал эту фразу и запомнил, а вот где – испарилось из памяти.

Ноги уже не держали. Он медленно сполз спиной по стволу и сел. Шершавая кора больно оцарапала спину, и он в ту же секунду понял, что без посторонней помощи не встанет уже никогда.

Он сделал решающую ошибку. Нельзя было садиться. Теперь, когда он сел, рано или поздно захочется прилечь и заснуть. Навсегда.

Хоть бы не спать. Это было бы еще большей ошибкой.

Но несколько мгновений-то можно отдохнуть? Или как? – с отвращением вспомнил он присказку Гуннара.

И закрыл глаза.

Эланд, сентябрь 1972 года

Гуннар не соврал – в багажнике «вольво» лежат две лопаты и ломик.

– Приехали, – говорит он. – Куда дальше?

Нильс осматривается. Знакомый запах трав, упорно цепляющихся за скудную, каменистую землю, можжевельниковые кусты, тут и там валуны, еле заметные тропы – все, как в юности. Но он не узнает местность. Туман искажает перспективу, далекое кажется близким, близкое – далеким, а приметы, по которым он безошибочно ориентировался в юности, то ли исчезли, то ли просто не видны в тумане.

– Надо идти к кургану, – тихо произносит он.

– Это мы знаем, ты еще вчера говорил, – в голосе Гуннара звучит раздражение. – А где он, этот твой курган?

– Где-то здесь.

Нильс отходит от машины, но Мартин, который за все время поездки не сказал ни слова, в два прыжка догоняет его и прикуривает очередную сигарету. К ним присоединяется и Гуннар.

Нильс замедляет шаг – норовит на всякий случай оказаться позади этих двоих, быть готовым к любой неожиданности.

Был ли когда-нибудь на острове такой туман? Он не помнит. Когда он подростком бродил по альвару, всегда светило солнце. Ему холодно – тонкий свитерок и легкая кожаная куртка, может, и защищают от ветра, но от холода – ничуть.

Гуннар остановился и повернулся к нему. Он стоит в двух метрах, но Нильс различает только размытые контуры темной фигуры, как на матовом стекле отцовского старинного фотоаппарата, пока не наведешь резкость.

– Как бы тебя не потерять, – говорит Гуннар и, не дожидаясь, пока Нильс его догонит, идет дальше.

Перламутровый туман постепенно становится грязно-серым. Смеркается. Домой придется добираться уже в темноте. Интересно, знает ли мать, что он вернулся?

Под ноги ему попадает плоский, почти треугольный камень – и он внезапно понимает, где он. Этот камень он помнит.

– Левее, – говорит он уверенно.

Гуннар, ни слова не говоря, поворачивает налево.

Глухой звук в тумане. Или ему кажется? Машина в поселке? Он прислушивается. Нет, все тихо.

Они где-то близко. Мартин и Гуннар останавливаются у поросшего

травой холмика. Нет... скорее всего нет. Где-то здесь... но он не видит знакомых контуров кургана.

– Пришли... – коротко говорит Гуннар.

– Нет... не думаю.

– Да. – Он носком ботинка сбивает пласт дерна. Под землей камни.

И только сейчас Нильс понимает, что никакого кургана уже нет. Тех, кто приносил сюда камни, кто помнил, кто здесь погиб и почему, – тех уже давно нет. Кто умер, кто уехал... и камни поросли травой забвения, вспомнил он где-то слышанное выражение. В буквальном смысле – поросли травой.

В последний раз он был здесь, когда закапывал свой клад. Как молод был он тогда... и чуть ли не горд, что пристрелил этих немцев.

А потом все пошло наперекосяк. Все без исключения.

– Копай вот тут, – показывает он.

Нильс посмотрел на Мартина – тот дрожащими руками прикуривает еще одну сигарету, какую же по счету? Почему он так нервничает?

– Копай же. Клад сам оттуда не выскочит.

Он огибает холмик и слышит за спиной характерный сухой треск рвущейся под штыком лопаты травы.

Нильс вглядывается в туман – никого.

Мартин уже выкопал глубокую канаву. Гуннар с ломом то и дело помогает ему выкорчевать вросшие в землю камни.

– Здесь ничего нет, – поворачивает Мартин к Нильсу красную от напряжения физиономию.

– Как это нет. – Нильс заглядывает в яму. Там пусто – рыжая земля и камни. – Именно здесь я и закапывал. Ну-ка, дай мне лопату.

Он углубляет яму и видит плоские камни, которыми он тогда прикрыл футляр с драгоценностями.

Сколы серо-розового известняка почернели от долгого лежания в земле, но под ними ничего нет.

Он смотрит на Мартина.

– Ты украд клад, – говорит он. – Давай его сюда.

32

– Ну вот и приехали, – сказал Леннарт, посмотрел на Юлию и выключил мотор. Наступила полная, почти нереальная тишина. – Как вам мое гнездышко?

– Как красиво!

Они проехали не больше пяти километров на север от Марнеса, миновали рощицу, где попеременно росли сосны и статные вязы, и остановились на полянке, откуда было видно море. Дорожка вела к дому красного кирпича и небольшому саду. Дом, как и сказал Леннарт, невелик, но расположен – лучше и придумать невозможно. Тщательно постриженный газон спускается вниз и почти незаметно переходит в песчаный пляж.

Огненные стволы сосен окружали сад, как колонны в церкви. Они вышли из машины, и Юлия полной грудью вдохнула настоящий на хвое воздух. Едва слышное шевеление ветра в кронах деревьев придавало тишине еще большую торжественность.

– Сосны, разумеется, посажены, но это было задолго до меня.

– И давно вы здесь живете?

– Давно... двадцать лет. И не надоело... кстати, у вас нет аллергии на кошек? – Леннарт начал озираться. – У меня персидская кошка, Мисси... обычно встречает. Наверное, пошла ноги размять.

– Нет-нет, с кошками у меня все в порядке. – Юлия улыбнулась, представив себе разминающую ноги кошку Мисси: приседания, стретчинг и все такое.

Он, не говоря ни слова, пошел к дому, и Юлия запрыгала на костылях вслед. Дом выглядел на редкость устойчивым, ему, похоже, не страшны были никакие балтийские штормы. Леннарт открыл черную дверь с торца, и они оказались в кухне.

– Не очень проголодались? – спросил он.

– Нет-нет, что вы.

Вышли в небольшую прихожую, и он тут же гостеприимно распахнул дверь в гостиную.

Излишне педантичным Леннарта она бы не назвала, но в аккуратности ему не откажешь. Похоже, ему удавалось содержать весь дом в большем порядке, чем Юлии свою крошечную квартирку в Гётеборге. Последние номера «Эландс Постен» в аккуратной корзинке на стене. Там же несколько еженедельников «Шведской полиции» – единственное, что указывает на профессиональную принадлежность хозяина. Несколько спиннингов в прихожей, на всех окнах растения. Над плитой в кухне – полка с кулинарными книгами.

Никаких пивных банок. Вообще, судя по всему, никакого спиртного. Это хорошо.

Леннарт зажег лампы в окнах гостиной и исчез в соседней комнате – видимо, решил и там устроить иллюминацию.

– Не хотите пройтись по берегу, пока еще светло? – крикнул он оттуда. – Можем взять зонтик...

– Без костылей никуда не пойду.

Он засмеялся.

– Пойдем осторожно... Если выйти на мыс, в хорошую погоду видна Бёда... там большая бухта с песчаным берегом.

– Я знаю, что такое Бёда. – Она улыбнулась и вернулась в кухню. В проеме двери тут же появился Леннарт.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я и забыл, что вы из этих краев. Пошли?

Она кивнула и взглянула на часы. Четверть шестого.

– А можно воспользоваться телефоном?

– Конечно.

– Я только позвоню Астрид, а то начнет беспокоиться.

– В кухне, рядом с мойкой.

У Астрид была забавная привычка – она снимала трубку и называла свой телефонный номер. Юлия помимо воли затвердила его наизусть.

Она, как всегда, начала считать сигналы – три... четыре... Астрид взяла трубку, и под залиvistый лай Вилли назвала и без того знакомый номер.

– Это я, Юлия.

– Извини, что долго не подходила – сгребала листья в саду. Ты где?

– В Марнесе. Вернее, к северу от Марнеса. Леннарт Хенрикссон пригласил посмотреть его дом, и я...

– А Герлоф с тобой?

– Нет... он у себя, в доме престарелых.

– Его там нет, – уверенно сказала Астрид. – Мне десять минут назад звонила старшая сестра, Буэль, и спрашивала, куда он пропал. С утра уехал с Йоном Хагманом и не вернулся. Я пока не особенно беспокоюсь, но, может, ты что-то знаешь?

– Он, должно быть, с Йоном.

– Нет. Именно Йон и позвонил Буэль. Они расстались в Боргхольме, Йон посадил его на автобус. И Герлоф обещал позвонить, когда доедет.

Юлия задумалась. Герлоф, конечно, делает все, что ему вздумается, мало ли что в голову пришло... а, ерунда. Что может случиться с Герлофом?

– Я позвоню Буэль, – сказала она, хотя ей очень хотелось прогуляться с Леннартом по берегу.

– Да, попробуй что-нибудь выяснить.

Астрид повесила трубку.

– Все в порядке? – Леннарт уже надел куртку и ждал ее в дверях. – Придем – выпьем кофе.

Юлия кивнула и прошла за Леннартом в прихожую. Позвоню, когда придем. Мы же не станем долго гулять в такую погоду.

Погибшие пока не опознаны, вспомнила она ни к селу ни к городу газетную рубрику – репортаж о крупной автокатастрофе. И почему эта фраза застряла в голове? Погибшие пока не опознаны... *погибшие пока не опознаны.*

Она остановилась.

– Леннарт... – сказала она тихо. – Я понимаю, что порчу вам удовольствие... мы можем пойти погулять попозже, а сейчас... давайте съездим в Марнес, в дом престарелых. Герлоф не вернулся домой, и никто не знает, где он.

Эланд, сентябрь 1972 года

– Ты украл клад.

– Клад? Как я мог украсть клад, которого нет? – вскипел человек, назвавшийся Мартином.

– Воспользовался тем, что я отвернулся, и спрятал футляр, – тихо, но с угрозой, говорит Нильс и делает шаг к нему.

– Какой еще футляр? – Мартин опять хватается за сигарету. – Никакого футляра я не видел.

– А ну тихо, – слышит он за спиной. – Мы же компаньоны! Забыли?

Гуннар стоит совсем близко, чуть не дышит в затылок. Это Нильсу не нравится. Он быстро оглядывается и вновь поворачивается к Мартину.

– Ты врешь!

– Я вру? Не забыл, кто тебя сюда доставил? На своем корабле! Мы с Гуннаром небо с землей свели, чтобы все это организовать.

– Может быть, только я тебя не знаю...

Мой клад. Мой Стенвик.

– А мне плевать, знаешь ты меня или... – Мартин прикуривает сигарету, затягивается и выдыхает дым, – или не знаешь.

– Опусть лопату, Нильс, – шипит Гуннар.

Он по-прежнему дышит в затылок. Совсем рядом.

Мартин тоже поднимает лопату. Держит ее так, точно собирается ударить Нильса черенком, но где ему... Нильс держит лопату высоко и удобно, сейчас он раскроит череп этому подонку. Его захлестывает бешенство – точно такое же, как тридцать лет назад, когда он бросился с веслом на десятника докеров Ласс-Яна. Он ждал двадцать семь лет, молча, терпеливо, но любому терпению приходит конец. Сколько можно ждать...

– Это мое! – У него темнеет в глазах.

Удар лопатой приходится по левому плечу, штык скользит и попадает куда-то под ухо.

Мартин теряет равновесие, и Нильс наносит второй удар – в лоб.

Мартин со стоном валится на раскопанный курган.

Нильс снова поднимает лопату, он целится в ненавистную физиономию вора.

Мартин поднимает руки – ждет последнего удара. Понимает, что ему не выжить.

Но лопата не опускается.

– Кончай, Нильс! – ревет ему в ухо Гуннар. Он перехватил лопату за

черенок и дернул так сильно, что Нильс потерял равновесие.

– Кончай! Только этого нам не хватало! Как ты, Мартин?

– Сука, – хрипит Мартин, по-прежнему инстинктивно закрывая лицо руками. – Давай, Гуннар. Чего ждать? Какого... ждать?

– Рано, – коротко бросает Гуннар.

Нильс опускает лопату. Ярость испарилась, будто ее и не было.

– Я пошел домой, – скучно говорит он и, не сводя глаз с Гуннара, делает шаг в сторону.

– Плевать на планы... – шипит Мартин, – рано, не рано. Ты что, не видишь – он полный псих?

Он пытается встать. Кровь заливает ему лицо.

– Кто-то украл мой клад, – говорит Нильс вяло. – Ты или кто-то другой. Договор теряет силу. Я пошел домой. В Стенвик.

– О'кей, – не глядя на него, произносит Гуннар. – Теряет – значит, теряет. Нет больше договора.

– Я пошел домой, – повторяют Нильс.

– Нет.

– Не нет, а да. Я пошел домой.

– Ты отсюда не уйдешь. Никто и не собирался тебя отпускать. Ты что, не понял? Все кончится здесь. На этом самом месте.

– Ну нет. Я пошел домой, – Нильс повторяет эти три слова, как мантру, – и ничего здесь не кончится. Все только начинается...

– Нильс! Ты, должно быть, забыл? Ты же мертв...

Гуннар медленно поднимает тяжелый и острый лом и оглядывается – нет ли случайных свидетелей. С туманом, можно сказать, повезло. Он знал, что будет туман, но не такой, не такой...

– Ты же не можешь идти домой, Нильс... как ты можешь идти домой? Ты же похоронен в Марнесе.

33

Герлоф умирал. Умиравшим являются мертвецы. Он слышал шаги – скелет воина, павшего в какой-нибудь битве бронзового века, танцевал на берегу. Герлоф закрыл глаза – ему не хотелось смотреть на привидения, но хруст гальки под ногами и скрип песка доносились до него вполне отчетливо.

Он открыл глаза и увидел Эрнста Адольфссона, но Эрнст его не видел... ходил кругами и что-то искал в траве. Должно быть, камни для очередных скульптур. Из рта его стекала струйка крови.

Герлоф перевел глаза на море – и увидел саму Смерть. Смерть полным курсом приближалась к берегу на черном паруснике с черными парусами. Но хуже и страшнее всего – Элла. Она села рядом, в ночной рубашке, с распущенными волосами, и смотрела на него, смотрела... серьезно, не отрываясь. Не мучай себя, Герлоф, борьба бессмысленна. И Герлоф закрыл глаза – может, и вправду сдаться и уплыть вместе с ней, вместе с Эллой, на черном корабле? Ему очень хотелось спать – спящий человек не замечает ни дождя, ни холода, ни ветра. Он спит. Можно уговорить себя, что он в своей комнате в марнесском доме престарелых. Он и сам не мог объяснить, зачем так отчаянно борется со сном. Смерть не торопилась, и это его раздражало.

Хруст продолжался. Неужели и в самом деле скелеты выходят на берег поплясать осенними ночами? А может, кто-то живой забрел в эту глушь?

Он с трудом повернул голову и открыл глаза.

Горизонт исчез в сумерках, море и небо слились в темную дрожащую массу.

Где-то в его онемевшем теле все еще теплилась искорка надежды. Может быть, эта искорка и называется волей к жизни. Он сделал попытку встать – и ему это удалось. Медленно, мучительно, обдирая руки об огрубевшую от старости кору, Герлоф встал на ноги. Это было, как поднять парус в сильный ветер – трудно, но возможно.

Ви́ра, сказал он себе и выставил правую ногу.

После этого пришлось пару минут отдохнуть.

Он стоял полусогнувшись, как тяжелоатлет, готовящийся взять вес.

Ви́ра, ви́ра... поднатужься, ребята...

Одной рукой оперся на палку, другую боялся оторвать от ствола.

Грот поднят, теперь лайбе хорошо бы добраться до моря.

Вот так. В случае чего можно дойти на моторе. Герлоф всегда тщательно ухаживал за мотором. На его последней лайбе стоял казавшийся тогда передовым керосиновый двигатель с шаровыми поршнями. Всем он был хорош, но его надо было ежечасно смазывать, и он никогда про это не забывал.

Ви́ра, опять скомандовал он себе, поднимайся.

Выпрямился, отпустил дерево и сделал короткий шаг к воде. От холода он не чувствовал ни рук, ни ног, но в этом была и положительная сторона: боль в суставах исчезла.

Герлоф шел вдоль каменной изгороди, здесь трава была не такая густая. Мокрая сорочка прилипла к телу, как ледяной панцирь... но, оказывается, ему не приснилось. Это была не галлюцинация: на берегу что-то хрустело

и шуршало. И он, еще не видя источника шума, догадался.

Пластиковый пакет.

Даже не пакет, а большой черный мешок для мусора, наполовину засыпанный песком. Скорее всего, какой-то идиот бросил с корабля. И не только мешок – на берегу было полно мусора. Картонный молочный пакет, бутылка темного стекла, ржавая банка из-под пива. Что за кретины... кем надо быть, чтобы кидать в море мусор! Но сейчас Герлоф был благодарен этим кретинам – если он хочет попробовать выжить, мешок может стать его спасением. Надо его вытащить из песка и проделать в дне дырку для головы. Получится непромокаемый плащ, и тогда удастся сохранить хоть какое-то телесное тепло.

Ну что ж...

Хорошая у тебя голова, Герлоф, сделал он себе комплимент. Работает даже в такую стужу.

Но как до него добраться, до этого мешка?

Оказалось, что заросший пустырь не плавно переходит в пляж, как можно было бы ожидать. Волны постепенно подмыли берег и сформировали небольшой, в полметра, обрыв. Двадцать лет... да что двадцать, даже десять лет назад Герлоф, не задумываясь, спрыгнул бы на песок, ну, может, рукой бы оперся для страховки, а сейчас у него никакой уверенности не было.

Он с трудом присел и постарался упереть палку в берег... Но палка тут же глубоко ушла в мокрый песок, он не сумел вовремя ее отпустить, потерял равновесие и полетел вниз. Застрявшая в песке палка сломалась, и он грохнулся на утрамбованный, твердый, как камень, песок.

От удара у него перехватило дыхание, и он несколько секунд лежал, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

До мешка оставалось всего несколько метров.

Но добраться до него Герлоф не мог – что-то он сломал. План был хорош, но осуществиться ему не суждено. Он не мог даже пошевелиться.

И он закрыл глаза. Даже урчание автомобильного мотора поблизости его не заинтересовало.

Какое ему дело, кого там черт принес...

34

Они довольно много ездили в этот день, и радио в машине Леннарта ни разу не дало о себе знать. Но теперь, когда Леннарт связался с отделом чрезвычайных ситуаций в Кальмаре, оно не умолкало ни на минуту. То и

дело сквозь треск помех пробивались отдельные фразы – на каком-то тарабарском языке, потому что ни одной из них Юлия расшифровать не могла. Но Леннарт, похоже, все понимал.

– Патрули с собаками, как всегда, запаздывают, – сказал он. – Кинологи, что с них взять... Но вертолет скоро появится.

– Когда?

– Через несколько минут. С инфракрасной камерой, – добавил он.

– Инфракрасной?

– Ну да. Камера ночного видения. Реагирует на все, что теплее окружающей среды. На телесное тепло, к примеру.

– Здорово, – с притворным энтузиазмом сказала Юлия. Спокойнее ей не стало.

Она все время смотрела по сторонам, но в половине седьмого уже было темно, как ночью. Она даже не могла определить, по какому участку шоссе они едут.

– Вечно этот Герлоф... что мне, запирать его прикажете? – раздраженно заявила Буэль.

Но беспокойство Юлии очень быстро передалось и ей. Она послала людей по маршруту автобуса – не сидит ли Герлоф на какой-нибудь из остановок.

Леннарт, поначалу совершенно спокойный, тоже сообразил, что дело серьезное.

Он связался по радио с дежурным офицером полиции в Боргхольме.

Несколько коротких телефонных разговоров – и ему удалось вычислить водителя автобуса, на котором ехал Герлоф. Тот уже делал обратный рейс из Бюкселькрука в Боргхольм. Разговор с ним мало что дал. Он не запомнил Герлофа. Единственное, что водитель знал точно, – две остановки по требованию до Марнеса и еще три на отрезке от Марнеса до Бюкселькрука. Несколько раз повторил: две и три.

В начале седьмого Леннарт и Юлия сели в машину и поехали искать. Все три машины дома престарелых тоже включились в поиски. Буэль осталась на телефоне.

Дождь не прекращался. Они поехали на юг от Марнеса, хотя никакой уверенности, что Герлоф не проспал и не вышел где-то уже по дороге в Бюкселькрук, у них не было.

– Ничего же не видно... – почти прошептала Юлия.

Собственно, и смотреть не на что – в этот холодный и дождливый вечер на дороге было пусто. Темные канавы, кусты, вдоль обочины воткнуты

палочки с катафотами. А за ними – еле различимые силуэты кустов и деревьев.

Заскрипело и захрипело радио.

– Вертолет в воздухе, держит курс на Марнес.

На этот раз она поняла – наверное, потому, что ждала именно этих слов. Это их единственная надежда.

– А это вообще... похоже на Герлофа? – спросил Леннарт.

– Что?

– Ну... бывало с ним такое раньше? Такая... непредсказуемость.

Юлия энергично замотала головой.

– Никогда. – Она задумалась и добавила: – У него совершенно ясная голова. Даже чересчур. Я не удивлюсь, если он сошел с автобуса и направился по каким-то своим делам. Он слишком много думает.

– Мы его найдем, – твердо сказал Леннарт.

– У него очень теплое пальто. Зимнее...

– В зимнем пальто можно продержаться всю ночь. Особенно, если найти, где спрятаться от ветра.

Где спрячешься от ветра в альваре, подумала Юлия, но промолчала.

35

– Герлоф! Где он, Герлоф?

Герлоф с трудом открыл глаза – ему не хотелось отрываться от волшебного сна – он идет на своей лайбе под парусами, светит солнце, журчит прозрачная вода... он с трудом открыл глаза и тут же зажмурился от дождя.

– Что? – спросил он хрипло, а может, и не спросил, а только подумал.

Он лежал на спине на холодном мокром песке. Невыносимо болела правая нога.

Над собой, прямо на покрытом травой уступе, он смутно различил тень. Вот это кто... владелец отеля и ресторанов Гуннар Юнгер в своей химически-желтой рекламной куртке.

Не сон ли это? Нет, похоже, не сон. Но Юнгер уже не улыбается. Он зол и хмур.

– Где мой телефон?

У Герлофа пересохло во рту, он почти не мог говорить.

– Спрятал, – почти беззвучно прошептал он.

– Спрятал? Куда? В задницу засунул?

– Иди и поищи, Гуннар. Может, и найдешь.

Но Юнгер не двигался с места, и Герлоф не сразу, но понял почему. На мокром песке его начищенные башмаки оставят такие следы, которые не смоет никаким дождем.

Мобильник лежал у него в кармане брюк, так что он сильно преувеличил, когда сказал «спрятал», но пусть Гуннар придумает, как ему выудить у Герлофа свой телефон.

– Ты крепкий мужик, Герлоф, – сказал Гуннар и выпрямился. – Упал, как я вижу? Ударился, наверное?

Герлоф не ответил – у него просто-напросто не было сил говорить. Замерзшие губы не разлеплялись.

– *Лучше всего мертвецам. Жестока смерть, но честна. Посмотри ей в лицо и спой: здравствуй, смерть, здравствуй, смерть, я твой...* Дан Андерссон^[15], если ты не знаешь. Я обожаю его песни. И Таубе^[16] тоже... особенно его морские баллады. И знаешь, кто меня к ним приучил? Вера Кант. У нее были сотни пластинок.

– У нее были деньги и земли.

– Что? Не слышу!

– Земля и деньги, – произнес Герлоф с усилием. – Земля и деньги. Это все и решило.

– Не только, не только... Земля и деньги... да, конечно, но не только. Не только земля и деньги. Еще и мечь... и мечты, и планы, и любовь к этому острову. Я влюблен в Эланд, Герлоф. – Юнгер достал из кармана перчатки и медленно натянул. – Думаю, тебе самое время поспать, Герлоф. Баю-бай. Ты сейчас заснешь, а я, будь уверен, найду свой телефон. Куда ты его мог деть? Сто из ста – он при тебе. Не надо было тебе его брать, ох, не надо...

Герлофу надоела его болтовня. В самом деле: пришел убивать – убивай, только оставь меня в покое. Он устало закрыл глаза, и ему почудилось слабое басовитое жужжание.

– Время прощаться, Герлоф. Думаю, мы с тобой...

Он внезапно замолчал. Жужжание становилось все громче, это было уже не жужжание, а нарастающий, выматывающий душу рев. Юнгер замер, уставившись в небо. Поза его выражала крайнее удивление. Герлоф с трудом приподнял голову и посмотрел в небо. Над ним парило сказочное чудовище... Смерть? Нет, не может быть. У Смерти не может быть написано на боку, да еще такими большими буквами, «ПОЛИЦИЯ». Это вертолет.

Он перевел глаза на Юнгера, но того уже не было. Он исчез, как исчезают тролли, когда понимают, что обнаружены. Нет, не исчез – вон он,

бежит по тропинке.

Вертолет... и в самом деле вертолет. Мигающие красные и белые огни проблесками отражалась во вращающихся лопастях. Покачавшись немного над Герлофом, он опустился на траву чуть поодаль.

Он ничего не чувствовал – ни радости, ни облегчения. Он ждал не вертолета. Он ждал, что подойдет Корабль Смерти, и он уплывет на нем в морскую даль.

Открылись сразу две двери, и, не дождавсь остановки винта, выскочили двое парней в шлемах.

У одного под мышкой свернутые одеяла, у другого – большая белая сумка. До Герлофа постепенно дошло, что вертолет прилетел за ним. Он выдохнул и закрыл глаза.

Если я до сих пор не умер, то у меня есть шанс.

– Это он! – отчаянно крикнула Юлия.

Леннарт затормозил так резко, что машину занесло. К счастью, скорость была невелика, и они никуда не врезались. Остановились – правда, чуть не поперек дороги. Они проехали всего пару километров к югу от поворота на Стенвик.

– Где?

Она показала пальцем.

– Смотрите... я вижу его! Вон там, смотрите, смотрите, на поле... видите? Он там лежит!

– Сейчас подъедем поближе. Там проселок... мы же только что его проехали.

Он резко, с визгом протекторов, развернулся и въехал на узкий проселок. Подъехали поближе, и Юлия увидела, что ошиблась. Это не Герлоф. Это...

Не дождавшись, пока Леннарт остановит машину, она открыла дверцу. Но Леннарт, конечно, опередил ее. На костылях не побежишь.

– Пальто, – сказал он. – Кто-то выбросил пальто.

Он наклонился и показал ей черное пальто.

Она подошла поближе.

У нее перехватило дыхание.

– Это папино пальто, – еле выговорила она.

– Вы уверены? Выглядит, как...

– Посмотрите во внутреннем кармане.

Леннарт покопался в карманах и вытащил бумажник.

– Фонарик бы не помешал, – пробормотал он, вертя бумажник так и этак, – пытался поймать свет фар.

– Это пальто Герлофа. И бумажник его, я точно знаю... и портфель, смотрите!

Леннарт достал из бумажника права.

– Да. Это его, – сказал он встревоженно и огляделся.

– Герлоф! Ге-ерлоф!

Крик угас в молчании.

– Сядем в машину и будем искать. Я никогда здесь не был, странно... но мне кажется, этот проселок ведет к берегу.

Он вернулся в машину и связался с Кальмаром.

К тому времени как Юлия доковыляла до машины, он уже поговорил с

дежурным.

– Пилот теперь знает, где мы.

Леннарт включил первую скорость и медленно двинулся вперед, почти прильнув к лобовому стеклу.

– Я выключу свет, без света лучше.

Первую секунду Юлии показалось, что без света вообще ничего не видно. Но глаза быстро адаптировались к темноте, и выяснилось, что Леннарт прав: по обе стороны дороги простирался альвар, и кое-что можно было разглядеть. В каждой тени она видела стоящего человека, вцеплялась руками в сиденье – но это были всего лишь кусты можжевельника.

Внезапно Леннарт поднял руку.

– Наконец-то...

Юлия нагнулась и посмотрела вверх. Это и в самом деле был вертолет, в ночном небе ярко мигали красные и белые огни. Теперь можно было даже, несмотря на закрытые окна, различить приглушенный звук двигателя.

Опять затрещало радио.

Леннарт прислушался к прерывающемуся из-за бесконечных помех голосу.

– Похоже, нашли что-то, – сказал он отрывисто, не глядя на Юлию. – Там, у воды.

Он прибавил скорость.

– О, дьявол!

Прямо в лицо им ударил ослепительный свет. Навстречу из-за поворота с большой скоростью летела другая машина.

– Держись! – завопил Леннарт.

Юлия сжала зубы, зажмурилась и уперлась руками в панель.

Это не помогло – скрежет, хруст, ее со страшной силой бросило вперед, и если бы не ремень безопасности, она вышибла бы головой лобовое стекло. Ремень удержал ее, но теперь в дополнение к ноге, руке и ключице она, по-видимому, сломала еще и ребро. Капот скомкало, как лист бумаги.

Несколько секунд тишины.

Леннарт тихо чертыхался – очевидно, ему тоже досталось.

Наконец он пришел в себя и включил свет. Работала только одна фара – вторая, скорее всего, разбилась при столкновении. Большой, сверкающий автомобиль. Его при ударе отбросило назад, и видно было, что радиатор разбит вдребезги. Леннарт потянулся к бардачку и достал пистолет.

– Как вы, Юлия?

Она растерянно помигала:

– Ничего... думаю, ничего.

– Посидите в машине. Это не просьба, а приказ.

Он открыл дверцу, и ее окатило волной ледяного воздуха.

Почти одновременно открылась дверца и в машине напротив, и появился высокий, широкоплечий водитель.

– Кто вы? – резко спросил Леннарт.

– Ты что, рехнулся? Без света в такую темень! Вешать за это надо. За яйца.

– Успокойся. Полиция.

– Какая, к черту, полиция... а... это ты, Хенрикссон?

Юлия опустила ноги на землю и на ощупь нашарила костыли.

– Ты с берега?

В свете фар она внезапно узнала этого человека. И даже вспомнила имя: Гуннар Юнгер, хозяин отеля в Лонгвике.

Леннарт тоже его узнал.

– Успокойся, Гуннар, – повторил он. – Откуда ты едешь?

– Из... с берега. Решил покататься немного. Машина новая... была. – Он усмехнулся. – А я лучше всего думаю за рулем.

– А ты не видел Герлофа Давидссона?

– Нет, – не сразу ответил Юнгер.

– Мы его ищем. С вертолетом, как видишь.

– Вот как, – спокойно сказал Юнгер.

Юлия удивилась – Юнгер был хорошо знаком с Герлофом, заказывал ему кораблики в бутылках, мог бы проявить и побольше интереса. Она переставила костыли и сделала шаг вперед.

– А до берега здесь далеко?

– Нет. Недалеко. Двести – триста метров.

– Я пошла туда.

Она обогнула разбитую машину Гуннара. Идти на костылях было трудно – дорога усыпана крупным щебнем, тут и там попадаются дождевые лужи, костыли скользят на мокрой глине.

– Гуннар, сдай назад... – услышала она за спиной голос Леннарта.

– Хенрикссон, у нас лобовое столкновение... ты же знаешь...

– Сдай назад, я сказал. – Леннарт повысил голос. – Мне надо проехать на берег. А ты подождешь меня в машине, надо выяснить...

Последних слов Юлия не слышала – их заглушил порыв ветра. Впереди ярко светил прожектор вертолета – он приземлился совсем близко... не больше двухсот метров, как и сказал Гуннар.

Наконец она добралась до места посадки. В ярком свете вертолетного

прожектора двое молодых людей в усыпанных бисером дождя водонепроницаемых серых комбинезонах склонились над чем-то на песке. Потом приподняли это что-то, подсунули под него одеяло и укутали. Это не «что-то», а кто-то. Человек. Ее отец.

– Папа! – крикнула она отчаянно и что было сил запрыгала к нему на костылях, даже не думая, что может упасть.

И только когда она подошла совсем близко, Герлоф поднял голову и захлебнулся сухим, лающим кашлем.

– Папа!

Он медленно повернул голову и посмотрел на нее тусклыми, слезящимися глазами.

– Юлия... – И снова закашлялся.

– Так, осторожно... – сказал один из парней. – Три, четыре... подняли.

Они дружно подняли завернутого в одеяла Герлофа и понесли к вертолету.

– Могу я лететь с вами? – спросила Юлия. – Я его дочь, я медсестра.

– К сожалению, никого не можем взять. Некуда. Мест нет.

– А куда вы его?

– В Кальмар, в реанимацию.

Она старалась идти рядом с ними, хотя костыли то и дело застревали в густой траве.

– Я приеду в больницу, папа.

И как раз в тот момент, когда его собирались внести в кабину, Герлоф поднял голову, посмотрел на нее и что-то сказал.

Она наклонилась к нему и покачала головой – не слышу.

– Что?

– Это Юнгер... – прошептал Герлоф.

– Что – Юнгер? – Юлия тоже почему-то перешла на шепот.

– Это Юнгер... отнял у нас Йенса...

И все. Он потерял сознание. Его, как большой пакет, погрузили в вертолет.

– Отойдите, пожалуйста, – сказал пилот, поднимаясь в кабину.

Юлия неуклюже, путаясь костылями в траве, отошла в сторону.

Медленно, потом все быстрее заработал ротор. Чудо техники. С нарастающим ревом, мигая огнями, вертолет тяжело оторвался от земли, наклонился и взял курс на юго-восток. Огни его отражались в клеенчатой черноте моря.

И только когда он улетел, Юлия различила астматическое дыхание прибоя и шум ветра в верхушках вязов. И отдаленный крик – кто-то

выкрикивал ее имя.

Леннарт. У нее очень устали руки, но она сделала последнее усилие и вернулась к машине.

– Это Герлоф, – не столько спросил, сколько подтвердил Леннарт.

Она кивнула:

– Они повезли его в Кальмар.

– Хорошо.

Юнгер сидел в своем «ягуаре» и безуспешно пытался запустить двигатель – видимо, что-то случилось при столкновении.

Он с раздражением ударил ладонями по обтянутому кожей рулю.

– Запри машину и оставь ее здесь, – сказал Леннарт. – Поедешь с нами в Марнес.

Юнгер тяжело вздохнул, но выбора у него не было. Он достал из «ягуара» портфель и залез на переднее сиденье полицейского «вольво». Юлии пришлось разместиться сзади.

Всю дорогу до Марнеса она внимательно смотрела на Юнгера.

Что он делал на берегу?

Он, похоже, не чувствовал, что она его изучает.

– Может, расскажешь прямо сейчас? – спросил Леннарт.

– Что я должен рассказывать?

– Что ты делал на берегу.

– Погодой наслаждался, – коротко ответил Юнгер.

– А почему гнал, как бешеный?

– А зачем тогда покупать «ягуар»?

– Ты знал, что Герлоф на берегу?

– Нет.

– Он врёт, – твердо сказала Юлия.

Юнгер, казалось, пропустил эту фразу мимо ушей.

– Видишь ли, Гуннар... камера ночного видения вряд ли обнаружила бы Герлофа на берегу. Слишком сильное переохлаждение. Значит, это был ты...

И этот вывод Юнгер тоже оставил без внимания.

Они въехали в центр Марнеса.

Леннарт поставил машину прямо перед отделом – хорошо, что нашлось место.

Он открыл контору, сел за стол и начал барабанить пальцами в ожидании, пока оживет компьютер. Гуннар Юнгер стоял посреди комнаты – прямой, собранный, как полководец перед строем.

– Могу дать только короткие показания, – заявил он. – И мне здесь

вообще нечего делать. Я хочу домой.

– Все хотят домой, Гуннар, – миролюбиво сказал Леннарт. – Кофе?

– Нет. – Он, не глядя, кивнул в сторону Юлии. – А она-то какого черта здесь делает?

Юлия почти физически почувствовала, как напрягся Леннарт от этой хамской фразы.

Но молодец, сдержался, только сжал губы и отвел глаза. Ей-то все равно. У нее другие заботы.

– Она поедет к отцу в реанимацию, – сказала Юлия негромко, пристально глядя на Юнгера, который даже не повернулся в ее сторону. – И сделает все, чтобы он выжил. И еще она хочет получить ответ на вопрос – что же произошло там, на берегу?

Юнгер по-прежнему на нее не смотрел. Юлия с удивлением заметила, что на губах его играет странная полуулыбка, словно он принимает участие в какой-то умеренно веселой комедии.

– Садись, Гуннар. – Леннарт показал на стул напротив, подошел к Юлии и тихо спросил:

– Доберетесь?

– Может быть, есть вечерний автобус. Если нет, возьму такси.

– Позвоните потом. Я, как закончу, поеду домой.

Она кивнула и улыбнулась так, словно более приятного вечера, чем сегодня, у нее в жизни не было.

Увидимся. Ей очень хотелось обнять Леннарта, но она удержалась. Не при Юнгере.

Юлия спустилась по лестнице. Было очень холодно, по-прежнему шел дождь, и на улице не было ни души. На автобусном терминале напротив стоял автобус, может, и в Кальмар, но не обязательно.

Такси обойдется в несколько сот крон, но что делать? Неважно, что придется опустошить счет, неважно, что придется просидеть всю ночь в коридоре реанимации, так и не увидев отца. Все это неважно. Когда он очнется, она должна быть там.

Она подошла к переходу и замерла.

Внезапно вспомнила улыбку Гуннара Юнгера.

Он разбил дорожную машину, ему, можно считать, предъявлено обвинение в попытке убийства Герлофа... чему он улыбался? Он улыбался так, словно знал, как выйти из этого положения, словно у него был абсолютно надежный путь отступления.

Как будто он...

Она резко повернулась и, переставляя костыли как можно дальше,

почти побежала к отделу полиции.

Сто метров, не больше – но все равно она опоздала.

Юлия услышала сухой короткий щелчок, без всякого эха, словно кто-то ударил по столу линейкой.

Пистолетный выстрел.

И через несколько секунд еще один.

Юлия забыла про всякую осторожность, оперлась на сломанную ногу и в два прыжка взлетела на крыльцо, не обращая внимания на резкую боль в голеностопе.

В конторе стоял пороховой дым. Первое, что она увидела, – ноги Леннарта под письменным столом.

Юлия замерла от ужаса, но в ту же секунду у нее вырвался вздох облегчения – Леннарт шевелился. Он лежал на полу, опираясь одной рукой, а вторую прижимал ко лбу. Похоже, он какое-то мгновение был без сознания – глаза его блуждали, он никак не мог сфокусировать взгляд.

– Где он? Где Юнгер?

И только в эту секунду она поняла, что произошло.

Она увидела его. Владелец отеля и в самом деле предусмотрел выход.

Он уже не улыбался. Лежал на полу, ноги в блестящих ботинках слабо подергивались, а под головой медленно росла лужа крови. Желтая рекламная куртка с надписью «Конференц-центр» тоже была забрызгана кровью.

Рот полуоткрыт, неподвижный удивленный взгляд – словно он пока еще не понял, что все кончено.

В правой руке он сжимал служебный пистолет Леннарта.

37

– Как ты, Леннарт? – еле слышно спросил Герлоф.

– Так себе... – пожал плечами Леннарт Хенрикссон. – Сам виноват... в таких случаях надо быть начеку. Мог бы и сообразить...

– Не стоит об этом думать, – сказала Юлия.

– Он обманул меня. Сел, расслабился – как мне показалось... я и уши развесил. Тут-то он и бросился на меня, схватился за кобуру... я совершенно не был к этому готов... – Он потрогал пластырь на лбу. – Старею. Реакция уже не та... конечно, надо было бы...

– Не думайте об этом, Леннарт, – повторила Юлия. – Выбросьте из головы. Никакой вашей вины нет.

Леннарт согласно кивнул, но убедить его, похоже, не удалось.

В схватке с Юнгером Леннарт ударился головой об угол стола и рассек лоб – так сильно, что пришлось наложить несколько швов. Кто из них случайно нажал курок в этой суматохе, Леннарт и сам не знал, но первый выстрел угодил в стену.

А сейчас они сидели по обе стороны койки Герлофа в боргхольмской больнице. Дело шло к вечеру, над городом, совсем низко, висело скучное осеннее солнце.

Герлоф в глубине души надеялся, что посетители скоро уйдут, – больше всего ему хотелось остаться одному. И спать, спать... О том, чтобы встать с койки, и речи быть не могло – он никогда в жизни не чувствовал такого полного, парализующего физического бессилия.

Голова ясная. Это хорошо, но он почти ничего не помнил. Единственное, в чем Герлоф был уверен, – что если бы его так быстро не доставили в больницу, он бы не выжил. Через два дня врачи изменили прогноз Крайне тяжелое, даже критическое состояние стали называть просто тяжелым, потом стабильным, а на четвертый день перевели из Кальмара в Боргхольм.

Поближе к дому, а главное – спокойнее. Здесь ему дали отдельную палату с видом на лес и богатые виллы на окраине города.

Сегодня уже пятый день, как Гуннар Юнгер-Юханссон попытался с ним покончить.

– Я за эти два дня прихожу третий раз, папа, – сказала Юлия, – но ты все время спишь. Сегодня – исключение.

Герлоф слабо улыбнулся – извини, мол.

Левая рука и нога загипсованы. Капельница с питательным раствором, катетер в мочевом пузыре, два одеяла – но все равно, нынче он поболе, чем вчера. Температура пошла на убыль.

Он попытался привстать, чтобы лучше видеть гостей. Юлия бросилась на помощь, подсунула под спину вторую подушку.

– Спасибо... – Голос слабый, но говорить он может.

– Как ты сегодня, папа?

Герлоф поднял большой палец, но тут же закашлялся и с трудом перевел дыхание.

– В Кальмаре нашли воспаление легких – и на рентгене, и в трубку слышали... а сегодня доктор послушал – говорит, хрипов почти нет. Слабое дыхание.

– Ослабленное, – профессионально поправила Юлия. – Не слабое, а ослабленное.

– Ослабленное, – согласился Герлоф и опять закашлялся. – И говорят,

ноги мне сохраняют. Очень бы хотелось. Все-таки... какие-никакие, а ноги.

– Ты мужик крепкий, Герлоф, – вступил в разговор Леннарт.

– И Гуннар Юнгер тоже так сказал.

У Леннарта в кармане запищал пейджер. Он посмотрел на дисплей.

– Опять шеф... вопросы никогда не кончатся. Пойду позвоню и вернусь.

– Не исчезайте, – сказала Юлия.

– И ты не исчезай, Герлоф, – улыбнулся Леннарт. – Еще поболтаем.

Герлоф медленно наклонил голову, и Леннарт вышел.

В палате наступила тишина. Юлия положила руку на одеяло и наклонилась к отцу.

– Тебе все передают привет – и родные, и друзья. Лена звонила вчера из Гётеборга, собирается скоро приехать. Астрид, конечно. Йон и Йоста заходили вчера, но ты спал. Все тебя помнят, и все о тебе думают.

– Спасибо... а ты-то как? – прошептал Герлоф.

– Хорошо, – быстро ответила Юлия. – Я довольно много времени провела с Леннартом. Была в его шикарном доме в сосняке. Хотя он-то, конечно, занят сейчас. Сидит и пишет бесконечные рапорты, мотается в Боргхольм... так что я мало чем могла ему помочь. Сидела здесь в коридоре и волновалась за тебя.

– Я справлюсь...

– Теперь-то ясно, что справишься. И я тоже... я тоже справлюсь.

Герлоф со свистом вдохнул, прокашлялся и посмотрел на нее.

– Значит, сила в тебе есть?

– Конечно. – Юлия улыбнулась, хотя не очень поняла, что он имеет в виду. – Я даже не предполагала, что столько. Я оказалась куда сильнее, чем думала.

– И я много думал, – прошелестел Герлоф. – Конечно, полной уверенности нет, но мне кажется... мне кажется, я теперь знаю, как все было.

Юлия уставилась на отца.

– Все?

– Все. Хочешь знать, что случилось с Йенсом?

Юлия замерла.

– Ты и это знаешь? Юнгер тебе рассказал?

– Он много чего говорил... Но не все, думаю. Не все... кое о чем я просто догадался. Но счастливого конца не будет. Что ж... конец – это конец. Какой есть. Хочешь знать?

Юлия стиснула зубы и кивнула.

– Рассказывай.

– Помнишь, я говорил... еще когда ты приехала? Что убийца захочет посмотреть на сандалик Йенса?

Она молча кивнула.

– Но он так и не появился...

Он посмотрел в окно – солнце уже наполовину скрылось за домами. Ему страстно захотелось вернуться в детство, слушать страшные истории в полумраке комнаты... слушать, а не рассказывать. Рассказывать – совсем другое дело.

– Не появился... А я думаю, все же появился. Убийца приходил к нам, только мы его не видели.

Эланд, сентябрь 1972

Гуннар медленно поднимает тяжелый лом и оглядывается. Хочет, наверное, убедиться, что вокруг нет случайных свидетелей, что никто не увидит, что произошло в альваре. Вернее, еще не произошло, но произойдет.

– Ты же не можешь идти домой, Нильс... как ты можешь идти домой? Ты же похоронен в Марнесе.

– Опusti лом.

В альваре стоит неправдоподобная тишина, все звуки будто притаились в густом тумане.

– Сначала ты. Опusti лопату.

Нильс отрицательно мотает головой и оглядывается. Тот, второй, лежит на земле, зажав рану на лбу. Опасности не представляет.

Другое дело – Гуннар. Но этот, по всем признакам, не собирается на него нападать. Он стоит с таким видом, словно вслушивается в какие-то ему одному слышные звуки.

– О'кей, – говорит он и бросает лом на траву.

– Так-то лучше. – Нильс опускает лопату, не спуская глаз с Гуннара. – А теперь я иду в...

И внезапно он тоже слышит. Нарастающий звук автомобильного мотора.

– У нас гости, – тихо говорит Гуннар. Похоже, он совсем не удивлен.

Проходит несколько минут, и в тумане возникает тень, с каждой секундой обретающая очертания и увеличивающаяся. Коричневый новый «вольво» останавливается рядом с машиной Гуннара.

Водитель намного моложе Нильса, он его, скорее всего, никогда не видел, а если и видел, тот был совсем мальчонкой. Видел, не видел... какая разница – на нем полицейская форма, а на поясе кобура с пистолетом. Он захлопывает дверцу, поправляет форму и неторопливо подходит, не сводя глаз с Нильса.

– Мы никогда не встречались, – говорит полицейский, – но я о тебе много думал.

Нильс смотрит на него с открытым ртом.

– Ты убил моего отца.

– Это Леннарт, Нильс, – ласково произносит Гуннар. – Леннарт Хенриксон. Ты же помнишь его папу? Он был уполномоченным в Марнесе... вы же встречались. Курт Хенриксон. Ты не можешь не

помнить! В поезде на Боргхольм...

Сын марнесского уполномоченного.

Только сейчас Нильс сообразил, что задумал Гуннар. Он сделал шаг назад, повернулся и бросился бежать в туман.

– Стой!

Как же... Ловушка чуть не захлопнулась, но он оказался проворней, чем они думали.

Он уже не молод, бежать тяжело, но это же его дом, его альвар. Он бежит, пригнув голову, в любую секунду ожидая выстрела... бежит, и память подсказывает ему: еще немножко, Нильс, еще немножко... Здесь где-то густой можжевельниковый кустарник, там можно спрятаться.

За спиной прогремел выстрел, но он уже успел забежать за ближайший куст.

Какие-то крики за спиной... не ожидали, сволочи?

Он делает секундную передышку – сумасшедший бросок дался ему нелегко, – после чего продолжает бег, теперь уже более спокойно, ровным широким шагом.

Ведет ли эта дорога в поселок? Похоже, да. Он бежит домой. К матери. И пусть кто-то попробует его остановить.

А это еще кто? В тумане колыхается человеческая фигура. Маленькая, но Нильс хорошо знает, как искажает перспективу туман. Нет... не искажает. Хрупкий мальчонка лет пяти, самое большее шести. В коротких штанишках и маленьких сандаликах. Он нерешительно и с любопытством смотрит на Нильса. Смотрит без страха, хотя ему наверняка не раз повторяли: остерегайся незнакомых!

Ему и вправду нечего бояться. Нильс Кант ребенка пальцем не тронет. Нильс никогда не нападал, только оборонялся. Ведь он и в самом деле пытался спасти своего братишку Акселя, когда тот тонул, – просто немного опоздал. Он никогда в жизни ничего плохого детям не делал.

– Привет, – тихо говорит Нильс, стараясь успокоить дыхание.

Мальчик не отвечает.

Нильс быстро оглядывается и снова смотрит на мальчика.

– Ты сам сюда пришел?

Мальчик молча кивает.

– Заблудился?

– Похоже, да...

– Ничего страшного... Здесь, в альваре, я найду все что хочешь. С закрытыми глазами. – Он шагнул к мальчику. – Как тебя зовут?

– Йенс.

– А дальше?

– Йенс Давидссон.

– Вот и хорошо... а меня зовут Нильс.

– А дальше? – Мальчику понравилась игра.

Нильс коротко рассмеялся.

– Меня зовут Нильс Кант.

Мальчик не двигается с места. От огромного мира осталась только трава, пара серых, утонувших в земле валунов и силуэты кустов можжевельника – ничего больше в тумане не различить. Ему, понятно, не по себе, но он храбрится, и Нильсу хочется его успокоить.

– Ничего страшного, – говорит он.

Надо отвести мальчонку домой, в поселок, а потом идти прямой дорогой к матери. И в эту секунду сквозь марево прорвался нарастающий звук мотора. Где? Справа? Слева?

Слишком поздно. Коричневый «вольво» несется прямо на них, огибая кусты можжевельника.

Радиатор кажется Нильсу нереально широким... он инстинктивно прижимает к себе мальчика.

И все исчезает. Холодный, беззвучный мрак.

Нет... не беззвучный. Он слышит знакомый голос:

– Ну что? Порядок?

– Да... я его вижу.

Нильс лежит на спине, раскинув руки. Нога подогнута под неестественным, почти прямым углом, но боли он не чувствует. С трудом открывает глаза и видит, как из машины выходит полицейский, на ходу доставая пистолет из кобуры.

С другой стороны появляется Гуннар. Он стоит у машины, не закрыв дверцу, и словно любуется происходящим.

Полицейский подходит к нему и останавливается.

Молчит и смотрит.

А где же мальчик? Где Йенс?

Исчез в тумане. Наверное, исчез. Почему-то сейчас для Нильса это самое главное – чтобы мальчик исчез, убежал домой, в поселок... у него такие крошечные сандалики. Он наверняка быстро бегаёт. И он мог бы побежать за ним, побежать домой, но не может пошевелиться. Наверное, нога сломана.

– Конец, – хрипло произносит он.

Конец, мама. Все кончается там же, где и началось. В альваре.

Внезапно он чувствует тяжкую, парализующую усталость. Можно было

бы доползти до дома, но он слишком устал.

Тихо, из ниоткуда, появляются тени.

Отец... младший брат Аксель. Два немецких солдата. Уполномоченный Хенриксон. Шведский моряк... все давно мертвы.

Молодой полицейский согласно кивает.

– Да, Нильс Кант. Ты прав. Это конец.

Он снимает пистолет с предохранителя, целится Нильсу в голову и спускает курок.

38

Герлоф рассказывал историю гибели Нильса Канта.

Юлии пришлось наклониться к нему очень близко, чтобы расслышать еле слышный шепот, прерываемый приступами кашля.

А теперь она неподвижно сидела на краю кровати, уставившись в какую-то неизвестную точку в пространстве.

– И это все... так и было? – спросила она после долгого молчания. – Именно так, как ты рассказал? Ты уверен?

Герлоф медленно кивнул:

– Уверен.

– Почему ты так уверен? Откуда эта уверенность?

– Юнгер кое-что сказал... был уверен, что я замерзну, и болтал все подряд. Ждал, когда я кончусь... И он обмолвился: дело, мол, не только в том, чтобы выманить деньги и владения у Веры Кант. Он сказал – да, конечно, земля, деньги... но и месть. Но... какая месть? За что? И кто хочет отомстить? Я лежал здесь и размышлял... знаешь, только у одного-единственного человека были причины мстить Нильсу Канту.

– Нет, – только и вымолвила Юлия.

– Зачем вообще было привозить сюда Нильса Канта? – продолжал шелестеть Герлоф. – Юнгеру-то вовсе ни к чему. Для него Нильс был куда полезнее в Америке... Никакой опасности, и можно спокойно продолжать доить Веру Кант. Немецкие трофеи – мелочь в сравнении с тем, что он получал от Веры. – Он перевел дыхание и помолчал. – Но некто очень хотел выманить сюда Нильса, дать ему вернуться домой, вернее... почти вернуться – и казнить.

– Нет, – повторила Юлия, но уже без прежней уверенности.

– И этот некто помог Мартину Мальму и Гуннару Юнгеру привезти сюда гроб... мало того, этот некто присутствовал при вскрытии гроба и удостоверил – да, в гробу Нильс Кант, и никто иной. Молодой, подающий

надежды, честный полицейский...

Герлоф с трудом повернул голову и замолчал.

Юлия проследила его взгляд.

В дверях стоял Леннарт.

– Как я и думал, – сказал он. – Шеф звонил... с расследованием в Марнесе они закончили, так что я могу...

Он посмотрел на них.

– Что вы на меня так смотрите? Что-нибудь случилось?

– Мы говорили... про сандалик, Леннарт, – сказал Герлоф. – Сандалик Йенса.

– Сандалик?

– Тот, что ты у меня взял... если помнишь. Пришел какой-нибудь ответ из этой твоей центральной лаборатории? Нашли что-нибудь? Какие-нибудь следы?

– Нет, – сказал Леннарт после небольшой паузы. – Ничего не нашли. Никаких следов.

– Но вы его туда послали? – спросила Юлия, не отводя от Леннарта глаз.

– Послал? – повторил вопрос Герлоф. – Может, они его не получили? Можно послать запрос...

– Не знаю... может, и не получили.

Леннарт смотрел только на Герлофа.

В его взгляде не было ни злости, ни раздражения – вообще никаких чувств. Он заметно побледнел, встал за стулом и положил руки на спинку.

– Я хочу спросить одну вещь, Леннарт... – сказал Герлоф. – Когда ты впервые повстречался с Гуннаром Юнгером? Или как там его – Юханссоном?

– Не помню... – Леннарт внимательно рассматривал свои руки.

– Совсем не помнишь?

– Наверное, году в шестьдесят первом или шестьдесят втором, – тихо, без выражения сказал Леннарт. – Я тогда только начинал в Марнесе. У него взломали ресторан в Лонгвике, и я поехал составить протокол и оформить заявление. Разговорились...

– О Нильсе Канте?

Леннарт кивнул. За все время он ни разу не глянул на Юлию.

– И о Нильсе Канте в том числе. Юнгер знал... выведал каким-то образом, что я сын убитого Кантом уполномоченного. Через несколько недель он позвонил, попросил приехать... спросил, хочу ли я найти Канта и выманить его сюда, чтобы отомстить за отца... Говорит – тебя

интересует такой расклад?

Леннарт замолчал.

– И что ты ответил? – прошептал Герлоф.

– Да. Я сказал – да. Интересует. Я помогу ему, он поможет мне. Это было как бы... деловое соглашение.

Герлоф прикрыл глаза и откинул голову на подушку.

– И вся эта история закончилась несколько дней назад? В марнесском отделе полиции? Ты испугался, что он начнет говорить... И кто, собственно, стрелял, Леннарт? Кто держал пистолет... тот, из которого был застрелен Гуннар Юнгер?

Леннарт по-прежнему изучал свои руки.

– Какое это теперь имеет значение? – еле слышно произнес он.

– Деловое соглашение... – тихо сказала Юлия и посмотрела в окно.

Над городом сгущались сумерки.

Она думала о Мартине Мальме и его океанском сухогрузе.

О Гуннаре Юнгере, ограбившем Веру Кант.

И о Леннарте Хенриксоне. Леннарт, в которого она влюбилась... или думала, что влюбилась... Леннарт Хенриксон... он все же отомстил Нильсу Канту за отца.

И за все это заплатил жизнью ее сын.

– Я же говорю – деловое соглашение, – пробормотал Леннарт. – Я помогаю кое в чем Мальму и Юнгеру, они помогают мне.

– Значит, в тот день... вы встретились в тумане? В альваре?

– Гуннар утром позвонил мне и рассказал, что они будут ждать меня у памятного кургана. Но я немного задержался, а когда наконец приехал, там уже все пошло наперекосяк. Мартин валялся на земле, весь в крови – Нильс почуял недоброе и саданул его лопатой по лбу. Между прочим, первое кровоизлияние в мозг у него произошло буквально через несколько дней.

– А Йенс? – тихо спросила Юлия.

– Несчастный случай. Я его не видел... – хрипло сказал Леннарт, не глядя на нее. – Уже Нильс Кант был мертв, и только тогда... только тогда я увидел тельце под машиной. Когда я сбил Канта, он стоял с ним рядом... но я его не видел.

Он замолчал. Тягостное молчание продолжалось минуты две.

– И где вы его похоронили? – спросил Герлоф.

– На кладбище. В могиле Канта... – Леннарт говорил, как человек, которому против воли мерещатся детали кошмарного сна. – Мы в темноте погрузили тела Канта... и мальчика в машину. Повесили колокольчик на

калитку кладбища – на тот случай, если кому-то вздумается прийти. Сняли дерн и стали копать... Землю выбрасывали на брезент... Копали и копали – всю ночь. Мальм, Юнгер и я. Это было так жутко... – Голос его внезапно дрогнул.

Юлия зажмурилась.

У каменной ограды, подумала она. Йенса похоронили у каменной ограды марнесского кладбища. И убил его человек, сжигаемый ненавистью... задыхающийся от ненависти – именно так сказал тогда предсказатель Ламберт Нильссон.

Она набрала в легкие воздуха.

– Но еще до того, как вы его похоронили... – сказала Юлия с закрытыми глазами, – еще *до того*... вы приехали в Стенвик и приняли участие в поисках. Мало того – вы руководили поисками убитого вами мальчика... моего сына. Но вы не искали... вы рыскали по альвару и заматали следы.

Леннарт молча кивнул.

– Если вы думаете, что это было легко, Юлия... Если вы думаете, что мне было легко... И сейчас, осенью, когда вы приехали, я очень хотел помочь. Очень! Я пытался... и сам забыть этот кошмар двадцатилетней давности, и вам помочь его забыть. – Он замолчал, потом очень тихо добавил: – Думал, что получится.

– Значит, теперь Нильс Кант лежит в своей могиле, – задумчиво сказал Герлоф.

Леннарт посмотрел на него.

– Герлоф... я много лет не виделся с Юнгером и понятия не имел, что он что-то против тебя замышляет.

Он отпустил спинку стула и медленно пошел к выходу. На лице его не отражалось никаких чувств, кроме смертельной, неизлечимой усталости – как и тогда, у каменоломни, когда Юлия увидела его в первый раз.

У двери он обернулся:

– Могу только сказать... застрелить Юнгера... в этом была хоть какая-то доля справедливости. А мечь Канту отравила всю мою жизнь... – И ушел.

Герлоф вздохнул и посмотрел на дочь.

– Мне очень жаль, Юлия, – прошептал он. – Очень и очень жаль.

И вдруг ей показалось, что она видит Йенса.

Он наверняка стал бы похожим на деда. Большие, печальные глаза, напряженные морщинки на широком лбу, мудрый, понимающий взгляд человека, повидавшего на своем веку все – и радость мира, и его

необъяснимую, изощренную жестокость.

– Я так люблю тебя, папа!

Она взяла обеими руками бессильную кисть отца и долго, долго не отпускала.

Эпилог

Первый по-настоящему весенний день – солнце, теплынь, щебетание птиц, алый атлас тюльпанов, небо, как гигантский голубой парус над Эландом. В такие дни кажется, что вся жизнь впереди, что тебя опять ждут новые, прекрасные возможности – и совершенно неважно, сколько тебе лет.

Репортер местной газеты Бенгт Ньюберг всегда считал, что на Эланде допущена ошибка: новый год на острове начинается весной, именно тогда, когда ей, весне, вздумается всерьез взяться за свои весенние дела. В такие дни, как сегодня, он старался все время быть на воздухе.

У него накопилась куча переработок. Можно было бы взять несколько свободных дней, бродить по альвару, слушать беззаботное щелканье соловьев, смотреть, как чуть не на глазах съеживаются огромные лужи талой воды... но в этот день, именно в этот день он должен работать.

Он поднял глаза к небу и зажмурился. Так бы и простоять весь день... Посмотрел на марнесскую церковь за каменной оградой.

Зимой, когда вскрывали могилу, собралось множество зевак – никто никого не приглашал, но в газетах промелькнуло слово «эксгумация», и новость распространилась в городке со скоростью лесного пожара. Даже пришлось установить оцепление.

А сегодня, в этот четверг, на похороны пришли всего несколько человек, но даже и их пастор попросил остаться за стеной.

Кроме Бенгта, был только один репортер. Его зачем-то прислали из Боргхольма, хотя Бенгт туда звонил и заверил, что с фоторепортажем справится сам. Но событие неординарное, материал вполне можно продать в центральные газеты, и они, видимо, решили, что Бенгт с его устаревшей фотокамерой и небрежными снимками вряд ли потянет.

Фотограф – совсем мальчишка, наверное, только что начал, и зовут его Йенс – так же как убитого мальчика. Амбициозный паренек, наверняка рассматривает свою работу как первые шаги в карьере, которая несомненно достигнет своего апогея через несколько лет, в одной из гигантских стокгольмских вечеров. Амбициозный, но скучный до зевоты. В те редкие моменты, когда он не возился со своей камерой, он говорил только об эстрадных знаменитостях, которых мог бы исподтишка сфотографировать в интимных ситуациях, и о том, как заработать деньги на бегах. Ни то ни другое Бенгта совершенно не интересовало.

Этот парень к тому же был на редкость непоседлив. С той самой

секунды, как ему показали место за оградой, он начал бегать кругами, выискивая наиболее эффектные ракурсы.

– Думаю, можно попробовать туда проникнуть, – заговорщически шепнул он Бенгту. – Если пройти вдоль стены, а потом...

– Стой, где стоишь. – Бенгт даже головы не повернул. – Отсюда все видно.

Через несколько минут из церкви появилась процессия. Сочно и непрерывно зачмокал навороченный «Никон» Йенса.

По выложенной каменными плитами дорожке сразу за пастором шли Юлия Давидссон, мама, и Герлоф, дед покойного. Оба в черном. За ними – высокий мужчина лет пятидесяти в черном плаще.

– А это кто, за матерью? – шепнул Йенс, опустив на секунду аппарат.

– Отец ребенка.

Герлоф поддерживал Юлию... Нет, скорее наоборот – Юлия поддерживала Герлофа. Так они, рука об руку, дошли до могилы, так и стояли, пока гроб опускали в землю. Герлоф опустил голову, Юлия кинула в могилу розу.

Печальный финал, подумал Бенгт, но все же лучше так, чем было... столько жутких событий всего-то за полгода. Гибель Эрнста Адольфссона в каменоломне, смерть Гуннара Юнгера в отделе полиции в Марнесе... И найденный в его сейфе в Лонгвике маленький детский сандалик – пара к тому, что Мартин Мальм в припадке раскаяния послал Герлофу.

Преступление уже считалось раскрытым, но неожиданно для всех Леннарт Хенриксон потребовал провести криминологическую экспертизу гибели Гуннара Юнгера. В результате ему, Леннарту, предъявили обвинение в убийстве Нильса Канта, Гуннара Юнгера и непреднамеренном убийстве Йенса Давидссона.

Бенгт опять вспомнил тот промозглый зимний день, когда проводилась эксгумация. Над могилой поставили куполообразную палатку, что-то вроде маленькой церковки рядом с большой марнесской. Полицейские работали долго и тщательно, иногда только забегали погреться в притвор.

В гробу, помимо Нильса Канта, лежали останки еще одного человека, шведского гражданина, проведшего долгое время в Латинской Америке. Имя его установить так и не удалось.

И наконец, в маленьком углублении под гробом нашли останки ребенка.

На этом можно было поставить точку и закрыть дело о пропаже Йенса Давидссона.

В тот раз в Марнес приехали представители и вечерних газет, и радио, и

телевидения. Местные репортеры оказались в центре событий, но Бенгту оказалось очень трудно удерживать профессиональную дистанцию. Он писал репортажи с тяжелым сердцем. Много лет он был хорошо знаком, даже дружен с Леннартом Хенрикссоном, и особых поводов для радости у него не было.

После короткой церемонии у могилы Герлоф и Юлия медленно двинулись назад к церкви. За ними, в нескольких метрах позади, следовал Микаель.

Насколько Бенгту было видно, Юлия и Герлоф не обменялись ни единым словом во время церемонии. Но и без слов было видно, как близки они друг другу... настолько, насколько могут быть близки самые родные, самые незаменимые люди. И он даже немного позавидовал.

– Вроде все, – сказал фотограф и опустил камеру. – Или как?

– Или как, – подтвердил Бенгт. – Теперь по домам.

В предусмотрительно вытащенном из кармана блокноте он не сделал ни единой пометки. А что писать? И в газете... пусть появится снимок, короткая пояснительная надпись – кто, что... и все. Больше ничего не надо.

Несколько слов, этого достаточно. Но если его кто-нибудь спросит, как прошли похороны маленького мальчика... он скажет: светло, достойно, в мире и любви... таким и должен быть конец затянувшейся мрачной истории – из тех, что когда-то, экономя керосин, рассказывали детям в сумерках.

Благодарность автора

Главные события романа происходят в середине девяностых годов на красивом острове Эланд – но автор должен признаться, что тот Эланд, который читатель видит в романе, существует в какой-то степени только в его, автора, воображении. Ни герои, ни предприятия, названные в романе, не имеют прототипов в реальной жизни. Выдуманы также некоторые населенные пункты.

Я несказанно благодарен моему деду, капитану Эллерту Герлофссону, и его брату, парикмахеру и ныряльщику Эгону Герлофссону, за рассказы и воспоминания об их богатой событиями жизни. Капитан Стеллан Юханссон в Богуслене, журналист Кристиан Ведель и адвокат Ларс Оскарссон оказали мне огромную помощь в освещении исторических фактов.

И не только они – многие мои друзья очень помогали мне в процессе написания романа. Автор благодарен Кайсе Асклёв, Монике Бенгтссон, Виктории Хаммар и Петеру Нильссону в писательской группе «Литтер»; Якобу Бек-Фрильсу, Никласу Экстрёму, Каролине Карлссон, Рикарду Хедлунду, Матсу Ларссону, Карлосу Ольгину, Катарине Оскарссон, Микаэлю Севхольту, Калле Ульвстигу и Андерсу Вейдеманну, моим родственникам Лассе и Эве Бьорк в Кальмаре, Хансу и Биргитте Герлофссон в Ферьестаде, а также Гунилле и Пер-Улуфу Рюландер в Боргхольме.

Отдельную благодарность автор приносит замечательным редакторам, прежде всего Рихарду Бергхорну из журнала «Минотавр» и Кенту Бьорнссону из издательства «Шахта». Они помогли мне со всеми написанными произведениями, а этим занималась Лотта Аквилониус в издательстве «Вальстрём и Видстранд».

Трудно переоценить заслуги моей мамы, Маргот Теорин, – она снабдила меня старыми и новыми книгами об Эланде и заботливо сохраненными ею газетными вырезками.

И наконец – сердечная благодарность Хелене и Кларе, они терпеливо выносили странное поведение автора, пока он писал этот роман.

Юхан Теорин

Примечания

1

Лайба – грузовое двухмачтовое парусное судно (парусная баржа) водоизмещением от 40 до 400 тонн. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Книга Притчей Соломоновых, 16: 32.

3

Нор (*Nore*) – песчаная отмель в устье Темзы.

4

Стенвик (*шв.* – *Stenvik*) – каменный (каменистый) залив.

5

Пожалуйста, не стреляйте (*нем.*).

6

Мы хотим добраться до Англии. Мы хотим свободы (*нем.*).

7

Легким считается пиво с содержанием алкоголя не более 1,5 %.

8

Рим, 14:10.

9

Систембулагет (*шв.* – *Systembolaget*, чаще говорят просто «Системет») – сеть магазинов в Швеции, имеющая монополию на продажу алкогольных

напитков. Вино, крепкие напитки и пиво с содержанием алкоголя выше 3,5 % продаются только там.

10

Снюс – популярный в Швеции вид жевательного табака.

11

Имеется в виду знаменитый фильм «Психо» А. Хичкока. Главный герой, застенчивый интеллигентный юноша, страдает раздвоением личности и временами воображает себя своей собственной, давно умершей матерью.

12

Моррис (*MG, Morris Garage*) – старейшая английская автомобильная фирма, специализирующаяся на производстве двухместных спортивных кабриолетов в стиле «ретро».

13

Glock – австрийский пистолет, до сих пор состоящий на вооружении армии и полиции в некоторых европейских странах.

14

Герой популярного комикса.

15

Дан Андерссон (1888–1920) – шведский писатель, поэт и композитор. Умер в результате нелепой случайности – номер стокгольмской гостиницы, где он жил, накануне обработали синильной кислотой и плохо вымыли.

16

Таубе Эверт (1890–1976) – шведский бард, пользовавшийся (и пользующийся) огромной популярностью.